

ОН ДАЛ НАМ ПРООБРАЗЫ

Ричард Пратт

© 1990 by Richard L. Pratt, Jr.

© Русское издание. Христианское библейское братство св. апостола Павла, 2000

Украина, 02192, Киев-192, а/я 78

Тел./факс: (044) 516-8487

E-mail: ruth@vara.kiev.ua

Перевод: Алексей Фищенко

Редактор: Тамара Воловенко

Дизайн и верстка: Дмитрий Вовк

ISBN 966-95439-4-0

ISBN 5-88029-028-X

Содержание

Три этапа толкования

- Подготовка
- Исследование
- Применение
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

Часть I: Подготовка к толкованию ветхозаветных историй

1: Ориентация на подготовку

- Субъективная модель
- Объективная модель
- Модель «диалога с авторитетом»
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

2: Влияние христианской жизни

- Освящение
- Дарования
- Призвание
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

3: Влияние взаимодействия

- Взаимоотношения в обществе
- Динамика христианского взаимодействия
- Толкование и богословие
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

4: Влияние экзегетики

- Тематический анализ
- Исторический анализ
- Буквальный анализ
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

Часть II: Исследование ветхозаветных историй

5: Ориентация на исследование

- Цель исследования
- Этапы исследования
- Заключение
- Вопросы
- Упражнения

6: Личности в ветхозаветных историях

Представление личности
Средства описания героя
Цель описания личности
Заключение
Вопросы
Упражнения

7: Описание сцены

Разделение сцен
Пространство и время в сценах
Образность в сценах
Заключение
Вопросы
Упражнения

8: Структура отдельных эпизодов

Виды драматического хода
Симметрия драматического решения
Типичные образцы драматического решения
Заключение
Вопросы
Упражнения

9: Структуры больших историй

Хронология и тематика
Типичные построения
Заключение
Вопросы
Упражнения

10: Писатели и читатели

Определение автора и читателей
Выявление намерений писателя
Заключение
Вопросы
Упражнения

11: Описание авторских намерений

Наблюдения
Предвидения
Применение
Заключение
Вопросы
Упражнения

12: Обзор ветхозаветных историй

История Моисея
История Второзакония
История Паралипоменон
Другие книги
Заключение
Вопросы
Упражнения

Часть III: Применение ветхозаветных историй

13: Ориентация на применение

Цель применения

Процесс применения

Заключение

Вопросы

Упражнения

14: От века до века

Эпохи искупительной истории

Ветхозаветные истории и Христос

Христианская теократия

Заключение

Вопросы

Упражнения

15: Из культуры в культуру

Оценка различий в культурах

Культура в Ветхом и Новом Заветах

Применение к современной культуре

Заключение

Вопросы

Упражнения

16: От людей к людям

Препятствия в личном применении

Процесс личного применения

Уровни личного применения

Заключение

Вопросы

Упражнения

Об авторе

Предисловие

Когда мы с женой решили, что я должен стремиться к высокому уровню богословских исследований, перед нами возник трудный выбор. Мои личные интересы касались в основном философии религии. Но мы ясно видели, что многие серьезные проблемы в церкви появляются из-за пренебрежения Ветхим Заветом. Будучи убеждены в этом, мы посвятили себя тому, чтобы помочь Божьему народу понимать и применять Ветхий Завет. «Он дал нам прообразы» является первым шагом для достижения нашей цели.

Эта книга сосредотачивается на толковании историй Ветхого Завета. За последние годы появилось много выдающихся книг по толкованию Библии. Для чего же еще одна?

Во-первых, эта книга не является «учебником для ученых». Даже некоторые наилучшие толкования Библии носят несколько технический характер для распространенного использования. Моя работа предназначена для людей, которые только начинают теологические изучения. Я собрал в ней немного знаний о Ветхом Завете, теологии и толковании. Я также избегал сложных понятий ради неопытных читателей.

Во-вторых, эта книга конкретно рассматривает ветхозаветные прообразы. Многие справочники для понимания Писаний рассматривают всю Библию в общих чертах и пренебрегают уникальностью каждой отдельной истории Ветхого Завета. Методы, описанные в этой книге, применимы ко всеобщему толкованию Библии, но по большей части я сосредотачивался на конкретных особенностях ветхозаветных рассказов.

В-третьих, эта книга зиждется на основаниях ортодоксальной протестантской теологии. Но, насколько я знаю, ни одно из мнений, изложенных в этой работе, не противоречит взглядам евангельской теологии. Более того, традиционные протестантские доктринальные формулы часто упоминаются в этой книге. Последние годы я особенно обеспокоен тем, что евангельские библейские ученые часто не согласовывают свои исследования Библии с традиционной систематической теологией. По этой причине я часто ссылаюсь на конфессии, символы веры, законоучения и ведущие теологические работы прошлого и настоящего.

В-четвертых, эта книга направлена на практическое применение ветхозаветных рассказов в церкви. Лидеры Церкви обязаны учить всему Слову Божьему. Но, к сожалению, очень немногие из них умеют анализировать, изъяснять и применять истории Ветхого Завета в своей церкви. Чтобы восполнить такую нужду, эта книга предлагает руководство для подготовки, исследования и применения ветхозаветных историй в современном мире.

Эта работа представляет собой нечто большее, чем всего лишь введение в толкование Ветхого Завета. Бесчисленные вопросы были оставлены для самостоятельного исследования читателем. Последующие главы представляют результаты моих собственных трудов по толкованию Ветхого Завета. Эта книга является итогом ненасытных научных поисков последнего десятилетия. Но более того, это результаты духовной жажды, появившейся во мне с тех пор, как я познал милость Божью во Христе и понял, что в Ветхом Завете Он дал нам множество прообразов.

Ричард Л. Прайт

Реформированная
Теологическая Семинария
Орландо, Флорида
31 декабря 1989 г.

Признательность

Ряд друзей заслуживает особенной благодарности за помощь в этой работе. Как обычно, моя жена Джина, перечитывала текст и подсказала много полезных тем. Я также признателен Джону Фаррару и Джейн Шеппард, чьи энтузиазм и финансовая поддержка сделали этот проект реальным, благодарен моему коллеге Кноку Чамблину, который прочел книгу и помог мне закончить ее. Йон Бальсерак, Грег Перри, Джени Пиллоу, Джери Роббинс, Тим Стюарт и Джон Ван Дайк оказали мне безграничную поддержку, будучи моими ассистентами в исследованиях. И, наконец, я должен поблагодарить моих студентов Реформированной Теологической Семинарии, дискуссии с которыми на протяжении многих лет внесли значительный вклад в этот материал.

Огромное спасибо, друзья. Эта книга принадлежит всем нам.

Введение

Три этапа толкования

Несколько лет назад мне посчастливилось участвовать в археологическом проекте. Мой профессор потратил месяцы на раскопку древних глиняных черепков и инструментов, которые он очень внимательно записывал в каталоги и отправлял в Соединенные Штаты. Спустя год, экземпляры прибыли в музей, где я и другие студенты помогали складывать воедино части остатков древней культуры.

Многое потребовалось для успешного завершения этих раскопок. Команда была заранее подготовлена, и все было спланировано до мелочей. Но тяжелая работа только начиналась. Команда неделями работала под палящим солнцем, копаясь в песке и грязи, внимательно следя за тем, чтобы не пропустить ни малейшего предмета. Сами раскопки были напряженными, но не менее трудной была перевозка находок домой. Таможенные инспекторы проверяли все ящики, к тому же и сами средства перевозки казались не очень надежными.

Но один урок наша группа целеустремленных археологов усвоила хорошо: чтобы раскопки прошли успешно, нужно тщательно к ним подготовиться, усердно работать на месте и доставить находки домой. Если пренебречь хотя бы одним из этих этапов, проект не будет завершен.

В этой книге мы собираемся «проводить раскопки» в древних текстах ветхозаветных рассказов. Мы подготовимся к нашей работе, исследуем Ветхий Завет в связи с историей древнего мира и постараемся применить наши находки к современной жизни. Если мы пропустим один из этих шагов, наша работа с ветхозаветными историями не будет завершена.

Для достижения нашей цели нам понадобится обратить внимание на герменевтику — науку о толковании Библии. Мы поговорим о трех основных аспектах толкования ветхозаветных историй: подготовка, исследование и применение (см. рис. 1).

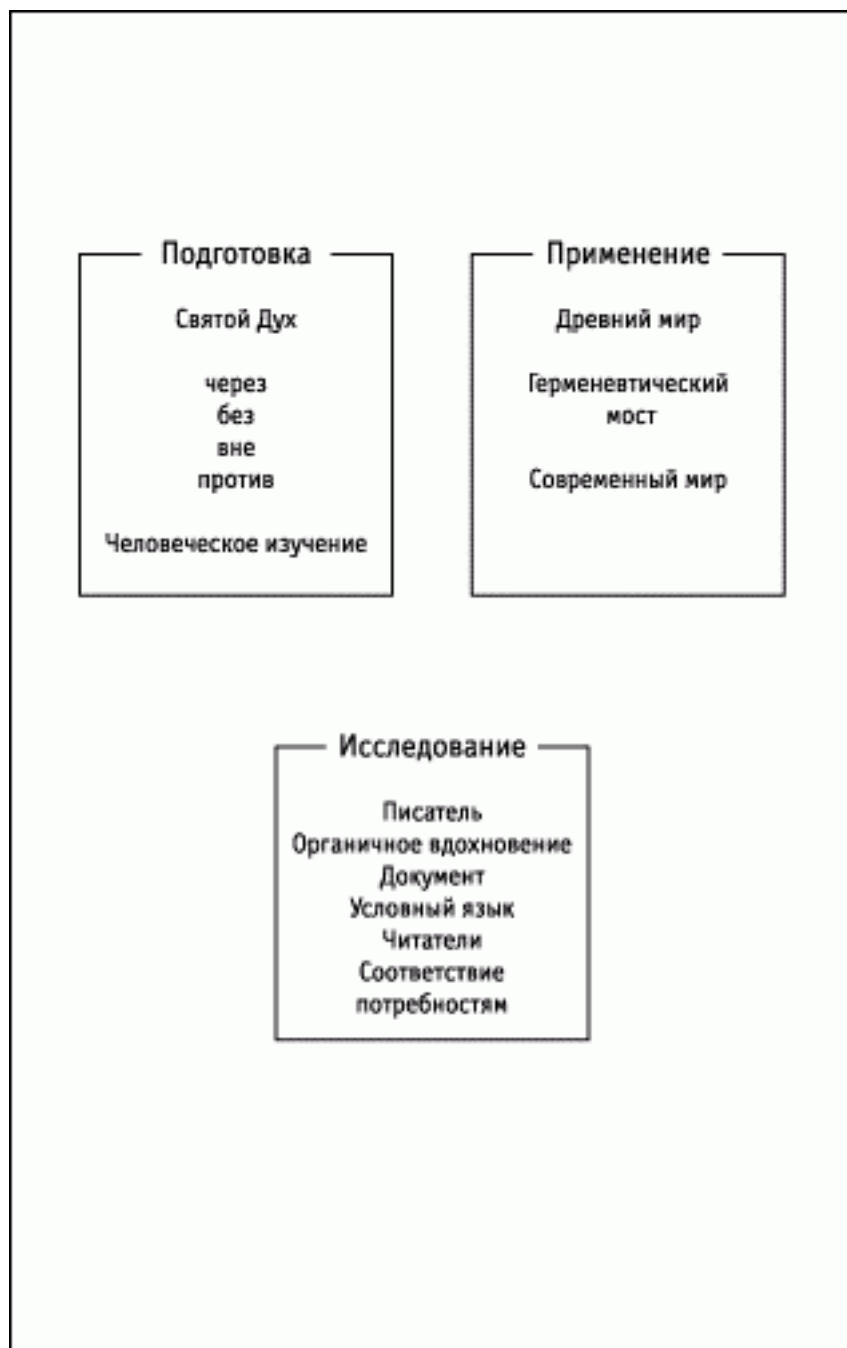

Рис. 1: Три процесса толкования

Эти процессы неразрывно связаны между собой; они полностью зависят друг от друга. Но каждый из них в отдельности является существенным этапом для понимания историй Ветхого Завета. В этой главе мы рассмотрим несколько главных вопросов каждого этапа.

Подготовка

Первым герменевтическим этапом является подготовка к толкованию ветхозаветных историй. Когда мы обращаемся к этой теме, у нас сразу возникает множество вопросов, но самым фундаментальным из них является вопрос правильного понимания связи между человеческим изучением и откровением Святого Духа.

У меня есть друг, который построил дачу в горах Вермонта. Надеюсь закончить постройку в течение двухнедельного отпуска, он загрузил свой грузовичок досками, взяв с собой электропилу, дрель и множество других электроинструментов, значительно

облегчающих работу. Однако, приехав на свою стройку, он обнаружил, что в доме нет электричества. Без электрического тока он не мог работать; его прекрасные инструменты оказались бесполезными, и ему ничего не оставалось делать, кроме как все время рыбачить.

Готовясь к чтению Ветхого Завета, мы должны усвоить, что для понимания его историй необходимы инструменты и сила. Если не будет силы, все наши инструменты окажутся ненужными. Точно так же, от силы очень мало пользы, если нет инструментов.

Что же представляют собой инструменты герменевтики? И в чем заключается сила? Наши инструменты — это совокупность человеческого знания и навыков, которыми мы пользуемся при толковании. Сила же является работой нашего божественного Учителя, Святого Духа. К сожалению, мы часто забываем, что для изъяснения ветхозаветных историй нам нужны, как человеческие инструменты, так и божественная сила. Мы склонны чрезмерно полагаться на что-нибудь одно.

Чрезмерные требования к Духу

Некоторые христиане обычно придают чрезмерное значение служению Святого Духа и пренебрегают тщательным изучением. Они часто ссылаются на слова Павла: «Так и Божьего никто не знает кроме Духа Божия» (1Кор.2:11). Святой Дух является нашим Учителем, поэтому эти верующие стараются во всем искать исключительно духовного водительства.

Я помню, как однажды разговаривал с другом, который проводил библейский урок и объяснял значение лестницы Иакова (Быт.28:10–22). Большинство его комментариев были очень назидательны, но в одном месте он отметил, что лестница Иакова символизировала «нашу возможность приближаться к Богу через свое усердие». После занятия я сказал ему, что более внимательное чтение этого места не привело бы к такому заключению. «Лестница была символом Божьей благодати,— утверждал я, — Ангелы, а не Иаков, спускались и поднимались по ней». Этот момент казался мне очень явным, поэтому я удивился, когда он начал спорить.

«Нет,— настаивал он, — Святой Дух показал мне значение этого места и для меня этого достаточно!» При таком подходе, никакие другие толкования не могли бы изменить его мнения. Он отвергал внимательное изучение ради того, что, по его мнению, было духовным просвещением.

Не каждый является сторонником таких крайностей, но многие неопытные люди не видят большой надобности в теоретическом изучении Библии. «Понимание Писаний — это духовный вопрос,— говорят они,— если полагаться на Дух, нам не нужно будет формальное изучение». Что заставляет христиан принимать такую точку зрения? Почему они отрицают важность серьезной подготовки к толкованию? Одной из основных причин такой тенденции является неправильное понимание работы Духа в просвещении и вдохновении.

Вдохновение. Многие христиане считают, что богодухновенность Писаний исключает необходимость человеческого исследования. Дух является автором откровения (Ис.61:1–4) и источником вдохновения (1Кор.2:9–10; 2Тим.3:16). В Своей мудрости Дух Святой так вдохновил ветхозаветные истории, что многое можно понять, просто читая их; они доступны ученым и невеждам. Центральная весть о спасении ясна и проста; ее можно увидеть и без особых усилий. Ясность распространяется также на другие учения. Например, мы ясно видим, что Саул ненавидел Давида (1Цар.18:7–12), а Руфь любила Ноемиль (Руфь 1:1–18).

Если учитывать только сторону вдохновения, не сложно предположить, что точного изучения Библии не требуется. Но Дух изложил некоторые места Писания так, что они требуют внимательного изучения. Иисус не случайно говорил многозначительными притчами (Мф.13:10–13). Петр заметил, что многое из написанного Павлом было «неудобовразумительным» (2Пет.3:15–16). Мы также видим, что многие части Ветхого Завета нелегко понять. Почему повивальные бабки были благословлены, когда они вращали фараону (Исх.1:15–21)? Как нам понимать описание творения в первых двух главах Бытия?

Как рассматривать параллельные тексты книг Царств и Паралипоменон? Таких вопросов огромное множество. Чем больше мы читаем истории Ветхого Завета, тем очевидней, что далеко не все в Писании нам одинаково ясно.

Неясности, которые Дух поместил в Писание, указывают на необходимость серьезного изучения. Несмотря на простоту многих мест Библии, Духу угодно было изложить ее отдельные части так, чтобы это побуждало нас к тщательному исследованию.

Просвещение. Некоторые верующие также отвергают человеческое изучение, потому что неверно понимают просвещение Духа. Наряду с объективным вдохновением Писания, Дух дает нам субъективное просвещение, чтобы мы могли понимать написанное. Без Его служения мы были бы оставлены в неведении и темноте. Эта работа Духа также важна для толкования. Как напоминает нам Джон Оуэн:

Надлежащее понимание воли Божьей в Писаниях... нам дает Сам Святой Дух Божий. Он производит Свою работу в умах людей, подавая им духовную мудрость, свет и разумение, необходимые для истинного постижения Божьего разума и Слова.

Относительно Слова Дух просвещает наши умы, чтобы мы правильно понимали Писание (Рим.8:14–17; 1Кор.2:10–16; 1Фес.1:5; 2:13; 1Ин.2:27; 5:7–9). Без Его просвещения все наши попытки толкования безнадежны.

Но просвещение не перечеркивает необходимости в человеческом изучении. Святой Дух — это не толковый словарь, решающий все наши проблемы интерпретации. Он не посылает нам чудесное и совершенное откровение, исключая тем самым необходимость внимательного исследования. Разных людей на разных исторических этапах Дух просвещает по-разному. Мы, грешные, ограниченные люди, которым всегда и во всем есть чему поучиться.

Итак, мы должны полагаться на Духа, вдохновившего истории Ветхого Завета и просвещающего наш разум. Тем не менее, вдохновение и просвещение Духа требует продолжительного человеческого изучения и стремления к истолкованию.

Чрезмерный упор на изучение

В то время как некоторые христиане пренебрегают серьезным изучением, библейские ученые склонны возлагать слишком много надежд на человеческие усилия. Многие из них основывают свои взгляды на словах Павла в Послании к Тимофею: «Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины» (2Тим.2:15). В этом стихе они видят призыв к накоплению арсенала знаний и навыков толкования. Но их человеческие усилия в конечном итоге незаконно захватывают место, предназначенное для поиска помощи от Духа. Такие ученые обычно рассматривают толкование, как простое человеческое занятие. Правильное понимание, по их мнению, зависит от ученых исследований, а не от Святого Духа. Они говорят, что наивные, неученые прихожане просто не могут понимать Библию правильно. Окончательное толкование принадлежит «священству интеллектуалов». Этот дух учености старается во всем заместить Святого Духа.

Такое направление просматривается так же среди ученых, которые отводят в своей теологии место для личного служения Духа, но редко прибегают к нему в своих толкованиях. Степень этого пренебрежения отражается в чрезвычайно малом количестве научных работ о Духе в герменевтике. Иногда встречаются старые работы, которые немного сосредотачиваются на Духе, но большинство современных изучений не упоминают о Нем почти никогда. Насколько я знаю, последняя работа существенного объема, рассматривающая эту проблему, была написана более трехсот лет назад Джоном Оуэном (1616–1683 гг.).

Результаты пренебрежения Духом видны повсюду. Что бы ни говорилось теоретически, на практике евангелисты зачастую рассматривают процесс герменевтической подготовки, как накопление человеческих знаний и навыков. Наша надежда на правильное понимание основывается больше на собственных способностях, чем на личном служении Святого Духа.

Почему мы отвергаем Дух? Человеческим усилиям придается больше значения, потому что мы считаем, что Дух всегда учит через напористое изучение. А.Тиселтон выражает это мнение в своем заключении: «Святой Дух работает в разуме людей; но это почти всегда происходит в процессе размышления и изучения...» Само по себе это утверждение верно, но оно придает чрезмерную важность лишь одному из многих способов, которыми Дух учит Свой народ.

Святой Дух обычно действует через человеческое изучение, поэтому мы не должны недооценивать своих усилий. Но Дух может также действовать без-, вне- и против наших попыток толкования.

Без. Все мы переживали моменты, когда Дух посылал внутреннее откровение о том или ином месте Писания даже без формального изучения с нашей стороны. И нередко такие откровения неопытных толкователей имеют больше значения, чем все изучения вместе взятые. Почему? Потому что Дух иногда учит нас, не прибегая к каким-либо научным исследованиям.

Вне. Откровения Духа также выходят за пределы человеческих усилий. Пасторы ощущают такую работу Духа в своих напряженных служениях. Им часто не хватает времени для детального изучения и исследования Писания. Однако их плохо подготовленные проповеди часто имеют в себе больше глубины, чем хорошо обдуманная и научно обоснованная. Почему? Их человеческие попытки заменяются работой Духа. Это благословение нельзя использовать в качестве оправдания пренебрежения изучением, но все равно, приятно знать, что Дух может давать нам разумение помимо того, что мы приобретаем в процессе собственного исследования.

Против. Святой Дух также работает наперекор нам, просвещая наши умы, невзирая на нашу личность. Часто, преданные и искренние христиане, стараются найти в Писании поддержку своих ошибочных предположений. Различные пристрастия затуманивают наш разум и мешают правильному пониманию. Время от времени Святой Дух действует против этих тенденций и дает нам истинные откровения, несмотря на наше искажение истины. Дух может самыми различными способами действовать против наших суждений, чтобы научить нас из Писания тому, чему Он Сам хочет.

В следующих главах мы более подробно рассмотрим связь между человеческим изучением и действием Святого Духа. Сейчас нам только нужно признать, что подготовка к толкованию ветхозаветных историй имеет и человеческую, и божественную стороны. Мы смотрим на Дух как на источник силы, необходимой нам для истолкования. Мы также смотрим на герменевтические навыки, как на инструменты нашего ремесла. Храня в уме оба эти элемента, мы будем лучше подготовлены к толкованию историй Ветхого Завета.

Исследование

Для того чтобы археолог мог начать раскопки, ему необходимо прибыть на место древнего поселения. Таким же образом и мы должны вернуться назад во времена древнего мира Ветхого Завета, чтобы исследовать рассказы в их историческом контексте. Но действительно ли необходимо такое «путешествие во времени» и что оно собой представляет? Чтобы ответить на этот вопрос, мы сначала рассмотрим два других аспекта: грамматико-историческое исследование и углубленное историческое исследование.

Грамматико-историческое исследование

«Посмотри на эту рекламу! — крикнул я жене. — Это именно то, что мы искали, и завтра оно выставляется на распродажу!»

Моя жена поспешно взяла газету, чтобы посмотреть. «И цена приемлемая, — добавила она. Но ее улыбка вдруг исчезла, — мы уже не можем это купить, — сказала она, указывая на верхний угол страницы, — это газета вышла на прошлой неделе!»

Чтобы понимать написанный материал, нам нужно смотреть на слова, а также учитывать время, когда они были написаны. Мы имеем дело не только с грамматикой, но также с историей. К сожалению, евангелисты редко применяют этот принцип к чтению Ветхого Завета. Мы читаем эти истории, как будто они только что просто свалились с неба нам на колени. Какое значение имеет для большинства из нас то, что Бытие написал Моисей, а не кто-нибудь другой? Кто из нас считает важным фактом, что книги Царств были написаны до изгнания, а Паралипоменон после него? Зачастую мы даже не знаем этих фактов, не говоря уже об их применении в своих толкованиях. «В конце концов, — думаем мы, — нам интересно знать то, что эти истории значат для нас сегодня, а не для древнего народа».

Но герменевтика всегда подчеркивала важность исторического периода составления Библии. Ее традиционными положениями являются изучение древних языков, истории, обычаев и религиозных убеждений. Такая направленность видна в заключении Л. Беркофа, где он описывает цель герменевтики:

Герменевтика изучает и истолковывает буквальные материалы прошлого. Ее особенной целью является указать путь, которым разница или расстояние между автором и читателями могут быть устранены. Она учит нас, что правильное толкование может иметь место только там, где читатель переносит себя во время и дух автора.

Такой подход евангелисты обычно называют грамматико-историческим методом.

Основные элементы грамматико-исторического исследования появились после отвержения реформаторами аллегорического толкования Писаний в средневековой церкви. Связь между протестантским и средневековым толкованиями очень сложна, но ранняя протестантская экзегетика сделала значительный вклад в историческое и грамматическое исследование Библии. Огромное влияние на это оказали изучения обнаруженных в эпоху Возрождения греческих и латинских текстов. По мере того как развивались способы толкования этих классических документов, ученые все больше отказывались от аллегорических методов, отдавая большее предпочтение филологическим и историческим.

Термин «грамматико-исторический» впервые появился в научной работе по толкованию, написанной К. А. Кейлом в 1788г. В герменевтическом подходе Кейла четко прослеживается влияние его учителя, Д. А. Эрнести (1701–1781гг.). Взгляды Эрнести, в свою очередь, очень зависели от позиции Х. Гроциуса (1583–1645гг.), занимавшегося изучением эпохи Возрождения. Работы этих людей отражали растущее убеждение среди ортодоксальных теологов в том, что Библия должна читаться как древний документ. Как сказал Эрнести: «Писания должны исследоваться по тем же правилам, что и все остальные книги».

В результате появился метод, который называется «грамматико-историческим». Грамматика и история были центральными его ядрами. Толкователи изучали слова и выражения, исследуя при этом исторические обстоятельства, в которых был написан текст, особенно обращая внимание на происхождение и цели писателя.

На протяжении веков исторический аспект подвергся ряду значительных корректировок. Сейчас мы обычно разделяем экзегетику на историко-критическую и более консервативную, грамматико-историческую. Первая зиждется на положениях эпохи

Просвещения о превосходстве человеческого разума над Библией; последняя же придерживается веры в авторитет Писаний. Но, несмотря на разницу, оба эти подхода рассматривают грамматику и историю в качестве ключей, приоткрывающих значение того или иного места Писания.

Важность исторического исследования

Приступая к изучению ветхозаветных историй, мы сталкиваемся с важным вопросом, который ставит перед нами историческое направление научной герменевтики. Почему необходимо возвращаться к древним временам, чтобы толковать Писание правильно? Важность исторического контекста стоит на трех столпах: условный склад библейского языка, органичное вдохновение библейских писателей и понятность для читателей Библии.

Условный склад библейского языка. Что позволяет двум людям общаться и понимать друг друга? Успешное общение во многом зависит от взаимных условностей — определенных символов, жестов и выражений, имеющих специфическое значение. Если мы в какой-то степени по-разному воспринимаем значение этих знаков, общение между нами невозможно.

Например, слово «дом» означает в русском языке место для жилья. Но испанцы употребляют для этого понятия другое условное обозначение — *casa*. В других языках эта же идея выражается опять-таки иначе: *maison*, *haus* и т.д. В этих словах нет ничего такого, что само по себе выражало бы идею «место для жилья»; их значения были согласованы людьми, которые говорят на том или ином языке. Такие языковые соглашения отличаются у разных людей, разных групп и разных возрастов, но способность общаться с помощью этих понятий объясняется условностями каждой культуры.

Таким же образом дела обстоят с языком ветхозаветных историй. Все, от отдельных слов до общего литературного стиля, является фундаментально условным. Идеи, которые передавали библейские писатели современникам, являются указательными знаками, ведущими нас к глубинному значению их текстов. Если мы не знаем об этих исторических условиях, мы даже не сможем перевести Библию, не говоря уже о ее толковании. Условность библейского языка побуждает нас исследовать древний мир ветхозаветных историй.

Органичное вдохновение библейских писателей. Но разве Библия не вдохновлена Богом? Разве ее написание было подвержено влиянию культур? Эти вопросы подводят нас ко второй причине, из-за которой мы рассматриваем древний мир Библии: к доктрине об органичном вдохновении, согласно которой Бог работал через личности и намерения людей, вдохновляя их составлять Писание. Б. Б. Варфилд описал эту доктрину такими словами:

Эти книги [Писание] не возникли внезапно, в результате какого-нибудь чуда, они не упали к нам, как говорится, с неба. Они, как и все продукты времени, являются результатом многих процессов, пересекавшихся в течение долгих периодов... Необходимо учитывать подготовку людей к написанию этих книг, подготовку физическую, интеллектуальную и духовную, которая, очевидно, происходила в них всю жизнь и, скорее всего, начиналась еще в их отдаленных предшественниках. Благодаря ей, нужный человек попадал в нужное время в нужное место, имея нужные побуждения, способности и, соответствуя нужным требованиям для написания книг, которые были predeterminedены для него.

Как отмечает Варфилд, Бог определил каждую деталь истории так, чтобы Писание проявились через людей, которые были совершенно сформированными для их написания. Их личности, мнения и характеры не подвергались насилию; они были естественным образом использованы Духом для формирования библейского текста.

Вдохновение объясняет многие особенности Ветхого Завета. Например, в книге Царств Манассия является коварным еретиком, который добавил последнюю каплю в решение судьбы Иуды (4Цар.21:10–16). Однако в книге Паралипоменон он является примером покаяния и восстановления (2Пар.33:10–17). Эти различия не вносят противоречий; они просто являются результатом разных целей каждого писателя. Автор книг Царств писал их во время изгнания и сосредотачивался на грехе Манассии, чтобы объяснить причину, по которой народ колена Иудина был отведен в Вавилон (4Цар.21:12–17). Автор же книг Паралипоменон писал их по возвращении и показывал в ней важность покаяния и молитвы для полного восстановления возвращенного из плена народа.

Итак, библейское откровение пришло посредством людей, чьи судьбы, интересы и намерения придали каждому сюжету особенную форму и содержание. И если мы не переносим себя мысленно в историческую обстановку той или иной истории, мы обрекаем себя на ее неверное толкование.

Понятность для читателей Библии. При исследовании древнего мира также необходимо учитывать понятность откровений для древних читателей, которые получали их. Протестанты придерживаются твердой доктрины о том, что Бог, являясь своему народу, говорил и обращался к людям в понятной для них форме. Это иллюстрируют книги Ветхого Завета. Книга Второзакония, например, отражает некоторые аспекты договоров и соглашений древнего Ближнего Востока, которые были хорошо известны людям тех дней. Если бы Бог тогда давал Израилю откровения в форме современных бизнес контрактов на флориде, никто бы ничего не понял; откровения были бы тщетными.

Ветхий Завет содержит, как книги, обращенные к узкому кругу людей, так и книги, предназначенные для более широких масс. Книги Царств были написаны в конкретной ситуации, без учета которой нам не понять их. Однако книга Иова, затрагивающая вечные темы зла и страдания, обращена, похоже, ко всем временам и народам.

Каждая книга Писания изложена в наиболее понятной форме для тех, кому она была адресована непосредственно. И когда мы знакомимся с древним миром этих людей, мы начинаем лучше понимать Священные книги.

Итак, мы видим, что грамматико-историческая экзегетика ориентирует толкование на изучение подлинного исторического контекста, который является чрезвычайно важным по причине условного языка документа, его органичного вдохновения и ясности для непосредственных слушателей. В последующих главах мы изучим эти вопросы более подробно. А пока нам просто следует заметить, что, чем больше мы изучим документ, его автора и первых читателей, тем лучше мы будем подготовлены к его толкованию.

Применение

Третья, основная цель нашей работы, заключается в применении ветхозаветных историй. Говоря об этом аспекте толкования, мы рассматриваем влияние, которое оказывают места Писания на людей сегодня. Мы возвращаемся от раскопок в древнем мире и приносим свои находки в современную жизнь. Для этого мы учитываем задачу применения, препятствия в применении, а также уместность применения.

Задача применения

Когда я был ребенком, мне очень нравилась книга Г. Уэллса «Машина времени». Я все время задумывался: «Как бы ощущалось путешествие назад во времени? Как бы все изменилось?» Но вместе с этим восхищением, меня не покидал страх. Что бы произошло, если бы я не смог вернуться в свою собственную жизнь? Хотел бы я провести всю свою оставшуюся жизнь в прошлом?

Подобные вопросы должны возникать у нас при чтении историй Ветхого Завета. Нас может восхищать возвращение в древний мир этих историй, но какая в этом польза, если мы затем не возвращаемся в наше время? Мы должны настроить себя на возвращение в современный мир и применение того, о чем мы узнали в прошлом.

На первый взгляд может показаться, что евангелисты очень сосредоточены на применении Писаний. В обычных проповедях это так. Но научные исследователи настолько поглощены древним миром, что практически не обращают внимания на уместность ветхозаветных историй для наших дней.

Такое пренебрежение к применению привело к серьезным нездоровым последствиям. Студенты теологии зачастую умаляют толкование до обычного научного упражнения. Чтение Ветхого Завета без заинтересованности в личном духовном преображении может превратить Писание в пережитки древней истории. Это распространенная болезнь среди новых студентов факультета герменевтики; они заменяют личные отношения с Богом на техническое, отделенное от жизни изучение.

Игнорирование применения также ведет к слабым проповедям и учению. Многие церковные лидеры, особенно вчерашние выпускники семинарий, посвящают свое время на кафедре рассказам об исторической обстановке того или иного места Писания и значению слов на языках написания. Эти вопросы важны, но в своем учении они не говорят ни слова о его применении. «Лучше всего у меня получается толковать Писания,— говорят они. — Я верю, что Дух Сам каким-то образом применит Слово для моей жизни». Отсутствие внимательного взгляда на применение может разрушить церковь. Собрание наставляется интеллектуально, но не духовно. Христиане плохо видят, каким образом Ветхий Завет может влиять на сегодняшнюю жизнь. В результате этого появляется безжизненная ортодоксальность, поглощающая многие евангельские церкви.

Мы должны всегда помнить, что понимание Писаний — это столкновение двух миров: древнего мира того или иного места Писания и современного мира читателя; пренебрежение любым из них искажает надлежащее понимание.

Но в последнее время евангелисты начали ясно видеть, что внимание следует уделять не только первоначальному значению книг Библии, а также их применению в современной жизни. Такие евангелисты, как Е. А. Нида, А. Б. Микельсен, Х. А. Вирклер и В. Кайзер в своих работах очень много места отводят применению. Тиселтон так же подчеркивает важность применения, подводя итог целям герменевтики. Он сказал: «Целью библейской герменевтики является соединение и активное взаимодействие между толкователем и текстом, в результате которого горизонты толкователя изменяются и расширяются». Другими словами, герменевтика не только перемещает читателя в мир Библии; она, прежде всего, нацелена на помещение Библии в мир читателя. Мы не толкуем ветхозаветные истории лишь с целью ознакомления с их автором, документальностью и первоначальной публикой; мы также стремимся к преобразению современного мира в свете этих Писаний.

Препятствия в применении

Существует ряд препятствий, мешающих нам применять идеи Ветхого Завета в своей жизни. Возможно, наибольшая трудность, с которой мы сталкиваемся, — это острое ощущение исторической дистанции между нами и ветхозаветными историями. Нам гораздо легче воспринимать Евангелие; для нас удобны послания Нового Завета; мы даже знакомы с Псалмами и Притчами. Но ветхозаветные истории часто кажутся нам очень странными.

Чтение Ветхого Завета похоже на путешествие в другую страну. Люди говорят на другом языке; их обычаи приводят в недоумение. Даже литературная форма этих рассказов кажется нам чужестранной. Книга Есфирь похожа на небольшой роман, но книги Царств совершенно расходятся с нашими современными стандартами. Кто может спокойно читать о том, как Соломон избавлялся от своих политических соперников (3Цар.2:13–46)? Большинству из нас очень трудно примириться с тем, что Бог повелел казнить невинных

женщин и детей (Ис.Нав.6:17–24; 8:24–26). Глядя на многие подобные истории Ветхого Завета, мы чувствуем себя странниками в чужой стране.

Несмотря на эти трудности, мы не должны сомневаться в уместности ветхозаветных историй для сегодняшней церкви. Божьи откровения должны были передаваться из поколения в поколение. Возвещая Аврааму о разрушении Содома, Господь сказал: «Ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд; и исполнит Господь над Авраамом, что сказал о нем» (Быт.18:19). В дни Ветхого Завета Бог являлся не только для тех людей, которые слышали его первыми. Он давал Свое Слово с тем, чтобы оно было возвещено и будущим поколениям. Во Второзаконии (29:19) мы читаем: «Сокрытое принадлежит Господу, Богу нашему, а открытое нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего». С библейской точки зрения откровение имеет значение для всех поколений.

Писатели Ветхого Завета в свои дни часто применяли откровения, данные их предшественникам. Автор книг Царств применял к своим дням богословские взгляды Второзакония. Даниил изучал значение пророчества Иеремии о семидесяти годах (Иер.25:1; 29:10, Дан.9:2–22). Автор книг Паралипоменон постоянно обращался к книгам Царств и к Иеремии (2Пар.36:21). Неемия был сосредоточен на причастности Второзакония (30 гл.) к его служению (Неем.1:8–9). Эти библейские фигуры имели не просто архивный интерес к откровениям давно минувших дней, они применяли их в своей собственной жизни.

Новый Завет цитирует и ссылается на Ветхий более 320 раз. Такая зависимость от Ветхого Завета показывает важность современного применения. Иисус основывал все свое служение на применении Писания к Его дням, ревностно выступая за авторитет и важность Ветхого Завета. Также и Павел увещевал Тимофея, что Ветхий Завет пригоден для каждого верующего: «Все Писание... полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2Тим.3:16). Он также писал римским христианам: «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду». Обращение с Ветхим Заветом, как с пережитком прошлого, не имеющим значения для сегодняшнего дня, противоречит взгляду самой Библии на Ветхий Завет. Мы должны неустанно стремиться познавать, как Писание соотносится с современностью.

Уместность применения

Толкуя ветхозаветные истории, мы должны всегда помнить, что эти слова не обращены непосредственно к нам; мы только «подслушиваем» истории, рассказанные другим. Этот факт создает у нас определенную дистанцию между причастностью и отдаленностью этих историй.

Об этой дистанции можно прочесть в первом Послании к Коринфянам (10:1–10). В первых стихах этой главы Павел описывает некоторые эпизоды странствования Израиля в пустыне, описанные в Исходе и Числах: негодование, ропот, сексуальную безнравственность и нападение змей. После перечисления этих событий, Апостол добавляет: «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1Кор.10:11). В этом стихе Павел описывает, как применять ветхозаветные истории. Он подчеркивает, что эти истории были применимы к Коринфянам, но косвенно. Он ясно говорит, что все это уместно для Коринфян. «Все это описано для нас»,— утверждает он. Истории о трагедиях в пустыне несли сообщение христианам, которые жили более тысячи лет спустя.

Но Павел не только утверждает, что эти истории были «для нас». Он добавил описание: «для нас, достигших последних веков». Этими словами Павел подразумевал, что Коринфяне не жили в дни Ветхого Завета. Они жили после смерти и воскресения Христа, и их искупление теперь совершалось по-другому. Поэтому и не должны были воспринимать ветхозаветные истории, как написанные непосредственно для них. Это были наставления в

примерах. Таким образом, Павел дает нам понять, что необходимо всегда учитывать как применимость, так и отдаленность ветхозаветных историй.

Но Ветхий Завет не всегда кажется нам таким уж далеким. Читая о том, как израильтяне поселились в Египте (Быт.47:27), у нас не возникает никакой отдаленности. Мы воспринимаем это место так же, как его воспринимали первые слушатели. Когда Моисей саркастично ответил фараону: «Как сказал ты, так и будет; я не увижу более лица твоего» (Исх.10:29), мы все понимаем, что именно он хотел сказать. Мы смеемся так же, как и люди тех дней. Даже некоторые теологические взгляды легко применимы к нашим дням. Ответ Иосифа его братьям довольно ясен: «Вы умышляли против меня зло, но Бог обратил это в добро» (Быт.50:20). Мы понимаем эти слова так же, как их понимали братья Иосифа.

Но когда мы начинаем углубляться в Ветхий Завет, сложность его применения увеличивается. Например, как нам применять книги Царств, которые были написаны, чтобы помочь изгнанному народу сохранять надежду на возвращение, к современным христианам, которые никогда не были в изгнании? Как нам воспринимать Второзаконие, написанное для Израильян о том, как правильно вести войну в Ханаане, когда «наша брань не против крови и плоти» (Еф.6:12)? Даже имея представление о правильном понимании первоначального значения этих мест Писания, нам трудно перенести их значение в сегодняшнюю жизнь. Мы понимаем, что эти истории о чем-то говорят нам, но мы также знаем, что живем сейчас в совершенно другом мире.

Применение историй Ветхого Завета означает возведение мостов над пропастью времен между древним миром и современностью. Мы исследуем Писания, изучаем их исторические основы и первоначальное значение. Мы стараемся установить связь между собой и Библией. Это не всегда трудно, но не всегда и легко.

Для завершения нашего герменевтического проекта, мы должны сосредоточиться на применении ветхозаветных историй к нашим дням. В дальнейших главах мы рассмотрим несколько способов такого применения.

Заключение

Эту главу мы начали со сравнения толкования ветхозаветных историй с археологическими раскопками. Мы готовимся, внимательно работаем на объекте и переправляем свои находки домой. Следуя этой аналогии, мы будем изучать рассказы Ветхого Завета в трех основных частях. В первых четырех главах мы рассмотрим, как Дух готовит нас к чтению Ветхого Завета. С 5 по 12 главу мы будем учиться исследовать ветхозаветные истории в их древнем контексте. И, наконец, 13–16 главы откроют нам способы применения древних рассказов к современной жизни. Изучив подробно каждый из этих шагов, мы значительно продвинемся в понимании историй Ветхого Завета.

Вопросы

1. Дайте определение герменевтики. Какие три этапа герменевтики мы будем рассматривать?

2. Обсудите важность работы Духа и человеческих усилий в герменевтической подготовке. Как эти два фактора зависят друг от друга?

3. Почему традиционная библейская герменевтика была названа «грамматико-исторической экзегетикой»? Почему этот метод так необходим для правильного толкования?

4. Почему ученые-толкователи часто игнорируют вопрос применения? Назовите основные факторы, влияющие на применение ветхозаветных историй в современной жизни.

Упражнения

1. Посмотрите на две книги, касающиеся библейской экзегетики. Перечислите то, что они считают важным для герменевтической подготовки. Согласны ли вы? Как можно расширить список? Почему?

2. Быстро составьте список из 10 пунктов, которые, по вашему мнению, необходимо учитывать при толковании истории о Вавилонской башне (Быт.11:1–9). Пересмотрите ваш список и разделите пункты на «Древний мир» и «Современный мир». Какая категория имеет больше пунктов? Почему?

3. Посмотрите на три комментария к книге Бытия 12:10–20. Комментарии больше связаны с древним или современным миром? Какие вопросы вы бы предложили, чтобы расширить масштаб толкования?

Часть I

Подготовка к толкованию ветхозаветных историй

Краткий обзор

В первой части нашего изучения мы подробно рассмотрим первый герменевтический этап: подготовку к чтению ветхозаветных историй (см. рис. 2).

Рис. 2: Схема части 1: Подготовка

Святой Дух дает нам силу к толкованию, но Он использует для этого различные средства. В этих главах мы узнаем о некоторых основных моментах, при помощи которых Дух готовит нас к толкованию.

В главе 1 мы увидим, что для толкования необходимо определить уровень подготовки, с которой мы приступаем к толкованию. Понимание ветхозаветных историй всегда касается наших убеждений, взглядов и опыта. Мы подходим к Писанию со своими установками, но при этом готовы открыто слушать. О нашем взаимодействии с текстом мы будем говорить, как о Диалоге Авторитетов.

Глава 2 рассматривает влияние индивидуальной христианской жизни на Диалог Авторитетов. Наше чувство удовлетворения, дарования и сила призвания влияют на наше толкование Ветхого Завета. По мере того, как Дух начинает действовать в этих сферах нашей жизни, понимание улучшается.

Глава 3 исследует влияние взаимодействия в обществе. Подготовка к толкованию также включает изучение опыта других людей. Мы стараемся толковать Ветхий Завет на уровне нашего христианского наследия, состояния общества и личных рассуждений.

Глава 4 касается третьего основного фактора, влияющего на Диалог Авторитетов: нашей экзегезы Писания. Мы увидим, что Дух научил свой народ подходить к Писанию тремя основными способами. Мы ищем темы, которые интересны нам; мы исследуем исторические события, сформировавшие ту или иную историю; мы рассматриваем книги Писания, как литературные труды. Ознакомившись с преимуществами и ограничениями этих методов, мы сможем лучше исследовать Ветхий Завет.

Эта часть нашего изучения не касается толкования, а только аспектов, предшествующих ему. Но она не менее важна, чем остальные части, для исследования и применения в жизни историй Ветхого Завета.

Ориентация на подготовку

Я не ожидал, что он вызовет меня и спросит мое мнение. В конце концов, он же был учитель, а я ученик. «Ты хочешь сказать, что ты пришел неподготовленным к обсуждению этой темы?» — спросил профессор. Я удрученно покивал головой. «В этой школе ты должен быть готовым участвовать в обсуждении класса. Может, ты думаешь, что только я должен говорить? Завтра занятие ведешь ты».

Честно говоря, я действительно думал, что говорить будет только он. Мне больше нравилось сидеть на задней парте и вести краткий конспект. По моим представлениям, занятия должны были состоять из профессорских монологов, а не диалогов между учителем и учеником. Но теперь я попался; на следующий день говорить должен был я один!

Когда идешь на занятие, важно знать, кто будет его вести. Это очень важно, чтобы правильно подготовиться. Если учитель будет читать лекцию, вы идете просто слушать; если вы сами ведете занятие, нужно готовиться говорить. Если занятие будет состоять из дискуссии, нужно быть готовым и говорить, и слушать.

Готовясь к толкованию, мы сталкиваемся с теми же проблемами. Является ли чтение Ветхого Завета рефератом ученика, где все время говорит только он? Может это лекция, где мы только слушаем? Либо это больше похоже на совместное обсуждение? Если ответить на эти вопросы, то это повлияет на наш подход к чтению Ветхого Завета.

В последнее время принимались все три подхода. Одни толкователи делали акцент на участии читателя; другие подчеркивали значимость текста; третьи старались уравновесить оба подхода. Об этих трех методах мы будем говорить как о субъективной модели, объективной модели и модели диалога с авторитетом (см. рис. 3).

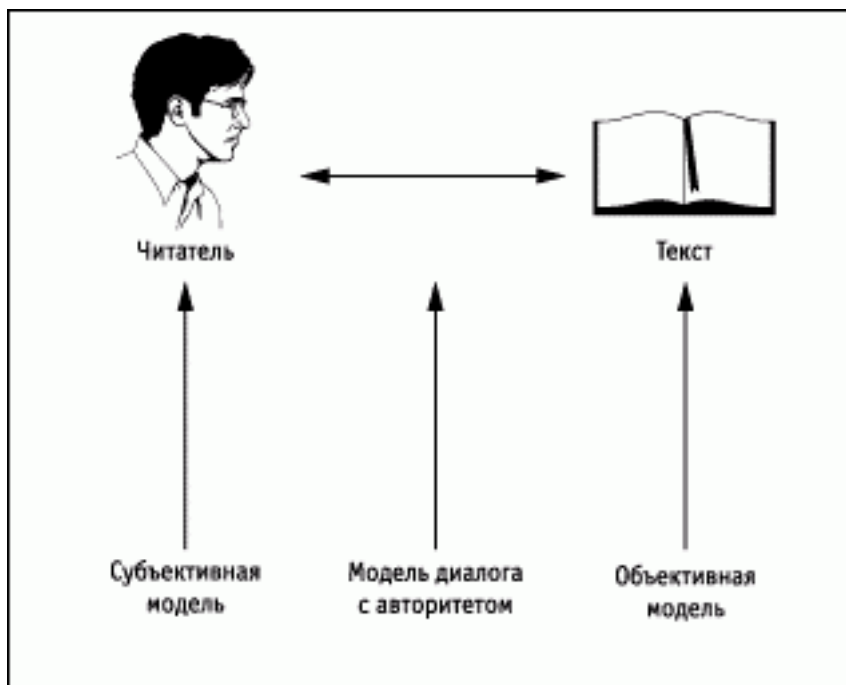

Рис. 3: Разные направления в подготовке

Субъективная модель

То, что прекрасно и важно для одного человека, может быть безобразным и незначительным для другого. Согласно этой точке зрения, понимание Ветхого Завета в

большой степени является субъективным вопросом: личный взгляд и жизненный опыт толкователя определяют значение Писания.

Такая тенденция особенно заметна в обычных неофициальных собраниях. Я помню, как посетил одно библейское занятие, где лидер, прочитав несколько стихов, спросил присутствующих: «Что значит для вас это место Писания?» Сразу же поднялось несколько рук и были высказаны разные мнения. И вскоре выяснилось, что буквально у каждого было свое толкование этого места. Отчаянно вздохнув, лидер сделал заключение: «Ну что ж, я вижу, все мы толкуем Библию так, как нам хочется». Продолжать дальше не было смысла, и занятие было закончено.

Христиане часто смотрят на ветхозаветные истории, как на пустые канистры, которые нужно наполнить значением. Мы просто вливаем в них свои теологические убеждения. Мы пожимаем плечами и делаем вывод, что эти рассказы могут означать все, что нам захочется.

Даже формальная герменевтика пала жертвой субъективизма. Серьезные ученые утверждают, что сам текст накладывает определенные ограничения на толкование, поэтому его основное значение скорее зависит от предрасположенности читателя, а не от объективного, авторитетного текста. Таким образом, толкование в определенной степени превратилось в рассмотрение смысла и значения в свете наших личных, субъективных взглядов.

Философское происхождение

Философское происхождение субъективизма в герменевтике очень запутано. Многим оно обязано Эммануилу Канту (1724–1804гг.). Кант отвергал радикальный скептицизм Давида Хьюма (1711–1776гг.), который не соглашался с предположением, что мир постигается через рациональное исследование. Хьюм не считал, что внешний мир устроен соответственно рациональным структурам человеческого ума. Но Кант не смирился с чертой, которую провели Хьюм и его последователи между внешним миром и внутренними концепциями нашего ума. Поэтому он утверждал, что познание всегда зависит от рассматривания мира согласно категориям мышления человека. Мы смотрим на мир через призму ума. Наш ум действует в рамках определенных категорий, при помощи которых мы воспринимаем мир.

С этой точки зрения, знание само по себе не связано с элементарным восприятием объективной реальности. Мы не можем знать суть вещей самих в себе. Для такого познания всегда необходимо тесное взаимодействие между внешними реалиями и нашим процессом восприятия.

В теории Канта, по крайней мере, есть рациональное зерно истины. Многие обычные примеры подтверждают это. Например, читая эту страницу, что вы видите? Фотоны, отскакивающие от страницы в ваш зрачок и конусы сетчатки, посылающие электрические импульсы по зрительному нерву в мозг? Конечно, нет! Вы видите буквы, слова и предложения. Вы даже понимаете те мысли, которые я стараюсь изложить. С точки зрения языка, вы распределяете то, что видите, по определенным языковым правилам, которым научены. Более того, ваше понимание этой страницы отличается от понимания не умеющего читать ребенка или неграмотного взрослого. Их умственные категории восприятия другие, поэтому они по-другому воспринимают вещи.

Образование, культура, психологическая предрасположенность и другие бесчисленные факторы влияют на наше постижение мира. Поэтому определенная мера субъективизма в нашем познании неизбежна.

Возможно, наиболее выдающейся фигурой среди философов был Ганс Георг Гадамер, который делал большой акцент на восприятии личности. В своей работе «Истина и Метод» он опровергал поиск рациональной объективности и назвал его предрассудком. Он считал, что преубеждения в герменевтике не только неизбежны, но и необходимы для понимания.

Результатом таких теорий было смещение внимания на читателя, как на основной определяющий фактор в толковании. Значение Писаний зависело не столько от древнего писателя и самого документа (как в грамматико-историческом методе), сколько от мыслительных процессов читателя.

Крайности субъективизма

Утверждая постоянное присутствие субъективного элемента, Гадамер и его единомышленники предостерегали против произвольного толкования. Хотя толкование и стоит на предубеждениях, читатель не должен своевольно наделять текст своими идеями. Гадамер сделал строгое заявление: «Правильное толкование не имеет ничего общего с произвольными фантазиями и непредсказуемостью человеческого мышления».

Но, к сожалению, многие последователи Гадамера чрезмерно увлеклись собственными предубеждениями, в результате чего появилась растущая склонность к крайнему субъективизму в библейском толковании.

Несколько молодых теологических школ сознательно рассматривают Ветхий Завет с помощью субъективной модели. Они считают, что объективное значение ветхозаветных историй, если оно вообще существует, недоступно для нас. Не вникая в текст, они пытаются самовольно толковать его, соответственно своим собственным идеям.

Некоторые либеральные теологи открыто признают, что являются ревностными сторонниками субъективного толкования. Кое-кто, возможно, и старается иметь объективные взгляды, но большинство делает большое ударение на важность личных представлений, чтобы оправдать свои подходы и заключения. Кроатто, например, заявляет о своем одобрении субъективизма с пугающей ясностью: «Толкование бывает разным, и всякий, кто утверждает, что именно он прав, вступает в идеологический спор». Кроатто не отрицает уместности историко-критического анализа. Но он считает, что любой текст Писания скрывает избыточные знания.

Либералисты сознательно отбирают определенные места Писания и толкуют их, согласно марксистской идеологии. Истории об Исходе из Египта теряют свое первоначальное значение и становятся историями о борьбе рабочего класса; рассказы о завоеваниях Иисуса Навина становятся рассказами о пролетарской революции. Поэтому неудивительно, что многие осуждают либералистов за использование Библии в качестве инструмента своей идеологии. Подобно им поступают теологи-феминисты и теологи-либералы в вопросах сексуальной свободы, накладывая одни части Писания на другие (согласно канонам либерализма) и таким образом оправдывая свои экзегетические заключения.

Когда предубеждения возвышаются над герменевтическими рассуждениями, появляются радикальные формы субъективизма. И вскоре толкование превращается в возможность расширять свои собственные убеждения и взгляды, а не значение Писания.

Упор на описание

Как эта точка зрения влияет на герменевтику? Какой результат субъективизма? Проще говоря, если мы принимаем субъективную модель, нам больше не нужно сосредотачиваться на правилах для правильного толкования, потому что наше понимание текста зависит от наших же религиозных и философских представлений, которые мы навязываем ему. Субъективисты сосредотачиваются на том, что происходит, когда люди читают текст, а не на том, как следует его читать.

Несколько лет назад мы с друзьями имели возможность поиграть в футбол с коллегами из Европы. Мы согласились, что будем играть в футбол, но вскоре обнаружили, что понятия американцев и европейцев о футболе совершенно различны. Они даже называют эту игру по-разному. Самой большой проблемой в тот день для нас было решить, по чьим правилам

играть. Ни одна группа не хотела навязывать свои правила другой. Кто мог сказать, чьи правила лучше? Мы так и не установили четких правил для нашей игры.

Многие толкователи, склонные к субъективизму, думают о правилах толкования таким же образом. По их мнению, любые методы толкования являются совершенно условными. Одна группа следует одному стандарту, другая — другому. Западные толкователи толкуют так, восточные — иначе. Сильные придерживаются одних правил, слабые других. Мужчины читают Библию со своими установками, женщины — со своими. Поэтому невозможно решить, какой способ толкования самый лучший.

Гадамер, например, считал, что любые правила в толковании являются простой попыткой достичь недостижимой цели, заключающейся в отделенном, объективном знании; поэтому он сосредоточил свои усилия на описании того, как происходит толкование. Мы можем сказать, что несогласие Гадамера с любыми методами — это тоже, своего рода, метод, но мы упустили бы его главную задачу — описать, что происходит, когда мы читаем.

Либералисты часто стараются навязать толкованию определенные методы. Различные герменевтические правила часто встречаются в их дискуссиях. Но обычно они не делят разные подходы на правильные и неправильные, а просто описывают, как могут читать Писание представители различных идеологий.

Хотя большинство евангелистов и отвергает крайний субъективизм в герменевтике, нам следует быть осторожными, чтобы не отвергнуть рациональное зерно, которое есть в этом направлении. Субъективная модель герменевтики лучше всего, например, указывает на то, как установки влияют на наше толкование Ветхого Завета. Таким образом, осознав влияние наших предрассудков, мы можем учиться избавляться от них и смотреть на Писание с различных сторон.

Однако мы не должны довольствоваться только тем, чтобы просто узнать, что происходило на самом деле, когда мы толкуем Писание; нам также следует учиться тому, как их толковать. Такая необходимость подводит нас ко второй основной герменевтической модели.

Объективная модель

«Пусть факты говорят сами за себя». Эта фраза побуждает нас основывать свои суждения, скорее, на объективных фактах, чем на субъективном мнении. Стремление к объективности в библейском толковании можно выразить подобной фразой: «Пусть Писание говорит само за себя». Сутью этой герменевтической модели является объективное изучение текста.

Объективизм принимает многообразные формы в герменевтике. Простые, неученые люди часто смотрят на свое толкование, как на очевидный факт. «Вам только нужно объективно посмотреть на то, что говорит этот стих,— настаивают представители этой школы,— и тогда вы согласитесь со мной».

Однако в формальной герменевтике объективизм рассматривается как склонность к следованию точным научным методам изучения и анализа Писаний. Объективные исследования, гипотезы и проверка этих гипотез формируют основу научной герменевтики в англоязычном мире. Толкователи пытаются формулировать и выражать свои заключения с научной точностью и объективностью.

Так или иначе, герменевтический объективизм рассматривает толкование, как процесс избавления от любых личных предположений и осторожного применения проверенных методов толкования. Его цель заключается в том, чтобы текст сам производил впечатление на читателя.

Философское происхождение

Такая герменевтическая тенденция получила сложное философское развитие. В частности, она имеет определенную связь с философскими взглядами Рене Декарта (1596–1650гг.), Фрэнсиса Бэкона (1561–1626гг.) и Томаса Рейда (1710–1796гг.).

Декарт начал свой поиск с попыток избавиться от всех мнений и убеждений, чтобы утверждать свое знание исключительно на самоочевидных и объективных основаниях. Его желание строить знание на рациональном фундаменте было краеугольным камнем эпохи Просвещения. Избавляясь от предрассудков в поисках объективной рациональной истины, люди надеялись приобрести истинное знание о себе и о мире.

На герменевтический объективизм также повлияли научные изыскания Фрэнсиса Бэкона. По его мнению, научный подход состоит из трех «фаз исследования»: 1) сбор всех известных примеров того или иного феномена с похожими качествами, 2) наблюдение за феноменом в контрасте с другими и 3) сравнение этих наблюдений. Благодаря этим научным приемам, наблюдатель мог исследовать информацию о мире, не позволяя никаким отклонениям исказить выводы.

Склонность к объективизму в Британии и Соединенных Штатах стала популярной, благодаря теории о «Реализме Здравого Смысла», высказанной Томасом Рейдом. Эта теория основана на предпосылке, что люди способны иметь объективное знание о мире. Человеческий ум способен каким-то образом изучать определенные явления точно, без помощи каких-либо внешних авторитетов. Другими словами, основные законы, определяющие внутреннюю и внешнюю жизнь человека, известны всем искренним и открыто мыслящим мужчинам и женщинам.

Как и Кант, Рейд признавал, что мы рассматриваем мир через призму собственного ума. Но при этом он утверждал, что Бог устроил человеческий ум в согласии с объективным миром. Если мы пользуемся нашими чувствами и мыслительными способностями осторожно, мы можем знать настоящий мир. Рейд считал, что любые философские споры с этой аксиомой являются простым отрицанием первого и универсального принципа здравого смысла.

Большинство из нас видят, по крайней мере, некоторые элементы истины в этих философских школах. Мы обычно полагаемся на свои чувства и мысли, когда хотим получить достоверные знания о том или ином вопросе. Мы верим, что наша способность здраво рассуждать поможет нам прожить этот день. Благодаря ей, мы можем ощущать и понимать реальный, объективный мир.

Большинство библейских толкователей в англоязычном мире применяют такое мышление к библейской герменевтике, моделируя свое толкование по образцу рационально-научного объективизма. Мы отбрасываем все предубеждения и следуем научным изысканиям, чтобы видеть Писания такими, какими они являются в реальности и открывать для себя их объективное значение.

Такая склонность к объективизму оказала особенное влияние на евангельскую герменевтику. Поиск объективности через грамматико-исторический метод сформировал подход «табула раса» к экзегетике.

Та же тенденция существует и сегодня. Последние изучения роли предубеждений в герменевтике подчеркнули значение субъективного элемента. Любой искренний толкователь скажет, что невозможно не учитывать субъективный фактор. Однако евангелисты мало прибегают к такому подходу и по-прежнему утверждают, что первоначальное значение текста можно открыть только при его объективном толковании.

Упор на предписание

В то время как субъективизм описывает, что происходит в нашем сознании, когда мы толкуем Писание, объективизм предписывает нам те методы, которыми мы должны пользоваться, чтобы их толковать.

Исследования евангельских работ по герменевтике показывают эту привязанность к правилам в толковании. Обратите внимание на такие заглавия работ: «Принципы Библейского Толкования» (Беркоф) и «Наука Библейской Герменевтики» (Чафер). Иногда нас предостерегают от низведения толкования до уровня науки, но сердце евангельской герменевтики исполнено правил и руководств, гарантирующих нам приобретение истинного знания.

Правила экзегетики играют большую роль в подготовке к чтению ветхозаветных историй. Мы совершаем много ошибок, которые якобы могут быть исправлены хорошей методикой. Но чрезмерная сосредоточенность на правилах герменевтики без учета самого процесса толкования является ошибочным.

Например, распространенным принципом толкования историй Библии является их рассмотрение в качестве доктринальных учений. Несомненно, это правило помогает нам смотреть на один стих в контексте других, но это лишь одна сторона медали. Если уделять все внимание только этому правилу, изучение Писания в качестве дидактического материала будет очень недооценено. Истории Писания могут служить нам ценными примерами. Например, Иисус трактовал установления о субботе в свете истории о Давиде (Мр.2:23–27). Мы рассматриваем воровство, прелюбодеяние, убийство и лжесвидетельство в свете историй, касающихся этих грехов. Одним словом, рассказы и доктринальные материалы дополняют друг друга. И любой герменевтический принцип, отрицающий это взаимодействие, является абстрактным и ложным.

Итак, правила толкования не должны противоречить описанию происходящих событий. То, что мы должны делать, необходимо рассматривать в контексте того, что мы делаем на самом деле.

Модель «диалога с авторитетом»

В нашем исследовании мы попытаемся избежать крайностей субъективизма и объективизма, приняв модель «диалога с авторитетом». Эта модель поможет нам сохранять равновесие между субъективизмом и рационализмом в толковании.

Диалог использовался в качестве герменевтической модели многими писателями и исследователями. Хайдегер и Гадамер, склонные к субъективизму, придерживались при этом и диалогического подхода к толкованию. Они воспринимали читателя и текст, как составляющие части одного процесса. У евангелистов эта модель имеет очень ограниченное применение. Говоря о толковании, как о диалоге, нам никогда не следует забывать о доктрине авторитета Библии.

Диалог с авторитетом

В повседневной жизни мы общаемся с людьми, для которых мы являемся авторитетом, например, с нашими ровесниками, а также с людьми, которые представляют авторитет для нас. Это общение принимает очень разные формы в зависимости от наших взаимоотношений с тем или иным человеком. Например, наши чувства к собеседнику существенно повлияют на наш диалог с ним. Содержание и тон разговора с дошкольником о медицинских вопросах будет отличаться от такого же разговора с врачом. Об одних и тех же юридических вопросах мы говорим по-разному с другом и с адвокатом.

Следуя протестантской ортодоксальной доктрине, евангелисты убеждены в несомненном авторитете Писания во всех вопросах веры и жизни. Мы придерживаемся тех же принципов авторитета, которые утвердили для нас сами библейские писатели. Это убеждение оказывает значительное влияние на наш диалог с ветхозаветными историями.

Любой диалог с авторитетом имеет, по крайней мере, два общих пункта. С одной стороны, мы подходим со своими личными ожиданиями и вопросами, которые готовят нас к конструктивному диалогу. С другой — мы имеем насущную потребность в понимании любой проблемы с точки зрения Того, чье понимание превышает наши личные интересы и представления.

Однажды я пытался найти небольшой поселок в сельской местности Миссисипи, но пропустил поворот и не мог найти обратную дорогу. Через какое-то время я подъехал к станции техобслуживания. «Тут должны знать, где этот поселок», — подумал я, остановился и вошел внутрь. «Вы не могли бы сказать, как мне попасть в Дак Хилл?» — спросил я у работника. Он начал подробно рассказывать мне дорогу. «Подождите, — все время перебивал я его, — правильно ли я понял? Как далеко ехать? Я поворачиваю где?» Наконец, он нарисовал мне карту, и я оставил его в покое.

Я заехал на станцию с собственными представлениями о себе, о своей ситуации, о работнике станции, о том, что я повернул в неправильном месте, что работник говорит на моем языке и может помочь мне, что о дороге нужна была дополнительная информация. Рабочий знал то, чего не знал я, и если я хотел найти дорогу, мне нужно было понимать его указания. Поэтому я слушал его слова, следил за его руками и всматривался в карту. Я даже повторял его инструкции, чтобы убедиться, правильно ли я понял их.

Подобным образом мы подходим к диалогу с Ветхим Заветом, имея бесконечные личные ожидания и предположения. Мы предполагаем, например, что ветхозаветные истории могут быть до определенной степени понятны, и имеют что-то ценное для нас. Из нашего прошлого опыта мы даже можем представить, о чем может пойти речь в том или ином рассказе. Без этих предположений мы не сможем участвовать в плодотворном диалоге и начать толкование.

Ветхозаветные рассказы являются для нас в этом бесспорным авторитетом. Нам не нужно высказывать им свои предположения; нам необходимо внимательно слушать, что они говорят нам. Мы хотим, чтобы они помогли нам. Так как эти истории являются для нас безошибочной и непогрешимой моделью, мы пользуемся всеми доступными средствами, чтобы понять, в чем заключается урок.

В основном только модель диалога авторитетов удерживает нас от отношения к Писанию как к равному собеседнику. Субъективизм пытается уравнять наше понимание с авторитетом Писания, умаляя текст до уровня человеческих представлений. Мы критикуем Библию так же интенсивно, как и она критикует нас. Объективизм пытается сделать нас равными истинам Писания, вознося наше понимание до уровня самого Писания. Наше толкование определяется учением самого текста. И только последняя модель представляет Библию верховным авторитетом, а читателя подчиненным тексту.

Модель Диалога Авторитетов отличается от субъективной и объективной тенденций. В отличие от объективизма, она признает постоянное влияние человеческих убеждений на толкование. Фундаментом герменевтики является диалог: мы задаем вопросы и вносим первоначальные предположения. В контрасте с субъективизмом, эта модель признает важность методов и правил, позволяющих нам видеть авторитетное влияние ветхозаветных историй на нашу жизнь. Герменевтика — это диалог, но диалог с абсолютным авторитетом. В этом существенная разница подходов (см. рис. 4).

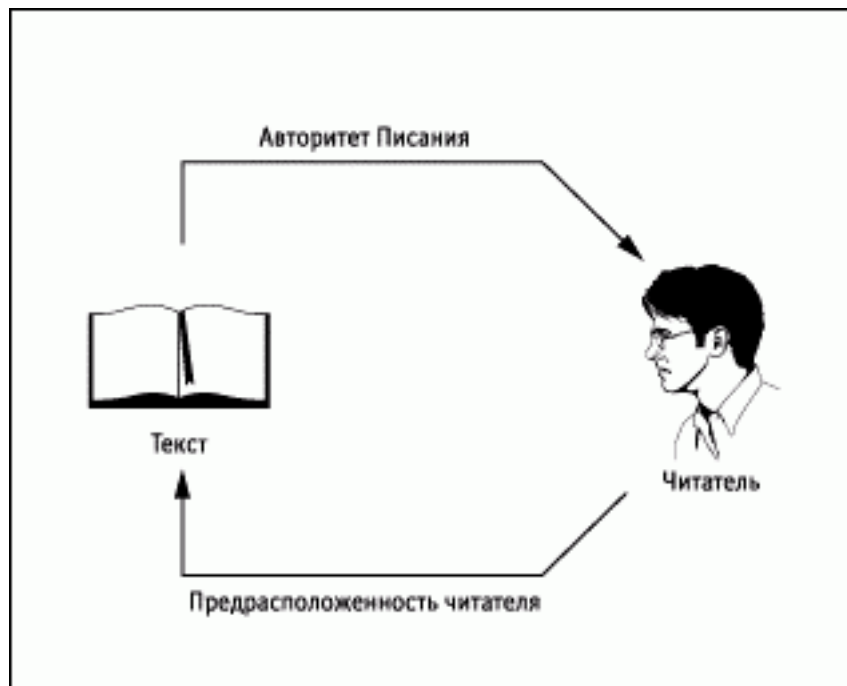

Рис. 4: Приоритеты модели диалога с авторитетом

Опасности объективизма

Цель объективного подхода звучит привлекательно: понимать ветхозаветные истории так, как они написаны. Несомненно, мы должны стараться устранять любые барьеры и предубеждения, препятствующие правильному пониманию, но это отнюдь небезопасно.

Однажды я присутствовал на межденоминационном библейском занятии. Молодой человек, который вел его, постоянно делал упор на то, что «нет иных конфессий, кроме Библии, и нет другого учения, кроме Христа». Он очень гордился тем фактом, что никогда не пользовался комментариями. «Я делаю свои проповеди прямо из Библии»,— говорил он. Будучи уверенным в своей объективности, он прочел несколько стихов и начал объяснять их истинное, по его мнению, значение. Согласно его словам, мы слушали само Писание без искажений.

Занятие приближалось к концу, когда вдруг его перебила женщина, воспитанная на учении другой церкви: «Вы не преподаете Библию! Вы преподаете ваши деноминационные взгляды!» Затем она начала объяснять группе то, что в действительности означало зачитанное место. Таким образом начался спор и вскоре стало ясно, что никто из них не был объективным вообще. Они оба понимали Писание в свете своей деноминационной теологии!

Каждый верующий ощущал влияние его убеждений на личное чтение Библии. Подумайте о вашем любимом стихе. Сколько раз вы читали и цитировали его? Разве не удивительно то, что мы можем прочесть стих, даже запомнить его, и все же обнаруживать в нем новые откровения почти каждый раз, когда обращаемся к нему? Удивительно, как много нового мы видим сейчас в историях, которые читали несколько лет назад. Откуда такие разные интерпретации? Сам стих не изменился. Наши методы толкования также почти не меняются. Меняется наше понимание. В Своем мудром предвидении Бог так устраивает наши жизни, что многие из наших переживаний, предположений, вопросов и предубеждений относительно текста меняются, так что видна существенная разница в нашем понимании даже знакомых мест.

Такой опыт убедительно показывает нам, что толкование Ветхого Завета будет всегда подвержено влиянию нашего жизненного и духовного опыта. К сожалению, склонные к объективизму евангелисты, имеют ошибочное представление о том, что возможно объективное абсолютное понимание Библии такой, какая она есть. Они проводят границу между их толкованием Библии и самой Библией.

Эта проблема присуща и научной герменевтике. В отличие от обычных читателей, ученые толкователи обычно признают, что совершенная объективность недостижима. Однако в своей практике они часто не обращают внимания на влияние человеческих убеждений на восприятие библейского текста и его понимание. Объективисты предполагают, что понимание читателя не может меняться и искажаться, пока он следует хорошо проверенным методам толкования. В результате этого они рассматривают свои экзегетические заключения как объективные и неоспоримые факты.

Такая теория часто похожа на перевернутый субъективизм, в котором мы позволяем незаметным предубеждениям самоуправствовать в толковании. Сами того не осознавая, мы читаем свои личные мысли между строками текста. Пока наши, постоянно меняющиеся заблуждения остаются в подсознании, они опасны и оказываются причиной наших заблуждений.

Евангелисты сейчас все более склоняются к философской герменевтике и начинают подвергать сомнению объективную модель. Представление о том, что читатели могут обуздать влияние своих предубеждений при помощи тщательных методов, сейчас все еще перепроверяется. В будущем мы увидим еще большую дистанцию между евангельской герменевтикой и объективизмом.

Опасности субъективизма

Модель Диалога также отстоит от герменевтического субъективизма. Одно из наиболее важных отличий заключается в оценке экзегетических методов.

Как мы уже увидели, приверженцы субъективной стороны герменевтики не берут на себя ответственность предписывать какие-либо руководства к толкованию. Они подозрительно относятся к традиционным правилам, которые якобы помогают избавиться от человеческих представлений и предубеждений, толкуя Писание. Но такой взгляд противоречит модели диалога с авторитетом. Хотя методы толкования всегда подвержены влиянию нашего опыта, мы не имеем права подходить к Ветхому Завету с любыми толкованиями. Так как его текст является для нас авторитетом, мы должны пользоваться такими методами толкования, которые позволят Писанию раскрыть нам свою суть.

Опять же, центральным является вопрос авторитета. Во многих кругах, где правит субъективизм, Писание и читатель рассматриваются как равные, а, следовательно, нет никакой необходимости подчинять свои методы толкования тексту. Толкователи получают полное право заставить текст играть по их правилам.

Но евангелисты рассматривают читателей, как подчиненных ветхозаветным текстам, указывая на ответственность их толкования в соответствии с их сутью. Некоторые методы действительно лучше других. В евангельской герменевтике даже видна определенная «этика». Мы не имеем права заставлять Ветхий Завет плясать под нашу дудку. Нам самим нужно научиться наслаждаться его мелодией.

Как выбрать? Какими методами пользоваться? Суть подготовительных этапов несложно увидеть с первого взгляда. Даже беглое ознакомление с Писанием дает некоторое руководство. Например, никто не может отрицать, что ветхозаветные рассказы имеют буквальное значение. Любые методы, не поддерживающие этой точки зрения, заглушают голос Писания. Ветхий Завет был написан с определенными грамматическими условностями; толкование должно соблюдать их. Книги Ветхого Завета являются древними документами. Рассматривать их в качестве современных реалий уже означает их неправильное толкование. Список таких основных правил толкования можно продолжать. Как сказал Трейси: «Каждый текст, в конце концов, это структурное целое. Каждая тема требует серьезного внимания к своей сути, форме и структуре».

Однако когда мы идем дальше этих базовых условностей, нам становится ясно, что техника толкования должна происходить в рамках диалога с авторитетом. Мы начинаем с

методических предположений, основанных на нашем опыте, и изменяем их по мере взаимодействия с Писанием.

Какой наилучший способ понять нашего собеседника в обычном разговоре? С раннего детства мы усваиваем определенные приемы, чтобы понимать других людей. Мы начинаем разговор, держа в уме множество установок, но в процессе разговора изменяем свои взгляды и позиции. Мы стараемся приспособиться к ситуации, как можно лучше. Во время диалога мы шлифуем наш подход и отношение к собеседнику, чтобы найти с ним общий язык.

Таким же образом в нас формируются методы толкования текстов Писания, когда мы читаем их. Как сказал Рицеор, методические указания к толкованию полезны только тогда, когда мы помним, что они тоже являются частью процесса понимания. Все попытки установить и улучшить герменевтические приемы являются частью нашего продолжительного диалога с ветхозаветными историями. Правила толкования — это не объективные, неизменные аксиомы. Они совершенствуются так же, как и наше понимание текста.

В отличие от субъективизма, модель диалога с авторитетом дает понять, что нам нужно усердно трудиться над развитием методов, ведущих нас к правильному пониманию Писания. Тем не менее, мы должны совершенствовать эти методы по мере того, как мы глубже знакомимся с ветхозаветными историями.

Герменевтический прогресс

Но разве модель диалога с авторитетом не заставляет нас ходить по кругу? Какие гарантии того, что мы будем прогрессировать в своем понимании Писания, развивая методы познания в контексте диалога?

Существует распространенное мнение о герменевтическом прогрессе как о «герменевтическом круге» — постоянном цикле, циркулирующем между читателем и текстом. Однако этот термин крайне неуместен. Я предпочитаю думать о толковании как о «герменевтической спирали». Этот образ описывает отношения между Писанием и его читателями в форме диалога, а также указывает на движение вперед, направленное к цели более полного понимания.

Что производит такое спиральное продвижение к лучшему пониманию? Как мы увидели в предыдущей главе, герменевтический прогресс полностью находится в руках Святого Духа. Только Его просвещение может продвигать нас к истине. Но мы также видели, что Дух пользуется многими средствами, чтобы помочь нам в этом процессе.

До Шлейермахера (1768–1834гг.) герменевтика обычно рассматривалась отдельно от теологии, литературы и закона. Они рассматривались, как разные дисциплины с разными методами толкования. Однако Шлейермахер выступал за то, что «искусство понимания» (*Kunst des Verstehens*) относится ко всем этим дисциплинам. Он считал, что один и тот же процесс человеческого понимания применим к любым дисциплинам.

Евангелисты должны осознать, что толкование Ветхого Завета подвержено влиянию практически всех дисциплин от точных наук до гуманитарных. Лингвистика, литература, философия, психология, социология, антропология, археология и множество других наук открывают путь к прогрессу в толковании.

Некоторые евангелисты испытывают ужасные неудобства, когда приходится полагаться на источники, находящиеся вне Библии. Разве недостаточно того, чтобы просто читать Библию? Разве обращение к другим дисциплинам не противоречит доктрине о том, что «Писание толкует Писание» (*Sacra Scriptura sui ipsius interpres*)?

Но с другой стороны, мысль о Писании, толкующем самое себя, подразумевает безупречное толкование. Вопреки церковным традициям и личным суждениям, реформисты утверждают, что единственно неоспоримым руководством к толкованию Библии является сама Библия. Святой Дух использует одни места Писания, чтобы помочь нам понять другие. Однако эта формула не исключает использования других источников толкования.

Обращение к другим источникам прекрасно подтверждает доктрину о взаимозависимости конкретного и общего откровений. Евангелисты утверждают, что Бог явил себя в Писании (конкретное откровение) и в творении (общее откровение). Эти два вида откровения взаимосвязаны и никак не противоречат друг другу.

Обычно евангелисты думают, что отношение между конкретным и общим откровениями действует односторонне. Если мы хотим осветить тот или иной аспект жизни, мы обращаемся к Библии. Каким бы ни был вопрос, Библия является нашим руководством к правильному пониманию. Исторически сложилось так, что протестанты считают Писание очками, сквозь которые мы можем правильно рассматривать и понимать общее откровение.

Но этот принцип действует также и в обратном направлении; общее откровение помогает нам понять личное откровение. Дух учит нас многому, используя источники, находящиеся вне Библии, что также обновляет наше толкование Писания.

Борьба между Галилеем (1564–1642гг.) и церковными властями иллюстрирует важность сверхбиблейских источников для толкования. Церковь, ссылаясь на книгу Иисуса Навина (10:13) («и остановилось солнце»), утверждала, что солнце на время прекратило вращение вокруг земли. В те дни такое толкование было очевидным и неоспоримым. Однако сегодня научные исследования показывают, что день и ночь меняются, благодаря вращению земли вокруг своей оси. Таким образом, сегодняшние евангелисты понимают этот стих не так, как их предшественники, жившие сотни лет назад. Мы знаем, что день был чудесным образом продлен для Иисуса Навина, но мы также знаем, что «остановка» солнца была явлением, которое он наблюдал относительно земли. Теперь мы понимаем, что 13-ый стих написан обычным, ненаучным языком, похожим на наше употребление слов «восход» и «заход». Более правильное понимание общего откровения не принудило нас отвергнуть Писание, а только помогло нам приспособить его толкование к современности. В этом случае и во многих других, Святой Дух использовал общее откровение, чтобы расширить наше понимание конкретного откровения.

Мы должны помнить, что многие факторы препятствуют нашей способности понимать обе формы откровения, в результате чего герменевтика и другие науки часто кажутся конфликтующими. Когда возникает такое противоречие, его причиной никогда не бывают формы откровения; конкретное и общее откровения никогда не противоречат друг другу, так как оба даны Богом. Проблема всегда заключается в нашем понимании. Иногда наше понимание Библии нуждается в обновлении, а иногда наше понимание общего откровения неадекватно. В конце концов, наши взгляды и на то, и на другое могут быть ошибочными.

В таких конфликтных ситуациях евангелисты отдают предпочтение Писанию, пока свидетельство общего откровения не станет очевидным. Это мудрый путь, но нам никогда не следует пренебрегать ценностью откровений, приходящих из других источников. Непреодолимое свидетельство общего откровения может убедить нас изменить свое толкование Библии, не отрекаясь от уважения к ее авторитету. Д. И. Пакер хорошо подытожил:

Научные теории не имеют права диктовать или указывать, что Писание может говорить, а чего нет. Но сверхбиблейская информация иногда оказывается полезной для выявления неверного толкования Писаний... Ибо, несмотря на то, что экзегетика должна направляться только текстом, а не внешними предположениями, ее процесс стимулируется постоянной переоценкой смысла того или иного стиха в свете информации из других источников.

В последующих главах мы рассмотрим, как Дух использует Библию и общее откровение для обновления нашего толкования ветхозаветных историй. Это влияние можно разделить на множество аспектов, но для удобства мы разделили его на три основных направления: личная христианская жизнь, взаимодействия в обществе и экзегетика Писаний.

Личная христианская жизнь. Прежде всего, мы увидим, что личная жизнь христианина наносит свой отпечаток на его чтение Писания. Дух использует черты нашей личности, наш жизненный опыт и призвание, чтобы помочь нам понимать ветхозаветные истории. Страдание пробуждает в нас понимание библейского учения о человеческой боли; радостные события открывают нам понимание соответствующих мест Ветхого Завета. Каждый обыкновенный и необыкновенный аспект нашей жизни скрывает в себе потенциал нашего продвижения по герменевтической спирали. Святой Дух использует нашу личную христианскую жизнь для влияния на наше толкование Ветхого Завета.

Взаимодействия в обществе. Во-вторых, мы увидим, как Дух готовит нас к чтению Писания через наши взаимодействия в обществе. Этот аспект общего откровения показывает, как Дух помогает нам толковать Писание через других людей — учителей, друзей, членов семьи, а также через чтение книг. Взаимодействие с другими людьми, которых Дух также по-своему учит, полноценнее готовит нас к исследованию ветхозаветных историй.

Экзегетика Писания. В-третьих, Дух готовит нас, привлекая к экзегетике Писания. Библейский свет, пролитый на нашу жизнь, оставляет в нас глубокий след. Ничто не заменит нам изучение конкретного откровения наедине с Богом. Исследование Библии также продвигает нас вверх по герменевтической спирали, к лучшему пониманию. Мы увидим, что эти герменевтические источники предлагают нам неисчерпаемую помощь в толковании (см. рис. 5).

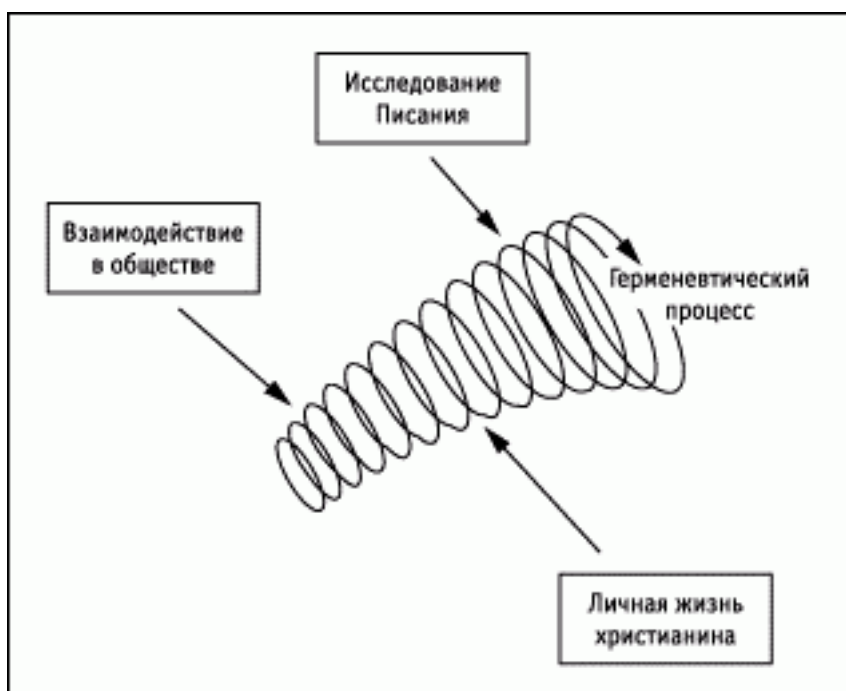

Рис. 5: Приоритеты модели диалога с авторитетом

Заключение

Эту главу мы начали рассуждением о том, что для диалога в группе необходимо подготовиться и говорить, и слушать. Чтение ветхозаветных рассказов похоже на диалог в группе. Исследуя Ветхий Завет, мы постоянно говорим и слушаем. При этом мы не полагаемся только на собственные средства, готовясь к такому диалогу. Дух готовит нас через личную христианскую жизнь, взаимодействия в обществе и исследование Писания. С

помощью этих средств мы можем продвигаться по герменевтической спирали по направлению к более полному пониманию и применению ветхозаветных историй.

Вопросы

1. Опишите философское происхождение субъективизма в формальной герменевтике. Почему этот метод привел к упору на описание? В чем заключается опасность субъективизма?

2. Опишите философское происхождение объективизма в формальной герменевтике. Почему этот метод привел к упору на предписание? В чем заключается опасность объективизма?

3. Что такое «модель диалога с авторитетом» в толковании Ветхого Завета? Чем она отличается от объективизма и субъективизма? Благодаря чему в этой модели мы можем надеяться на прогресс в своем понимании?

Упражнения

1. Прочтите 2 Паралипоменон 12:1–12. Составьте список пяти теологических заключений, которые вы можете сделать на основании этого отрывка. Теперь оцените ваш список. Как ваши предубеждения повлияли на толкование этого места Писания?

2. Изучите и сравните старый и современный комментарии к 2 Паралипоменон 12:1–12. Чем отличаются эти комментарии? Какие предубеждения со стороны авторов комментариев вы можете заметить?

3. Попросите друга прочесть 2 Паралипоменон 12:1–12 и составить список пяти теологических заключений по этому отрывку. Сравните этот список с вашим (из упражнения 1). В чем списки похожи? В чем отличны? Почему?

Влияние христианской жизни

Многие жизненные обстоятельства влияют на способность ребенка учиться. Это не только опытные учителя и усердие в учебе. Разлад в семье калечит учебу; физические упражнения и хорошее питание способствуют ей. Если мы хотим помочь своим детям успевать в школе, нам нужно учитывать многие аспекты их жизни.

Таким же образом многое в нашей жизни влияет на толкование Ветхого Завета. Почему вы смотрите на этот стих именно так, а не иначе? Благодаря чему, вы понимаете этот ветхозаветный рассказ именно так? Зачастую мы даже не осознаем всех влияющих факторов. Поэтому нам следует расширять кругозор и захватывать как можно больше источников влияния.

В этой главе мы увидим, как Святой Дух использует нашу личную христианскую жизнь для нашей подготовки к толкованию. Для этого мы рассмотрим три основных фактора: освящение, дарования и призвание. Мы читаем ветхозаветные истории в контексте нашего постоянного стремления к зрелости во Христе. Мы понимаем их в соответствии со своими естественными и сверхъестественными дарами, данными Богом. Мы размышляем о них в свете служения, к которому Бог призвал нас. Мы посмотрим, как Дух использует каждый из этих факторов, помогая нам толковать Ветхий Завет (см. рис. 6).

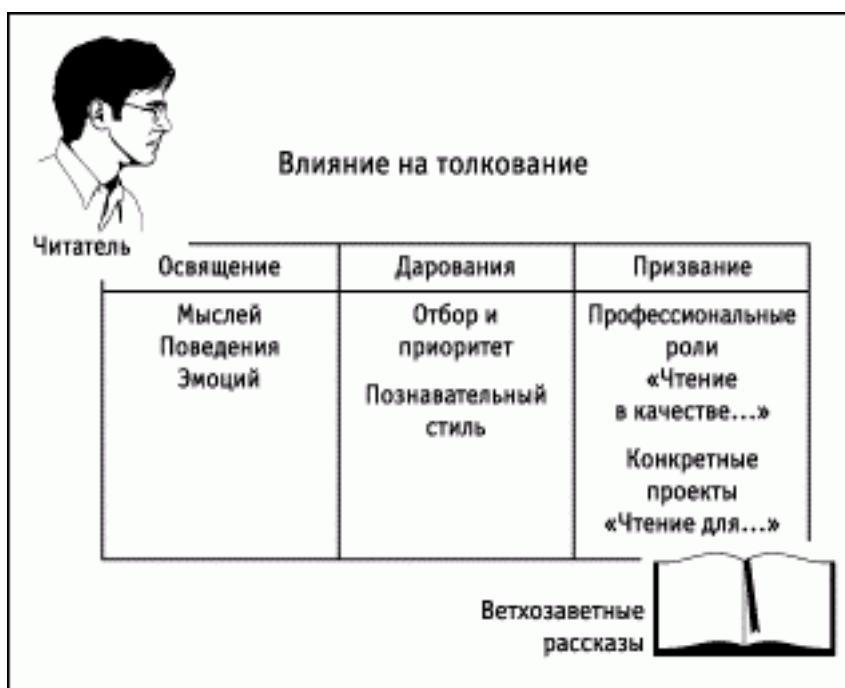

Рис. 6: Основные факторы, влияющие на христианскую жизнь

Все эти сферы взаимосвязаны. Освящение укрепляет наши дары и призвание; дарования включают аспекты духовности и профессиональные навыки; наше призвание к служению также тесно связано с освящением и дарами. Несмотря на то, что мы будем рассматривать каждый фактор в отдельности, мы должны постоянно помнить о его зависимости от остальных.

Освящение

Без упражнений наши тела слабеют и дряхлеют. После нескольких месяцев бездействия, тяжелая работа становится особенно трудной. Этот же принцип действует в нашей духовной жизни. Если мы не развиваемся в силе Святого Духа, наша духовная жизнь ослабевает. Мы можем жаждать правильного толкования Ветхого Завета, но мы не сможем сделать этого, если не пройдем через освящение.

В этой книге мы будем говорить об освящении, как о прогрессивной борьбе за духовный рост во всех сферах жизни. Как сказал Хоекема: «Освящение можно определить, как драгоценное действие Святого Духа, включающее наше внимательное участие, в котором Он избавляет нас, оправданных грешников, от нечистоты греха, обновляет всю нашу природу согласно образу Божию и дает нам силу вести угодную Ему жизнь».

Освящение является одним из важнейших элементов подготовки верующего к толкованию Библии. Чтобы исследовать эту жизненную связь, мы сосредоточимся на двух аспектах освящения: на его прогрессивной борьбе и обширном масштабе.

Прогрессивная борьба

Освящение является прогрессивной борьбой, длящейся всю жизнь. Дух трудится в нашей жизни, преображая нас в образ Христа (Рим.8:29), но при этом мы постоянно боремся с греховной жизнью. Как сказал Павел:

Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти; ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы (Гал.5:16–17; см. также Рим.7:14–25).

Ни один христианин не может избежать напряжения этого конфликта. Каждый момент жизни на нас влияет и Дух, и грех. В разное время и при разных обстоятельствах наши жизни разрываются между плотскими слабостями и преображающей силой Божьей благодати.

Евангелисты обычно считают, что жизненно важную роль в этой борьбе играет Писание. Чтение и размышления над Писанием приносят благодать в нашу жизнь, необходимую для христианской зрелости. «Все Писание богодухновенно... чтобы был совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2Тим.3:16–17). Без внимания к Писанию, освящение замирает. Но, как изучение Библии влияет на наше духовное состояние, так и наше духовное состояние помогает (или препятствует) изучению Библии.

К сожалению, евангелисты часто игнорируют такую взаимосвязь между освящением и Писанием. В некоторых исторических работах по герменевтике упоминалась важность духовного состояния толкователя. Но теперешние работы буквально игнорируют эту тему.

То же самое наблюдается на наших теологических семинарах, где, в основном, восхваляется идеал объективного, эрудированного толкователя. Мы, как будто считаем, что Писание могут изучать только высокообразованные мужи и жены, поглощенные наукой и имеющие несколько научных степеней. Но это заблуждение. Каждый из нас читает Библию на своем маленьком островке, окруженном вселенской войной между злом и Духом (Еф.6:10–18). Мы обманываем себя, если считаем, что можем читать и понимать Библию, как объективное учение. Признаем мы это или нет, но мы толкуем Писание как сражающиеся солдаты, раненные грехом и врачуемые Духом.

В этом вселенском бою на каждого из нас возлагаются огромные ожидания. Богу не нужны просто эрудированные толкователи; больше всего Он желает святых толкователей. Новый Завет сосредотачивается больше на нравственном характере учителей, чем на их

знаниях. Знание и навыки требуются в герменевтике, но основным требованием является освящение.

По этой причине мы всегда должны связывать изучение Ветхого Завета с самоанализом. В чем я слаб? В чем силен? Как на мое толкование влияет плоть, а как Дух? Ученые обычно не задают себе таких вопросов, но это важнейшие темы для каждого христианина, осознающего себя воином, ступившим на поле духовной битвы.

Такая самооценка может быть отрицательной и положительной. С отрицательной стороны, «нам нужно свергнуть с себя всякое бремя и запинаящий нас грех» (Евр.12:1). Несомненно, Святой Дух иногда действует, несмотря на наши греховные склонности. Его Слово поддерживает нас именно в тех сферах жизни, где мы чаще всего падаем. И наша задача не в том, чтобы ставить Духу преграды, а в очищении своей плотской почвы, чтобы она была пригодна для семени Его Слова. Через исповедание, покаяние и доверие Богу, мы должны удалять греховные склонности из своей жизни. Мы никогда не сможем полностью избавиться от всех негативных факторов, но наша цель в том, чтобы быть как можно свободнее от власти греха при толковании Ветхого Завета.

С положительной стороны, мы должны «стараться... иметь святость» (Евр.12:14). Освящающая работа Духа — это дар, помогающий нам при толковании. Мы желаем, чтобы работа Духа влияла, и даже доминировала над нашим изучением. Благодаря самооценке, мы можем различать дела плоти и Духа, и, забывая заднее, простираться вперед.

Обширный масштаб

Однажды я разговаривал с женщиной, которая во время второй мировой войны жила в Голландии. «Все, что мы делали, происходило в тени войны,— рассказывала она. — День и ночь — война влияла на все». Они просыпались под шум идущих по улицам солдат; они постоянно думали, кого арестуют следующим; спать ложились голодными, потому что солдаты воровали их еду. Они находились в зоне войны, и это влияло на каждую мелочь их жизни.

Война между грехом и Духом не происходит в каком-то одном углу нашей жизни; она распространяется на любую частичку нашего существования. Давайте посмотрим на три уровня этого конфликта: наши мысли, наше поведение и наши эмоции. Когда Бог сотворил человека, он был свят во всех этих качествах. Но, когда человечество впало в грех, оно стало совершенно порочным. Однако теперь во Христе наши мысли, действия и чувства подвержены процессу освящения.

Эти три аспекта жизни каждого человека тесно переплетены между собой. Наши мысли выражаются в наших действиях и чувствах. Наше поведение обуславливает наши мысли и отношения. Наши эмоции изменяют ход наших мыслей и действий. Поэтому нам следует внимательно рассмотреть влияние каждой нашей области на наше толкование ветхозаветных историй.

Мысли. Библия не оставляет сомнений, что в процессе освящения мы ведем брань на уровне помыслов. Мышление каждого из нас переменчиво. Один верующий может ясно осознавать свою ответственность перед вдовами и сиротами, однако при этом не понимать какого-нибудь важного аспекта Божьей доктрины. Другой может «плавать» в теологии, как рыба в воде, но при этом его мышление не воспринимает каких-то простых положений Библии. Так как никто не свободен от таких мыслительных «пробелов», мы должны стремиться подчинить наше мышление Духу. Как сказал Павел, «преобразаться обновлением ума нашего» (Рим.12:2).

Освящение мышления очень серьезно влияет на толкование Ветхого Завета. Иногда это влияние очень явно. Например, толкователи, которые читают о переходе через Иордан (Иис.Нав.3:1–17) и не верят, что библейские чудеса действительно происходили, понимают

это место не так, как те, кто признает чудеса. Расизм заставил толкователей извращать такие места, как проклятие на Каина (Быт.4:10–15) и Ханаан (Быт.9:24–25).

Почему же война мыслей играет такую важную роль при нашем чтении ветхозаветных историй? Потому что эти истории даны Духом и о них «нужно судить духовно» (1Кор.2:6–16). Чем больше мы придерживаемся плотского склада ума, тем больше мы будем извращать Писание (2Пет.3:16). Мудрость этого мира противоречит мудрости Божьей (1Кор.2:6–8). Мирская мудрость считает суть библейского учения — смерть и воскресение Христа — безумием (1Кор.1:23–24; 2:14). В то же время, чем больше мы подчиняемся Духу, тем лучше мы понимаем суть Писания. Мы должны иметь ум Христов, если хотим правильно толковать Его Слово.

Поведение. Уровень святости наших поступков также влияет на наше толкование ветхозаветных историй. Святость не означает просто правильное мышление; она также включает поступки. Христианство — это религия поступков, а не только идей. Мы можем правильно мыслить, но если эти мысли не управляют действиями, мы препятствуем своей способности понимать Библию. Мы должны «умерщвлять дела плотские» (Рим.8:12–14).

Молитва является неотъемлемой частью жизни библейского толкователя. Общение с Господом в молитве позволяет Ему действовать в нашей жизни. Не удивительно, что Апостолы постоянно пребывали «в молитве и служении слова» (Деян.6:4). Молитва и толкование держат друг друга за руки. Верно толковать Писание можно только получая помощь от Духа в молитве.

К сожалению, молитвой часто пренебрегают при научных исследованиях герменевтики. Хотя евангелисты подчеркивают необходимость личного взаимодействия с Богом в христианской жизни, они не обращают на это внимания в библейском толковании, в результате чего мужи и жены, обученные герменевтике, склонны игнорировать свою необходимость в молитве. Чем больше они знают, тем меньшее значение они придают молитве как герменевтическому источнику.

Сколько вы молитесь, когда читаете Ветхий Завет? Большинство из нас начинают и заканчивают свое изучение с одного-двух прошений, обращенных к Богу. Но насколько мы пренебрегаем молитвой, настолько же наше понимание будет лишено глубины и значения. Чтобы исцелить этот серьезный недуг, мы должны научиться разговаривать с Богом во время изучения Его Слова.

Мы с женой часто садимся рядом и обсуждаем письма, которые пишем. Мы читаем их друг другу, задаем вопросы, комментируем какие-то моменты. Иногда мы так увлекаемся в своих обсуждениях, что над коротким предложением можем размышлять часами. Мы не жалеем времени на совместное чтение, потому что оно дает нам возможность уделять друг другу внимание.

По-моему, то же самое должно происходить во время чтения Ветхого Завета. Мы не должны сидеть в тишине; нам нужно учиться просить у Бога особенных откровений на то или иное прочитанное место. Он является Автором этих текстов; нам нужно искать понимания у Него. Мы можем склоняться в исповедании грехов. Мы можем возносить свои сердца в прославлении. Но в любом случае, приступая к Ветхому Завету, мы должны понимать, что входим в присутствие Бога, и уделять Ему наше личное внимание. *Ora et labora* (молитва и труд) должно быть нашим девизом.

Молитва не является единственным действием, влияющим на качество толкования. Все, что мы делаем, так или иначе отражается на нашей способности правильно понимать Писание. Убеждения и мнения часто формулируются, утверждаются и шлифуются в процессе практики. Переживания, связанные с неудачами и успехами, пользой и ущербом делают свой вклад в формирование наших убеждений. Майерс сделал такое заключение:

Инструкции к правильному пониманию Библии даны по всему Ветхому и Новому Заветам. «Поступающий по правде идет к свету...» (Ин.3:21). Мудрый человек,

построивший свой дом на камне, отличается от глупца лишь тем, что поступал согласно услышанному слову (Мф.7:24–29). Сила слов Иисуса познается только в их исполнении.

Также и либеральные толкователи подчеркивают влияние успешной практической жизни и активного участия в делах мира на подходы к толкованию. Они утверждают, что их толкования не могут быть адекватно оценены в комфортной и беззаботной среде. И они правы: борьба и социальное притеснение вызывают у толкователей такие вопросы к Библии, о которых другие могут даже не задумываться.

Библия также говорит, что нечестивое поведение ослепляет наши глаза и ожесточает сердца к принятию Божьих откровений (Ис.29:9–13; Ин 8:43–44; 1Кор.3:1–3). Когда мы непослушны Богу, наш ум развращается. Нечестивый образ жизни приводит к духовной слепоте. Чем хуже наше поведение, тем больше нас поглощает тьма. Люди, живущие в сексуальной безнравственности, часто не могут понять, почему Бог так строго наказал Давида за его грех с Вирсавией (2Цар.11:2–12:12). Грех туманит наше видение; мы не можем четко видеть, чему именно научают эти истории.

Однако когда наше поведение зависит от Духа, наш взгляд проясняется, и понимание жизненных ценностей расширяется. Читатель, который усердно молится в трудные дни, будет особенно чувствителен к истории о молитве Анны (1Цар.1:3–2:11). Верующий, который отважен в служении Богу, по достоинству оценит героический характер Аода (Суд.3:12–30). Действие тесно связано с пониманием, поэтому освящение нашего поведения во много раз улучшит наше понимание ветхозаветных историй.

Эмоции. И, наконец, освящение достигает наших эмоций. Чувства, наряду с действиями и идеями, также являются частью духовной борьбы и возрастания во Христе.

Посмотрите на список плодов Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5:22–23). Мы не можем назвать эти плоды Духа простыми чувствами, «страстями и похотями» греховной природы (Гал.5:24), христиане подчиняют свои эмоции действию Духа. Робертс сделал вывод:

Чем бы ни было для нас христианство, оно точно включает всю сферу нашей эмоциональной жизни. Это любовь к Богу и ближнему, сожаление о своей порочности, радость о милостивом спасении от нашего Бога, благодарность, надежда и мир. И, следовательно, если я не люблю Бога и ближнего, не радуюсь о своем искуплении, если я не благодарен, не имею надежды и мира с Богом и собой, я не имею части в христианстве.

Нам нужно быть осторожными, чтобы не слишком упрощать сложность нашего эмоционального освящения. Радость, мир и счастье не исчерпывают списка правильных чувств. Отвращение, скорбь и гнев иногда тоже уместны.

Итак, мы видим, что возрастание во Христе охватывает и наши эмоции, которые так же оказывают влияние на понимание Ветхого Завета. Наши чувства открывают и закрывают для нас различные аспекты этих историй. Прежде всего, нас должен наполнять благоговейный страх Божий, когда мы приступаем к Его Слову. «Начало мудрости — страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление» (Пр.1:7). Страх и трепет перед Богом необходимы для понимания Писаний. Термин «страх» не является синонимом слов «испуг» или «ужас». Он подразумевает гораздо большее, чем просто эмоциональное переживание, хотя страх Божий — это эмоции. Чтобы иметь более глубокое понимание Слова Божьего, мы должны исполниться благоговением и страхом. Толкователи, не имеющие смиренного и покорного духа, могут только извращать.

Эмоции также положены в основу величайших заповедей. Заключение Иисуса о законе и пророках должно крепко утвердиться в сердце каждого толкователя. «Возлюби Господа

Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим... Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22:37–40).

Любовь к Богу и ближнему является первостепенной основой для герменевтики. Эти повеления Божьи мы не должны понимать как преходящие эмоции. Любовь, как преданность и служение, которые мы проявляем к Богу и людям, подразумевает глубочайшие эмоции. Эмоциональная подготовка к толкованию Ветхого Завета должна основываться на благоговении перед служением Богу и ближним. В конце концов, в чем заключается цель нашей работы, если не в угождении Тому, Кто дал нам Писание и не в помощи нашим ближним? Если наши сердца ожесточены к милости Божьей и безразличны к нуждам окружающих нас людей, мы не сможем ни исследовать, ни применять ветхозаветные истории.

Наши чувства влияют на наше толкование. Они влияют на наш выбор того или иного места Писания. Когда мы печальны, мы ищем истории, которые развеселят нас. При разном настроении мы обращаем внимание на разные аспекты одной и той же истории. Пара любящих друг друга молодых людей будет находить больше удовольствия в чтении стихов о свадьбе Руфи и Вооза (Руфь 4:13–15). Недовольный человек, может, призадумается, почему ропот Израиля на Господа в пустыне был таким серьезным преступлением (Чис.14:26–35).

Эмоциональная предрасположенность влияет на чтение ветхозаветных историй. К сожалению, научная модель объективного, хладнокровного толкователя умаляет роль эмоций в библейском толковании. Мы привыкли думать, что понимание — это всего лишь расстановка фактов по местам. Но факты и чувства являются партнерами в герменевтике.

Итак, Дух готовит нас к толкованию Писаний через освящение. В своих мыслях, действиях и чувствах наш дух борется с плотью. И по мере того, как мы послушны Духу и освящаемся на всех трех уровнях, наше понимание ветхозаветных историй углубляется.

Дарования

Почему одни учителя отличаются от других? Почему один толкователь подчеркивает в тексте то, что другой игнорирует? Многие различия не возникают в результате борьбы с грехом, а просто являются различными дарованиями — природными и сверхъестественными дарами, которые Бог дал каждому из нас.

Чтобы не усложнять нашу дискуссию о дарах, мы ограничимся определенными психологическими склонностями, присущими каждому из нас. Нас интересуют не столько физические и творческие способности (хотя они также, несомненно, влияют на наше отношение к Ветхому Завету), сколько сфера, часто называемая личностью. Личность — это совокупность психологических черт, характеризующих взгляды, эмоции и поведение человека.

Источники дарований

Откуда появляются наши дарования? Какие аспекты жизни формируют нашу личность? Бог, как дирижер, использует множество различных инструментов, влияя на формирование нашего характера. Трудно учесть все возможности, которые Он использует. Однако, изучая это влияние, мы лучше понимаем, как Дух готовит нас к плодотворному толкованию Писания. Давайте рассмотрим три основных источника наших психологических склонностей: наследственность, окружающая среда и сверхъестественная одаренность.

Наследственность. Постоянной темой исследования психологии является роль наследственности и окружающей среды в развитии личности. Я являюсь прежде всего продуктом генетического отбора или моего социального опыта? Мои психологические

склонности больше обусловлены природой или воспитанием? Хотя эти вопросы остаются по-прежнему открытыми, современные психологи соглашаются с тем, что как природа, так и воспитание; как наследственность, так и окружающая среда оказывают на нас свое мощное влияние.

Большинство из нас признает, что размер наших ушей, густоту волос и цвет глаз мы наследуем от родителей. «У нее подбородок мамы, а нос — папы», — часто говорим мы. Но исследования показывают, что наследственность влияет также на наши черты характера.

К примеру, наука допускает, что склонность к депрессии и шизофрении может быть унаследована. Интеллектуальный потенциал также тесно связан с генами. Мы даже можем увидеть, что такие особые способности, как, например, к музыке или искусству, часто передаются от родителей детям. Бог так устроил мир, что наша генетическая наследственность во многом определяет нашу личность.

Окружающая среда. Еще одной мощной силой, влияющей на формирование нашей личности, является окружающая среда. Переживания раннего детства оставляют в нас огромный отпечаток. С ранних дней родители могут повлиять на привязанность ребенка к добру или злу. Учеба в школе, различные травмы и всевозможные социальные события в большой степени определяют наши ценности, взгляды и поведение. Бог использует все — от глубоко запомнившихся событий, до основных ценностей нашей культуры, — чтобы подготовить нас к толкованию Своего слова.

Сверхъестественная одаренность. И, наконец, на нашу личность влияет одаренность, даваемая Святым Духом. Будучи главой церкви, Христос дает членам Своего тела различные способности (Рим.12:6–8; 1Кор.12:1–11; Еф.4:7–13; 1Пет.4:10). Одни верующие учат, в то время как другие слушают; одни проявляют особенное милосердие, другие показывают великую веру. Одни из нас одарены способностью четко различать корни житейских проблем и решать их; другие ничего не понимают в них. В любом случае, эти дары Духа влияют на наше мышление, поведение и эмоции.

Как видим, мы имеем те или иные дары, благодаря наследственности, опыту и сверхъестественному Провидению. Но какое отношение эти дары имеют к толкованию Ветхого Завета? Посмотрим на две сферы, в которых дарования влияют на наше понимание ветхозаветных историй.

Выборы и приоритеты

Человеческое восприятие всегда обусловлено выбором. Все мы без исключения выбираем для себя то, что нам больше подходит. Сталкиваясь с окружающим миром, мы никогда не сможем усвоить всего, поэтому мы принимаем одни элементы и исключаем другие. В нас всегда задействован познавательный отбор.

Например, что может быть проще, чем читать эту страницу? И все же, вы не можете читать ее без определенного порядка. Вы не читаете беспорядочно слова из любых частей страницы; вы читаете их слева направо и сверху вниз. Одни элементы вы полностью игнорируете, с другими считаетесь, согласно установленным для вас нормам.

Избирательность присутствует в нашем толковании ветхозаветных историй. Одну деталь мы считаем важнее другой. Мы подчеркиваем одни аспекты рассказа, а другие отставляем в стороне. Такой отбор является преднамеренным. Следуя своей стратегии толкования, мы сознательно цепляемся за один стих и упускаем другой. Но такая избирательность — только верхушка айсберга. Наш выбор более целенаправлен, чем мы можем себе представить. Он происходит на подсознательном уровне, так как многие непреднамеренные решения обуславливаются влиянием нашего генетического склада, окружающей среды и сверхъестественной одаренности.

На примере ветхозаветной истории о переносе Давидом ковчега в Иерусалим (2Цар.6:1–23) попробуем разобраться в том, что влияет на наше восприятие библейского текста. Первые стихи этой истории повествуют о трех разных аспектах этого события. Давид приносит ковчег из Ваала с великим веселием (ст. 1–5). Оза прикасается к ковчегу, и Господь поражает его (ст. 6–7). Давид исполняется страха и отправляет ковчег в другое место (ст. 8–11). На какой из этих трех сцен читатель склонен сосредотачивать внимание?

Если бы мы провели опрос, мы бы обнаружили, что музыкантов больше привлекла первая сцена. «Что это были за инструменты? Как они звучали? Как выглядел этот «концерт»?» Музыкантов обычно интересует сцена, в которой упоминается музыка.

Предположим, кто-то из читателей недавно утратил близкого человека из-за преждевременной смерти. Многие вопросы пронзают его разум: «Почему Бог забрал его? Какой в этом смысл?» Такой человек может бегло просмотреть первую сцену, но его остановит стих о внезапной смерти Озы. Он недавно пережил травму, поэтому его ум особенно чувствителен к этой сцене.

Предположим, человек вырос в семье, где царил разлад. Его личность была сформирована постоянным отвержением и пренебрежением со стороны тех, кто должен был заботиться о нем. Не удивительно, если он сосредоточится на незащищенности Давида в третьей сцене. Те же вопросы, которые задавал Давид, тревожат и его. «Я понимаю его», — думает читатель.

Каждый из этих толкователей отличается от других; но никто из них не ошибается. Как это может быть? Их опыт, дарования и интересы подтолкнули их в разных направлениях.

Многие толкователи не осознают, какую огромную роль в их толковании играют приоритеты и жизненный опыт, благодаря чему рождается герменевтическое высокомерие. Мы предполагаем, что внимательное изучение позволит нам охватить все аспекты текста. Но толкование всегда подвержено влиянию избирательности, основанной на наших дарованиях.

Поэтому, с практической точки зрения, читая Ветхий Завет, мы должны оценивать не только текст, но и влияние наших приоритетов. Как я могу оценить свои психологические склонности? Каким образом черты моей личности привлекли мое внимание именно к этому аспекту, а не к другому? Чем больше мы будем осознавать свои природные склонности, тем больше направлений в толковании мы сможем охватить. Какие части этого рассказа я оставил нетронутыми? Как мне увидеть больше, чем я вижу сейчас?

Познавательный стиль

Дарования также влияют на наш познавательный стиль, при помощи которого мы размещаем собранную информацию. Огромная часть психологических исследований зависит от познавательных способностей человека. Это означает, что в сборе информации люди склонны придерживаться одного из двух направлений. Психолог Ван Ливен определяет их так:

Некоторые люди... характеризуются объективностью, абстрактностью и дифференцированностью в интеллектуальной сфере, независимостью и достижениями в социальной сфере, самодостаточностью и относительным стоицизмом в эмоциональной. Другие люди... характеризуются интуицией, буквальностью и глобальным восприятием в интеллектуальной сфере, взаимозависимостью и стремлением к общению в социальной сфере, свободой выражения в эмоциональной сфере.

Эти два стиля познания можно описать, как аналитический и глобальный. Аналитический стиль направлен на подробное, разборчивое и фактическое знание. Глобальный стиль больше относится к синтезу, интуиции и эмоциям.

Как бы вы ответили на вопрос: «Что такое цветок?» Если вы склонны к познавательному аналитическому стилю, ваш ответ, скорее всего, будет звучать, как учебник по ботанике: «Цветок — это репродуктивный спорофитный элемент, состоящий из волосков, пыльника, рыльца...». Если же вы больше склонны к познавательному глобальному стилю,

ваш ответ будет другим: «Цветы — это дары весны». Оба эти определения правильны. Но их познавательный стиль резко отличается.

Тем не менее, эти стили являются больше тенденциями, чем абсолютными противоположностями. Мы можем быть более или менее аналитичными или глобальными в той или иной сфере. В одних условиях мы можем действовать глобально, в других — аналитически.

Познавательный стиль очень влияет на наше понимание ветхозаветных историй. Такое влияние можно определить в двух направлениях: маленькие и большие предметы и «твердые и мягкие мерки».

Маленькие и большие предметы. Аналитический и глобальный стили толкования можно определить, как склонность к микроскопическому и макроскопическому взглядам на большие и маленькие предметы текста. Аналитический подход рассматривает рассказ в мелких деталях. Толкователь, имеющий такую ориентацию, обычно раскладывает и анализирует историю по словам, фразам, предложениям и стихам.

Глобальный подход смотрит на ту или иную историю, как на одно целое. Он синтезирует различные элементы рассказа. Параграфы, эпизоды, разделы и целые книги рассматриваются в свете глобальных перспектив и общих мотивов.

При научном толковании Библии, в основном, отдают предпочтение микроскопическому, аналитическому подходу. Использование ветхозаветных историй для утверждения доктринальных положений привело к аналитическим стилям в экзегетике. Даже если студенты начинают свое теологическое образование с глобальных взглядов, ко времени выпуска большинство из них будут сформированы в микроскопичных толкователей.

Такое направление теологической науки не просачивается к обычным людям, чье понимание ветхозаветных историй часто ограничивается несколькими разбросанными стихами. Наши библейские занятия часто состоят из извлечения поучительного урока из одного-двух стихов.

Микроскопическая техника исследования может многое предложить, но она представляет собой только один подход к толкованию. Мы не должны недооценивать важности познавательного глобального стиля. Понимание больших предметов не менее важно, чем сосредоточенность на мелочах. Наряду с вопросом: «Что означает этот стих?» у нас должны появляться и такие вопросы, как «Что означает эта история? Раздел? Книга?»

«Твердые и мягкие мерки». Познавательный стиль также влияет на «твердое» и «мягкое» измерение текста. Аналитический подход подчеркивает твердую, фактическую сторону рассказа, в то время как глобальный менталитет обращает внимание на мягкую, эмоциональную сторону. Ни один из этих взглядов не исключает другой, но при чтении Ветхого Завета толкователи обычно склонны идти только в одном направлении.

С такими отличиями я впервые столкнулся на уроке биологии в колледже, где нам нужно было расчленивать лабораторную крысу. Учитель проинструктировал нас, как и где нужно резать, но я просто не мог сделать этого. Почему? Потому что я привык думать о крысах, как о живых, пушистых зверьках, а не как о лабораторных экземплярах. Другие студенты разбирались со своими крысами, видя в них объект для опытов, но для меня это было невозможно. Я смотрел на них с эмоциональной точки зрения. Медики проходят через такое же препятствие. Несколько хирургов рассказывали мне, что им пришлось учиться думать о пациентах на столе не так, как они думают о людях в повседневной жизни. Существует заметная разница между нашим подходом к предмету научного опыта и нашим отношением к тому же предмету в обычной жизни.

Похожие затруднения могут возникать при толковании ветхозаветных историй. Как последователи Христа, мы любим эти рассказы; они несут нам глаголы вечной жизни. Как Давид любил и наслаждался Писанием (Пс.118:14, 16, 47, 48), так и нас они касаются глубоко внутри. Но при научном библейском толковании мы обычно проводим слишком

объективный и хладнокровный анализ. Грамматико-исторические методы направлены на логические, фактические аспекты текста и очень редко признают их мягкую, эмоциональную сторону.

Обзор комментариев к первой главе книги пророка Ионы отражает эту тенденцию. Комментаторы обычно очень интересуются своеобразной еврейской фактурой этого места. За редким исключением, толкователи игнорируют эмоциональные аспекты этой главы, сосредотачивая свое внимание только на исторических фактах. Некоторые, например, упоминают об иронии, наполняющей суть этого рассказа. Хотя пророк всеми силами старается убежать от Бога, он лицемерно заявляет: «Я — Еврей, чьего Господа Бога небес, сотворившего море и сушу» (Ионы 1:9). Некоторые комментаторы обращают внимание на то, как Иона высмеивается в сравнении с языческими моряками, призывающими Господа, приносящими жертву и дающими Ему обеты (Ионы 1:14, 16). Эта глава полна эмоционального напряжения, но наш обычный познавательный стиль несправедливо угашивает его.

Признать разницу между эмоциональной и фактической сферой толкований — это путь для уравнивания своего отношения к Ветхому Завету. Это поможет оценить наши методы толкования Писаний. Сосредотачиваюсь я больше на «твердой», или же на «мягкой» стороне Писания?

В последующих главах мы рассмотрим способы чтения с использованием обоих познавательных стилей. Научившись выходить за пределы собственных природных склонностей, мы сможем обогатить свое понимание Ветхого Завета.

Необходимо только помнить вот что: Бог допускает разделение между христианами, чтобы мы могли учиться друг у друга. «Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна» (1Кор.12:21). Нам, особенно христианам с твердыми богословскими убеждениями, трудно научиться чтить разнообразие даров в церкви. Часто считается, что разница в толкованиях — это вопрос правды и лжи. Несомненно, часто это именно так. Но отличие одного толкователя от другого может быть только вопросом отличия их дарований.

Итак, мы ясно видим, что дарования оказывают огромное влияние на наше понимание ветхозаветных историй. Чтобы тщательнее подготовиться к предстоящей задаче толкования, нам нужно осознать свою склонность выбирать и особенности познавательного стиля.

Призвание

Третьим аспектом христианской жизни, влияющим на наше толкование, является призвание. Наряду с нашим освящением и дарами, Святой Дух также использует наши жизненные обстоятельства, чтобы подготовить нас к толкованию. Призвание, в свою очередь, затрагивает два аспекта христианского опыта: служение в церкви, профессию и конкретные проекты, которые мы преследуем в служении Богу.

Профессиональная роль

Одна молодая женщина собиралась впервые участвовать в общественном конкурсе живописи. Она очень радовалась возможности выставить напоказ свою работу. Однако она не знала, что другие участники были гораздо лучше ее. На фоне их полотен ее самая удачная картина выглядела, как школьный рисунок. К счастью, директор выставки была подругой этой женщины, поэтому за день до конкурса, она позвонила и сказала: «Сью, как директор, я должна сказать тебе, что завтра нужно быть к 8:00 утра. Но как подруга, я бы посоветовала тебе вовсе не показываться!»

Как официальное лицо, директор должна была сказать одно, но как друг — совсем другое. Она не противоречила себе, хотя ее слова были совершенно разными. Она просто

говорила с точки зрения разных ролей — директора и подруги. К счастью, начинающая художница учла совет подруги и избавила себя от позора.

Читая ветхозаветные истории, мы сталкиваемся с подобными проблемами. Роли, которые мы принимаем на себя в жизни, влияют на наше толкование. У верующих есть разные призвания в церкви и обществе. Бог поставил нас на различные должности, связанные с различными обязанностями. У нас есть обязанности в церкви. Пасторы, старосты, учителя и диаконы имеют определенные задачи. Церковные советы также закрепляют задачи за членами церкви. Одни люди ведут, другие — ведомые. Одни евангелизируют, другие служат нуждающимся (Рим.12:4–8; 1Кор.12:27–31; Еф.4:11–13).

Наши занятия выходят за пределы церкви. Бог призвал нас являть Его образ в каждой сфере нашей жизни. В семье, школе, бизнесе, политике и искусстве верующие в Христа призваны служить. Некоторые из нас являются лидерами комитетов, другие — обычными гражданами. Одни наемники, другие — работодатели. Одни родители, другие — дети. Каким бы ни было призвание, будучи последователями Христа, мы во всем служим Ему, «как Господу» (Кол.3:18–24).

Ролевые функции меняются. Например, в течение одного дня, моя жена не только член церкви, она также жена, дочь, сестра, друг, работник, сосед, гражданин, потребитель, студент, пациент, пассажир, повар, советник, воспитатель, учитель, медсестра и так далее. Каждый из нас имеет множество ролей и различные призвания.

Понимаем мы это или нет, но мы всегда читаем Ветхий Завет с «колокольни» наших занятий. Толкователи не могут полностью отрешиться от своего призвания в жизни. Мы читаем, как студенты, матери, отцы, дети и пасторы.

Занятия обычно не влияют на основной уровень понимания. Элементарное понимание пастора может быть очень похоже на понимание ребенка. Например, читая слова Валаама: «Не должен ли я в точности сказать то, что вкладывает Господь в уста мои?» (Чис.23:12), оба они согласятся, что Валаам считал необходимым передать слова, которые ему сказал Бог. На самом простом уровне они оба одинаково поймут слова «Да будет свет» (Быт.1:3). На этой стадии повседневные занятия имеют небольшое значение.

Но чем больше уровень нашего понимания, тем очевидней становится разница между чтением в разные периоды, когда мы выступаем, то в одной роли, то в другой. Наши занятия влияют на методы, которыми мы оперируем; выборы, которые мы делаем; значения, которые мы придаем, и так далее.

Одного примера будет достаточно. Когда я преподаю книгу Судей в семинарии, я посвящаю целое занятие теме изнасилования наложницы левита (Суд.9:1–30). Главное внимание я обращаю в своей лекции на то, что книга Судей была написана с целью показать нужду Израиля в благочестивом царе. Эта древняя ужасная история иллюстрировала социальную анархию, господствовавшую в то время, когда у Израиля не было царя, и каждый делал то, что было справедливым в его глазах (Суд.21:25). К концу лекции большинство студентов убеждалось, что Израиль нуждался в царе.

Но когда я учил из книги Судей во время нашего семейного чтения Библии, весь этот эпизод я пропустил. У меня были те же намерения, что и в классе. Я хотел, чтобы моя восьмилетняя дочь поняла цель книги Судей. Почему же тогда я пропустил целый раздел? Потому что здесь я читал, как родитель маленькой девочки. Я опасался травмы, которую ей могла причинить 19-я глава, поэтому цель книги я объяснял ей, используя другие стихи. В своих толкованиях роль родителя очень отличается от роли профессора.

Подобные решения мы принимаем каждый раз, когда мы толкуем Библию. На определенные места мы обращаем внимание, другие пропускаем, чтобы преподнести материал в духе того или иного призвания.

Молодые пасторы, только окончившие семинарию, часто путаются в своих ролях. Годы, проведенные на занятиях, в среде ученых, заставляют многих пасторов действовать в церкви как ученые. Но церковь — это не кафедра ученого. Герменевтическая практика учителей семинарии обычно является плохой моделью для пасторского толкования.

Поэтому, если пасторы не вникнут в суть своего призвания, они рискуют остаться научными инструкторами, а не пастырями Божьего народа. При толковании мы должны помнить о своем призвании. Какую задачу я выполняю? Какое влияние на толкование этого места оказывает мое призвание? Чем точнее мы ответим на эти вопросы, тем больше у нас надежды на ответственное обращение с Ветхим Заветом.

Конкретные проекты

Решение многих жизненных проблем влияет на наше толкование. Мы читаем истории по-разному, часто мы толкуем их в свете насущных проблем. Будучи родителями, мы используем ветхозаветные истории в воспитании детей. Как пасторы, мы используем их для исправления, утешения, наставления и поощрения людей, которым мы служим. Наши задачи влияют на то, как мы обращаемся с текстом. То есть, мы читаем не просто так; мы читаем с какой-то целью.

Несколько лет тому назад у меня была возможность в трех разных церквях проповедовать из истории о том, как Езекия праздновал Пасху (2Пар.30:1–27). После этого я увидел, как влияют насущные проблемы на толкование Писания.

Езекия пригласил северные колена присоединиться к нему в Иерусалиме на Пасху (ст. 1–9). Многие отказались, но некоторые приняли его приглашение (ст. 10–12). Праздник превосходно начался и продолжался, пока некоторые из участников не заболели, потому что не прошли через ритуальное очищение (ст. 15–18). Тогда Езекия начал молить Бога, чтобы Он призрел на сердца людей, простил и исцелил их (ст. 18–19). Бог ответил, исцелил больных, и праздник продолжился, как ни в чем не бывало (ст. 20–21).

Эта история прекрасно показывает заботу автора книги Паралипоменон об обновлении Израиля в период после возвращения из плена. Север и Юг объединились, чтобы поклониться Богу в храме. Объединение Езекии автор использует как образец, которому читатели его дней должны были следовать для восстановления царства.

Изучая это место для проповеди в трех разных церквях, я решил многие аспекты оставить одинаковыми. Я проповедовал одинаково во всех трех местах: я был служителем-гостем, приглашенным сказать проповедь. По большей части мои методы были одинаковыми, но в каждом собрании я рассматривал эту историю по-разному.

Я знал, что в первой церкви собрание нуждалось в большем посвящении Слову Божьему. Как вы, наверное, догадались, я подробно рассматривал преданность Езекии Божьему Закону. С ранних лет он хранил заповеди, данные Господом через Моисея (4Цар.18:6). Трудности Иудеи он считал результатом непослушания Закону (4Цар.29:6–10). Он очищал Иудею от идолопоклонства (4Цар.18:4). Он восстановил завет, очистил храм, возобновил Пасху (2Пар.29:3–10; 30:1–5).

Во второй церкви, собрание было преданно доктринальной чистоте, но ему не доставало терпения и единства. Поэтому я более сосредотачивался на стремлении царя к единству. Я рассмотрел, как Езекия посылал письма, приглашая колена на праздник Пасхи (2Пар.30:1). Когда пришедшие не освятили себя, Езекия молил Господа простить их (ст. 18–20). Я увидел, как Бог благословил Езекию, дав дух единства народу (ст. 12). Аспекты рассказа, которые я упустил в первой проповеди, внезапно оказались в центре второй.

Наконец, готовясь к третьему служению, я не имел представления о нуждах собрания, поэтому настроился представить более уравновешенную картину. В своей проповеди я сосредоточился на балансе чистоты и единства, которые показал Езекия в своей реформе.

В той или иной степени, конкретная цель толкователя всегда влияет на его изучение и открытия. Мы придерживаемся одной линии мыслей, пропускаем другие, исследуем одну сферу, не обращаясь к другим, подчеркиваем один предмет, а не другой. К одним и тем же ветхозаветным историям мы можем подходить с разных сторон, для разных целей: поклонения, евангелизма, учения, ободрения и исправления. Мы читаем ветхозаветные

истории в разных собраниях: наедине, в семейном кругу, в церкви, в школе. В разных состояниях: в болезни, на дне рождения, на бракосочетаниях, на похоронах.

Мы сталкиваемся с разными жизненными ситуациями, и наше толкование иногда может быть необычным. Но это не значит, что оно будет неправильным. Тисельтон предложил аналогию, точно иллюстрирующую правильное понимание толкования: «Пианино можно использовать в качестве дров, и в большинстве случаев такие действия будут осуждены, как неправильные. Но если вы очутились на льдине в Арктическом океане и умираете от холода, вы с ликованием подожжете самый дорогой на свете рояль!» Конечно же, это не значит, что ветхозаветные истории можно толковать как нам угодно. Мы должны усвоить предостережения от злоупотребления Писанием. Но в рамках правильного толкования мы признаем, что наше толкование не является единственно правильным, поскольку оно во многом служит нашим конкретным целям.

Поэтому нам нужно исследовать не только текст, но и методы, которые мы будем применять для толкования этого текста. Какова моя конкретная цель? Как я взаимодействую с текстом, чтобы достигнуть этой цели? Что я пропускаю, преследуя свою цель?

Заключение

Эту главу мы начали с того, что на толкование Ветхого Завета влияют факторы, которые мы часто не замечаем. Поэтому мы должны признавать и учитывать влияние уровня нашего освящения, наших дарований и призвания. Исследуя эти сферы и подготовку к толкованию, которую Святой Дух проводит благодаря им, мы сможем быстрее и легче находить сокровища, содержащиеся в историях Ветхого Завета.

Вопросы

1. Что такое освящение? Как освящение мыслей, поступков и эмоций влияет на толкование Ветхого Завета? Проиллюстрируйте на примере какого-нибудь места Писания.

2. Что подразумевают собой «дарования»? Каковы источники наших дарований? Как они влияют на наше толкование?

3. Что означает призвание толкователя? Почему нам всегда необходимо учитывать свое призвание при толковании Ветхого Завета? Покажите на примере какого-нибудь места Писания.

Упражнения

1. Перечислите пять этапов, которые вы проходите при подготовке к чтению Ветхого Завета. Распределите эти пункты по категориям освящения мыслей, поведения и эмоций. В чем вы сильны? В чем слабы? Как вы можете расширить свою подготовку?

2. Попросите четырех людей указать на наиболее важный аспект Быт.1:1–2:4. Сравните их ответы. Какое влияние их дарований вы заметили? Можете ли вы расширить список важных моментов этого места Писания?

3. Прочтите Быт.9:1–11. Как должно меняться ваше объяснение этого места, если вы будете строить на нем свое учение для дошкольников, на уроке истории в колледже, на библейском занятии для взрослых? Почему?

Влияние взаимодействия

«Никогда не иди в воду один,— это первое правило, которое я выучил на уроке по плаванию,— кто-то должен быть рядом, чтобы помочь, если ты попадешь в беду». Когда мне было девять лет, я понятия не имел, насколько опасной может быть вода. Это правило было не для меня, пока не наступило очередное лето.

Я стоял в оцепенении на песке, глядя, как сильные потоки воды тянули моего двоюродного брата в море. Когда я решился прыгнуть в воду и приплыл на помощь, он схватил меня, и мы оба скрылись под водой. Я всеми силами старался отцепиться от него и, наконец, оттолкнув его, оставил тонуть. Я, как сейчас, помню его крики: «Не бросай меня!» К счастью, когда я выбрался на берег, мимо меня в воду бросились двое мужчин и спасли моего кузена от неминуемой гибели. Я навсегда запомнил тот день. С тех пор я никогда не купаюсь один.

Подобным образом мы не должны пытаться толковать ветхозаветные истории в одиночку. В толковании этих рассказов скрываются опасности. Сильные потоки могут унести нас в море неправильного понимания. Ради безопасности мы должны учиться толковать вместе с другими людьми, чтобы в случае беды кто-то всегда мог помочь.

В предыдущей главе мы увидели, как Святой Дух готовит нас к чтению Ветхого Завета через различные аспекты личной христианской жизни. В этой главе мы обратим внимание на второй важный влиятельный фактор: взаимоотношения в обществе. С каким обществом мы взаимодействуем? Насколько динамичны эти взаимоотношения? Как связано толкование с взаимоотношениями? Изучая эти три основных аспекта, мы увидим, насколько значительно влияние других людей на наше толкование ветхозаветных историй.

Взаимоотношения в обществе

Большинство евангелистов читают Ветхий Завет, совершенно не нуждаясь в помощи других. «Все что нужно для чтения — это Дух, Библия и я сам». Хотя такое мнение и в самом деле определяет основные элементы толкования, оно является только частью общей картины. Нам также нужна помощь других в толковании Ветхого Завета.

Каждый из нас живет в каком-нибудь обществе. Мы организуемся в семьи, клубы, общины и народы ради взаимной поддержки. Слова Господа в Библии отражают важность общения. Все, что Он сотворил, было «хорошим» (Быт.1:25); в конце оно было «весьма хорошим» (1:31). Но затем, посмотрев на одиночество первого человека, Он провозгласил: «Не хорошо быть человеку одному» (2:18). Согласно Божьей воле, для нас благо жить и работать с другими.

Общество человечества

Как последователи Христа, мы действуем в двух сферах общества. Во-первых, мы взаимодействуем со всем человечеством. В сфере общей благодати мы многое разделяем с другими людьми, несмотря на наши разные религиозные убеждения. Мы живем в одном и том же физическом мире, разделяем многие направления культуры и работаем вместе для достижения общих целей. Хотя мы и не должны пасть жертвой греховности этого мира, мы все равно не можем оградить себя от остального человечества.

Большинство из нас признает необходимость взаимодействия с человечеством в различных видах деятельности. Мы редко интересуемся религиозными убеждениями авто слесаря, если машина сломалась. Если он известен своей честностью и хорошей работой, мы

звоним ему. Крысолов не обязательно должен быть христианином. Мы не просим позвать верующего офицера, когда звоним в полицейский участок. В повседневной жизни мы постоянно полагаемся на людей, которые не разделяют наших христианских убеждений. Поэтому нас не должно удивлять, что при изучении Ветхого Завета нам необходимо взаимодействовать с неверующими. Многие люди, не исповедующие веру во Христа, сделали важный вклад в толкование ветхозаветных историй. Огромная часть их исторической, лингвистической, философской и даже теологической работы повлияла на толкование ветхозаветных историй и сегодня.

Но как могут неверующие понимать что-то в Ветхом Завете? Разве они имеют Святого Духа, который так необходим при толковании? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны осознать, что Библия представляет неверующих с двух сторон.

С одной стороны, Павел отражает фундаментальные убеждения неверующих в своем предостережении Колоссянам: «Смотрите (братия), чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол.2:8). Неверующие преданы человеческим традициям, отделенности человека от Бога. Это то, что формирует их мышление, поведение и взгляды на все окружающее. Они подавляют истину откровения (Рим.1:18); они любят тьму и ненавидят свет (Ин.3:19); их понимание извращено и омрачено (Еф.4:17–18). Влияние греха распространяется даже на их мышление. По сути, противление неверующих Богу удаляет всякую надежду на истинное понимание Бога, мира и путей человечества. Чем больше они прилепляются к человеческим преданиям, тем более бессмысленными и тщетными становятся их усилия во всем полагаться на себя. По закону общей благодати, Господь удерживает их попытки жить в постоянном отвержении Христа. Как сказал Павел: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон» (Рим.2:14). Ни один неверующий не может быть полностью независим от Бога. В той или иной степени, сознательно или нет, но он во многом полагается на христианские ценности. Это происходит благодаря общему (необязательно искупляющему) действию Духа.

Писание подтверждает это. Например, книга Притчей утверждает, что знание и мудрость покоятся на «страхе Господнем» (1:7). Истинное знание и житейская мудрость всегда подчинены библейскому закону веры. В то же время, книга Притчей содержит множество изречений мудрецов из других культур древнего Ближнего Востока. Притчи Агура (30:1–33) и Лемуила (31:1–9), скорее всего, появились вне Израиля. Мудрецы древнего мира были благословлены откровениями общей благодати, которые являются ценными и для людей истинной веры.

Новый Завет также свидетельствует о подобном взаимодействии с неверующими. Иисус говорил Своим последователям учиться у фарисеев, их Иудейских учителей, хотя и предостерегал от их лицемерия (Мф.23:1–12). Павел положительно относился к высказываниям языческих философов. В книге Деяний Апостолов (17:28) он цитировал Аратуса и Клеантия. В послании к Титу (1:12) он ссылаясь на Епименидия. В первом послании Коринфянам (15:33) он упоминал слова Менандера. Очевидно, что Бог дает неверующим многие откровения общей благодати.

Евангелисты бросаются в крайности, когда речь заходит о чтении неверующими Библии. С одной стороны, мы так боимся их ложных идей, что полностью избегаем их теологических комментариев. «Они же не христиане,— говорим мы, — от них нужно держаться подальше!» Но это противоречит общим действиям Духа. Подумайте над советом Кальвина: «Если мы действительно относимся к Духу Божьему как единственному источнику истины и не хотим обесчестить Его, мы не будем отвергать ни саму истину, ни тех, через кого она может проявиться».

Однако, с другой стороны, некоторые евангелисты забывают о том, что основные религиозные убеждения оказывают значительное влияние на понимание Писания. К мнению неверующих они относятся без особого опасения. Но мы никогда не должны забывать, что

убежденность человека в своей автономности, особенно его духовное состояние, играют основную роль в его толковании Ветхого Завета.

Ни одна из этих крайностей неприемлема. Мы должны признавать откровения неверующих, но при этом не игнорировать их возможной опасности. Взаимодействие с неверующими похоже на раскопки в поисках золота. Самородки откровений смешаны с тоннами бесполезных камней и грязи. Мы не должны быть настолько глупы, чтобы проходить мимо самородков настоящего золота, где бы они ни находились. Мы являемся частью человечества, и нам следует быть готовыми взаимодействовать с неверующими в поисках понимания ветхозаветных историй.

Общество верующих

Христиане также принадлежат второй сфере общества, телу Христову. Мы стали членами новой человеческой расы — верующих людей (1Кор.12:13). В этом особенном обществе мы наслаждаемся близким общением, превосходящим любые связи и отношения с обычными людьми. Мы разделяем «одного Господа, одну веру, одно крещение» (Еф.4:4–6). И что наиболее важно для герменевтики, мы разделяем одну освящающую и просвещающую работу Святого Духа.

Доктрина Реформации о священстве верующих указывает на необходимость во взаимодействии между ними. К сожалению, эта доктрина часто неправильно воспринимается как учение о том, что толкование Писаний является исключительно вопросом личного вкуса. Но первоначальный смысл этой доктрины совершенно противоположен. Реформаторы считали, что понимание Писаний является делом всех верующих, действующих как одно тело Христово. Согласно мнению Иствуда, «доктрина о священстве верующих при правильном понимании превосходит разделение между служителями и прихожанами и, не упраздняя разницы их функций, объединяет их в едином, общем деле священства». Священство противоположно индивидуализму; оно служит объединению верующих. Мы толкуем Писания вместе.

Новый Завет обычно говорит об общении верующих в контексте их взаимного служения и сотрудничества (Фил.2:1–4; 1Кор.12:12–31). Мы не стоим отдельно друг от друга; мы трудимся вместе для Божьего Царства. Мы объединяем усилия в служении друг другу, как члены тела Христово. Мы объединяемся также для того, чтобы лучше понимать Ветхий Завет. Мы изучаем его вместе в церкви, дома и в школах. Мы служим друг другу, когда обмениваемся мыслями, в надежде на то, что вкладом каждого Дух обогатит единую симфонию истинного понимания.

В наши дни нужна во взаимодействии с обществом верующих больше, чем когда-либо раньше. Мы живем в век информационного взрыва. Многие годы ученые сосредотачивались либо на Ветхом Завете, либо на Новом Завете. Сегодня внимание еще больше сужается и направляется только на маленькие частички Ветхого и Нового Заветов. Библейское толкование все больше усложняется, благодаря чему в огромной мере увеличивается масштаб требуемых исследований и изучений, а также появляются новые специализации.

Умножение различных специализаций явно свидетельствует о необходимости сотрудничества между ними. Пасторы и учителя, к примеру, не могут быть экспертами во всех сферах, влияющих на толкование Ветхого Завета. Нам нужно довольно хорошо разбираться в как можно большем количестве предметов, но ограниченность времени и способностей не дают возможности проводить свои исследования во многих сферах. Поэтому нам необходимо взаимодействие с теми, кто специализируется именно в этих областях.

Насколько ваше толкование зависит от других людей? С библейской точки зрения, правильное толкование требует взаимодействия с обществом. Нам нужна помощь других людей, верующих и неверующих.

Динамика христианского взаимодействия

Несколько лет назад один мой друг попросил меня тренировать баскетбольную команду. Я никогда не делал этого раньше и к тому же совершенно не знал ребят. Но я все равно согласился. Прежде всего, я старался оценить способности каждого игрока, — кто как водит мяч, кто может попасть по кольцу издалека, кто точнее всех дает пас и т.д. Затем я принялся формировать команду; я учил ребят, как работать вместе. Я мало знал о тренерской работе, но я точно знал одно: чтобы получилась команда, нужно учитывать таланты каждого игрока.

Взаимодействие в христианском обществе является командной деятельностью. Если мы хотим трудиться вместе, мы должны учитывать, по крайней мере, два пункта: во-первых, мы должны познакомиться с различными игроками нашей команды. Из каких задач состоит наш успех? Кто отвечает за них? Во-вторых, мы должны учиться координировать вклад каждого игрока в общее дело всей команды. Как и в чем нам нужно сотрудничать с другими?

Элементы взаимодействия

Какие элементы взаимодействия мы должны учитывать, приступая к Ветхому Завету? Какие игроки составляют нашу команду? Для удобства мы поговорим о трех основных элементах: наследии, окружающей обстановке и личном суждении.

Наследие. Первым элементом взаимодействия является наследие, историческое проявление христианской веры. В определенной мере мы всегда будем действовать под влиянием людей, которые прошли перед нами. Наше мнение о правильном толковании во многом определяется богословским наследием, переданным нам.

Но зачем нам уделять внимание наследию при толковании Ветхого Завета? Какое отношение имеет прошлое к нашему сегодняшнему пониманию? Наследие вносит свой вклад в наше понимание, так как оно показывает нам, как Святой Дух учил Свой народ в прошлом. Хотя мы иногда ведем себя так, как будто Святой Дух начал свое дело на заре нашего поколения, это не так. Он всегда учил церковь.

Верующие прошлых веков боролись с грехом так же, как и мы. Мы учимся на их ошибках, мы также учимся на их достижениях. Наше теологическое наследие является очень полезным для успешного толкования. Многие древние труды на тему божественности и человечности Христа, Троицы, исторической реальности нашего искупления во Христе установили параметры существующей ортодоксальности и дали нам четкие направления для толкования. Поэтому, если нам на глаза попадает что-нибудь несоответствующее этим фундаментальным христианским взглядам, мы тут же объявляем его ересью и отбрасываем в сторону.

Протестанты также считают многие основные принципы Реформации бесспорными. Такие доктрины как *Sola Fide* (Единая Вера), *Sola Scriptura* (Единое Писание) и *Sola Gratia* (Единая Благодать) были столпами реформы. Эти важнейшие библейские доктрины ортодоксальная протестантская церковь по сей день поддерживает. Любое толкование, которое нарушает эти общепринятые протестантские доктрины, не принимается.

Наследие приобретает более четкие формы в вероучениях деноминаций. Многие церкви имеют формальные документы, представляющие их классическое следование четким традициям. Реформированные церкви одобряют такие документы как Первое Швейцарское Исповедание и Второе Швейцарское Исповедание, Гейдельбергский Катехизис и Бельгийское Исповедание, а также Вестминстерское Исповедание веры. Лютеранские взгляды суммированы в Книге Конкорда, в которой содержатся Аугсбургское Исповедание, Формула Конкорда и Катехизис Лютера. Англиканцы опираются на Тридцать Девять Статей. Баптисты находят свое доктринальное наследие в Филадельфийской Конфессии, которая

первоначально появилась как Лондонская Конфессия. Многие древние деноминации не имеют своих письменных документов, но их устные традиции сформировали кодекс убеждений, определяющий степень ортодоксальности их церквей.

Писанные и неписанные церковные стандарты с веками меняются, но их основные доктрины стабильно и успешно передаются из поколения в поколение, формируя определенные богословские направления.

На менее формальном уровне, наследие включает труды выдающихся личностей прошлого. Каждое ответвление церкви имеет особенных людей, оказавших влияние на формы этой традиции. Лютеране равняются на Мартина Лютера и Филиппа Меланктона. Герой кальвинистов — Джон Кальвин. Корни движения методистов ведут к Джону и Чарльзу Уэсли. Каждая церковь имеет в своем прошлом лидеров, чьи комментарии, проповеди и богословские работы пользуются огромным уважением.

Для чего же нам прислушиваться к доктринам прошлого? Почему бы просто не читать библейский текст для себя? Отвечая кратко, игнорирование наследия — это первый шаг к ереси. Подумайте о некоторых современных еретических группировках. Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней и другие еретические собрания не признают теологическое наследие истории Христианства. Хотя они, в основном, не отрицают явно авторитет самого Писания, работу Святого Духа на протяжении истории церкви они считают ничем. Отвержение наследия при чтении Писаний неизбежно ведет к серьезным ошибкам.

Окружающее общество. Вторым игроком нашей герменевтической команды является окружающая нас община. Святой Дух не только дает нам богатое наследие, Он так же благословляет нас живым общением с верующими современниками, которые делают свой вклад в понимание ветхозаветных историй.

Взаимодействие на этом уровне охватывает множество различных групп. Во-первых, нас окружает формальная церковная община. Как Апостол Павел подчинил себя Иерусалимскому собору, чтобы приобрести мудрость других церковных властей (Деян.15:6–29), так и мы имеем привилегию подчинения властям, должным образом установленным в наших церквях. Многие деноминации имеют официальные каналы, через которые выражается совместная мудрость церкви. Конституционные документы, должностные бумаги, рекомендательные письма и дисциплинарные акции часто отражают учение Духа сегодня.

Окружающее общество также может принимать форму современных ученых кругов, богословских школ и других псевдоцерковных ассоциаций. В данном случае отсутствует какое-либо церковное руководство, но работа таких групп представляет собой ценные исследования опытных толкователей. Их суждения, несомненно, не являются непогрешимыми, но должны, по крайней мере, заставить нас подумать, прежде чем принимать противоречащее их взглядам толкование.

Взаимодействие с окружающим обществом также подразумевает надлежащее уважение к служению различных учителей Церкви. Святому Духу было угодно одарить некоторых людей особыми способностями к пониманию и изъяснению Писания (Еф.4:11–12). В большинстве случаев такие способности признаются официально через выдвижение на служение. Дар учительства же может проявиться и у обычных прихожан. В любом случае, внимательные толкователи никогда не отворачиваются от учения других. Мы должны читать современные комментарии и теологические догматы, а также прислушиваться к мнению других, когда толкуем ветхозаветные истории.

Даже обычное рассуждение над Писанием является важным. Когда мы участвуем в библейских занятиях, разговариваем за обеденным столом или с кем-нибудь едем в машине, происходит взаимодействие, отражающееся на нашем толковании Ветхого Завета. Иногда Дух дает нам четкие откровения через людей, от которых мы никогда не надеялись научиться чему-либо. Студенты учат своих профессоров, прихожане учат пасторов, дети

учат своих родителей. Дух дает откровения по Своему усмотрению. Каждый раз, когда мы разговариваем о Писании с другими верующими, мы говорим с такими же учениками Духа. Чем яснее для нас этот факт, тем больше мы чтим Его служение.

Итак, окружающее нас общество формирует второй элемент взаимодействия. Работа Духа в наших современниках является обильным источником для нашего собственного толкования.

Личное суждение. Личное суждение нашего понимания ветхозаветных историй, независимо от мнения других, является третьим элементом взаимодействия. Конечно же, мы никогда не можем полностью избежать влияния на нас наследия и окружающего общества. Однако мы нередко приступаем к Ветхому Завету, не обращая особого внимания на то, что сказали другие. Мы читаем со своей «колокольни».

Иногда, читая Библию, мы можем интуитивно чувствовать смысл того или иного места. В другой раз мы можем определить значение ветхозаветной истории на основе внимательного изучения. Но в любом случае, говоря о личной точке зрения, мы говорим о том, что мы, а не другие, думаем о той или иной истории.

Несмотря на важность духовного наследия и окружающего общества, Бог желает, чтобы каждый верующий формировал свое собственное понимание Библии. Писание явно дает нам понять, что каждый из нас ответит за свое личное обращение со Словом Божьим. Павел сказал, что «каждый из нас даст за себя отчет Богу» (Рим.14:12). Толкователи Слова не спрячутся за свои общины; каждый ответит за свой подход к толкованию ветхозаветных историй.

Личным суждениям некоторые евангелисты часто придают слишком большое значение либо игнорируют их вовсе. С одной стороны, некоторые верующие чувствуют себя такими беспомощными, что во всем слепо полагаются на мнение других. Я слышал высказывания многих людей: «Я не понимаю Библии; я просто верю тому, что говорит пастор». Но даже некоторые пасторы боятся самостоятельно мыслить и толковать. Они прилепляются к своим справочникам и комментариям, как попугаи, повторяя сказанное другими.

Чтобы не обманывать себя, мы должны иногда твердо опереться на свою точку зрения, несмотря на мнения других. Где бы мы сегодня были, если бы наши предшественники просто следовали своему наследию и мнению окружающего общества? Представьте последствия, которые имела бы церковь, если бы Павел не противостоял Петру (Гал.2:11–21). Какой была бы церковь, если бы Мартин Лютер не выступил один против Рима? Мы должны быть непоколебимы в суждении, когда другие уклоняются от истины.

С другой стороны, некоторые евангелисты предполагают, что имеют больше откровения от Духа, чем кто-либо другой и превращают каждое свое толкование в каменный догмат. Их мнение нерушимо и абсолютно. Именно так легче всего впасть в самые извращенные заблуждения.

В наших личных толкованиях всегда есть несовершенства. Даже самый простой стих может предложить больше, чем наш ум может вместить. В своем толковании мы должны быть смиренными, готовыми учиться у других, если хотим эффективно взаимодействовать с христианским миром.

Баланс и проверка

Важным принципом работы демократической структуры является баланс. Для того чтобы избежать тирании, государственные ведомства проверяют и следят друг за другом. Но эта система имеет свои недостатки. Поскольку никто не имеет абсолютной власти, решения почти невозможно принимать быстро и легко. Диктаторы совершают многое за короткое время. Менее чем за десятилетие Адольф Гитлер превратил Германию в мощную военную машину. Пол Пот перевернул Кампучию за одну ночь. Сосредоточенная власть производит

огромный эффект. Однако история показывает, что только сбалансированная система может предотвратить тиранию.

Взаимодействие с обществом также должно иметь сбалансированную систему. Наследие, окружающая среда и личные суждения делают важный вклад, но ни одно из них не стоит выше других, потому что каждое благословляется Духом, и каждое подвержено влиянию греха. В нашем наследии есть много позорных ошибок. Окружающее общество также не всегда бывает надежным. Если мы честны с собой, нам несложно признать, как быстро мы впадаем в заблуждение. Поэтому элементы взаимодействия должны проверять друг друга.

Многие верующие предпочитают полностью полагаться на какой-нибудь один элемент и не обращают внимания на его уравновешенность другими. Наша работа с Ветхим Заветом была бы проще, если бы нам не нужно было выбирать между различными мнениями других. Однако, как сосредоточенная политическая власть ведет к притеснению, так чрезмерное доверие одному элементу взаимодействия с обществом ведет к герменевтической тирании.

В других случаях, евангелисты подчиняются тирании наследия. Эти доброжелательные верующие смотрят на сегодняшнюю церковь, видят ее многие слабости и идеализируют некоторые исторические периоды. Результаты такого уклонения нетрудно увидеть. Когда наследие диктует герменевтику, мы теряем связь с современным миром. Наши толкования становятся неуместными, непонятными и неспособными решать сегодняшние проблемы.

Проблемы наших дней побуждают церковь искать ответы на них далеко за пределами наследия. Сегодня мы должны толковать ветхозаветные истории в свете ядерной войны, всемирного голода, прав человека, медицинского умерщвления в случае неизлечимой болезни, аборт, генной инженерии и множества других современных проблем. Наследие может оказывать только косвенное воздействие. Полная зависимость от него отвлекает нас от современных задач.

Окружающее общество также может угнетать свободу толкования. Многие из нас склонны следовать за любым богословским новшеством, попадающим на глаза. Когда церковь разбирается в каком-то вопросе, мы можем обнаружить, что почти каждая история Ветхого Завета говорит о нем. Но как сказал Павел, мы не должны быть носимы всяким ветром учения (Еф.4:14). Нам нельзя позволять взглядам сегодняшнего общества доминировать над истиной Писания.

И, наконец, мы иногда коронуем свое личное суждение и поставляем его абсолютным монархом над герменевтикой. Эта проблема особенно остра среди ученых. Нам говорят, что идеальный современный ученый — это человек, который следует за истиной, куда бы она ни вела, несмотря на традиции и общественное мнение. Некоторые пасторы и церковные лидеры подражают этому ученому идеалу, всегда стараясь сказать что-то уникальное. Но чрезмерное увлечение собственным творчеством и личными взглядами может быть опасным. Когда мы забываем о балансе между наследием, окружающим обществом и личным судом, наше индивидуалистическое толкование может привести к разделению церкви. Личный суд, как и дары Духа, должен использоваться для назидания (Еф.4:11–13). Стремление к истине — это не одиночное путешествие; это цель, к которой мы стремимся плечом к плечу с другими. Задача христианского ученого заключается не в том, чтобы вводить новые идиосинкразические подходы к ветхозаветным историям. Он должен толковать их, одновременно участвуя в остальных сферах общественного взаимодействия.

Каждый из нас может стать жертвой герменевтической тирании. Чтобы избежать этого, нам нужно направлять свои природные склонности. Не слишком ли я основываюсь на наследии? Не слепо ли я следую современным направлениям? Не во всем ли я полагаюсь на свой суд? Как мне уравновешивать эти элементы взаимодействия?

Тем не менее, даже при надлежащем внимании ко всем трем членам нашей команды, неизбежно возникнет напряжение. Наследие, окружающее общество и личный суд не всегда могут находиться в гармонии.

Иногда различные элементы подтверждают друг друга; мы часто замечаем, что наши личные убеждения совпадают с убеждениями современной церкви и наследия. Однако такая гармония не гарантирует правильного понимания Писания.

Но иногда разногласия в нашей герменевтической команде настораживают. Нам должно настораживать, когда церковь уходит от своего наследия. Если кто-то нашел поддержку своей странной идее в церкви, мы также должны насторожиться.

Каждый член нашей герменевтической команды играет свою роль. Наследие обеспечивает нам связь с работой Божьего Духа в верующих прошлых эпох. Окружающее нас современное общество отражает работу Духа в верующих наших дней. Личный суд старается получить личное просвещение от Духа. Учитывая всю сложность толкования Ветхого Завета, нам необходимо, чтобы каждый из этих элементов гармонировал и подстраховывал другие (см. рис. 7).

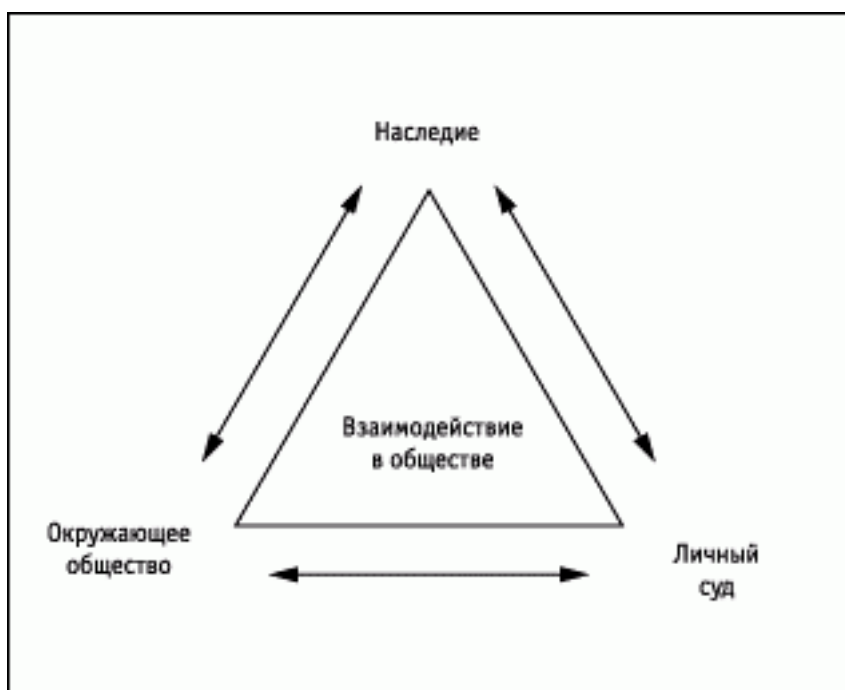

Рис. 7: Баланс в толковании

Толкование и богословие

Необходимость баланса взаимодействий в христианском обществе беспокоит многих евангельских верующих. Перед нами стоит важный вопрос. Неужели богословское наследие церкви должно управлять нашим толкованием Библии? Должны ли мы позволить богословию влиять на наше понимание? Разве таким образом мы не ставим повозку перед лошадью? В конце концов, богословие должно извлекаться из Библии, а не влиять на нее.

Единое Писание

Для многих евангельских верующих протестантский девиз «Sola Scriptura» (Единое Писание) улаживает этот конфликт. «Писание должно определять наше богословие,— говорим мы. — Богословие не может предшествовать Писанию». Как и утверждает девиз Реформации, только Писание может управлять богословием. Однако такой ответ не проясняет всех аспектов взаимосвязи богословия и толкования.

Реформаторы развили эту доктрину в качестве реакции на склонность средневековой церкви приравнивать традиции к Писанию. Когда потоки реформ устремились на эту твердыню, люди начали изучать Писания, как основной источник истины. Многие увидели,

что огромная часть церковных традиций даже противоречит Писанию. Они подвергали сомнениям многие официальные доктрины церковного духовенства и принимали только то, что было твердо основано на Писании. Таким образом, Реформация вбила клин между Писанием и его толкованием. Только Библию признавали в качестве неоспоримого авторитета; толкование церкви всегда должно было считаться частичным пониманием Писаний.

Однако *Sola Scriptura* не уничтожила вклад исторического наследия в библейское толкование. Реформаторы утверждали, что богословие должно основываться на Писании, но богословские формулировки также обеспечивали необходимое направление для правильного толкования. Изучая Библию, реформаторы постоянно учитывали, как положительные, так и отрицательные стороны взаимодействия церкви и богословия.

Например, Мартин Лютер показал свою преданность наследию тем, что постоянно упоминал Святого Августина. Он видел, что во многом приходит к тем же заключениям, которых придерживался Августин. Но Лютер также верил и в современное влияние. Об этом явно свидетельствует его выразительная роль в формулировке и утверждении Аугсбургского Исповедания.

Широко известно также согласие Кальвина с убеждениями Августина. В поздних изданиях своих Постановлений Кальвин часто ссылался на множество других личностей древней и средневековой церкви. При этом Кальвин никогда не нарушал церковных традиций, которые были подчинены авторитету Писания.

Для реформаторов их лозунг «Единое Писание» не означал, что библейское толкование должно быть изолировано от традиционного богословия. Он, наоборот, выставлял Писание в качестве верховного авторитета для богословских формулировок. Только Писание является неоспоримым ориентиром для веры и жизни.

За последние годы некоторые евангелисты утратили ощущение ценности традиционного богословия для толкования Ветхого Завета. Опасаясь доктрин, которые враждебны Библии, они утверждают, что традиционные взгляды, особенно имеющие отношение к систематическому богословию, должны подавляться при толковании. На первый взгляд, такое утверждение имеет определенный смысл. Никто не желает, чтобы Библия была помещена в рамки ложной философии. Но эта перспектива также не была лишена крайностей и произвела ряд серьезных герменевтических проблем.

Библейское богословие

Во второй половине нашего века появилось движение Библейского Богословия. Это движение, получившее свое начало вне евангельских кругов, во многом сформировало наше сегодняшнее изучение ветхозаветных историй. Далее мы рассмотрим два основных направления, по которым продвигались идеи Библейского Богословия.

Во-первых, с самого своего зарождения движение Библейского Богословия ставило акцент на чтении Ветхого Завета с исторической точки зрения. На протяжении веков историческая сторона Ветхого Завета постоянно удостаивалась внимания ученых, но Библейское Богословие выделяло ее, как никогда раньше. На современное Библейское Богословие широко повлияли философские взгляды Гегеля (1770–1831гг.), который верил, что исторический прогресс принес единство всему творению. История дает ключ к пониманию всей реальности. Следуя этому утверждению, толкователи не столько старались отыскать общие богословские идеи, сколько линии и направления исторического развития, скрытые за текстом. Цель толкования сводилась к отслеживанию развития истории в свете Божьего искупления человечества.

Это направление получило широкое развитие в Европе после первой мировой войны. Многие выдающиеся богословы акцентировали свое внимание на истории откровения. После второй мировой войны эту доктрину переняли ведущие американские толкователи, многие

из которых сосредотачивали свои усилия на том, чтобы проследить Божьи могущественные деяния, записанные в Библии.

Во-вторых, движение Библейского Богословия руководствовалось принципом, что такая историческая ориентация является центральной и для самой Библии. В то время как традиционное систематическое богословие пользовалось принципами философии Аристотеля, динамическая историческая ориентация Библейского Богословия считалась сутью самих библейских текстов. Такое убеждение часто основывалось на различии еврейского и греческого склада ума. Греки, считалось, мыслили абстрактными, статическими категориями, а жители Среднего Востока воспринимали все, как практическую историю. Слова Бигла отражают эту точку зрения: «Евреи и другие семиты мыслили умозрительными, философскими категориями... Еврейский язык был языком действий, и Бог евреев рассматривался как Бог, Который действует».

В 1960-х годах движение Библейского Богословия внезапно прекратило свою деятельность в ученых кругах. Толкователи начали подвергать сомнению идею о направлении истории Богом. Барр и Гилки указывали на пробелы в мировоззрении богословов, исповедующих, что Бог Сам непосредственно действует в истории, и объясняли большинство таких «божественных действий» обычными научными изысканиями. Как заявил Гилки, приверженцы движения Библейского Богословия «пытались не просто сунуть свои пальцы в торт, но целиком проглотить его».

Следующее недоразумение возникло из-за представления об особом складе еврейского ума. С точки зрения лингвистики идею о существенной разнице между восточным и западным мышлением опроверг Барр в своих научных работах. Жители Среднего Востока часто мыслят так же абстрактно, как и жители Запада, а жители Запада часто мыслят так же динамично, как и жители Востока. Одним словом, исследования Барра нанесли сокрушительный удар по движению Библейского Богословия.

Хотя Библейское Богословие практически прекратило свою деятельность, оно продолжает влиять на евангелистов и сегодня. Наиболее важной личностью в евангельской среде был профессор теологии Гирхард Вос (1862–1949гг.). Его «Библейское Богословие: Ветхий и Новый Заветы» является одной из наиболее влиятельных работ этого века в области ветхозаветной герменевтики. Вос разделял Ветхий Завет на пять эпох: 1) эра до грехопадения; 2) период Ноя; 3) период между Ноем и великими патриархами; 4) период Моисея и 5) пророческий период. Он сосредотачивался на форме и содержании Божественного откровения, присущего каждой эре.

Когда исторический подход так четко определяется библейскими «категориями и формами мысли», он наводит на мысль о связи между толкованием и традиционным богословием. Большинство библейских богословов настаивает на том, что систематическое богословие должно использовать достижения исторического метода, и иногда даже отдают историческому анализу первенство перед теологическим.

Такой односторонний взгляд не причинял до последнего времени серьезных проблем в евангельских кругах. Приверженцы традиционных богословских направлений пытаются удерживать приверженцев Библейского Богословия от крайностей. Но так как это направление в последнее время стало оживляться, библейские толкователи начали игнорировать систематическое богословие. «Библейские писатели не давали нам систему доктрин,— говорят они. — Мы должны рассматривать, как Бог на протяжении истории осуществлял Свое искупление, а не абстрактную систему идей».

Чтобы избежать этой опасной тенденции, мы должны признать, что «искупительная история» не является основной темой большинства ветхозаветных историй. Например, книги мудрости — Иова, Притчи, Екклесиаст, Псалмы — касаются не только искупительной истории, хотя связь между историей, законом и мудростью видна в структуре заветов.

Кроме того, как заметил сам Вос, Библейское Богословие не отражает самого главного библейского организационного принципа. Библейское Богословие противопоставляет историческую модель логической. Но мы видим, что основными составляющими частями

Писания являются не исторические эпохи, а книги. Писание было организовано не по главам истории: «Первая Глава Истории... Вторая Глава Истории...» и т.д. Оно состоит из литературных частей: Бытие, Исход, Левит... Действуя в рамках исторического подхода, Вос обозначил три исторические эпохи на основании первой книги Библии, Бытие. Затем он включил четыре книги периода Моисея и пророческий период — весь остальной Ветхий Завет. Но такой вид анализа явно не соответствует форме откровения, данного Писанием.

Таким образом, мы видим, что Библейское Богословие пытается реорганизовать Библию, а вместе с этим и логические подходы традиционного богословия.

Однако исторический метод помогает нам полнее оценить значение ветхозаветных историй. Мы можем увлечься систематической теологией настолько, что пропустим многое из того, чему учат эти истории. Мы загоним их в свои богословские клетки, не желая, чтобы они ломали наши предвзятые убеждения. Нельзя также впасть в другую крайность и игнорировать традиционные богословские направления. Писатели Ветхого Завета представили читателям в своих текстах систему определенных убеждений. Чтобы толковать их истории правильно, нам нужно помещать их в логические рамки, и, одновременно, рассматривать в контексте развития истории.

Таким образом, мы не должны отдавать предпочтение ни историческому, ни систематическому подходам в толковании; им нужно уделять внимание в равной мере. Оба метода в равной мере могут привести, как к ошибкам в толковании, так и пролить свет на учение Писаний. Нам необходимо синтезировать их достижения в исследованиях, понимая, что каждый из методов не лишен своих сильных и слабых сторон. Научившись пользоваться обоими методами, мы возрастет в своем понимании Ветхого Завета.

Обратимость

Когда строители возводят дом, они начинают с основания. Они закладывают фундамент, строят на нем этажи и, наконец, кладут крышу. Они строят с основания вверх. По крайней мере, так это кажется со стороны. Но каждый опытный строитель скажет вам, что все не так просто. Возведение многоэтажного здания — это не просто действия в два-три этапа. Присмотревшись, мы увидим более сложный процесс.

В течение всего строительного процесса, рабочие не просто имеют дело с каждым этажом в отдельности. Они строят каждый этаж, учитывая все остальные этажи, которых еще нет, но которые он должен будет удерживать. Когда рабочие заливают фундамент, они делают это с учетом того, что будет стоять на нем.

Кроме того, пока строители не завершат первый уровень, они не приступят к следующему. Когда крыша установлена, строители возвращаются к первому и второму этажам, чтобы сделать внутреннюю отделку. На первый взгляд строение просто возводится вверх, но мы знаем, что работники постоянно возвращаются к предыдущим этажам в течение всего строительства.

Многие евангелисты считают соотношение между библейским историческим толкованием и богословием простым процессом. Сначала мы обращаемся к тексту, чтобы извлечь какую-то основную информацию. Затем мы помещаем эту информацию в определенную богословскую систему. И, наконец, мы применяем свое богословие на практике. Сначала идет экзегетическое богословие, за ним следует систематическое, и затем практическое богословие. Но такая модель является слишком простой и, нередко, ошибочной.

На первый взгляд, такой подход соответствует действительности. Мы находим что-то в Писании и выносим это на богословское обсуждение. Через этот процесс мы проходим каждый раз, когда читаем Библию. Например, мы читаем слова Иосифа в книге Бытие (50:20): «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей». Обычно, толкуя этот стих, мы говорим, что Бог контролировал преступные действия братьев Иосифа, и обратил их зло в

добро для Иосифа и всего народа. Эта тема встречается во многих других местах и, в конце концов, мы выводим доктрину о Божественном провидении. По сути, мы получили основание для своего богословия и сформулировали один из его принципов.

Тем не менее, познание Библии не просто проистекает из экзегетики в богословие. Библейское, систематическое и практическое богословия взаимосвязаны. Они вышли из экзегетики, но, в свою очередь, их взаимодействие обуславливает нашу общую экзегетику Писания.

Каждая из областей богословия готовит нас к толкованию. Мы всегда подходим к Писанию в свете накопленных богословских методов, которые всегда, так или иначе, влияют на наше понимание отдельных мест Писания.

К примеру, мы все думаем о провидящей Божьей руке, когда читаем Бытие (50:20). Почему бы это место ни использовать для разбора психологии прощения? Почему бы ни взглянуть на личность Иосифа и его братьев в свете этого стиха? Тема прощения также просматривается в этом стихе. Но большинство из нас замечает именно тему провидения Божьего, потому что наша богословская система подчеркивает эту доктрину. В какой-то момент стих напомнил нам ее, и таким образом наша богословская подготовка повлияла на нас.

Строительство дома включает в себя движение вверх, но оно также подразумевает многочисленные возвращения к предыдущим уровням здания. Таким же образом герменевтика всегда включает в себя взаимозависимость между различными богословскими дисциплинами и толкованиями.

Если богословие доминирует над нашей экзегезой, качество текста часто недооценивается и его смысл теряется в огромной богословской системе. Экзегетика начинает служить формированию предвзятых представлений, не оставляя места дополнительным исследованиям; текст начинает просто подтверждать то, во что мы уже верим.

С другой стороны, богословие может быть слишком подчинено экзегетике. Многие евангельские верующие требуют, чтобы толкователи максимально сдерживали влияние богословия на толкование. Но это доброжелательное требование подвергает толкователя существенной опасности. Игнорирование богословия не освобождает наше мышление от ее влияния; богословские предположения всегда будут присутствовать при толковании.

Итак, богословие и толкование должны влиять друг на друга. Обновленное, свежее исследование Библии часто подвергает испытаниям богословские структуры церкви. Мы всегда хотим согласовать богословие исследования с конкретным содержанием того или иного места Писания. Богословие, конечно же, обуславливает наше толкование, проливая свой свет на тот или иной стих. Толкование и богословие взаимозависимы; они должны подстраховывать и контролировать друг друга.

Заключение

Эту главу мы начали с того, что Ветхий Завет необходимо читать коллективно. Взаимодействие с людьми вообще, и с христианами в частности, необходимо для правильного толкования Писания. На наше толкование влияет баланс между наследием церкви, окружением и нашими личными суждениями. Несмотря на то, что важность богословия в экзегетике часто недооценивается, традиционные богословские системы играют видную роль в толковании ветхозаветных историй.

Вопросы

1. Почему мы должны думать о толковании, как о коллективном занятии? Какие два пласта общества помогают верующим понимать Ветхий Завет? Какую пользу и урон несет в себе взаимодействие с каждым пластом обществом?

2. Назовите три основных элемента взаимодействия в христианском обществе. Объясните, как толкователи оказываются жертвами герменевтической тирании. Как можно избежать этой опасности? Приведите примеры.

3. Опишите основные положения движения Библейского Богословия. Чем опасно возвышение исторического анализа над систематическим богословским анализом? Какой должна быть связь между Библейским Богословием и систематическим богословием?

Упражнения

1. Посмотрите на перечень мест Писания одной из основных церковных конфессий или систематического богословия. Обратите внимание на 3-4 случая, когда упоминается та или иная история Ветхого Завета. Можете ли вы указать на неправильное использование этой ветхозаветной истории?

2. Нарисуйте ваше богословское генеалогическое дерево (включите людей, книги, конфессии и т.д.). Определите людей, являющихся вашим окружением. Определите пять путей воздействия на ваши богословские убеждения.

3. Прочтите Быт.2:5–3:24. К каким систематическим богословским вопросам относится этот отрывок? К каким библейским богословским вопросам он относится? Что наиболее ценно в каждой из этих перспектив?

Влияние экзегетики

Однажды я вошел в часовню при колледже и посмотрел на большой витраж. Тучи, пронесившиеся по небу, начали играть со мной. Сначала я видел в окне только свое отражение. Небо потемнело и превратило окно в зеркало. Но внезапно тучи разошлись, и зеркало исчезло. Снаружи стало светло, и сквозь стекло я мог увидеть улицу. Уходя, я повернулся и еще раз взглянул на окно. На этот раз я увидел нечто совсем другое — прекрасную мозаику, выложенную из цветных кусочков стекла. В тот день я смотрел на одно и то же цветное стекло, как на зеркало, окно и картину.

Подобным образом Святой Дух показывает церкви Ветхий Завет: как зеркало, окно и картину. При тематическом анализе ветхозаветные истории служат нам зеркалами, отражающими нашу жизнь и поиски. При историческом анализе эти истории являются для нас окнами, сквозь которые мы видим исторические события. При буквальном анализе мы смотрим на истории Ветхого Завета, как на картины, оценивая красоту их формы и содержания. При толковании нам необходимо видеть, как каждый из этих экзегетических подходов влияет на наше толкование (см. рис. 8).

Рис. 8: Основные экзегетические подходы

Конечно же, эти подходы тесно взаимосвязаны. Тематический анализ включает событийную, буквальную трактовку событий; исторический анализ рассматривает особенности исторической обстановки. Так или иначе, каждый из этих подходов зависит от другого.

Тематический анализ

Время от времени мы с женой устраиваем вечер просмотра фильмов для студентов семинарии. Мы смотрим фильм и затем обсуждаем его. Чаще всего я начинаю дискуссию с вопроса: «Какой самый важный момент в этом фильме?» Как вы уже, наверное, догадались, ответов обычно столько же, сколько зрителей в комнате. То, что важно для одного человека,

другой может упустить. Разные сцены по-разному соотносятся с нашими личными интересами. Мы всегда сосредотачиваемся на тех моментах фильма, которые представляют для нас особенный интерес.

Следуя такому же принципу, Дух Святой на протяжении веков показывал Ветхий Завет церкви. Мы сосредотачиваем внимание на тех элементах истории, которые нас больше всего интересуют. Чаще всего мы не вникаем в исторические события того или иного рассказа, не задумываемся над его литературным стилем, а просто держим его, как зеркало, стараясь найти в нем отражение своих личных интересов. Поэтому мы обычно склонны к тематическому анализу, сосредотачиваясь на богословских, философских и личных взглядах, даже если они не являются первостепенными в самом рассказе.

Тематический анализ имеет сильное преимущество, потому что Ветхий Завет очень насыщен информацией. Возьмите простой стих: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт.1:1). Сколько идей он содержит в себе? Разве единственной идеей является то, что Бог сотворил все? Эта сторона стиха, несомненно, первостепенна, но если мы еще раз медленно прочтем стих, мы увидим множество других граней: 1) существует Бог; 2) существует небо; 3) существует земля; 4) было начало; 5) Бог сотворил; 6) творение включало все. Список можно продолжить. Каждая из этих граней может стать темой для толкования. Мы можем сосредоточиться на Боге, на мире, на творении, на начале времени или любом другом аспекте этого стиха. Мы останавливаемся на том или ином вопросе не на основании степени его важности в стихе, а на основании нашей заинтересованности.

Если такое многообразие замечается в одном стихе, представьте себе количество тем для толкований, если прочесть всю главу. Возьмем всем известную историю о принесении Исаака в жертву (Быт.22:1–19). Сколько идей можно извлечь из этой истории? Их невозможно перечислить. Одни из них более важны, другие — менее. Большинство читателей согласится, что повеление Бога принести в жертву Исаака является более важной темой, чем тот факт, что с Авраамом и Исааком пошли двое слуг. Овен, который послужил жертвоприношением, привлекает внимание больше, чем осел, которого оседлал Авраам. Поэтому более важные темы не всегда являются самыми интересными лично для нас. Мы можем рассматривать тему использования осла в путешествии, слуг или любой другой второстепенный аспект этого рассказа. Возможности для этого бесконечны.

Изобилие тем в историях Ветхого Завета представляет многообразие аспектов экзегетики. Хотя нельзя навязывать тексту идеи, которых в нем нет, тематический анализ позволяет нам обращать внимание на незначительные и второстепенные аспекты, если они важны для нас.

Основа тематического анализа

Нужно ли нам выделять второстепенные темы? Разве наша экзегетика не должна всегда сосредотачиваться на основной мысли рассказа? Иногда на занятиях по герменевтике нас учат, что в тексте всегда нужно определить основную мысль и строить свое толкование вокруг нее. Хотя этот подход и является очень важным, нам не нужно втискивать себя в его рамки.

Сами библейские писатели нередко сосредотачивались на незначительных темах. Возьмем, к примеру, повествование о жизни Давида в книгах 1-я Царств и Паралипоменон. Мы видим, что автор книги Царств писал ее тематически. Он разделяет царствование Давида на время под Божьим благословением и время под Божьим проклятием. Он повествует о великих достижениях царя и о его ужасных грехах. Давид изображен и как великий израильский царь, и как хрупкий, слабый человек. Автор книги Царств даже обвиняет Давида во многих бедах, поразивших его дом и его поколение (2Цар.12:10).

Хотя автор книг Паралипоменон во многом полагался на книги Царств, на жизнь Давида он смотрел по-другому. Он идеализировал Давида. Несомненно, Давид, как и всякий человек, имел свои слабости (1Пар.13:5–13; 15:11–15; 21:1–22:1; 22:7–8), но здесь его

портрет идеализирован. Автор книг Паралипоменона не включил в свою летопись некоторые ключевые темы книг Царств:

1Цар.1:1 – 2Цар.4:12	История до Давида
2Цар.6:20–23	Негодование Мелхолы на Давида
2Цар.9:1–13	Беспокойство Давида о доме Саула
2Цар.11:1–21:14	Вирсавия и последующие беды

Он опустил бурные события, предшествовавшие восхождению Давида, пропустил осуждение Мелхолы, не упомянул также о напряженных отношениях Давида с Мемфивосфеем. Но, что наиболее интересно, он ни слова не сказал о прелюбодеянии и убийстве.

В определенном смысле, автор книг Паралипоменона ссылался на книги Царств выборочно. Он не скрывал слабости Давида, но он просто был заинтересован представить Давида в качестве героя для народа, вернувшегося из пленения. Он сосредотачивался на положительных сторонах монарха. Прием этого летописца иллюстрирует важность выборочного, тематического анализа.

Виды тематического анализа

Тематический анализ по-разному применялся на протяжении веков. Мы рассмотрим три важные аспекта: систематическое богословие, образцовость и пасторские интересы.

Систематическое богословие. Доминирующей формой тематического анализа является традиционное систематическое богословие. В традиционных исповеданиях и катехизисах ветхозаветные истории часто используются в качестве основ для доктринальных убеждений. Современное систематическое богословие также не изменяет этому правилу.

Однако, к сожалению, систематические богословы иногда неправильно используют тексты. Иногда места Писания, которые они цитируют, не имеют никакого отношения к рассматриваемым доктринам.

Ветхозаветные истории касаются многих традиционных теологических тем. Мы можем задавать такие вопросы как: «Что говорит эта история о характере Бога?», «Как она проливает свет на доктрину о грехе?», «Какой вклад она делает в доктрину о спасении?» Если мы задаем такие вопросы, исследуя Ветхий Завет, — это обогащает наши богословские познания.

Образцовость. Иногда тематический анализ приобретает форму, в которой толкователи стремятся отыскать иллюстрации религиозной жизни. Давид, как пастух (1Цар.17:34–36) и воин (1Цар.17:35–51), становится образцом веры и мужества. Справедливость Соломона (3Цар.3:16–28) становится образцом мудрости.

Но у такого подхода есть свои крайности. Например, всегда есть искушение использовать психологическую оценку персонажа, которая приукрашивает текст. Мы должны остерегаться таких нарушений. Тем не менее, из-за таких ошибок мы не должны отвергать такой принцип подхода к ветхозаветному тексту. Ветхозаветные истории служат примером для нас во многих случаях жизни. Мы должны быть внимательными, чтобы не пропускать такие образы, которые воплотили в себе истину и добродетель.

Интересный пример такого анализа можно увидеть в некоторых популярных комментариях к книге Неемии, где пророк показан как идеальная модель лидера. Основная забота автора книг Ездры, Неемии — это продолжение реформ. Неемия выделялся своими организаторскими способностями. Он осторожно и внимательно составлял планы, был ответственным в своих задачах, улаживал конфликты и проявлял мужество и настойчивость.

Понятно, что эти качества Неемии являются второстепенными по отношению к главной цели книги, но мы обращаем на них внимание, благодаря тематическому анализу текста.

На многие трудные вопросы можно ответить при помощи тематического анализа. С кем или с чем боролся этот герой? Каким образом он преодолел свою проблему? Чему я могу научиться на его примере? Эти вопросы могут не быть центральными в истории, но важны для нас.

Пасторские интересы. Иногда читатели тематически рассматривают текст из-за того, что на эту тему проповедует пастор. Когда мы вникаем в жизнь наших церквей, у нас возникает беспокойство о какой-нибудь проблеме. Ветхозаветные истории часто подсказывают решение, когда возникают трудности.

Проповеди обычно основаны на тематической экзегетике. Пастор наблюдает за собранием, замечает нужду и готовит проповедь, призванную разрешить эту нужду. Чарльз Сперджен (1834–1892гг.) хорошо известен своим тематическим использованием ветхозаветных историй. Свою проповедь о христианской евангелизации он начал со слов «Не жатва ли пшеницы ныне?» (1Цар.12:17). Он признавал тематический принцип своего подхода: «Я не углубляюсь в связь этих слов с основным контекстом, а просто беру их в качестве девиза». Этот пример иллюстрирует, что ветхозаветные истории могут быть полезными для церкви, когда их рассматривать тематически.

Тематический анализ может принимать эти и многие другие формы. Он может быть простым и научным, практическим и теоретическим. В любом случае, тематический анализ представляет ветхозаветные истории в качестве зеркала, отражающего интересы читателей. Мы должны остерегаться злоупотребления этим методом, но не следует также забывать, что, в основном, именно благодаря тематическому анализу Дух учит нас истине, скрытой в ветхозаветных историях.

Исторический анализ

Несколько лет назад я посетил Аушвиц, известный нацистский концлагерь. Когда я увидел вывеску над входом: «Arbeit macht frei» (Труд делает свободным), я задумался над тем, что могли чувствовать заключенные, проходя под этой надписью. Я стоял на том месте, где ежедневно казнили множество людей. Я ходил по баракам, которые когда-то были переполнены людьми, заходил в узкие комнаты, где многие были замучены голодом, заглядывал также в газовые камеры. Меня постоянно преследовали ужасные образы прошлого.

При выходе из музея я купил книгу «Аушвиц: нацистский лагерь уничтожения». Книга оказалась трудной для чтения, в ней было множество ошибок, к тому же перевод был ужасным. Однако это не угасило мой интерес. События, описываемые в ней, настолько поражали, что я не мог отложить книгу, пока не прочел ее дважды.

Что тянуло меня к этой книге? Что пробудило во мне такой интерес? Я не был в восторге от ее литературных качеств; и ни одна тема не имела отношения к моей жизни. Но меня заинтересовала история, ожившая на страницах книги. Я словно был перенесен в прошлое.

Святой Дух таким же образом оживляет для церкви ветхозаветные истории. Они становятся окнами, через которые мы рассматриваем исторические события. Тематика и литературное качество отступают на второй план, когда мы увлекаемся описываемыми событиями и проводим их исторический анализ.

Основа исторического анализа

Хотя евангелисты признают историческую достоверность Библии, точную связь между действительной историей и текстами Ветхого Завета установить непросто. За последнее десятилетие дискуссии о герменевтическом смысле библейской непогрешимости подняли много вопросов, относящихся к историческому анализу. В результате этого среди евангелистов выявились две крайние точки зрения.

Некоторые евангелисты начали подвергать сомнению тесную связь между реальной историей и библейскими рассказами. Такая тенденция понятна, поскольку ветхозаветные истории представляют множество трудностей в вопросах исторического согласования. В прошлом евангелисты улаживали эти проблемы с учетом того, что дальнейшие исследования все прояснят. Однако из-за непрекращающихся споров недавно появилась другая стратегия, согласно которой определенные исторические проблемы библейских историй связаны с их жанром, который часто не совпадает с канонами исторической достоверности. Другими словами, некоторые библейские писатели излагали свои книги в такой форме, которая была понятна для читателей тех дней, не придавая особого значения, как это согласуется с историческими событиями.

Теоретически трудно не согласиться с таким взглядом. Если книга Ионы действительно является мифом, ее нельзя толковать как достоверную историю. Если автор книг Паралипоменона не хотел, чтобы его книги воспринимались как запись исторических событий, мы не должны их так воспринимать. Мы должны читать поэзию как поэзию, притчи как притчи, законы как законы, басни как басни.

Следует признать, что этот подход имеет свои преимущества. Учитывая повествовательный жанр, мы приближаемся к пониманию первоначального значения текста, вместо того, чтобы навязывать ему современные научные идеи. К тому же, учет жанра не позволяет нам сомневаться в непогрешимости текста. Вместо того, чтобы пенять на ошибки библейских писателей, мы понимаем, что они просто соблюдали литературные условности своего времени. В любом случае, нам необходимо принять меры предосторожности, чтобы не впасть крайности.

Во-первых, прежде чем отрицать историческую достоверность библейских историй на основании жанра, мы должны найти какой-нибудь прецедент этому в самой Библии. Однако насколько я знаю, каждый из библейских писателей полагался на ветхозаветные истории, как на достоверную историю. Иногда историческая подлинность событий была определяющей для писателей Нового Завета (Рим.5:12–14; Рим.6:18; Лк.1:1–4; Евр.11:17–40). Некоторые толкователи могут считать такие библейские свидетельства наивными, но евангельский верующий должен считать свидетельство самой Библии об историчности библейских историй неопровержимым.

Во-вторых, мы очень часто не знаем, когда нужно остановиться. Как только историческая надежность одного рассказа признается ложной, что удерживает нас от такого же отношения к остальным местам Писания? С точки зрения богословия может показаться незначительным мнение о некоторых библейских историях, как о баснях и выдумках, но если мы примем эту практику без твердого и четкого основания, возникнет опасность такого же легкомысленного решения остальных исторических несоответствий. Сколько исторических событий мы упраздним? Не будем ли мы рассматривать огненный столп, пересечение Иордана, поражение Иерихона, обетования Давиду, да и сами Евангелия, как басни и легенды?

Тем не менее, нельзя не учитывать соответствие жанра повествования и истории. Не нужно забывать о некоторых важных моментах. Как можно доказать, что тот или иной рассказ Ветхого Завета не был написан в качестве исторически достоверного сообщения? Наличие противоречий между историческими фактами не является достаточной причиной для этого, поскольку дальнейшие исследования вполне могут разрешить эти противоречия.

Критически настроенные толкователи часто отвергают историческую подлинность текста, повествующего о сверхъестественных событиях, но евангелисты не подвергают их сомнению.

Черты сходства между библейскими историями и некоторыми ложными историческими документами также не являются твердым основанием, чтобы подвергать сомнению историческую достоверность Писания, поскольку сходство не всегда подразумевает одинаковый уровень исторической подлинности.

Эти вопросы лучше всего рассматривать, отыскивая в самих рассказах четкие черты того или иного жанра повествования. Если мы сможем выявить лексику, стиль, текстовые структуры, свойственные тому или иному жанру, мы сможем делать более осмотрительные заключения. На данный момент не существует четко установленных канонов легенд, басен и сказок в древней ближневосточной литературе, тем более в Ветхом Завете. Например, можно ли заключить, что начало рассказа о Вавилонской Башне следует толковать, как «Однажды жили-были...» (Быт.11:1, новый расширенный перевод Библии)? Такое толкование основывается на богословских и исторических предположениях, а не на свидетельстве самого текста.

Нам нужно быть осторожными с определением жанра и стиля. Свидетельство самой Библии и сложности жанровой критики предостерегают нас от поспешных заключений. Хотя дальнейшее изучение может пролить свет на некоторые из этих вопросов, тяжелое бремя доказательств ложится на евангелистов, которые спорят о достоверности и непогрешимости ветхозаветных текстов.

Однако многие евангелисты уклонились в другую крайность, и просто сопоставляют библейские рассказы с историей. Они принимают места Писания за точный, подробный исторический отчет. Ветхозаветные истории они считают доказательствами достоверности прошлых событий, как бы снятыми скрытой камерой.

Евангелисты утверждают непогрешимость ветхозаветных историй в том смысле, что они никоим образом не противоречат действительной истории. Однако эти истории не всегда представляют собой подробную историческую запись, которую часто требуют современные читатели. Как сказал Мюррей, мы не должны ожидать от Писаний педантичных подробностей. По его словам, «Писание изобилует иллюстрациями, в которых отсутствует такая тщательная и мелочная точность, которую мы можем навязать в качестве критерия непогрешимости Библии».

Опираясь на Чикагское утверждение библейской непогрешимости, мы должны отвергать мнение о том, что

непогрешимость Библии опровергается такими ее феноменами, как отсутствие современной технической точности, наличие ошибок в грамматике и правописании, наблюдательские описания явлений природы, повествование о невозможных вещах, использование преувеличенных и округленных чисел, тематическое изложение материала, разное описание одних и тех же событий в параллельных повествованиях и использование свободных цитат.

Ветхозаветные истории излагают нам историю в такой форме, которая не всегда соответствует нашим представлениям о современной технической точности.

В любой записи история уже истолкована самим автором. Уровень точности колеблется вдоль очень длинной шкалы. Одна сторона шкалы приближается к субъективной умозрительности. Эти исторические документы могут концентрировать наше внимание на хорошо известных событиях, но писатели часто заполняют пробелы своими выдумками, которые читатель не может отличить от подлинных событий. С другой стороны шкалы интерпретация едва присутствует. Ответственные авторы исторических учебников и газетных статей, например, избегают умозрительности и предположительности. Они просто

открыто признают, что уровень достоверности может колебаться. Таким образом, исторические документы могут находиться в любой точке между этими двумя крайностями.

Евангелисты верят, что все ветхозаветные сведения об исторических событиях являются правдивыми и достоверными; в Божьем откровении не может быть ошибок. Однако эти рассказы представляют историю «с пророческой точки зрения». С одной стороны, мы не вправе сказать, что ветхозаветные писатели придумали свои истории. Библейские летописцы были вдохновлены Духом истины и не могли прибегать к выдумкам. С другой стороны, идеологические цели определяли, какие события выбирали писатели и в какой форме они их представляли. Ветхозаветные истории не дают нам ежесекундного, подробного отчета о прошлом. Они были написаны с определенной точки зрения, но при этом не имели ошибок и ложных толкований.

Нам следует избегать обеих крайностей. Если мы обращаемся к жанру библейского текста, то мы не должны отделять его от реальной истории. Однако, в то же время, мы должны помнить, что все библейские рассказы являются толкованием истории с идеологической точки зрения. Исторический анализ этих рассказов возможен, так как они безошибочны, но при историческом анализе необходимо учитывать цель, с которой была написана та или иная история Ветхого Завета.

Виды исторического анализа

Как и тематический, исторический анализ принимает множество форм, две из которых наиболее выделяются: фактическая и теологическая.

Фактический. При фактическом историческом анализе мы смотрим сквозь окно текста и спрашиваем: «Как мы должны сопоставлять события этого текста и другие исторические данные?» Евангелисты особенно полагаются на этот подход в своих апологетических исканиях. Мы потратили много энергии на установление исторической достоверности Библии. Однако проверка ее непогрешимости, похоже, будет продолжаться всегда. Люди всегда будут задавать вопросы: «Действительно ли было в истории то, что описывает первая глава Бытия? Был ли потоп? Как нам уладить явные несоответствия между книгами Паралипоменон и Царств?» Фактический исторический анализ всегда останется важной частью толкования ветхозаветных историй.

Богословский. Богословский исторический анализ возник в евангельских кругах благодаря влиянию Библейского Богословия. Мы уже подробно рассмотрели направление этого движения. Этот подход заостряет внимание на событиях, находящихся за пределами внимания ветхозаветных историй. Приверженцы Библейского Богословия, в основном, используют ветхозаветные истории для реконструкции характера откровения и религиозной жизни в различные периоды истории. Они задают несколько вопросов: «Каковы этапы библейской истории? В чем уникальность того или иного из них? Как эти эпохи связаны между собой?»

Исторический анализ может быть направлен или на факты, или на теологию. В любом случае ветхозаветные истории используются как окна в события прошлого. Это еще один важный подход к Ветхому Завету, которому нас учит Святой Дух.

Буквальный анализ

У меня дома на полке лежит альбом фотографий жены. Иногда я показываю эти фотографии гостям. Они листают страницы, вежливо рассматривая один снимок за другим. В основном, это любительские фотографии, зачастую плохого качества. Но когда дело доходит до последней страницы, почти каждый, кто листает альбом, восклицает: «Вот это

фотография!» Последний снимок сделан профессиональным фотографом. Это замечательная фотография, и все, кто видит ее, обычно комментируют прекрасное освещение, фокус, плавность тонов и говорят: «Она прекрасна!»

Святой Дух учит церковь подобному подходу к ветхозаветным историям. Иногда мы не смотрим на темы и исторические события, а подходим к этим историям с буквальным, литературным анализом. Литературный анализ рассматривает ветхозаветные истории, как произведения искусства, сочетание формы и содержания. Мы изучаем литературные черты текста так же, как оцениваем цвета, ткани, контрасты и линии прекрасного портрета. Как мы видели, тематический и исторический анализы часто сосредотачиваются на отдельных элементах историй. Буквальный анализ помогает нам увидеть центральный аспект того или иного места Писания.

Основа буквального анализа

Должны ли евангелисты пользоваться этим методом? Три аспекта выступают в пользу ценности буквального анализа: литературные приемы текстов Ветхого Завета, их литературные качества и откровения, которые мы получаем при этом подходе.

Литературные единицы. Во-первых, буквальный анализ важен, поскольку Ветхий Завет состоит из литературных, а не исторических или богословских единиц. Литературная структура канона часто противоречит нашим представлениям о Ветхом Завете. Благодаря нашей склонности к историческому анализу, мы можем предполагать, что Писание должно делиться на некоторые великие эпохи истории искупления человечества: Книга 1 — «До грехопадения», Книга 2 — «От грехопадения до потопа», Книга 3 — «Патриархальный период» и так далее. Наш интерес к тематическому анализу может заставить нас предполагать, что Библия должна делиться на определенные единицы систематического богословия: Книга 1 — «Доктрина о Боге», Книга 2 — «Доктрина о человечестве», Книга 3 — «Доктрина о спасении».

Но, к нашему удивлению, Ветхий Завет не соответствует ни одной из этих форм. Структура Библии не является ни богословской, ни исторической. Вместо этого, одни книги, такие как Бытие, охватывают несколько основных периодов истории искупления, другие группы книг, как, например, книги пророков, включают только одну эпоху. Похожие богословские темы постоянно встречаются в различных комбинациях в книгах Писания. Канон Писания, в основном, сформирован согласно литературным, а не историческим или тематическим единицам. Поэтому нам необходим литературный анализ. Игнорировать этот подход, значит, упускать из вида основную структуру, которую Бог придал Писаниям.

Литературные качества. Кроме того, литературный анализ необходим, так как библейские тексты насыщены собственным литературным стилем. Дух в Своей мудрости вдохновил Писания в форме поэм, песней и (что наиболее важно для нашего изучения) историй. Эти тексты имеют множество литературных характеристик, таких как образность, речевые обороты и другие сложные структуры. Если бы Бог хотел, чтобы мы просто сосредотачивались на исторических событиях и богословских темах, Он бы не дал нам откровение, имеющее литературные качества. Поэтому нам следует учиться применять свои литературные знания при толковании.

Откровения. В-третьих, буквальный анализ важен, потому что часто открывает нам глаза на то, что тематический и исторический подходы упускают. Возьмем, к примеру, известный эпизод о пребывании Аврама в Египте (Быт.12:10–20) и проверим ценность литературного анализа, начертив несколько структурных наблюдений к этой истории (см. рис. 9).

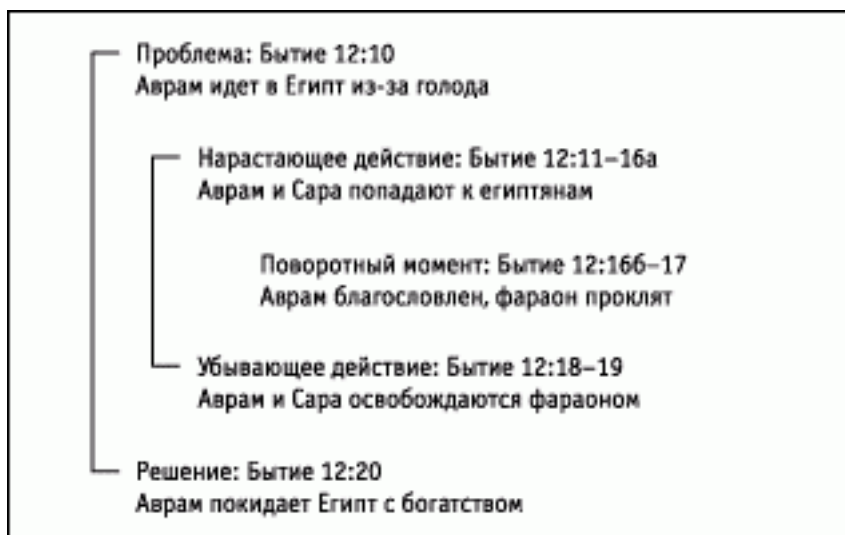

Рис. 9: Драматический разворот Быт. 12:10–20

Бытие 12:10 можно назвать завязкой; здесь представляется контекст, в котором разворачивается история. Аврам идет в Египет из-за голода и намеревается временно находиться там. Решение (ст. 20) дает начало истории. Писатель показывает контраст бедности во время голода и богатства, с которым Аврам возвращается. Быт.12:11–16а содержит ускорение событий. План, основанный на лжи, осуществлен, и Сара отведена в гарем фараона. Эта часть уравнивается убыванием событий в Быт.12:18–19. Обе части даже содержат похожие выражения — «ты мне сестра» (ст. 13) и «она сестра мне» (ст. 19). И, наконец, во время поворотного момента этой истории в Быт.12:16б–17, Аврам процветает, а фараон поражен.

Мы можем подвести итог истории в свете этого структурного чертежа. Аврам намеревался пойти в Египет. Его замысел солгать о Саре удался, если не считать похищения Сары. Чтобы решить эту проблему, Бог произвел конфликт между Аврамом и фараоном. Он благословил Аврама, а фараона поразил. Фараон открыл дверь для Сары, чтобы она могла вернуться в Палестину. Божий план освобождения Сары был завершен, когда египтяне вернули ее Авраму. Затем Аврам и Сара ушли из Египта в безопасности и богатстве.

Такая структура, прежде всего, показывает нам, какой вклад вносит каждая часть в целую историю. Изъятие любого раздела создало бы новую драму. Такой подход сдерживает нашу склонность придать центральной мысли этого рассказа тематический или исторический характер. Как мы уже сказали, многие толкователи привыкли сосредотачиваться на исторических или этических вопросах, просматриваемых в той или иной истории. Но когда мы видим аспекты сюжета в ходе развития всей истории, мы можем легко различить первостепенные и второстепенные элементы.

К тому же, благодаря такой структуре мы можем рассматривать историю как единое целое, не разбивая ее на маленькие частицы. Исторический и тематический анализы часто разбивают историю на мельчайшие детали, что не способствует ее целостному восприятию. Буквальный анализ представляет повествование как единое целое, давая нам возможность вникать в его общую суть и значение. Наше толкование сосредотачивается на развитии событий по прибытии в Египет, пленении Сары, вмешательстве Бога, освобождении и возвращении, а не на одном из этих аспектов. Уделяя внимание целой истории, мы обнаружим в ней материал для богословского размышления, который другие подходы часто не замечают.

Когда мы согласовываем свои наблюдения с первоначальным замыслом автора, история оживает. Моисей рассказал эту историю детям Израиля так, что она точно соответствовала современной для них ситуации. Несложно увидеть связь этой истории с повествованием о Моисее в книге Исход. Когда мы рассматриваем судьбу Израиля в

соответствии с Быт.12:10–20, нам становится ясно, что Моисей рассказал эту историю из жизни Аврама в качестве иллюстрации к избавлению Израиля от Египта.

Аврам пошел в Египет из-за голода в Ханаане; голод также привел Иакова и его сыновей в Египет за пищей. Авраам пошел на хитрость; братья Иосифа также были известны своим лукавством. Хотя Авраам процветал в Египте, его надежда на потомство исчезла, потому что фараон забрал Сару; Израиль очень разросся в Египте, но убийство младенцев мужского пола угрожало его будущим поколениям. Бог выявил конфликт между Аврамом и фараоном, определив каждому либо благословение, либо проклятие; божественное вмешательство в Исходе защитило израильтян, а фараону принесло беды. Свобода пришла через открытое противостояние между фараоном и Аврамом; Моисей и фараон встречались несколько раз, прежде чем царь, наконец, сказал: «Идите!» Египтяне отослали Аврама в безопасности и богатстве; израильтяне также ушли из Египта, взяв с собой множество добра.

Благодаря такой параллели между событиями Исхода и историей об Авраме, мы видим, что Моисей поведал эту историю в качестве прообраза, чтобы научить Израиль сути его исхода из Египта и возвращения в Палестину. Моисей сталкивался с недоверием и разочарованием среди израильтян. Но он привел эту историю, чтобы ободрить своих собратьев. Можно даже представить, как Моисей комментировал ее: «Не сдавайтесь! Мы ни в чем не ошиблись! То, через что мы проходим, уже было пройдено вашим отцом, Авраамом! Последуем же за ним из Египта, и будем иметь уверенность в силе Господа!» Также можно услышать, как верные израильтяне отвечали: «Исход Авраама — это наш исход!»

На этом примере мы видим, почему необходимо идти дальше тематических и исторических интересов и применять также буквальный анализ к ветхозаветным историям. Одновременно сосредотачиваясь на их форме и содержании, мы сможем извлечь больше пользы, которую Бог сокрыл для нас в этих историях.

Виды буквального анализа

Буквальный анализ не является чем-то новым. Веками Дух Святой обращал внимание церкви на форму и содержание Писаний. Но нередко буквальные литературные интересы вытеснялись богословскими и историческими вопросами.

Во время Реформации экзегетика была наполнена доктринальными противоречиями. Реформаторы рассматривали Писания преимущественно как богословские источники, а не как литературные работы. Однако они не были совершенно невосприимчивы к литературным качествам текстов. Кальвин, например, часто отмечал точные речевые обороты и яркую образность. Он признавал разницу между повествованиями и повелениями, мудростью и пророчеством. Комментарии Кальвина избыточествуют литературными наблюдениями, несмотря на то, что его основной интерес был сосредоточен на доктрине.

Со времен Просвещения евангельские толкователи начали заниматься историческими корнями. Однако в сегодняшней ветхозаветной герменевтике внимание все больше смещается в сторону буквального анализа. В последнее время значительно возрос интерес к литературному подходу, хотя многие доктринальные и исторические споры остаются нерешенными. Мы не сможем охватить весь масштаб такого развития, но давайте рассмотрим некоторые основные шаги.

Критика источников. К концу девятнадцатого века литературная критика во многом приняла форму критики источников. Толкователи искали письменные источники помимо Писаний. Гипотеза о документальности Пятикнижия была одним из первых шагов в этом направлении. С тех пор толкователи реконструировали гипотетические источники для многих книг Ветхого Завета.

Критика формы. Вторым важным шагом была критика формы, появившаяся в начале 1900-х годов. Ее четкой целью было определение жанра и реконструкция состояния культуры, в которой ветхозаветные истории первоначально использовались. Критики сравнивали Ветхий Завет с литературой других культур древнего Ближнего Востока.

Критика редактирования. Третий этап в буквальном анализе наступил в 1950-х годах под названием критики редактирования. Критики отслеживали развитие и изменение библейских текстов в зависимости от их устных и письменных источников, от древней и до современной формы.

Современные евангелисты скептически относятся к такому диахроническому подходу. Мы должны во многом держаться от него подальше. Прежде всего, его цели совершенно противоположны евангельским убеждениям в богодухновенности и авторитете Писания.

Тем не менее, за последние два десятилетия в литературном анализе ветхозаветных историй произошел большой сдвиг. Толкователи смещают свое внимание от источников и развития текстов Ветхого Завета к их окончательной сегодняшней форме.

Теоретическая критика. Решительный шаг в этом направлении был сделан в конце 60-х, начале 70-х годов. Вместо того чтобы сосредотачиваться на развитии текста, теоретические критики рассматривали книги Библии как завершенные произведения искусства, имеющие все необходимое, чтобы убедить читателя в своей достоверности. Структура, эстетические и риторические образцы этих текстов стали центральными в толковании.

Структурализм. В это же время на изучении Библии отразился структурализм, представляющий ряд философских и лингвистических подходов. Приверженцы структурализма во многом отличались друг от друга, но все они были согласны с тем, что значение текста может быть раскрыто при изучении внутренней связи этого текста с другими материалами Ветхого Завета.

Каноническая критика. В последние годы все эти направления были объединены и развились в теологическую программу, известную как каноническая критика. Представители канонической критики согласны, что большинство библейских текстов развивались во времени, но сосредотачиваются на окончательной канонической форме текста.

Евангелисты чувствуют себя удобнее с такими современными литературными методами и считают, что извлекать пользу можно из риторического, структурного и канонического анализа одновременно.

Литературный анализ — это третий основной способ, которым Дух Святой учит нас понимать ветхозаветные истории. Обращая внимание на соотношение формы и содержания, мы глубже понимаем значение этих текстов.

Заключение

Готовясь к толкованию историй Ветхого Завета, мы должны знать, как Святой Дух влияет на нас через экзегетику Писаний. На протяжении истории выявились три основные метода изучения ветхозаветных историй. Разнообразные формы тематического, исторического и буквального анализа доказали свою значимость для Божьего народа.

Каждая форма анализа соотносится с другими. Тематический анализ легко впадает в крайности без сдерживающего влияния исторического и буквального взглядов. Исторический анализ теряет свою теологическую суть без тематического и буквального методов. Буквальный анализ становится умозрительным без ограничений тематического и исторического подходов. Мы упустим множество благословений, если ограничимся рамками только одного из этих методов. Мы должны воспринимать ветхозаветные истории как

зеркало наших интересов и в то же время как окна, сквозь которые мы смотрим на исторические события и литературные образы.

Вопросы

1. Что такое тематический анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов тематического анализа.

2. Что такое исторический анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов исторического анализа.

3. Что такое буквальный анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов буквального анализа.

Упражнения

1. Прочтите историю о призыве Аврама (Быт.12:1–9). Какой материал вы находите для таких теологических категорий: 1) доктрина о Боге, 2) доктрина о человечестве, 3) доктрина о грехе и спасении?

2. Посмотрите на Быт.12:1–9 еще раз. Какие исторические события вам четко видны? В чем это место проясняет ваше представление о том, что Бог делал в тот момент истории искупления человечества?

3. Рассмотрите комментарии сделанные в девятнадцатом, начале двадцатого века, а также современные комментарии к книге Бытие 12:1–9. Сосредотачиваются ли они больше на тематическом, историческом, или буквальном анализе? В чем?

Часть II

Исследование ветхозаветных историй

Краткий обзор

В первой части мы рассмотрели некоторые основные условия, при помощи которых Дух Святой готовит нас к чтению Ветхого Завета. Наше восприятие зависит от личной христианской жизни, взаимодействия с обществом и экзегетики Писания. Чем больше мы вникаем в эти аспекты герменевтического процесса, тем лучше мы сможем понимать ветхозаветные истории.

Во второй части мы будем исследовать первоначальное значение историй Ветхого Завета. Мы посмотрим, какую цель преследовал Дух, когда вдохновлял ветхозаветные истории в их историческом контексте.

Исследование первоначального значения — это сложная задача. Сначала мы попытаемся установить цель нашего исследования, и обратим внимание на некоторые инструкции к этой процедуре (глава 5). Затем мы посмотрим на особенности, содержащиеся в ветхозаветных текстах: искусство создания образов (глава 6), описание сцен (глава 7), отдельные эпизоды (глава 8), а также структуры больших историй (глава 9). В главах 10 и 11 мы сосредоточимся на писателях и слушателях ветхозаветных историй. Краткий обзор всех ветхозаветных книг, имеющих преимущественно повествовательный характер, предоставит нам глава 12.

Применяя методы, описанные в этой части нашей работы, мы установим общую структуру для дальнейшего более подробного исследования (см. рис. 10).

Рис. 10: Схема части II: Исследование

Ориентация на исследование

Когда археологи исследуют прошлое, они сталкиваются со многими трудностями. Помимо напряжения самих раскопок, жара, дождь и ветер могут настолько отвлекать их, что даже самые опытные исследователи пропускают важные открытия. Чтобы раскопки были успешными, археологи должны быть единомышленниками, настроены на достижение стоящей перед ними цели. Они также должны уделять особое внимание этапам, которые могут помочь им в достижении намеченной цели.

В этой части нашей работы мы будем «раскапывать» первоначальное значение ветхозаветных историй, исследуя эти рассказы в их историческом контексте. Многие трудности могут легко отвлечь наше внимание. И если мы надеемся на успех, мы должны иметь четкое представление о том, что мы пытаемся найти, и внимательно рассматривать любые способы продвижения к успеху.

Мы начнем исследование ветхозаветных историй с двух основных вопросов: 1) В чем заключается цель исследования? 2) Какие этапы исследования помогают нам достичь этой цели?

Цель исследования

Однажды мне рассказали о разговоре между учителем духовной семинарии и учеником. Ученик подготовил проповедь о вечности Бога на основании книги Бытие (1:1). Когда он закончил, наставник задал ему вопрос: «Скажи мне в двух словах, что означает этот стих?» Ученик, не задумываясь, ответил: «Он означает, что Бог вечен».

«Нет,— сказал учитель,— ты упустил суть. Этот стих означает, что Бог сотворил все».

«Я думаю, он означает и то, и другое» — не согласился ученик.

«Такого быть не может,— настаивал учитель,— каждый стих имеет только одно значение».

Каждый студент семинарии проходит через тяжелые испытания проповеднических занятий. Ожидание вашей очереди проповедовать похоже на ожидание в очереди на казнь. Что бы вы ни сказали, учитель всегда найдет что-то неправильное. Но этот особый разговор ставит перед нами важную задачу в поисках значения ветхозаветных историй. В чем цель нашего исследования? Мы ищем только одно или множество значений?

Многовалентность

Однажды Джон прогуливался по тротуару, когда к его ногам подкатился клочок бумаги. Подняв записку, он прочитал: «Нужна помощь!» Джон прекрасно умел читать и вполне понимал значение слов «нужна» и «помощь». Он совершенно не сомневался в очевидности значения этой записки.

Внезапно к нему подошел прохожий и, указывая на скрывающуюся из вида машину, сказал: «Я видел, откуда вылетела эта записка. Ее выбросил маленький мальчик, когда его затащили в ту машину. Вы случайно не запомнили номер? Нужно позвонить в полицию!» В этот момент Джон совершенно по-другому осознал значение написанных слов. Ситуация, как он думал, теперь стала совершенно ясной.

Но тут к ним подошла женщина и сказала: «Ничего подобного. Я писала эту записку своей подруге, но не успела закончить, как ветер выхватил ее, и она улетела. Понимаете, моя подруга заболела и я хочу, чтобы она не пренебрегала медицинской помощью».

Теперь Джон был совершенно растерян. Эта записка была просьбой о помощи или дружеским советом? «Я ничего не понимаю! — сердито воскликнул он. — Эти слова могут означать что угодно!»

Джон столкнулся с тем, с чем сталкивались исследователи Ветхого Завета многие века. Подобно этой записке, любой библейский текст многозначен, даже если на первый взгляд он кажется достаточно ясным.

До Реформации большинство библейских толкователей допускало, что ветхозаветные истории значат больше, чем кажется на первый взгляд. Представители основного направления раввинской экзегетики придерживались мнения, что каждый текст содержит в себе множество значений. Свободное использование аллегорических методов применяли Филон и представители Александрийской школы — Клемент, Ориген, Амвросий и другие. Они подчеркивали множественность значений текста.

Ко времени Фомы Аквинского (1225–1274гг.) средневековая церковь уже во многом придерживалась Квадриги — метода толкования Джона Кассиана, согласно которому авторский замысел того или иного текста был важен, но его значение простиралось далеко за пределы буквального смысла.

Стеинмец подвел такой итог:

Со времени Джона Кассиана Церковь приняла теорию о многоуровневом значении Писания, выходящего за рамки буквального смысла... Аллегорический подход концентрировал внимание на Церкви и предмете ее веры... Антропологический — на личности человека и его предназначении... Аналитический подход изучал вопросы будущего.

На вере в Божье авторство Писаний основывались ранние и средневековые убеждения о так называемой «многовалентности» Писаний. Так как Бог был главным Автором Библии, ее истории многозначны и простираются за пределы намерений тех, кто их записывал. Слова Августина интерпретируют точку зрения церкви, бытовавшую до Реформации. Он сказал: «Какое еще более либеральное и плодотворное благословение мог дать Бог в Священных Писаниях, чем то, что одни и те же слова могут пониматься в разных значениях?» Такое мнение о божественном авторе заставляло многих дореформационных толкователей утверждать многовалентность библейских историй.

В наши дни многовалентность опять получила широкое распространение. Однако ее современное основание заключается в другом: в многовалентности самого языка. Корни такого направления современной герменевтики ведут к Фридриху Шлейермахеру, который утверждал, что язык текста выполняет только ограничительную функцию. Он устанавливает параметры возможного значения, но даже в этих рамках один и тот же текст может вмещать несколько смысловых структур. Рассмотрение одного только документа не всегда может быть достаточным, чтобы читатели определили его точное значение. Для определения значения им нужно смотреть за рамки текста на психологический портрет писателя.

Большинство сегодняшних библейских толкователей-буквалистов признают, что язык не может четко закреплять значение. Одни и те же выражения могут означать разные вещи. Но, вместе с тем, в кругах приверженцев Шлейермахера такое внимание к автору было заменено вниманием к читателю. Другими словами, значение текста определялось мировоззрением читателя. Когда читатели рассматривают текст с разных точек зрения, они замечают разные значения.

На протяжении веков бесчисленное количество толкователей рассматривало библейские тексты как многовалентные. Ранние взгляды были основаны на признании Божественного автора. Современная точка зрения больше основывается на разности значений самих языковых структур. Но в любом случае обе точки зрения свидетельствуют, что толкователи должны искать в историях Ветхого Завета множество значений.

Одновалентность

Не соглашаясь с многовалентными формами значений ветхозаветных историй, некоторые толкователи рассматривают их как одновалентные: текст имеет только одно значение — именно то, которое вложил в него человек, являющийся автором. Такое мнение очень часто совпадает с нашим повседневным опытом. Обычно мы считаем, что наши высказывания имеют только один смысл, которым мы их наделяем.

Джо выбежал на улицу, чтобы поиграть с друзьями, и услышал голос своей мамы: «Я бы хотела, чтобы ты обулся». Не обратив внимания, мальчик побежал босиком. Вернувшись через пару часов, он встретил маму в дверях. «По-моему, я сказала тебе обуться!» — рассерженно сказала она. Но Джо возмущенно ответил: «Нет, ты сказала, что хотела бы, чтобы я обулся». «Да, — признала мать, — но ты прекрасно знал, что я имела в виду!»

Джо услышал слова матери и истолковал их в рамках своих собственных желаний. Фактически он был прав; она сказала, что хотела бы, чтобы мальчик обулся. Сами слова свидетельствуют в пользу толкования Джо. Но его мать желала, чтобы ее слова были поняты именно в том значении, которое, как она утверждала, мальчик прекрасно понимал. Значение фразы определяло ее намерения. Она хотела, чтобы сын обулся, и он должен был это сделать.

Мы мыслим так в большинстве случаев. Когда мы не понимаем друга, мы спрашиваем: «Что ты имеешь в виду?» Когда кто-то неправильно понял нас, мы говорим: «Нет, я имел в виду, что...». Мы часто предполагаем, что слова говорящего имеют только одно значение (которое он вкладывает в них).

Как мы уже сказали, до Реформации большинство толкователей считало, что ветхозаветные истории имеют множество значений и некоторые из них недоступны для понимания при обычном чтении. Для этого толкователи нуждались в особом духовном просвещении. Кто мог получать такие привилегированные откровения? Ответ Римской церкви был однозначным: Бог наделил особым просвещением духовенство. Истинное понимание Писания было доступным только высокому священству.

Опровергая такой подход, реформаторы установили буквальный смысл в качестве нормы для любого толкования. Как сказал Кальвин в своем комментарии к Галатам (4:22): «истинное значение Писаний является вовсе несложным для понимания».

Нормативность ясного единственного смысла Писаний оставалась центральной во многих протестантских работах по толкованию. Вильям Амес (1576–1631гг.) четко изложил свою мысль: «Каждое место в Писании имеет только один смысл. Иначе значение Писаний было бы не только неясным и неопределенным, но значения не было бы вовсе — ибо все, что не означает чего-то конкретного, не означает ничего».

Это мнение настолько широко принималось учеными семнадцатого века, что было заключено в Вестминстерский Символ Веры. «Каждый библейский сюжет имеет только одно значение».

Комментарий Макферсона к этому конфессиональному заявлению отражает общее направление ортодоксального мышления в девятнадцатом веке: «Если мы не хотим внести полную путаницу в содержание Божьего откровения, мы должны выступать только за один смысл Писания — это буквальный смысл, открывающийся при внимательном исследовании самого текста».

Многие современные евангелисты поддерживают важность только одного значения каждого стиха. Беркхоф, Рамм, Вирклер и Микельсен — только некоторые из тех, кто следует этому традиционному подходу. В последние годы самым ярким защитником традиционной одновалентности выступал Кайзер. Полагаясь во многом на работу Хирша, он утверждал, что единственный способ избежать множества неопределенностей, это признавать истину определяющей значение текста. Кайзер говорил:

Такая литературная работа как Библия может иметь одно, и только одно правильное толкование. За ее значение должна приниматься истина, которую вложил в тот или иной стих человек, написавший его; иначе все предполагаемые значения должны иметь одинаковую степень серьезности, вероятности и правильности и ни одно из них не может быть большей истиной, чем другие.

Убеждение в одновалентности каждого стиха настолько распространено среди современных евангелистов, что даже встречается в Чикагском Положении о Библейской Герменевтике. В нем сказано: «Мы признаем, что каждый стих в Библии имеет одно, определенное и закрепленное значение».

Наряду с точкой зрения Реформации о ясности и простоте смысла, большинство евангелистов сегодня рассматривают смысл той или иной истории Ветхого Завета, как единственный. Каждый стих имеет только одно значение. Согласно этому утверждению, целью экзегетического исследования является поиск того единственного значения, вложенного автором.

Значение и полная ценность

Какое же из мнений правильно? Текст имеет одно или несколько значений? Несколько лет назад возникла большая путаница, потому что некоторые евангелисты начали придавать термину «значение» не традиционный протестантский, а более широкий смысл. Они начали говорить о множестве значений, присущих одному тексту. Эти разногласия не только привели к сложностям, но также заставили пересмотреть традиционные представления о едином нормативном значении.

Многие верующие сталкиваются с серьезным вопросом. Если текст может означать больше, чем что-то одно, как мы можем быть уверены, что поняли его правильно? Как мы можем отличить правильное толкование от неправильного? Если значение не заключено в первоначальной идее, которую изложил автор, разве мы не оказываемся выброшенными за борт в море неопределенности?

Во избежание таких трудностей, мы подтвердим традиционное мнение об одновалентности текста, однако отметим и другие его аспекты для получения полной картины. Давайте посмотрим на первоначальное значение истории, библейские уточнения, правильное применение и полную ценность. Такое разделение на категории в чем-то искусственно, так как они во многом пересекаются. Однако это поможет нам избежать путаницы в исследовании ветхозаветных историй.

Первоначальное значение. Мы будем говорить об основном аспекте ценности истории — ее первоначальном значении. Первоначальное значение — это смысл текста, который вкладывал в него автор для современников. Зачем автор составил этот рассказ? С какой целью он написал эту историю? Поскольку именно первоначальное значение Писаний вдохновлялось Духом, мы принимаем его за основу любого толкования. Но мы должны помнить, что ценность текста заключается не только в его первоначальном значении.

Библейские уточнения. Библейские уточнения также являются ценностной частью текста. Такие уточнения включают в себя все, что говорит Писание о той или иной ветхозаветной истории. Как Библия комментирует этот рассказ? Уточнения могут относиться к целой истории или к ее части; кроме того, они могут уточнять рассказ прямо и косвенно.

В любом случае, библейские уточнения всегда являются истинными и надежными. Они никогда не противоречат первоначальному значению, потому что конечным Автором обоих является Бог. Но уточнения часто могут выходить за рамки первоначального значения, освещая такие качества текста, которые оставались скрытыми в дни автора.

Правильное применение. Правильное применение является третьей гранью ценности истории. Это правильное понимание деталей, которые вдохновенные толкователи прошлого, настоящего и будущего извлекают из первоначального значения при содействии библейских уточнений. Как применялась эта история? Как она должна применяться сегодня? Как она может применяться в будущем? Предполагаемое применение всегда нуждается в коррекции, потому что оно не обязательно вдохновлено Богом. Но пока применение приносит пользу, оно также формирует аспект ценности истории.

Полная ценность. Полной ценностью мы называем всю потенциальную истину, сокрытую в истории. Она включает первоначальное значение, библейские уточнения и любое правильное применение. Конечной целью евангелиста является знание и применение того, что Сам Бог хочет дать своему народу из ветхозаветных историй. Почему Дух пожелал написать эту историю? Что Бог хотел показать Своему народу? Каждый раз, когда мы обнаруживаем аспект первоначального значения, библейского уточнения или правильного применения, мы освобождаем часть этой полной потенциальной ценности.

Итак, первоначальное историческое значение ветхозаветных историй является руководством к извлечению полной ценности текста. Хотя уточнения и правильные формы применения могут выходить за рамки идеи, которую старался передать автор в своей истории, они никоим образом не противоречат ей. Поэтому если мы надеемся понять полную ценность историй Ветхого Завета, нам нужно начать свое исследование с первоначального значения (см. рис. 11)

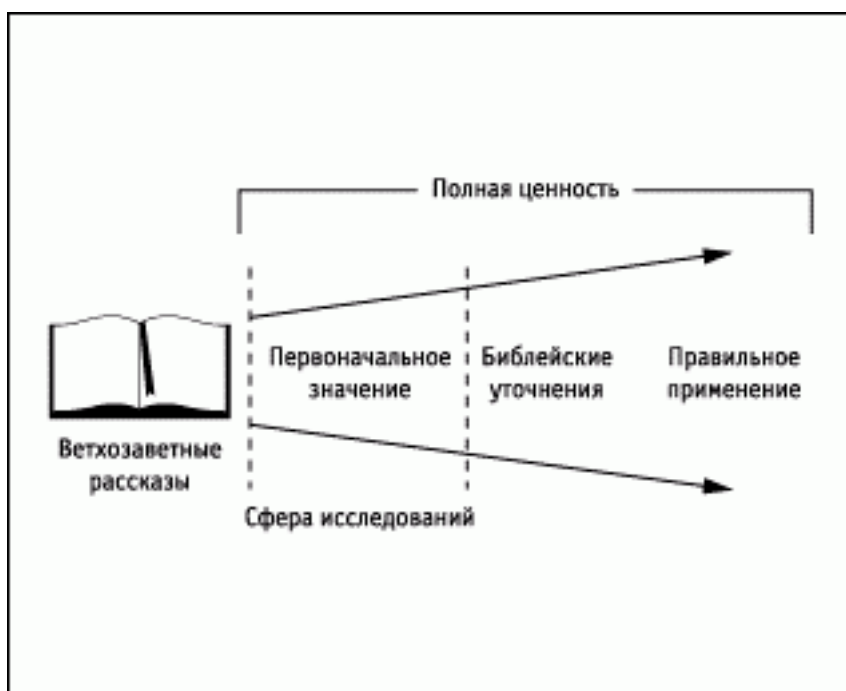

Рис. 11: Цель исследования

Этапы исследования

Сосредоточив внимание на первоначальном значении ветхозаветных историй, мы теперь должны определить некоторые этапы исследования. Что мы должны учитывать при изучении первоначального значения этих текстов? Какой подход поможет нам установить четкий, нормативный смысл? Мы коснемся трех основных вопросов, определяющих параметры нашей работы: разнообразное влияние на первоначальное значение,

разнообразные аспекты первоначального значения и разнообразные итоги первоначального значения.

Разнообразное влияние

Многие факторы влияют на исполнение симфонического оркестра. Дирижер управляет оркестром, ноты направляют музыкантов, исполнители играют на своих инструментах, и зал поддерживает игру аплодисментами. Даже расположение оркестра в концертном зале влияет на исполнение. Эти и бесчисленное количество других факторов влияют на качество игры симфонического оркестра.

Таким же образом многие факторы влияли на первоначальное значение ветхозаветных историй. С евангельской точки зрения, основное влияние на первоначальное значение оказал Святой Дух; Бог являет Себя в каждой истории Ветхого Завета. Но Бог использовал много внешних инструментов и каналов в качестве второстепенных факторов, оказывающих определенное влияние. Что это за влияющие факторы?

Курс Общей Лингвистики Фердинанда Саусера является одной из наиболее важных работ по этой теме. При изучении значения Саусер особенно обращал внимание на взаимосвязь между parole — особенными лингвистическими выражениями и langue — системой лингвистических условностей, общей для говорящих и слушающих.

Саусер утверждал, что значение высказывания (parole) зависит от ассортимента лингвистических условностей (langue), с помощью которых люди общаются. Общество людей, говорящих на том или ином языке, объединяется эластичной, условной языковой структурой. Каждый раз, когда они общаются, они прибегают к этим установленным условностям.

Мы рассмотрим три составные, влияющие на первоначальное значение текста: документ, автор и слушатели. Мы не можем раскрыть значение истории только из одного текста. Необходимо учитывать языковую систему, общую для автора и слушателей.

Многие литературоведы придерживались такого тройственного подхода, хотя иногда не придавали его элементам одинакового значения. Утверждение, что только намерения автора являются ключом к значению текста, можно назвать «намеренным заблуждением». Утверждение, что для определения значения необходим только документ, можно назвать «графическим заблуждением», а думать, что значение определяется только влиянием читателя на автора, значит впасть в «эмоциональное заблуждение». Мы попытаемся избежать этих крайностей и уделить необходимое внимание всем трем факторам, влияющим на значение.

Так или иначе, мы всегда уделяем какое-то внимание этим факторам. Мы не можем понять текст без исследования самого документа. Даже для поверхностного изучения нужно знать хотя бы что-нибудь о тексте. Мы также можем ничего не знать об авторе, но всегда делаем какие-то предположения о нем. Мы предполагаем, что автор имел определенный уровень языковых способностей, интеллекта и мировоззрения. Таким же образом, мы можем мало что знать о современниках автора, но мы предполагаем, что они могли понимать основные элементы текста и проявляли к нему хотя бы небольшой интерес. При изучении значения любой записки, письма, статьи или книги мы обращаем определенное внимание на все три фактора.

Несколько примеров того, как Библия раскрывается через эти факторы, показывают их важность. Библейские писатели придавали огромную важность документам Ветхого Завета. Они внимательно изучали их, иногда обращали особое внимание на специфику слов (Гал.3:16–18; Рим.4:18–25). К тому же, они периодически соотносили свои толкования с эпохой автора и его современниками. (2Пар.36:22; Неем.1:8–9; Дан.9:1–3; Мф.22:44–46; Деян.2:26–36; 2Пет.3:15–16; Евр.4:6–11). Уровень внимания к каждому фактору у всех библейских писателей разный. Но сама Библия показывает необходимость учитывать все три фактора при оценке первоначального значения ветхозаветных историй.

Разнообразные ракурсы

Многие любят ходить на стадион, чтобы смотреть футбол. Это очень весело — находиться там, среди всеобщего шума и восторга. Но со своей скамейки вы видите игру только в одной части поля. В этом отношении просмотр по телевизору имеет преимущество. Вы видите эпизод с одной стороны, затем его повторят слева, справа, спереди и сзади. Такие разные позиции формируют более полную картину, чем обзор из одной точки на стадионе. Очевидно, многие согласятся с этим. Я даже видел, как фанаты, сидя на стадионе, смотрели портативные телевизоры!

Таким же образом, одна точка зрения ограничивает наше понимание первоначального значения. Писатели, документы и слушатели во многом взаимодействуют между собой. Намерения писателя влияют на слушателей, потребности слушателей формируют документ, документ воплощает желание писателя сообщить свою идею. Такая взаимосвязь очень сложна. И если мы научимся смотреть на нее с разных позиций, мы получим более полную картину того, что Святой Дух первоначально задумал передать Своему народу через эти истории.

Какую же позицию нам нужно занять, чтобы зафиксировать взаимосвязь между писателями, документами и слушателями? Полезно будет рассмотреть парадигматическую, синтагматическую и прагматическую точки зрения. Эти три позиции зависимы друг от друга, но ради простоты мы рассмотрим их как три основных вопроса. Парадигматический ракурс спрашивает, что писатель решил сказать; синтагматическая перспектива рассматривает, как он изложил свою работу; прагматический взгляд интересуется, почему он написал об этом для читателей.

Большинство специалистов по семантике применяют эти позиции, в основном, на уровне слов, фраз и предложений. Какие слова избрал писатель? Как структура фразы или предложения определяет значение? Как влияет на значение сверхлингвистический контекст? Однако в нашей работе мы будем использовать эти категории для изучения целых историй и книг Ветхого Завета. Как парадигматический, синтагматический и прагматический углы зрения помогают нам понять первоначальное значение целых историй и книг?

Парадигматический угол зрения помогает анализировать значение текста в сравнении с другими возможными вариантами. Что писатель решил сказать, а что нет? Значение рассматривается как вопрос выбора. От отдельных слов до целых речей, авторы всегда производят отбор. Когда мы рассматриваем то, что они отобрали и что исключили, нам легче определить значение текста.

Значение того или иного слова нужно оценивать относительно других слов в лексиконе человека. Каждый язык имеет множество синонимичных слов. Почему мы избираем одно слово, а не другое? Иногда такой выбор произволен, но он часто является результатом определенного понимания значения тех или иных слов.

Мы часто предпочитаем одно слово другому, потому что оно более точно обозначает ту мысль, которую мы желаем передать. Если я хочу сказать своей семье, что ходил в супермаркет, я могу сказать: «Я ходил в магазин». Я не говорю: «Я ходил в кино». Почему? Потому что слово «магазин» передает идею о супермаркете, а «кино» нет. Мы не называем шляпу «книгой»; мы не называем машину «елкой». Если мы не хотим употребить определенный речевой оборот, мы выбираем слова, отражающие понятие именно того, о чем мы хотим сообщить.

Иногда мы выбираем слова, которые не точно передают идею, а только описывают ее вообще. Например, слово «магазин» может быть не совсем ясным. Оно может передавать идею о любом магазине: одежды, мебели, автодеталей и т.д. Вместо того, чтобы сказать «Я ходил в магазин», я могу сказать «Я ходил за продуктами». Мы можем выбирать слово

«океан» вместо «вода», «дочь» вместо «ребенок» в зависимости от наших целей. Значение понятия может быть сконцентрированным или расширенным.

Во-вторых, мы избираем слова из-за их дополнительного, побочного оттенка значения. Такие оттенки могут быть самыми разнообразными, но зачастую эмоциональный играет основную роль. Какая разница в описании одного и того же человека: «бюрократ», «государственный служащий» и «общественный деятель»? Все три понятия могут одинаково передавать суть, но их эмоциональные оттенки довольно различны. Я могу описать себя как «настойчивого» человека, другого как «упрямого» и третьего как «глупого». Мой выбор основан на эмоциональных оттенках значений этих слов.

Писатели Ветхого Завета избирали слова на основании их точного и дополнительного значений. Посмотрите на один стих из истории о Вавилонской башне: «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие» (Быт.11:5). Что имел в виду Моисей, когда сказал, что Бог «сошел»? Почему он, к примеру, не сказал «пришел» или «подошел»? Эти слова ничуть не нарушили бы понятие читателей о том, что Бог обитает на небесах. Но Моисей избрал слово «сошел», потому что оно отражает движение вниз. Оно также имеет определенный эмоциональный оттенок. В предыдущем стихе Моисей сказал, что башня была «высотой до небес» (Быт.11:4). И он, возможно, выбрал слово «сошел» из-за саркастического оттенка его значения. Люди строили башню и думали, что достигли небес, но Господу все равно пришлось сойти, чтобы посмотреть ее.

Изучение альтернативной лексики, используемой писателями, поможет нам понять, почему те или иные слова они избрали. Мы должны учитывать антонимы и синонимы этих слов, чтобы прояснить их значение. Изучение такого авторского отбора поможет нам раскрыть их идею. Как сказал Тиселтон: «Толкователь не может знать, какое значение нужно придавать использованию автором того или иного слова, пока он не определит одновременные альтернативы, из которых автор мог выбирать».

В нашей работе мы будем оценивать первоначальное значение, благодаря такому же подходу, только к более обширным частям материала. В конечном итоге, все, что включено в ветхозаветные истории, определил Святой Дух. Но в свете органичного вдохновения мы должны спрашивать себя, что включили или исключили люди, через которых Он писал Ветхий Завет. Так мы сможем яснее понять первоначальное значение текста.

Евангелисты часто игнорируют такой анализ лексики Ветхого Завета. «Они написали об этих событиях, потому что они произошли»,— говорим мы. Это действительно так, но ветхозаветные авторы могли описать те же события совершенно по-другому, не искажая при этом фактов. То, о чем повествуется, что подчеркивается, что оставляется в тени и что упускается, является, по большей части, вопросом выбора.

Сколько вариантов имеют писатели для описания сцены, в которой человек идет по улице? Они могут сказать нам год, месяц, день и час; они могут указать страну, город и улицу; они могут пожелать описать погоду, состояние улицы, людей, идущих рядом. Писатели могут описать его физическое состояние и внешний вид; они могут сосредоточиться на его целях, мыслях и чувствах. И это всего лишь немногие из большого числа деталей, которые могут описать авторы, составляя простую сцену о человеке, идущем по улице. С каким же огромным выбором сталкивались писатели Ветхого Завета, составляя целые истории и книги? И если выбор был таким обширным, по какому принципу они отбирали, что включить в свои истории, а что исключить? Они основывали свой выбор на точных и дополнительных значениях.

Ветхозаветные истории были предназначены для описания определенных сторон тех или иных событий. Писатели сообщали о том, к чему хотели привлечь внимание читателей. Почему, например, автор Царств говорит «Отрок же Самуил более и более приходил в возраст и в благоволение у Господа и у людей» (1Цар.2:26), а не «Самуилу было двенадцать лет, и он был полтора метра ростом»? Почему автор Книги Судей повествует о том, что Еглон был «человек очень тучный» (Суд.3:17), а не о том, что у царя «была борода»? Прежде всего, писатели включали именно те элементы, на которые желали обратить внимание своих

читателей. Выбор в ветхозаветных историях часто основывается на идеях, которые авторы хотели точно передать. Но авторы Ветхого Завета также включали и исключали элементы на основании их смысловых оттенков. О репутации Самуила повествуется, чтобы вызвать благоволение к нему и презрение к сыновьям Илия. Описание ожирения Еглона высмеивало правителя.

В последующих главах мы сосредоточимся на выборе, который делали писатели. Мы ясно увидим, что они не говорили обо всем подряд, о чем могли сказать; предоставляя одну информацию, они удерживали другую. Изучение такого отбора позволяет нам исследовать смысл их историй.

Синтагматический. Второй основной гранью первоначального значения является синтагматическое расположение — то, как использовано слово относительно других слов текста. Саусер писал так:

В речи слова зависят друг от друга, будучи связаны между собой согласно линейной структуре языка. Тот или иной термин приобретает ценность только благодаря тому, что он находится в зависимости от всего, что предшествует ему и следует после него.

Синтагматический контекст зачастую не только определяет, какое слово должно быть использовано, но и придает одному и тому же слову разные значения. Словосочетание, простое или сложное предложение, внутри которого находится слово, определяют его значение. Возьмем, к примеру, предлог «на». Если я спрошу вас, где находятся слова, которые вы читаете — «на» этой странице или «рядом» с ней, вашим ответом будет уверенное «на». В этом контексте «на» и «рядом» имеют совершенно разные значения. Но давайте изменим синтагматический контекст. Если вы спросите меня: «Где ты живешь?», я отвечу: «Я живу на улице Векива Коув». В этом контексте «рядом» было бы синонимом «на». Я живу рядом с этой улицей. Таким образом, синтагматический контекст влияет на значение слова.

Расширенный контекст также определяет значение слова. Абзац или целая глава могут сформировать у читателя понимание значения того или иного слова.

То же самое касается ветхозаветных историй. Значение слова в тексте может быть разным из-за его синтагматического контекста. Ярким примером является употребление слова «дом» во 2Цар.7:1–16. В этом отрывке «дом» упоминается восемь раз, но имеет, по крайней мере, три разных значения. «Дом» означает «дворец» Давида (ст. 1, 2), «Божий храм» (ст. 5, 6, 7, 13) и «династию Давида» (ст. 11, 16). Как же мы отличаем разные значения одного и того же слова? Мы видим разницу, рассматривая синтагматический контекст, в котором оно употребляется каждый раз. Если контекст говорит о месте, в котором жил Давид, «дом» — это его дворец. Если в стихе говорится о том, что Давид пожелал построить «дом» Богу — это Божий храм. Если Бог говорит Давиду о его будущем, «дом» означает его родословие. В каждом случае синтагматический контекст предлагает подсказки к значению слова.

В последующих главах мы рассмотрим, каким образом синтагматический контекст определяет значение на более широком уровне, рассматривая структуру рассказа. Изучив, как устроен рассказ, мы сможем быстрее подобрать ключ к открытию его первоначального значения.

К сожалению, многие евангелисты не видят особой важности в анализе структуры и устройства ветхозаветных историй. Мы часто говорим себе: «Истории изложены так, как происходили события». Несомненно, исторические факты ставили библейских писателей в определенные рамки; они не выдумывали и не искажали событий. Однако ветхозаветные авторы излагали одни и те же серии событий по-своему. Иногда они соблюдали историческую последовательность, иногда нет. События часто предсказывают дальнейшие сцены и повторяют предыдущие. В одних историях сцены изложены симметрично, в других

— асимметрично. Одни действия повышают, другие снижают драматическое напряжение. И это только некоторые из стилей, при помощи которых ветхозаветные авторы излагали свои истории.

Раскапывая первоначальное значение, нас интересует то, как ветхозаветные авторы писали свои повествования. Мы рассмотрим отдельные сюжеты, серии историй и целые книги под синтагматическим углом.

Прагматический. Разделение Саусера между *parole* и *langue* указывает еще на один ракурс оценки значения текста: прагматический контекст. В последние годы очень много внимания уделялось прагматике человеческого языка. Выяснилось даже, что на значение текста могут влиять некоторые факторы, стоящие вне самого языка. Ситуация, в которой находятся говорящий и слушающие, во многом определяет значение речи. Значение зависит не только от парадигматического отбора и синтагматического изложения; оно также зависит от сверхлингвистического, прагматического контекста, в котором встречается слово или фраза.

Прагматический ракурс имеет множество аспектов, включая общую историческую и культурную обстановку. Значение одного и того же выражения может быть разным в разное время и в разном месте.

Сверхлингвистический контекст также включает цели, для которых была избрана та или иная история. Возьмем, к примеру, значение повелительного наклонения. Студенты теологии часто считают, что повелительный глагол всегда выражает заповедь, что в большинстве случаев действительно так. Когда Бог говорит о нравственном вопросе, Его повелительный стиль явно передает заповедь (Исх.19:10). Когда царь говорит своим слугам, что делать, его требование является приказом (2Цар.11:14–15). Но анализ прагматического контекста явно показывает, что повелительное наклонение не всегда выражает авторитарную команду. Когда слуга настоятельно говорит царю, совершенно очевидно, что это не приказ (2Цар.14:4). Так же и когда поклоняющийся возносит молитву в повелительном стиле, это настойчивая просьба, а не приказ (Пс.51:10).

Важность такого сверхлингвистического контекста очевидна, когда мы пытаемся ухватить связь между мыслями говорящего и грамматикой его речи. Евангелисты часто предполагают, что грамматические формы текста четко соответствуют намерениям автора. Мы считаем, например, что если писатель хочет передать нам факты, он употребляет повествовательные предложения; если он хочет о чем-то спросить, он употребляет вопросительное предложение; если он хочет напомнить нам наши обязанности, его текст носит повелительный характер.

Немного поразмыслив, мы увидим, что логико-грамматический изоморфизм не имеет подтверждений. Объем мыслей писателя не соответствует в точности грамматической плоскости его текста. Но при определенном контексте повествовательное предложение может быть повелением, вопросительное предложение может быть приказом, а повелительное — простым утверждением факта.

Например, что означает фраза: «Здесь холодно»? На первый взгляд она кажется простым описанием температуры окружающей среды. Но разные прагматические условия могут направить нас к другому пониманию. Если, к примеру, говорящий болен, эта фраза может быть призывом к сочувствию, эквивалентом «Помогите мне, у меня жар!» Когда студенты, входя в класс, говорят «Здесь холодно», они имеют в виду: «Пожалуйста, включите обогреватель!». Во время знойного летнего дня эта фраза может быть произнесена саркастично, и означать в действительности: «Здесь очень жарко». Почему возможно такое разнообразие? Потому что значение выражения не определяется только структурами внешней грамматики. Грамматика должна читаться в свете сверхлингвистических обстоятельств и намерений автора.

Прагматический ракурс важен для толкования ветхозаветных историй. Если мы проведем четкую параллель между мыслями библейских писателей и их грамматическим

выражением, нам придется сделать заключение, что большинство ветхозаветных историй не учат нравственным или теологическим принципам. В конце концов, большинство библейских текстов являются всего лишь сообщением фактических событий. На поверхности текст не раскрывает всей глубины значения. Несомненно, ветхозаветные истории сообщают читателям о фактах, но, кроме того, они делают намного больше. Другие измерения значения скрываются под поверхностью и могут быть замечены только в свете прагматических обстоятельств, во время которых был написан рассказ.

Например, история о Седрахе, Мисахе и Авденаго (Дан.3:1–30) на первый взгляд просто повествует о событиях. Писатель только описывает факты, никогда не углубляясь дальше. Однако, учитывая прагматический контекст, а именно пленение современников, которым книга была адресована непосредственно, мы можем видеть, что она сообщает намного больше, чем видно на первый взгляд. Она направляла читателей к благочестивому житию; она внушала чувство гордости за отвагу своих героев; она вдыхала в читателей веру; она также наполняла их славословием Господу. Ничто из этого не выражено в книге явно, определенной грамматической формой, но когда мы учитываем, для чего был написан рассказ, мы лицом к лицу сталкиваемся с этими аспектами первоначального значения.

Ветхозаветные истории использовались для многих целей. Далее в нашей работе мы рассмотрим прагматику этих повествований. Однако уже сейчас нам должно быть ясно, что для понимания первичного значения этих текстов нам нужно больше, чем простое восприятие того, что написано на странице. Мы должны также учитывать обстоятельства и причины написания того или иного повествования.

Итак, мы посмотрим на взаимодействие между документом, автором и читателями с трех сторон: парадигматической (Что решил написать автор?), синтагматической (Как автор изложил свой материал?) и прагматической (Почему автор предложил свой материал?). Применяя эти методы анализа к ветхозаветным историям, мы сможем лучше постигать первоначальное значение этих текстов (см. рис. 12).

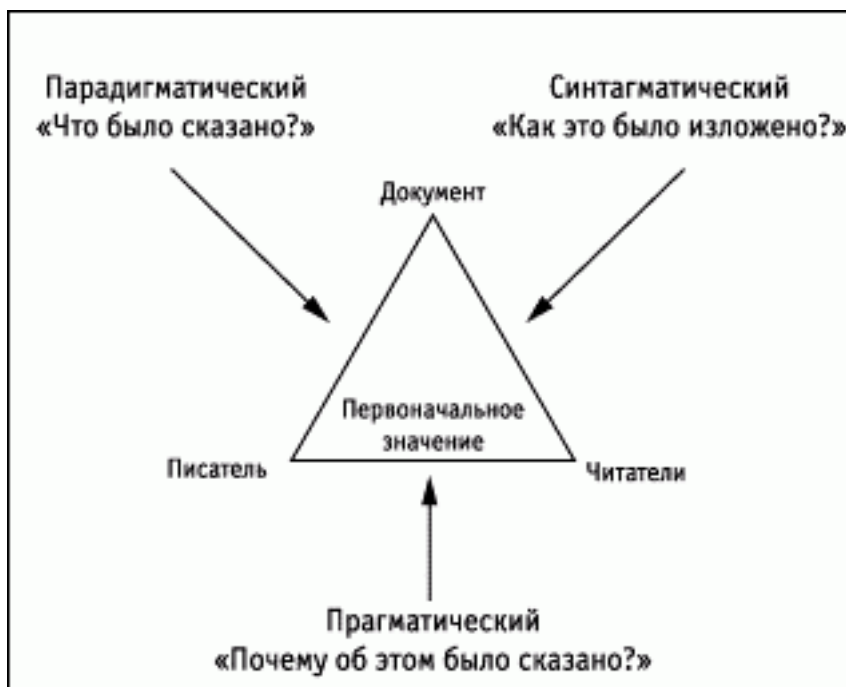

Рис. 12: Углы первоначального значения

Разнообразные выводы

Все мы знаем, что существует только один Атлантический океан. Это однозначный, объективный факт. Однако один этот факт является сложным сочетанием химических соединений, животной и растительной жизни и множества других бесчисленных элементов

живой и неживой природы. Такой сложной системе невозможно дать одно исчерпывающее определение. Лучшее, что мы можем сделать, это предложить множество различных описаний.

Как мы уже увидели, ветхозаветные авторы писали одновалентные, разборчивые тексты для своих читателей. Каждое место Писания имеет одно первоначальное значение. Но одновалентность не означает упрощенность. Писатели, документы и читатели взаимодействовали для создания первоначального значения. Парадигматический, синтагматический и прагматический углы зрения открывают, насколько сложным было такое взаимодействие. Следовательно, при исследовании ветхозаветных историй, самым мудрым решением с нашей стороны будет множество разнообразных выводов из одного первоначального значения.

Однажды ко мне подошел студент и спросил: «Какой комментарий даст мне правдивое значение Исхода?» Вопрос застал меня врасплох, но я смог ответить: «Есть много хороших комментариев к этой книге».

«Но все они говорят разное,— ответил он. — Я хочу знать, какой из них скажет мне одно истинное значение, не пропустив ничего».

Этот студент серьезно заблуждался. Одно дело говорить, что каждый текст имеет одно унифицированное первоначальное значение. Но совсем другое дело ожидать, что какой-нибудь один комментарий полностью опишет вам это значение. Сколько страниц потребовалось бы для исчерпывающего описания Десяти Заповедей? Разве может какой-нибудь комментарий до конца изъяснить первоначальное значение пересечения моря Израилем? Конечно, нет! Эти места настолько богаты значением, что комментарий может только касаться поверхности его глубин.

Многие евангелисты чрезмерно упрощают первичное значение, думая приблизительно так: «Это место означает то, что я сказал. И поскольку оно может иметь только одно значение, оно не может означать ничего другого». Имея такую точку зрения, мы, скорее всего, прекратим изучать это место и исключим любое дальнейшее его исследование, потому что мы будем думать, что достигли единственного, правильного толкования.

Свойственная ветхозаветным рассказам многоуровневость превращает исследование в непрекращающийся процесс. Мы можем обнаружить аспект первоначального значения, но никогда не должны думать, что раскрыли последний. Исследуя ветхозаветные истории, мы можем исчерпать себя, но мы никогда не исчерпаем сами тексты.

Приступая к исследованию ветхозаветных историй, мы должны помнить, что у них существует только одно первоначальное значение, но при его помощи мы можем сделать много важных выводов. Тщательное изучение может исправить наши ошибочные выводы, но значение может иметь далеко не одно правильное изложение. Наша цель заключается не в том, чтобы сформулировать единственное правильное описание первоначального значения. Мы должны формулировать ассортимент правильных описаний.

В последующих главах мы научимся делать различные выводы из чтения ветхозаветных историй. В главах 6–9 мы сосредоточимся на собственных выводах. Мы коснемся описания образов, сцен и структуры документа. С 10-ой по 12-ю главу наше внимание будет обращено на посторонние выводы. Мы сосредоточимся на авторах и их прагматических целях. Поскольку первоначальное значение ветхозаветных историй является совокупностью многих факторов, никакой одиночный итог не будет достаточным. Нам нужно научиться делать такие разносторонние выводы, чтобы наше понимание историй Ветхого Завета могло расширяться (см. рис. 13).

Рис. 13: Разнообразные итоги первоначального значения

Заключение

В этой главе мы представили основной подход, которому будем следовать при исследовании ветхозаветных историй. Целью исследования является: раскрыть первоначальное значение, смысл документа, учитывая особенности писателя и его современников. Это единственное, исторически утвержденное и нормативное для толкования значение. Тем не менее, мы должны помнить сложность взаимодействия между писателем, документом и читателями, а также обращать внимание на парадигматический, синтагматический и прагматический ракурсы значения. Научившись подводить итоги такого рода, мы сможем понимать, что означали эти истории, когда Бог дал их Своему народу.

Вопросы

1. Что такое многовалентный взгляд на значение? Чем отличаются древние взгляды на поливалентность от современных?
2. Что такое одновалентный взгляд на значение? Куда ведут некоторые исторические корни этого взгляда в библейском толковании?
3. Какие различия проводятся в этой работе между «первоначальным значением», «библейскими уточнениями», «правильным применением» и «полной ценностью»?
4. Почему важна формула «одно первоначальное значение — много частичных выводов»?
5. Назовите материальные факторы, определявшие первоначальное значение. Опишите разницу «парадигматического», «синтагматического» и «прагматического» подходов к анализу первоначального значения.

Упражнения

1. Сравните старый и более современный комментарий к Бытию 1:1–2:4. Отметьте, на чем сосредотачиваются данные комментаторы, когда речь идет о первоначальном значении, библейских уточнениях и правильном применении.

2. Посмотрите на старый и современный комментарии к Бытию 1:1–2:4. Данные комментаторы больше сосредотачиваются на авторе, документе или читателях? Как можно было бы расширить их поле зрения, улучшив тем самым их комментарий?

3. Посмотрите на старый и более современный комментарии к Бытию 1:1–2:4. Данные комментаторы занимают больше парадигматическую, синтагматическую или прагматическую позицию? Можете ли вы заполнить некоторые пробелы в их подходах?

Личности в ветхозаветных историях

Я помню, как учительница прочла нам в четвертом классе «Рождественский гимн» Чарльза Диккенса. «Что вам понравилось больше всего в этой истории?» — спросила она, закрыв книгу.

«Мне понравился Крошка Тим,— сказала моя соседка по парте. — Он был таким милым».

Как обычный мальчишка, я был с этим совершенно не согласен. «Ничего подобного! — выступил я. — Самое интересное было в полночь. Там произошло столько всего страшного!»

Класс разделился на две части. Девочки считали, что самым важным был Крошка Тим, а все мальчики соглашались со мной. Мы так и не пришли к общему мнению. Но сейчас я понимаю, что моя подруга и я сосредотачивались на двух основных элементах всех историй. Мое внимание привлек замысел, а ее поразил персонаж.

Все мы увлекаемся каким-нибудь одним из нескольких направлений, когда читаем книги или смотрим фильмы. Фактически, предпочтительная важность персонажей или замысла всегда была предметом споров среди литературных критиков. Одни говорят, что весь рассказ строится вокруг персонажей, другие же утверждают, что в центре стоит замысел. Некоторые части произведения больше зависят от одного элемента, чем от другого. Но при окончательном анализе важен как замысел, так и персонажи.

Приступая к изучению первоначального значения ветхозаветных историй, мы, прежде всего, будем сосредотачиваться на личностях-персонажах. Здесь выделяются три основных момента: представление личности, техника описания личности и цель словесного образа. Какие личности появляются в этом отрывке? Как ветхозаветные писатели описывали их характеры? Почему они уделяли этому так много внимания?

Представление личности

Для понимания роли личностей в ветхозаветных историях нам нужно обратить внимание на два основных вопроса: «какие личности включены?» и «как они изображены?». Чтобы найти ответы, мы рассмотрим список персонажей, и их портреты в историях Ветхого Завета.

Список персонажей

Та или иная история очень часто запоминается нам благодаря персонажам, которые в ней содержатся. Повесть Хемингуэя «Солнце также восходит» написана о Джейке Барнсе, Лейди Брет Эшли и Билли Гортоне. Сюжет книги Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» завязывается вокруг Томаса Сатпена и Квентина Компсона. Когда мы думаем о персонажах, мы вспоминаем многое из самих произведений.

Таким же образом, мы можем многое увидеть в ветхозаветных историях, просто рассматривая личности, участвующие в процессе повествования. Бытие (11:10–25:10) повествует о жизни Авраама. Книга Ионы сосредотачивается на пророке Ионе. Книги Царств рассматривают Самуила, Саула и Давида. Список личностей служит нам основным ориентиром, при помощи которого мы можем углубляться в изучение текста.

Персонажи — это люди или группы людей в рассказе. Но какие виды персонажей включают в себя ветхозаветные истории? Кто обычно в списке? Изучение персонажей

Библии ограничиваются обычно фигурами личностей. Люди в Ветхом Завете занимают очень важное место, но ветхозаветные писатели также сосредотачивались на Боге, сверхъестественных существах, а не только на людях.

Бог. Когда мы читаем Библию, мы часто думаем, что самой важной Личностью в ней является Бог. Ветхозаветные писатели не просто описывали человеческие дела; их конечной целью было явить Бога и Его волю Израилю. В этом смысле, ветхозаветные истории всегда раскрывают Личность Бога. Однако Бог не всегда находится на переднем плане в ветхозаветных историях. Интенсивность Его присутствия в различных сюжетах разная.

Бог играет центральную роль во множестве рассказов, постоянно обращаясь к Своему творению и управляя событиями. В истории об изгнании из Едемского сада Бог спрашивает и проклинает (Быт.3:9–24). В повествовании о молитве Соломона, Бог обращается к Соломону и отвечает на его молитву (3Цар.3:1–15). Эти и многие другие истории помещают Бога в центр всех событий.

Но в других текстах доминируют человеческие дела, а Бог играет как бы незаметную роль. История о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) сначала повествует о попытке человечества построить непобедимый город. Бог появляется, когда строительство уже почти закончено (Быт.11:5–9). Иногда возникает проблема, и Бог появляется, чтобы помочь разрешить ее и тут же скрывается из вида. В рассказе об исходе Авраама из Египта (Быт.12:10–20), Бог почти не упоминается, если не учитывать 17 стих: «Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его». Разрешив трудности Авраама, Бог исчезает из рассказа. Кроме этого, многие отрывки только кратко упоминают о Боге. Например, Бог не играл никакой активной роли, когда Давид узнал о смерти Саула (2Цар.1:1–16). Также в повествовании о прелюбодеянии Давида (2Цар.11:1–27) ни слова не говорится о Боге, кроме завершающего предложения: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа (2Цар.11:27б).

И наконец, в некоторых отрывках Бог полностью отступает на задний план. В повествовании о жизни Давида среди Филистимлян (1Цар.27:1–12) о Боге не упоминается. Бунт Савея против Давида (2Цар.20:1–26) также никак не связывается с Богом. Удивительно, что о Боге нет ни слова и в книге Есфирь.

Но здесь нужно быть осторожным. Хотя о Боге может не упоминаться конкретно в некоторых эпизодах, Он никогда не исчезал из фокуса видения ветхозаветных писателей. Он считался провидящим Управителем событий, даже когда не появлялся в тексте напрямую.

Божье скрытое присутствие признается в начальных сценах брака Самсона с Филистимлянкой (Суд.14:1–4). Самсон влюбляется в молодую женщину в Фимнафе. Его мать и отец противятся такому браку, но Самсон настаивает. До этого момента Бог не упоминается, но далее писатель дает понять читателям, что за всем этим стоял Бог: отец его и мать не знали, что это от Господа, и что он ищет случая отомстить Филистимлянам (ст. 4). Автор Книги Судей сообщил читателям о фундаментальном убеждении, поддерживаемом всеми писателями Ветхого Завета. События их историй всегда отражают провидение Божье. В этом смысле, Бог является первой Личностью в каждой ветхозаветной истории, даже если Он скрыто действует за сценой.

Сверхъестественные существа. Ряд ветхозаветных историй включает в свой список личностей сверхъестественные существа. Ангелы играют важную роль в различных эпизодах; даже сатана появляется время от времени. Ветхозаветные писатели верили, что эти сверхъестественные существа активно участвуют в истории Израиля.

Разрушение Содомы и Гоморры (Быт.18:1–19:29) представляет хорошо известный пример встречи со сверхъестественными личностями. Небесные путники встретились с Авраамом и сообщили ему о грядущем суде (Быт.18:16–33). Далее история сосредотачивается на том, как посланные Ангелы спасают Лота и его семью из города (Быт.19:12–22). Так же и первые главы книги Иова (Иов 1:6–2:7) рассматривают роль сатаны

в бедах Иова. В повествовании о падении Давида (1Пар.21:1–22:1), сатана подтолкнул Давида согрешить (1Пар.21:1). Ангел Божий также вмешивается в ход событий, чтобы наказать Израиль (1Пар.21:15). Во многих рассказах упоминается о том, как сверхъестественные существа выполняли определенные задания: лестница Иакова (Быт.28:12), Иаков в Пенуэле (Быт.32:24–30), испытание Авраама (Быт.22:11–18), демоническое мучение Саула (1Цар.16:14–16, 23) — только некоторые из них.

Люди. Хотя Бог и сверхъестественные существа являются важными, ветхозаветные истории разворачиваются, в основном, вокруг людей. Одни сюжеты затрагивают несколько человек (Быт.4:1–16; 9:1–17; 29:14–30; Руфь 3:1–18), другие охватывают целые группы, города, народы и все человечество (Быт.11:1–9; 19:1–29; Исх.12:31–42; Суд.16:23–31; 3Цар.17:7–24). К сожалению, евангелисты часто не замечают такого внимания со стороны Ветхого Завета к людям. Мы никогда не должны забывать: насколько эти истории касаются Бога, настолько же они касаются и человечества. Ветхозаветные повествования многое открывают о человеческой жизни. Авторы Библии учат в своих историях глубокой истине, но свои взгляды и богословские идеи они передают нам через описание жизни людей.

Ветхозаветные истории повествуют нам о множестве персонажей. Нам будет легче исследовать их первичное значение, если мы сначала установим список основных личностей. Появляется ли Бог? Какие сверхъестественные существа упомянуты? Какие люди включены? Такой список послужит нам основным направлением в изучении первоначального значения.

Изображение личностей

Две девушки обсуждали одного общего знакомого. Первая говорила: «По-моему, он отличный парень. Он такой вежливый и заботливый».

«А я о нем совершенно другого мнения,— перебила вторая. — Ты уверена, что мы говорим об одном и том же человеке?»

«Мы говорим об одном парне,— ответила первая. — Просто мы, наверное, видим его с разных сторон».

Люди часто имеют разные мнения об одном и том же человеке. Каждый человек сложно устроен; его нельзя до конца понять. Наше суждение о ком-нибудь может быть, в лучшем случае, только частичным. Мы никогда не должны отождествлять человека с нашим мнением об этом человеке.

Такое же разделение должно присутствовать и в толковании ветхозаветных историй. Библейские писатели имели дело с реальными фигурами прошлого, но давали этим личностям только ограниченные словесные образы. Их образы формировались из описания привычек, эмоций, желаний и действий описываемых людей. Они не предоставляют нам объективной, однозначной оценки. Вместо этого, они описывают Бога, сверхъестественных существ и людей так, чтобы вызвать у читателей определенную реакцию и сформировать определенные взгляды. Техника такого образного описания довольно разнообразна. Далее в этой главе мы обсудим несколько направлений, а сейчас давайте посмотрим на два вида характеристики: честность и выборочность.

Честность. Свои описания личностей ветхозаветные авторы делали честно. Они не выдумывали качеств для своих персонажей. Их образы часто обладают плохими качествами наряду с хорошими. В книгах Царств, например, Илия представлен величайшим израильским пророком. Древний автор описывает его как Божьего мужа, который появился в тяжелые времена. Он совершал чудеса (3Цар.17:7–14, 17–23; 18:18–46; 4Цар.1:12), смело выступал против царских властей по Божьему повелению (3Цар.18:15–46) и отважно противостоял жрецам Ваала (3Цар.18:16–40). Мы можем ожидать, что писатель удержится от упоминания о каких-либо недостатках такой важной фигуры, но он упоминает. После того, как Илия проявил огромное мужество на горе Кармил, мы читаем:

Увидев это, он встал и побежал, чтобы спасти жизнь свою, и пришел в Вирсавию, которая в Иудее, и оставил отрока своего там. А сам отошел в пустыню на день пути, и, пришедши, сел под можжевельным кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих. И лег и заснул под можжевельным кустом (3Цар.19:3–5а).

Подобные откровения о пороках появляются и в описании жизни других важных фигур. После потопа Ной опьянел (Быт.9:20–21). Главы двенадцати колен Израилевых делали постыдные дела (Быт.35:22; 34:1–31; 37:12–35; 38:1–26); Аарон воздвиг золотого тельца (Исх.32:2–6); прелюбодеяние Давида стало известно Нафану (2Цар.12:1–14). Соломон позволял идолопоклонство, и сам совершал его (3Цар.11:1–8).

Ветхозаветные писатели также представляли смелый портрет Бога. Они никогда не сомневались в Божественном совершенстве, но они так же не боялись показывать читателям жесткие качества в характере Бога. Божье долготерпение и прощение превозносятся во многих историях (см. Исх.32:9–14; 33:12–17; 2Цар.12:13; Иона 2:1–10; 3:4–10). Но также немало говорится о Божьем гневе и ярости, даже на Его народ (2Цар.12:11–12, 14; 3Цар.11:9–13; 4Цар.17:1–23; 1Пар.21:1–22:1). Бог посылает злых духов (1Цар.16:14–16, 23; 18:10) и попускает духу лжи войти в уста пророков (2Пар.18:18–22). Библейские писатели описывали Бога так, как Он проявлял себя, а не так, как, возможно, Его желали видеть читатели.

Честность ветхозаветных писателей укрепляет наше чувство уверенности в истинности описания героев. Когда человеческая слабость или грех играли важную роль в их рассказе, они не скрывали этого. Если какой-нибудь аспект Божьего характера был важен для их целей, они говорили о нем. В свете их искреннего описания мы можем быть уверены, что ветхозаветные характеристики правдивы и верны.

Выборочность. Тем не менее, писатели Ветхого Завета также создали образцы, в которых руководствовались намеренным отбором. Они отбирали для описания личностей одни качества и умалчивали о других. Читая ветхозаветные истории, мы видим, что их авторы не руководствовались обязательствами формировать описываемые характеры подробно и понятно. Они повествуют только о тех сторонах личностей, которые подходят для их целей.

Как мы уже сказали, Книга Судей была написана, чтобы показать нужду Израиля в царе; для сообщения об этом писатель намеренно отбирал качества для описания образов. Средняя часть его книги охватывает много личностей: Гофониил (3:7–11), Аод (3:12–30), Самегар (3:31), Девора (4:1–5:31), Гедеон и его сын Авимелех (6:1–9:57), некоторые второстепенные судьи (10:1–5), Иеффай (10:6–12:7), другие второстепенные судьи (12:8–15) и Самсон (13:1–16:31). Как показывает следующая диаграмма, автор характеризировал эти личности, соотнося их описание с определенной задачей (см. рис. 14).

Личности	Годы мира	Моральный образ
Гофониил	40 лет (3:11)	Идеализация
Аод Самегар	80 лет (3:30)	
Девора	40 лет (8:28)	
Гедеон/Авимелех	40 лет (5:316)	Смешанное описание
(второстепенные судьи)		Резко негативный
Иеффай	Ни одного года мира	
(второстепенные судьи) Самсон		

Рис. 14: Ухудшение характеристик судей

Как показывает схема, серия рассказов о судьях начинается тремя основными фигурами, которых автор характеризировал, как образцы. Гофониил, Аод (Самегар) и Девора исполняли свои обязанности безупречно, за что Израиль пребывал многие годы в мире.

В описании образов судей заметны изменения, когда появляется Гедеон и его сын Авимелех. Свое служение Гедеон начал так же, как предыдущие судьи; он повиновался Богу и преуспевал. Однако к концу жизни Гедеон преткнулся и начал поклоняться золотому ефоду, которого сам и сделал (Суд.8:27). После этого события сын Гедеона провозгласил себя царем, восстал против Бога и начал притеснять народ. Гедеон и Авимелех представляют собой личности, в которых сочетаются хорошие и плохие качества.

Этот путь ошибок и преткновений продолжается в рассказах об Иеффае и Самсоне. Эпизоды с Иеффаем представляют собой важный пример в цикле отступничества, покаяния и избавления. В Книге Судей (10:10) люди просят о милости, как и прежде, но Бог отвергает их мольбу (Суд.10:11–14). Только после усердного прошения Он проявляет к ним снисходительность (Суд.10:16б). Иеффай достигает победы, но его избавление омрачено необдуманной клятвой: принести в жертву всякое существо, которое первое выйдет из его дома (11:29–39).

Самсон так же появляется, как человек сомнительных нравственных качеств. Будучи назореем, отделенным для Бога (13:5), он женится на Филистимлянке (14:1–20) и раскрывает Далиде секрет своей силы (16:1–22). Наконец, он побеждает Филистимлян, но платит за это своей жизнью (16:23–30). В описание жизни Самсона автор включает сведения о низких чертах характера некоторых судей Израиля.

Такая выборочность в описании служит целям книги Судей. С точки зрения автора, судьи становились хуже с каждым поколением. Это ухудшение ясно показывает нужду Израиля в благочестивом царе для установления справедливого правления и стабильного руководства для народа.

Замечая качества, которые ветхозаветные авторы включали или же исключали из своих характеристик, мы видим ту цель, с которой они писали тот или иной свой труд. Ветхозаветные писатели никогда не извращали фактов, но они намеренно опускали определенные события, чтобы сфокусировать взгляды читателей на нужных аспектах. Поэтому при чтении библейских историй мы должны учитывать выборочность описания личностей. Как история изображает личности? Как такое изображение связано с целями писателя?

Итак, личности играют центральную роль в рассказах Ветхого Завета. Список включает Бога, сверхъестественные существа и людей. Ветхозаветные писатели с удивительной искренностью описывали личности. Но при этом они прибегали к выборочным описаниям, чтобы передать свои идеи. Если мы будем помнить об этом, мы сможем полнее раскрывать для себя личности Ветхого Завета.

Средства описания героя

У меня есть друг, которого я считаю совершенным художником по стеклу. Я всегда поражаюсь его работе, но недавно я пришел в полное изумление, когда он пригласил меня в мастерскую и показал различные способы, при помощи которых он добивается мастерства. Я был поражен сложностью процесса. Теперь я ценю его работу по-новому. Знание процесса производства повышает мою способность видеть красоту его стекла еще больше.

То же самое можно сказать об описании героев в историях Ветхого Завета. Большинство из нас интуитивно чувствует важность изображения характера. Но наша оценка этого аспекта ветхозаветных историй углубляется, когда мы понимаем разнообразие техники формирования словесных образов, к которой прибегали библейские авторы.

Средства создания характеров очень сложны, но три фактора особенно важны: составные части словесного образа, глубина раскрытия и расположение образов. Что включают ветхозаветные писатели в создание образа той или иной личности? Какие сферы они проясняют? Как библейские авторы располагали образы относительно друг друга?

Составные части словесного образа

В каком-то смысле, каждый аспект ветхозаветных текстов оставляет свой след в нашем понимании описания личностей. Но ветхозаветные писатели излагали свои взгляды при помощи четырех основных способов: внешний вид и социальный статус, явные действия, прямая речь и мышление, а также описательные комментарии.

Внешний вид и социальный статус. Прежде всего, библейские писатели описывали своих героев, знакомя нас с их внешним видом и социальным положением. Ветхозаветные авторы также сосредотачивались на нравственных качествах личности, мотивах их поступков, мировоззрении. Внешние характеристики часто представляли собой подсказки к описанию внутренних черт характера человека.

Ветхозаветные истории отличаются от большей части мировой литературы недостатком внимания к внешнему виду; описания внешности встречаются лишь иногда. О Голиафе сказано, что он был ростом «шести локтей и пяди» (1Цар.17:4); Саул «был от плеч своих выше всего народа» (1Цар.9:2); Исав был «красный» и «косматый» (Быт.25:25); Сара была женщина «весьма красивая» (Быт.12:14); лицо Моисея «стало сиять лучами», когда он поговорил с Богом (Исх.34:29). Такие подсказки к описанию характеров встречаются настолько редко, что заслуживают особого внимания.

Социальный статус также наводит на определенные мысли о чертах характера. Ветхозаветные писатели часто повествуют о происхождении и титуле человека, чтобы создать его образ. Давид «помазан на царство» (2Цар.2:4); Илия назван «человеком Божиим» (3Цар.17:24); Раав — «блудница» (Иис.Нав.2:1); Нееман — «военачальник царя Сирийского» (4Цар.5:1). Такие штрихи не открывают особых качеств личности, но составляют первоначальное мнение читателя, на котором строится остальная часть образа.

Убийство Еглона (Суд.3:12–30) иллюстрирует ценность внешнего вида и социального статуса в описании образа. Автор книги Судей формирует мнение читателей о двух ярких личностях — Аоде и Еглоне. Сначала он называет Аода «избавителем» и описывает его. Далее автор высмеивает Еглона, описывая его человеком «очень тучным». Такое описание

внешности окончательно формирует уже установленный отрицательный образ «царя Моавитского». Такое описание сразу же располагает читателей к Аоду.

Внешний вид и социальный статус являются все-таки неопределенными подсказками. Однако они часто формируют первое впечатление о личности, которая с развитием истории раскрывается нам.

Явные действия. Ветхозаветные писатели описывали поступки, чтобы передать характер человека. Эти подсказки имеют три формы: действия самих описываемых личностей, других людей, а также Бога и Его представителей.

Поступки самих героев открывают их внутренние качества. Мы можем многое узнать о личности, обратив внимание на его конкретные действия, которые автор решил упомянуть. Какие нравственные или безнравственные дела совершает данная личность в этой истории?

Поведение других людей также отражает определенные внутренние черты описываемой личности. Что делают другие люди? Как они реагируют на этого человека? Более того, мы должны анализировать мнения других людей, поскольку они часто ошибаются. Однако, если их мнение истинно, мы можем многое понять в портрете героя.

Кроме того, ветхозаветные авторы часто полагались в своей характеристике личностей на действия Бога и Его представителей. Божьи благословения и суды показывают, как читатели должны оценивать ту или иную личность. Мы часто не можем понять, почему Бог поступил именно так, но Его реакция всегда бесспорна. Его участие выявляет истинную природу личности.

Давайте еще раз посмотрим на историю об убийстве Еглона в книге Судей (3:12–30). Автор книги использует действия Аода, Еглона, других окружающих людей и Бога, чтобы изобразить портрет судьи и царя. Еглон изображается дерзким правителем, склонным к крайностям и глупостям. Его тираническое сердце раскрывается сразу же, как только мы встречаем его на страницах Библии, когда Моавитяне напали на Израиль и захватили Иерихон. Его правление было настолько тяжким, что «сыны Израилевы возопили к Господу» (ст. 15). Божье желание послать избавителя также формирует определенный взгляд на нравственную природу Еглона.

Автор книги Судей высмеивает тучность Еглона даже в том, что описывает, как тук закрыл меч Аода (ст. 22). Он также изображает Еглона человеком недалеким. Без всякой охраны он встает со стула, когда к нему приближается вооруженный Аод. Он не предвидит своей гибели (ст. 20).

Явные действия формируют противоположный портрет Аода. Автор описывает его как необычного человека, исполненного мужеством, мудростью и силой. Мы замечаем выдающийся характер Аода, когда Бог избирает его для избавления народа (ст. 15). Он проявляет технические навыки, когда делает себе «меч с двумя остриями» (ст. 16). Израильтяне признают его исключительные качества, когда соглашаются доверить ему свои дары (ст. 15).

Черты характера Аода проявляются в том, как он поступает в разрешении проблемы с Моавитянами. Отослав своих людей, он возвращается, чтобы встретиться с Еглоном лицом к лицу (ст. 18). Аод хитро уговаривает Еглона предоставить ему личную аудиенцию, говоря о своем «тайном слове» к царю (ст. 19–20). Сила Аода видна, когда он вонзает меч до конца в тело Еглона (ст. 21–22). Он уходит (ст. 23) и отважно ведет Израиль к победе над Моавитянами (ст. 26–30).

Описанием этих явных действий автор Судей раскрывает свой взгляд на Еглона и Аода. Такие подробности значительно дополняют словесный образ этих личностей.

Прямая речь и мышление. Черты характера также проявляются через прямую речь и мышление. Ветхозаветные авторы часто записывали мысли и слова людей, присоединяющихся к повествованию. Здесь нам, опять же, нужно обращать внимание на сами личности, других людей, Бога и Его представителей.

Во-первых, сами герои часто говорят о своих намерениях, взглядах и нравственной позиции. Их слова делают четким словесный образ более чем внешний вид, социальное положение и поступки. Однако нам, конечно, всегда следует правильно оценивать суждения обычных людей. Исповедание Давида Нафану: «Согрешил я пред Господом» (2Цар.12:13) было бесспорно правильным. Оно побуждает читателей характеризовать Давида так, как хочет автор. Но Аарон ложно оправдывает себя, когда говорит Моисею: «Да не возгорается гнев господина моего... Они дали мне золото, я бросил его в огонь и вышел этот телец» (Исх.32:22–24). Аарон лжет: он сам сделал золотого тельца (Исх.32:2–4). Итак, все высказывания нужно внимательно изучать в их контексте, поскольку ветхозаветные авторы передавали также и ложные заявления.

Во-вторых, часто одни личности высказывают свои суждения в адрес других. Иногда их слова правдивы. Иуда, например, прав, когда говорит о Фамари, что «она правее меня» (Быт.38:26), но фараон, несомненно, ошибается, когда заявляет, что израильтяне «праздны [ленивы], потому и кричат: «пойдем, принесем жертву Богу нашему» (Исх.5:8б). Итак, ветхозаветные писатели всегда использовали слова и мысли других людей, чтобы приоткрыть читателям внутреннее содержание той или иной личности.

В-третьих, библейские авторы использовали в своих описаниях героев слова и мысли Бога и Его представителей. Например, на Синае Бог провозгласил: «Я вижу народ сей, и вот, народ он — жестоковыйный» (Исх.32:9). Оценка, которую дает Бог, Его пророки или сверхъестественные посланники, всегда совершенно достоверна.

Прямая речь играет важную роль в повествовании о подготовке Иакова к встрече с Исавом (Быт.32:1–32). До этой главы Моисей описывал, как Иаков обманул отца и украл первородство брата (Быт.25:19–34; 27:1–40). Но, размышляя над встречей с Исавом, он кается перед Богом в собственной безнравственности: «Недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему» (Быт.32:10). Он также признает свой страх и незащитность: «Избавь меня от руки брата моего, от руки Исав; ибо я боюсь его» (32:11). Через самокритику Иакова Моисей обращает внимание читателей на перемены, которые произошли в патриархе.

Далее личность Иакова раскрывается в разговоре с тем, кого автор называет «некто», с ним Иаков боролся в Пенуэле (32:26–30). Иаков называет свое имя, но «некто» отвечает: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (32:28). Через эти слова Божьего посланника Моисей раскрывает личность Иакова читателям. Он больше не обманщик и не вор; он теперь победитель, благословенный Богом.

Слова и мысли во многом помогают создать словесный образ героя. Через одобрение и критику самих героев другими людьми, Богом и Его посланниками ветхозаветные писатели освещают качества героев их историй.

Описательные комментарии. Библейские авторы также часто делали самостоятельные комментарии к описанию внутреннего мира, чертам описываемых личностей. Такие «авторские заметки» обычно очень краткие, но достаточно четкие и однозначные. Например, когда Лот поселился близ Содомы, Моисей сказал: «Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом» (Быт.13:13). Моисей четко отметил, что «Иаков полюбил Рахиль» (Быт.29:18); автор книги Судей сообщает, как «сжалились сыны Израилевы над Вениамином, братом своим» (Суд.21:6); автор Царств записал, как «опечалился Давид, что Господь поразил Озу» (2Цар.6:8). Такие ясные описания встречаются во многих ветхозаветных историях и помогают нам понимать словесные характеристики писателей.

Библейские авторы составляли свои описания личностей из различных деталей. Что сказано о внешнем виде и социальном положении каждой личности? Какие действия отражают ее внутренний мир? Как прямая речь и мышление личности раскрывают ее черты в истории? Какие описательные комментарии предлагает автор? Для получения представления

о той или иной личности ветхозаветной истории нам необходимо обращать внимание на каждый из этих аспектов.

Глубина раскрытия

Ветхозаветные писатели по-разному раскрывают черты той или иной личности. Одни герои описаны очень подробно, перед нами полностью раскрываются их противоречивые взгляды и качества характера. Другие же, по большей части, остаются в тени. Нам полезно изучать глубину раскрытия каждой личности. Для этого мы воспользуемся следующими широко известными литературными категориями: объемные личности, плоские личности и функциональные личности.

Объемные личности — это люди, чьи портреты изображены со множеством оттенков. Авторы представили их как думающих, чувствующих, выбирающих, являющих различные качества, одним словом, полноценных людей. В большинстве случаев словесные образы приобретают такую глубину, что появляются многократно в больших отрывках Писания. Например, главы книг Царств, посвященные жизни Давида, открывают его мужество (1Цар.17:1–58), преданность Богу (2Цар.6:12–15), прелюбодеяние (2Цар.11:1–26) и смиренное покаяние (2Цар.12:13). Они показывают Давида, как угождающим Богу, так и совершающим грех и переносящим Его суды.

Небольшие эпизоды обычно не предоставляют полного описания. Однако даже в небольшом сюжете можно увидеть, насколько одни личности описаны полнее, чем другие. Автор книг Царств, например, изображает Соломона как многогранную личность, повествуя о его просьбе мудрости в 3Цар.3:3–15. Хотя Соломон характеризуется, в основном, как смиренный человек, он, оказывается, имел серьезные недостатки. Соломон «возлюбил Господа... но и он приносил жертвы и курения на высотах» (ст. 3). В то же время, молитва Соломона показывает его смирение: «Я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа... кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» (ст. 7, 9). Божья реакция на молитву Соломона открывает его моральные качества еще больше: «И благоугодно было Господу, что Соломон просил Его» (ст. 10). Чтобы показать перемены в личности Соломона, в конце своего повествования о нем автор отмечает, что Соломон «пошел в Иерусалим, и стал пред ковчегом завета Господня, и принес всесожжения, и совершил жертвы мирные» (ст. 15). В этом одном эпизоде автор книг Царств достаточно объемно изображает личность Соломона через действия, слова и описательные комментарии.

Плоские личности. Библейские писатели также представляют в своих рассказах личности, которые кажутся довольно одноплановыми и бесцветными. В основном такие «плоские» герои обладают каким-нибудь одним качеством или характерной чертой.

Даже личности, ярко и глубоко отображенные на протяжении большей части Писания, могут казаться плоскими, если их рассматривать в одном небольшом эпизоде. Например, Исаак имеет очень объемную словесную характеристику (Быт.21:1–35:29). Однако в истории об испытании Авраама (Быт.22:1–19) Исаак описан довольно плоско — покорный сын — больше о нем из этого рассказа ничего и не скажешь.

Следует всегда помнить, что глубина раскрытия личности в одном эпизоде не является показателем ее богословской важности. Фигура может быть очень значительной в широком масштабе, но относительно одноплановой в каждом конкретном случае. Посмотрим на ту же молитву Соломона о мудрости (3Цар.3:1–15). Автор этого повествования говорит о Боге меньше, чем о Соломоне. Его основной целью является отобразить роль Бога в жизни Соломона, но в этом эпизоде все, что упомянуто о Боге, это Его позволение Соломону просить о чем угодно. Ни слова не сказано о Божьем взгляде на брак Соломона с дочерью фараона или о его жертвоприношениях на высотах. Словесный образ Бога в этом эпизоде относительно одноплановый.

Функциональные личности. Многие люди в историях Ветхого Завета выступают в роли функциональных фигур. Они упоминаются в тексте, но их личностные качества, в лучшем случае, только затрагиваются. Авторы включают эти фигуры, чтобы придать своим историям связность и реалистичность, но эти «агенты» всего лишь выполняют свою функцию, где их полная характеристика вовсе не обязательна. Тем не менее, мы должны отличать большие разделы от отдельных эпизодов, поскольку в одних местах фигуры могут быть плоскими или объемными, а в других — просто функциональными.

Функциональные личности встречаются по всему Ветхому Завету. Например, в истории об испытании Авраама (Быт.22:1–19) двое слуг являются простыми функциональными фигурами. Хотя они упоминаются в истории несколько раз (Быт.22:3, 5, 19), их личности мало раскрыты. Точно так же в повествовании о молитве Соломона о мудрости (3Цар.3:1–15) упоминается дочь фараона, и мы можем предполагать ее некоторые качества, поскольку, как известно, она была женой Соломона. Однако автор книг Царств не раскрывает ее образ глубже.

Словесные образы могут быть объемными, плоскими или функциональными. Изучая описание личностей в ветхозаветных историях, мы должны обращать внимание на глубину раскрытия каждой личности. Какие фигуры представлены объемными, плоскими и функциональными?

Расположение образов

Чтобы правильно понимать описание образов, мы должны также рассматривать, как они расположены относительно друг друга. Ветхозаветные писатели не изображали их беспорядочно; они часто располагали их группами. Рассматривая такие построения образов, мы полнее понимаем роль каждой личности в первоначальном значении.

Рассмотрим три группы образов: протагонистическую, антагонистическую и амбивалентную. Истории не всегда имеют все три группы, но все фигуры обычно попадают в какую-нибудь из них.

Протагонистическая группа включает главного героя и фигуры, играющие менее важные вспомогательные роли. Главный герой истории – это тот, кто ведет нас сквозь все события. Эта фигура может быть доброй или злой, героем или преступником. Каждый рассказ имеет своего главного героя.

Но тут следует быть осторожным. Евангелисты имеют склонность считать Бога главным героем в каждой истории. В метафизическом смысле — это бесспорная истина; все истории отражают Его благие цели и суверенную действующую волю. Но как мы уже сказали, Бог не всегда стоит на переднем плане.

Главными героями ветхозаветных историй обычно выступают люди. Например, в повествовании о путешествии Авраама в Египет (Быт.12:10–20) главной фигурой является Аврам. Главное лицо в истории о молитве Соломона о мудрости (3Цар.3:1–15), несомненно, —сам царь. В истории о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) главной действующей фигурой является все человечество.

Ветхозаветные истории часто сосредотачивают вокруг главного героя ряд личностей, которых мы называем окружением главного героя. Окружение может быть большим или малым; в него могут входить люди, сверхъестественные существа и Бог. Эта группа поддерживает главного героя на протяжении всех событий. Такими фигурами поддержки являются Исаак и двое слуг в повествовании об испытании Авраама (Быт.22:1–19). Благодаря им Авраам выполнил свою задачу. Моисей получал помощь от Бога и Аарона, когда говорил с фараоном (Исх.5:1–21). Иисуса Навина поддерживали два шпиона, которых он послал в Иерихон (Иис.Нав.2:1–24). Израильтяне помогли Давиду доставить ковчег в

Иерусалим (2Цар.6:1–19). Эти фигуры не занимают центральное место в повествовании, но значительно помогают главным героям в достижении цели.

Антагонистическая группа. Ветхозаветные истории также представляют антагонистических персонажей. Антагонист это также выдающееся лицо, но настроенное против главного героя. Антагонисты могут быть злыми или добрыми; они могут желать зла или добра главному герою. Но, так или иначе, антагонист находится на противоположной стороне драматического повествования. Следует заметить, что такое противостояние главному герою может появляться не только со стороны других людей, но и со стороны каких-нибудь препятствий.

Тем не менее, в большинстве ветхозаветных историй соперниками являются личности. Бог противостоял человечеству у Вавилонской башни (Быт.11:1–9); фараон причиняет ущерб Авраму (Быт.12:10–20); Бог испытывает Авраама, требуя Исаака в жертву (Быт.22:1–19). Протагонисты часто противодействуют главному герою.

Во многих рассказах фигуры собираются вокруг главного соперника, образуя его окружение. Эти фигуры играют второстепенную, но существенную для антагониста роль. Небесное воинство присоединяется к Богу в противостоянии Вавилонской башне (Быт.11:7); люди фараона сочувствуют Авраму (Быт.12:10–15); Еглон защищен своими охранниками (Суд.3:18–19, 24–25).

Амбивалентная группа. В рассказах также имеются амбивалентные фигуры, которые не выступают явно ни за главного героя, ни за его соперника. Просьба Соломона о мудрости почти не касается дочери фараона (3Цар.3:1–15). Она не поддерживает и не противится Соломону в этой просьбе. Иногда амбивалентные фигуры могут изменять свою позицию. Сначала Раав противилась шпионам Иисуса Навина, но затем она перешла на их сторону (Иис.Нав.2:1–24).

Изучая первоначальное значение ветхозаветных историй, важно отмечать, как библейские авторы располагают героев в повествовании. Кто является главным героем? Какие фигуры содействуют ему? Кто его соперник? Кто поддерживает этого соперника? Какие фигуры занимают нейтральное положение?

В этом разделе мы увидели, как ветхозаветные авторы формировали словесные образы героев, используя такие составные части как внешний вид и положение в обществе, поступки, прямая речь и мышление, а также описательные комментарии. Они представляют свои фигуры объемно, плоско или функционально; располагают их по протагонистической, антагонистической и амбивалентной группам. Храня такую общую схему в уме, нам будет легче разбираться в этом аспекте ветхозаветных историй (см. рис. 15).

Рис. 15: Техника описания личности

Цель описания личности

Почему нам необходимо изучать словесные образы героев в ветхозаветной истории? Чем ценен такой анализ? Описания героев помогают нам оценить несколько основных граней ветхозаветных историй. Три из них наиболее отчетливо видны в нашем изучении словесных образов: первоочередные цели, основная драма и читательская реакция.

Первоочередные цели

Во многих историях основные цели автора проясняются, когда мы определяем, какие герои раскрыты полнее всего. Функциональные личности обычно имеют наименьшую важность. Плоские личности могут играть более важную роль, но и они обычно скрываются за передним планом. Главными фигурами в большинстве историй являются объемные личности. Чем полнее раскрыт образ, тем большую важность он представляет собой в данном отрывке.

Например, в истории об испытании Авраама (Быт.22:1–19) Бог, Авраам и ангел выступают в качестве раскрытых фигур. Однако более всех раскрыт Авраам. Мы можем обратиться к тематическому анализу и изучать второстепенные фигуры, но при этом необходимо помнить, что весь сюжет строится вокруг Авраама. Уделив такое внимание личности Авраама, Моисей желал привлечь наше внимание к патриарху. Все действия Бога, ангела, Исаака и слуг, так или иначе, связаны с ним.

Глубина раскрытия становится особенно существенной, когда мы принимаем во внимание большие разделы ветхозаветных книг. Столько фигур наполняют страницы Писания, что мы можем затрудниться в определении наиболее выдающейся личности. Например, первые восемнадцать глав Исхода часто обобщаются как Божьи действия по отношению к народу Израиля. Несомненно, Израиль играет важную роль в этих главах, но глубина раскрытия образа больше привлекает наше внимание к Моисею. Мы читаем о беспокойстве Моисея за его собратьев израильтян (Исх.2:11–12), о его смирении (Исх.3:11), недостатке уверенности (Исх.3:13; 4:1–17; 6:12), греховности (Исх.4:24–26), и ряде других качеств. Поэтому нам хочется поставить Моисея в центр сцены и обобщить эти главы как

«Божье избавление Израиля через Моисея». Его авторитет лидера выступает на передний план каждой страницы.

Исследуя Ветхий Завет, мы должны руководствоваться такими вопросами: «Какие фигуры раскрыты полнее всего?» «Каким образом глубина раскрытия выявляет наиболее значительные аспекты истории?»

Основная драма

В ветхозаветных историях переплетается множество событий. Большие разделы содержат бесчисленное количество замыслов. Даже небольшие эпизоды передают больше, чем простую последовательность событий. Зачастую такая сложность требует от нас усилий, чтобы выявить основной конфликт повествования. В таких случаях мы можем облегчить свою задачу, если рассмотрим расположение фигур. Определение различных групп действующих лиц раскрывает нам фундаментальную структуру рассказа.

Авторы ветхозаветных историй обращают особое внимание читателей на главного героя и его противников; события описываются в свете их борьбы. Все элементы рассказа, так или иначе, относятся к проблемам, задачам, планам, неудачам и достижениям главного героя.

Возьмем уже знакомую историю о путешествии Аврама в Египет (Быт.12:10–20). Моисей повествует, что Бог «поразил тяжкими ударами фараона и дом его». Какое значение имеет это событие? Разве целью Моисея было описать жалкое положение египетского царя и его семьи? Или это событие сообщает нам кое-что о природе Бога? Аврам является главным героем в этом рассказе, а фараон — его противником. Моисей сообщил об этом событии, чтобы показать его результат на отношениях между этими двумя фигурами. Бог послал тяжкие удары, чтобы вновь соединить Аврама и Сару, избавив их от фараона.

Таким же образом, напряжение между главными героями и их противниками в больших разделах раскрывает центральный замысел. В книге пророка Ионы изложено много событий. Но как автор соединил их между собой? Например, как нам понимать покаяние Ниневитян (Ион.3:4–9)? Насколько значительным было это событие? Автор этой книги не ставил перед собой главной целью описание города Ниневии. Он проявлял основной интерес к Ионе в его борьбе с замыслом Бога. Реакция жителей Ниневии заставила Иону смириться с Божьей целью для его жизни.

Изучение словесных образов героев часто помогает нам понять основную драму текста. Когда мы выявляем главного героя, события истории становятся на свои места. Чтобы понять основное драматическое напряжение той или иной истории, нам нужно ответить на вопросы: «Кто главный герой?» «Кто его противник?» «Как связаны события истории с их борьбой?»

Читательская реакция

Изучение личностей также помогает нам понять, какой реакции ожидали ветхозаветные писатели от своих читателей. Библейские авторы составляли словесные образы героев не для того, чтобы рассказать читателям о людях прошлого, но чтобы вызвать определенную реакцию. Взаимосвязь между героями рассказов и читателями очень не проста. В дальнейших главах мы рассмотрим несколько аспектов этой взаимосвязи. А сейчас, давайте, обратим внимание на то, как составлялись словесные образы героев, чтобы вызвать три основные вида читательской реакции: симпатию, антипатию и смешанную реакцию.

Симпатия. Ветхозаветные авторы описывали многих героев так, чтобы вызвать к ним симпатию и одобрение их поступкам. Герои наделяются идеальными качествами, которые читатели должны ценить и уважать. Не нужно говорить о том, что читатель всегда должен с глубоким почтением реагировать на повеления и решения Бога. Все Его пути святы и

праведны. Бог является совершенной фигурой, где бы Он ни появился. Мы также относимся с симпатией ко многим образам людей. От читателей никогда не ожидают, чтобы они необоснованно одобряли ту или иную личность; ветхозаветные авторы четко составляли словесные образы людей в своих историях с целью вызвать у читателей положительную реакцию.

Например, Аод описывается праведником (Суд.3:12–25). Он совершает свое служение Богу верно и твердо. Автор книги Судей подчеркнул эти качества в Аоде, чтобы вызвать у читателей восхищение им. Так же и в случае с испытанием Авраама (Быт.22:1–19), патриарх следует Божьему повелению без колебаний. Несмотря на беспокойство, охватившее сердце Авраама, он решает принести своего сына в жертву. Бог высоко оценил такое повиновение патриарха, и Моисей также ожидал этого от читателей.

Антипатия. Библейские авторы составляли некоторые словесные образы так, чтобы вызвать к ним антипатию. Поведение этих героев должно было вызывать у читателей отвращение и презрение.

Сатана и его «агенты» постоянно появляются как отвратительные фигуры. Они противятся всему доброму и святому. Ветхозаветные писатели всегда ожидали от читателей именно такой реакции. Кроме того, многие люди так же описаны, чтобы вызвать осуждение. Еглон описывается злодеем, не имеющим ни одного похвального качества (Суд.3:12–25). В историях об исходе из Египта (Исх.1:1–15:21), фараон выступает в роли отвратительной личности, которая противится Богу и угрожает будущему Израиля. В повествовании о винограду Навуфея (3Цар.21:1–29) писатель изобразил Иезавель подлой убийцей. Автор, несомненно, хотел вызвать у читателей отвращение к этой личности.

Смешанная. Однако во многих случаях герои объединяют в себе положительные и отрицательные качества, вызывая у читателей смешанную реакцию. Только некоторые фигуры находятся в совершенном балансе — либо злые, либо добрые. По большей же части, писатели представляли либо положительных героев, испорченных некоторыми плохими качествами, либо негативных, имеющих в своей характеристике что-то положительное.

Молитва Соломона о мудрости (3Цар.3:1–15) представляет его как положительного героя. История сосредотачивается на том, как он молился и получил одобрение от Бога (3Цар.3:7–14). Тем не менее, автор книги Царств повествует о некоторых несовершенствах в характере Соломона. Его брак с дочерью фараона (ст. 1) предвещает синкретизм, приведший к разделению царства. Кроме того, автор также четко отмечает, что Соломон «приносил жертвы и курения на высотах» (ст. 3). Такие грани характеристики Соломона вызывали у первоначальных читателей смешанные чувства.

История об Аврааме и Авимелехе (Быт.20:1–18) представляет Авимелеха как плохого человека, который забрал Сару у Авраама и тем самым угрожал обетованию. Его действия вызывают негодование у читателей. Однако Моисей сообщает, что Бог предупредил Авимелеха во сне, и он признал свою ошибку (Быт.20:4–5). После этого он вернул Сару Аврааму, говоря: «Что ты с нами сделал? Чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех?» (ст. 9). В этом месте негативная реакция читателей на Авимелеха меняется на положительную. Они тоже начинают удивляться, как Авраам мог сделать такое. Таким образом, словесный образ Авимелеха вызывает смешанную реакцию.

Исследуя описание личностей в историях Ветхого Завета, мы должны обращать внимание на реакцию, которую авторы ожидали от первоначальных читателей. Каковы положительные и отрицательные качества человека? Первоначальные читатели отозвались бы о нем с симпатией, антипатией или имели бы смешанные чувства? Ответив на эти вопросы, мы сможем разобраться в собственных оценках тех или иных персонажей.

Заключение

В этой главе мы изучили несколько основных характеристик героев и их описания в историях Ветхого Завета. Писатели выборочно указывали черты героев, которых располагали по разные стороны драматического напряжения. Словесные образы помогают нам определить основной сюжет повествования и реакцию, которую ожидали от читателей авторы. Таким образом, словесные образы представляют собой значительную часть первоначального значения каждой ветхозаветной истории.

Вопросы

1. Опишите различных героев ветхозаветных историй. Почему для нас важна честность и выборочность в описании личностей?
2. Как авторы составляют словесные образы героев? Приведите пример каждого способа.
3. Кто такие объемные, плоские и функциональные фигуры? Приведите пример каждой.
4. Опишите значение слов: главный герой, противник, окружение главного героя, окружение противника, нейтральная фигура.
5. Каким образом словесные образы помогают нам определить основной сюжет и реакцию читателя? Проиллюстрируйте.

Упражнения

1. Составьте список персонажей к книге Бытие 2:4–3:24.
2. Какие фигуры в Быт.2:4–3:24 являются объемными, плоскими, функциональными? Опишите характерные черты объемных фигур. Какую реакцию читателей ожидал Моисей на каждую личность в вашем списке?
3. Распределите фигуры в Быт.2:4–3:24 по группам: протагонистической, антагонистической и амбивалентной. Затем опишите главный сюжет истории согласно такому расположению.

Описание сцены

Однажды весенним утром мы с другом прогуливались вдоль реки Чарлес и встретили художницу, рисовавшую пробуждение природы. Несколькоими движениями она быстро набросала на своем полотне открывающийся вид. «Очень красиво»,— сказал я. «А, по моему, не очень,— прошептал мой друг, не соглашаясь со мной.— Ее картина не точно отражает пейзаж... Я бы постарался сделать точно».

В западной сегодняшней культуре мы настолько ударились в точное научное знание, что часто не замечаем художественной ценности изображений реальности. Вместо картины мы хотим фотографию, а еще лучше — видеозапись. Все это настолько глубоко укоренилось в нас, что художественный портрет привлекает нас очень мало.

Тем не менее, нам придется научиться ценить художественные произведения, если мы желаем изучать ветхозаветные истории. Рассказы Ветхого Завета — это не фотографии, и не видеоматериалы разведчика; они не дают разборчивого, подробного отчета о событиях. Ветхозаветные истории представляют собой творчески написанные картины истории Израиля.

В предыдущей главе мы увидели, как библейские авторы изображали действующих лиц. В этой главе мы рассмотрим, как они описывали сцены. Под сценой мы подразумеваем тесную совокупность обстоятельств, действий и личностей, являющихся основными элементами ветхозаветных историй. Мы изучим три основных вопроса: разделение сцен, пространство и время в сценах и образность в сценах. Как мы можем отличать одну сцену от другой? Как анализировать пространственно-временные отношения? Как ветхозаветные авторы использовали образность в сценах?

Разделение сцен

«Разделяй и властвуй» — это эффективная стратегия. Если задача слишком велика, чтобы выполнить ее сразу, мы можем завершить ее шаг за шагом. Эта стратегия также применима к толкованию историй Ветхого Завета. Большинство текстов слишком сложны для нас, чтобы понять все сразу. Поэтому мы будем разделять их на небольшие части и проходить одну сцену за другой. Для этого мы рассмотрим препятствия в разделении сцен, подсказки к разделению и некоторые примеры.

Препятствия в разделении сцен

Разделяя истории Ветхого Завета на их простейшие части — сцены, мы сталкиваемся с двумя основными препятствиями. Один барьер — наш, другой скрывается в самих текстах.

Первая проблема заключается в нашей определенной герменевтической направленности. Иначе говоря, мы редко думаем о сценах как о простейших частях библейских историй. Церковное учение обычно обращает наше внимание на более мелкие части. Мы рассматриваем сюжеты в свете слов, фраз, предложений или, в лучшем случае, на уровне стихов. Эти элементы бесспорно важны, но они часто препятствуют нам видеть ценность больших частей ветхозаветных историй.

Для преодоления этого препятствия мы посмотрим на истории Ветхого Завета так, как мы смотрим на обычные художественные рассказы. Например, когда мы читаем о Робинзоне Крузо, особое слово или поворот фразы редко привлекает наше внимание. В основном, мы «шагаем» по рассказу от одной сцены к следующей и так далее. Мы вспоминаем, как Крузо заметил следы человека на песке, как он делал засечки на пальме и множество других сцен.

Хотя нам иногда приходится сосредотачиваться на мельчайших частицах ветхозаветных историй, наше понимание этих текстов зависит от способности мыслить сценично. Для этого нам нужно порвать с привычной микро ориентацией.

Вторая проблема с разделением ветхозаветных историй на сцены находится в самих текстах. В отличие от других форм художественного повествования, ветхозаветные тексты не отмечают четко, где сцены начинаются, и где заканчиваются. В комиксах каждая сцена изображена в своем квадратике, где четко видны обстоятельства, действия и персонажи. В спектаклях сцены разделяются перестановкой декораций, опусканием и поднятием занавеса. Но в историях Ветхого Завета переход от одной сцены к другой часто незаметен. Границы сцен редко бывают четкими.

Поэтому читатели могут спорить о том, как именно следует разделять текст. Одни склонны объединять большие отрывки в одну сцену, другие замечают сцены поменьше. Одни утверждают, что сцены нужно разделить именно здесь, другие проводят эту границу несколькими стихами раньше или позже. Поэтому при разделении сцен нам нужно быть очень гибкими.

Подсказки к разделению

Несмотря на препятствия, ветхозаветные истории предлагают много подсказок к установлению границ между сценами. Ознакомившись с ними, нам будет значительно легче видеть переходы сцен. В частности, такие переходы можно заметить, благодаря изменению во времени, обстановке и стиле повествования (см. рис. 16).

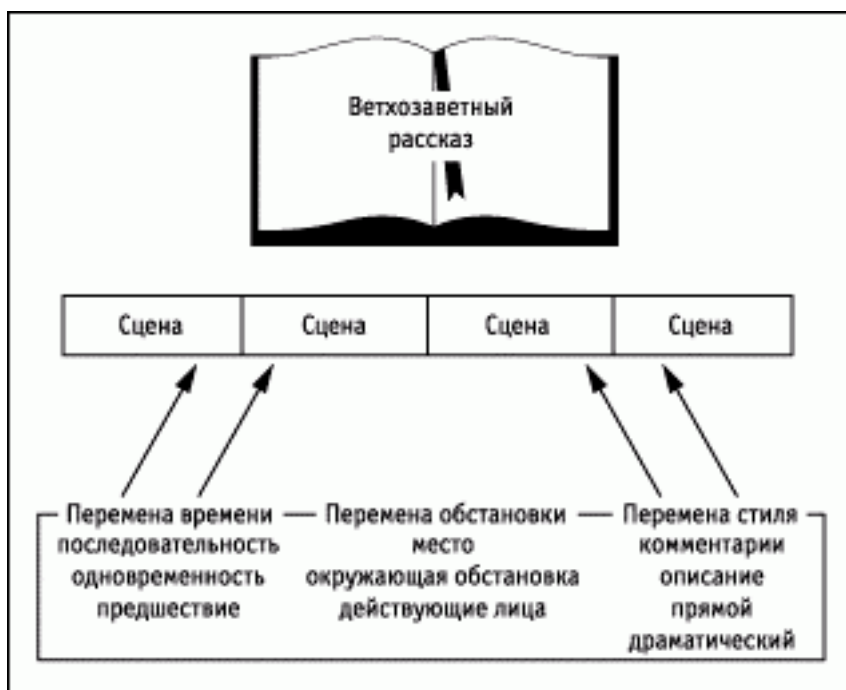

Рис. 16: Подсказки к разделению сцен

Время. Ощутимые разрывы во времени обычно отражают границы сцен. Ветхозаветные истории далеко не всегда излагают события в тесном и точном хронологическом порядке. Цепь событий часто обрывается последовательными, одновременными и предшествующими эпизодами.

Во-первых, промежутки времени встречаются между последовательными событиями. Одна часть действий отделяется от другой, потому что между ними прошло относительно много времени.

Иногда ветхозаветные авторы отмечали такие промежутки четко. Ссылки на «следующий день», «утро», «вечер», «месяц», «год» и так далее, обычно отмечают начало новой сцены.

Во-вторых, ветхозаветные авторы прерывали сцены переходами к одновременным событиям. В фильмах это обычно показывается разделением экрана на две части или быстрыми переключениями с одной сцены на другую и обратно. В театре два события могут происходить на сцене одновременно. Однако в повествовании даже одновременно происходящие события должны следовать одно за другим. Таким образом, истории охватывают один и тот же промежуток времени, хотя текст на странице продвигается дальше.

Переходы к одновременным событиям часто видны в ветхозаветных историях, благодаря структуре языка. Например, после описания молитвы и обета Анны (1Цар.1:10–11), автор сообщает, что Илий наблюдал за ней: «Между тем как она долго молилась пред Господом, Илий смотрел на уста ее» (1Цар.1:12). Также, когда фараон взял Сару к себе во дворец, он обращался хорошо с Аврамом ради нее (Быт.12:16а). Авраму было хорошо, пока Сара находилась в царском гареме. В таких местах переход между одновременными событиями показывает грамматика.

Однако во многих случаях грамматика не отражает одновременности происходящих событий. Ее можно заметить только после анализа содержания. Например, после того, как Иона проповедовал в Ниневии, весь город уверовал и присоединился к посту (Иона 3:5). Непохоже, чтобы следующая сцена, в которой царь провозгласил пост (Иона 3:6–7), действительно произошла после всеобщего городского покаяния. Явно произошла накладка. В таких случаях мы просто заимствуем слова «в то время как» из нашей оценки содержания и мысленно вставляем их в текст, чтобы показать одновременность происходящего.

В-третьих, временные переходы встречаются, когда автор обращается к предыдущим событиям. Иногда об этом также свидетельствует грамматика. Но в большинстве случаев нам приходится полагаться на содержание, чтобы понять, что мы имеем дело с событиями, которые, в сущности, предшествовали описанной до них сцене.

Предшествующие сцены — это обычно небольшие сводки информации о прошлом. После того, как автор Паралипоменона говорит, что Сукаким пошел на Иерусалим (2Пар.12:2), он упоминает о предыдущих походах Сусакима через Иудею (2Пар.12:3–4). Подобные переходы, обычно, отображают начало новой сцены.

Итак, промежутки времени между сценами бывают трех видов: промежутки между последовательными событиями, переходы между одновременными действиями и возвращения к предыдущим событиям. При установлении таких временных переходов, нам будет легче определять границы многих сцен в историях Ветхого Завета.

Обстановка. Границы сцен нам также помогают установить перемены обстановки. Мы поговорим о трех наиболее важных из таких перемен: место, окружающая обстановка и действующие лица.

Прежде всего, сцены обозначаются переменной места. Например, история о Содоме и Гоморре переходит от городских ворот (Быт.19:1–2) в дом Лота (Быт.19:3). Когда Аврам и Сара шли в Египет, Быт.12:11 изображает их на границе, а Быт.12:14 переносит их уже в Египет. После того, как Бог сошел посмотреть на Вавилонскую башню (Быт.11:5), Он вернулся на небо и призвал небесное воинство действовать (Быт.11:6–7).

Здесь следует заметить, что иногда сцены могут происходить в одном месте, но относиться к другому событию. Обычно это происходит в прямой речи, когда действующие лица говорят о событиях, происходящих в другом месте. Например, когда Бог дал повеление Моисею в горящем кусте, Он говорил о событиях в Египте, хотя сама сцена происходила в пустыне (Исх.3:7–10). Когда Мелхола укоряла Давида за его поведение перед ковчегом, она имела в виду сцену, которую наблюдала из своего окна (2Цар.6:20–23).

Во-вторых, значительные перемены в окружающей обстановке также отделяют одну сцену от другой. Очень часто несколько сцен, и даже целая история, может произойти в одном месте. В таких случаях мы должны следить за изменениями окружающей среды.

Таковыми изменениями могут быть свет и тьма, холод и жара, засуха и дождь. Писатель может просто приводить новые факты о географии, животном мире, растениях и зданиях. Перемена обстановки также включает изменение времени и пространства. Одна сцена может описываться всего в нескольких стихах, другая — в нескольких главах. Ветхозаветные авторы часто отображали границы между сценами, описывая изменения окружающей среды.

В-третьих, библейские писатели разделяли сцены, изменяя состав действующих лиц. Это очень похоже на смену декораций, только здесь еще фигурируют герои: люди, сверхъестественные существа и Бог. Первая сцена рассказа может быть заполнена людьми, вторая — практически без них. Иногда сцене с одним или двумя героями предшествует сцена с большим количеством участников. Иногда количество действующих лиц остается одинаковым, но меняются их качества. Перемены места, окружающей обстановки и действующих лиц служат нам подсказками к разделению сцен ветхозаветных историй.

Стиль повествования. Сцены также разделяются по мере того, как меняется стиль повествования. Этот стиль определяется степенью присутствия автора. Автор может выйти на середину сцены или сойти с нее, предоставляя действующим лицам самим излагать историю через мысли, слова и поступки. Границы перемены стиля также служат важными подсказками к обозначению границ сцен. Разделяются такие четыре стиля повествования: авторские комментарии, описание, прямое повествование и драматическое изображение.

Во-первых, писатели непосредственно обращаются к читателям через авторские комментарии. Это сцены, в которых они оценивают или объясняют что-то в истории. Например, сообщив о радости Адама, увидевшего Еву, Моисей выступил вперед и прокомментировал: «Потому отставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2:24). Также и в конце борьбы Иакова в Пенеуэле (Быт.32:22–32), Моисей объясняет: «Поэтому и донны сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова». В обоих стихах сам рассказ останавливается, а Моисей вставляет свой собственный комментарий. Обычно такие авторские комментарии формируют отдельные сцены.

Во-вторых, ветхозаветные авторы часто излагают материал в описательном стиле. Они время от времени останавливают развитие событий, чтобы внести некоторую информацию, разъясняющую определенный эпизод рассказа. Например, история о путешествии Аврама (Быт.12:1–9) содержит две описательные сцены. Сообщив, что Аврам отправился в путь, Моисей добавил: «Аврам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана» (Быт.12:4б). После того, как Аврам вошел в землю Ханаанскую, Моисей вставил для читателей свой комментарий: «В этой земле тогда жили Хананеи» (Быт.12:6б). Моисей счел нужным добавить такие описательные детали.

В-третьих, границы сцен видны при прямом повествовании. Этот стиль позволяет автору непосредственно передавать происходящие события. Несомненно, автор обдумывает события, прежде чем изложить их на бумаге, но здесь он избегает собственных описаний и комментариев. Например, мы читаем, как после смерти Иакова «Иосиф повелел слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля» (Быт.50:2). В этом стихе Моисей не позволил говорить самому Иосифу. Он просто сообщил, что такое событие происходило, мы называем это прямым повествованием.

И, наконец, в драматическом стиле автор отступает далеко на задний план. Он уже не сообщает о событиях, а предоставляет действующим лицам взаимодействовать, говорить и думать самим по себе. Этот стиль чаще всего встречается в ветхозаветных историях при прямой речи. Хотя Моисей просто сообщил об инструкциях Иосифа врачам (Быт.50:2), несколькими стихами позже он позволяет самому Иосифу говорить:

Если я обрел благоволение в очах ваших, то скажите фараону так: отец мой заклил меня, сказав: «Вот, я умираю; во гробе моем, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня». И теперь хотел бы я пойти, и похоронить отца моего, и возвратиться (Быт.50:4б–5).

Если не считать краткого вступления, Моисей отсутствует в этом отрывке. Он передал слова Иосифа через драматическое повествование.

В истории о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) мы встречаем все четыре стиля повествования. Посмотрите на следующие примеры:

[Комментарий] Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Быт.11:9).

[Описательный] И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести (Быт.11:3б).

[Прямой] Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там (Быт.11:2).

[Драматический] И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем (Быт.11:3а).

Как показывают эти примеры, присутствие Моисея было неизбежным в его комментарии (Быт.11:9); он менее заметен в его описании (Быт.11:3б); еще дальше он отступил в прямом повествовании (Быт.11:2); и он практически исчез, когда фигуры разговаривают друг с другом в драматическом изображении (Быт.11:3а).

Эти стили не всегда совершенно четко различимы, так как во многом накладываются друг на друга и часто смешиваются. Тем не менее, перемены в стиле повествования устанавливают границы между сценами ветхозаветных историй.

Рисунок 16 показывает три основных способа разделения сцен: перемены во времени через последовательные, одновременные и предшествующие действия; перемены в обстановке, месте и действующих лицах; а также перемены в стиле повествования через комментарий, описания, прямое и драматическое повествование. Благодаря всему этому мы можем разделять ветхозаветные истории на их простейшие части.

Примеры

Чтобы проиллюстрировать процесс разделения сцен, посмотрим на два отрывка: Бытие 15:7–21 и 2Паралипоменон 11:1–12, где на примерах показано несколько путей к такому разделению.

Бытие 15:7–21. Сначала давайте посмотрим на историю о Божьем завете с Авраомом.

Сцена 1

И сказал ему: «Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение». Он сказал: «Владыка Господи! По чему мне узнать, что я буду владеть ею?» Господь сказал ему: «Возьми Мне трилетнюю телицу, трилетнюю козу, трилетнего овна, горлицу и молодого голубя» (ст. 7–9).

Сцена 2

Он взял всех их, рассек их пополам, и положил одну часть против другой; только птиц не рассек (ст. 10).

Сцена 3

И налетели на трупы хищные птицы; но Аврам отгонял их (ст. 11).

Сцена 4

При захождении солнца крепкий сон напал на Аврама; и вот, напал на него ужас и мрак великий. И сказал Господь Авраму: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом. А ты отойдешь к отцам твоим в мире, и будешь погребен в старости доброй. В четвертом роде возвратятся они сюда, ибо мера беззаконий Аморреев доселе еще не наполнилась» (ст. 12–16).

Сцена 5

Когда зашло солнце, и наступила тьма, вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными (ст. 17).

Сцена 6

В этот день заключил Господь завет с Аврамом, сказав: «Потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Гергесеев и Иевуссеев» (ст. 18–21).

Значительные перемены во времени отображают несколько разрывов между сценами. В 12-ом стихе говорится: «При захождении солнца». Этот временной знак довольно четко показывает начало новой сцены. Слова «когда зашло солнце» отделяют стих 17 от того, что происходило раньше. Временная ссылка в стихе 18 «В этот день» подсказывает, что последние стихи являются новой сценой, которая происходит одновременно.

В этой истории также имеется не менее выразительный временной промежуток. Мы разделили сцены перед 10-м стихом. Хотя текст ничего не говорит о том, как Аврам выбирал животных, исследовал их и подготавливал к церемонии, прежде чем привести их к Богу, мы знаем, что между событиями стихов 9 и 10 прошло относительно много времени.

Эти перемены во времени также подтверждаются переменами в обстановке. В самом рассказе нет очевидной перемены места; вся история происходит в одной географической точке. Однако видны перемены окружающей среды. Во второй сцене (ст. 10) Аврам окружен кровью и трупами животных. В третьей сцене (ст. 11) налетают хищные птицы. Загадочный заход солнца и внутренний мрак, охвативший разум Аврама формируют обстановку четвертой сцены (ст. 12–16). Внешняя тьма, освещаемая пламенем огня и дымом, представляет следующую сцену (ст. 17). И, наконец, упоминание обо всех землях, обещанных Авраму, характеризует последнюю сцену (ст. 18–21).

Кроме того, перемены действующих лиц совпадают с таким делением. В первой сцене Бог и Аврам являются активными участниками (ст. 10). Во второй и третьей сценах Аврам стоит в центре, а о Боге не сказано ничего (ст. 10–11). Четвертая сцена касается Бога, Аврама и его потомков (ст. 12–16). В пятой сцене изображен только Бог (ст. 17). В последней сцене на передний план снова выступают Аврам, Бог, и потомки Аврама (ст. 18–21).

И, наконец, перемены в стиле повествования помогают нам разделять историю на составные части. Первая сцена является драматическим диалогом между Богом и Аврамом (ст. 7–9). Следующие две сцены прямо повествуют о подготовке Аврама к церемонии получения завета (ст. 10–11). Четвертая сцена раскрывает драматический монолог сна Аврама (ст. 12–16). В пятой сцене содержится прямое изображение явления Бога (ст. 17). Последняя сцена является драматическим монологом Бога (ст. 18–21).

Такие наблюдения позволяют нам подвести следующие итоги анализа истории:

Сцена 1 (Быт.15:7–9) [Драматический] [П5, В1]

Бог пообещал Авраму землю и ответил на его просьбу о гарантии, потребовав церемонию заключения завета.

Сцена 2 (Быт.15:10) [Прямой] [П10, В10]

В результате, Аврам повинился, подготовив церемонию.

Сцена 3 (Быт.15:11) [Прямой] [П10, В8]

Аврам защищал святость церемонии, отгоняя птиц.

Сцена 4 (Быт.15:12-16) [Драматический] [П1, В1]

При заходе солнца Аврам получил откровение во сне.

Сцена 5 (Быт.15:17) [Прямой] [П10, В8]

Ночью Бог прошел между рассеченными животными.

Сцена 6 (Быт.15:18–21) [Драматический] [П5, В1]

В этот день Бог установил завет о владении землей Аврама и его потомков.

2Паралипоменон 12:1–12. Следующая история о вторжении Сусакима в царство Ровоама делится на десять сцен.

Сцена 1

Когда царство Ровоама утвердилось, и он сделался силен, тогда он оставил закон Господень, и весь Израиль с ним (ст. 1).

Сцена 2

На пятом году царствования Ровоама, Сусаким, царь Египетский, пошел на Иерусалим,— потому что они отступили от Господа,— (ст. 2).

Сцена 3

С тысячью и двумястами колесниц и с шестьюдесятью тысячами всадников; и не было числа народу, который пришел с ним из Египта, Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам; и взял укрепленные города в Иудее, и пришел к Иерусалиму (ст. 3–4).

Сцена 4

Тогда Самей пророк пришел к Ровоаму и князьям Иудеи, которые собрались в Иерусалим, спасаясь от Сусакима, и сказал им: Так говорит Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставлю вас в руки Сусакиму (ст. 5).

Сцена 5

И смирились князья Израилевы и царь, и сказали: праведен Господь! (ст. 6).

Сцена 6

Когда увидел Господь, что они смирились, тогда было слово Господне к Самею, и сказано: они смирились; не истреблю их, и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою Сусакима; однако же, они будут слугами его, чтобы знали, каково служить Мне и служить царствам земным (ст. 7–8).

Сцена 7

И пришел Сукаким, царь Египетский, в Иерусалим, и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского; все взял он, взял и щиты золотые, которые сделал Соломон (ст. 9).

Сцена 8

И сделал царь Ровоам, вместо них, щиты медные, и отдал их на руки начальникам телохранителей, охранявших вход дома царского (ст. 10).

Сцена 9

Когда выходил царь в дом Господень, приходили телохранители и несли их, и потом опять относили их в палату телохранителей (ст. 11).

Сцена 10

И когда он смирился, тогда отвратился от него гнев Господа, и не погубил его до конца; притом и в Иудее было нечто доброе (ст. 12)

Временные перемены в этой истории сложны. Во второй сцене (ст. 2) четко обозначено время: «На пятом году царствования Ровоама». Эта сцена изображает поход Сусакима и его армии на Иерусалим. О самом походе больше не упоминается до седьмой сцены (ст. 9), где Сукаким приходит в Иерусалим. Вместо того чтобы разворачивать события дальше, третья сцена (ст. 3–4) возвращается к предыдущим захватам городов Иудеи. Стих 5 начинает четвертую сцену, которая происходит одновременно с военными действиями Сусакима. Пророк Самей осуждает князей Иудеи. Пятая сцена (ст. 6) сообщает об их покаянии. Сцена 6 (ст. 7–8) показывает, что Господь одновременно дал через пророка слово надежды. Седьмая сцена возвращается к захвату и разграблению Иерусалима Сусакимом. Восьмая сцена (ст. 10) представляет собой результат поражения, показывающий, что потеряно было не все. В сцене 9 (ст. 11) мы обращаем внимание на продолжительное посещение храма царем. Последняя сцена (ст. 12) подводит итог пережитого Ровоамом и Иудеей.

В рассказе два основных места действия. Первые две сцены происходят в Иерусалиме и вокруг него (ст. 1–2). Третья сцена переходит к обзору военных кампаний в Иудее (ст. 3–4). Четвертая и последующие сцены возвращают нас в Иерусалим — во дворец, в палату телохранителей, в храм (ст. 5–12).

Значительны также изменения в составе действующих лиц. В первой сцене упоминается Ровоам, Израиль и Господь (ст. 1). Вторая и третья сцены сосредотачиваются на Сусакиме и его неисчислимой армии (ст. 2–4). В четвертой сцене внимание смещается на Самея, князей и Господа (ст. 5). В пятой сцене (ст. 6) Самей исчезает, но сцена 6 возвращается к пророку, а также к Господу, царю и князьям (ст. 7–8).

И, наконец, в истории выделяются разные стили повествования. Сцена 1 — это прямое повествование; вторая сцена содержит небольшой авторский комментарий («Потому что они отступили от Господа»). Третья сцена носит описательный характер, сообщая о масштабах армии Сусакима. С четвертой по шестую сцены события изображаются драматически. Пророческое предупреждение (ст. 5) связано с недавними событиями. Божья реакция на покаяние приоткрывает то, что произойдет в будущем. В 7–9 сценах прямо описывается разграбление Сусакимом царства Ровоама.

Разделив историю на такие сцены, мы можем проанализировать ее ход.

Сцена 1 (2Пар.12:1) [Прямой] [П10, В10]

Хотя Ровоам сделался силен, он и весь Израиль оставили закон Господень.

Сцена 2 (2Пар.12:2) [Прямой] [П6, В6]

Непокорность Ровоама послужила причиной нападения Сусакима на Иерусалим.

Сцена 3 (2Пар.12:3–4) [Описательный] [П9, В9]

Перед нападением на Иерусалим армия Сусакима уже захватила города Иудеи.

Сцена 4 (2Пар.12:5) [Драматический] [П1, В1]

В это время Самей сделал предупреждение князьям Иудеи.

Сцена 5 (2Пар.12:6) [Драматический] [П1, В1]

Результатом является покаяние Иудейских вождей и Ровоама.

Сцена 6 (2Пар.12:7–8) [Драматический] [П1, В1]

В это время Самей провозглашает меру избавления.

Сцена 7 (2Пар.12:9) [Прямой] [П8, В8]

В результате нападения Сусаким вынес многие сокровища из Иерусалима, включая золотые щиты Соломона.

Сцена 8 (2Пар.12:10) [Прямой] [П4, В4]

Однако Ровоам не утратил всего; он заменил золотые щиты медными.

Сцена 9 (2Пар.12:11) [Прямой] [П4, В4]

Кроме того, Ровоам теперь начал часто ходить в храм, а его щиты тщательно охранялись.

Сцена 10 (2Пар.12:12) [Прямой] [П10, В10]

По мере смирения Ровоама, условия жизни становились лучше.

Два совета. Эти два примера показывают, что разделение и анализ сцен являются важными шагами в исследовании ветхозаветных историй. Когда мы анализируем содержание сцен, полезно помнить два совета.

Во-первых, выводы должны быть очень простыми и не искажающими материал. Сцены обычно содержат ряд подробностей, расщепление которых на составные элементы позволяет толкователю правильнее понимать материал. Когда эти элементы четко формулируются, они оказывают огромное содействие в определении составных частей истории.

Во-вторых, выводы необходимо формулировать так, чтобы в них была четко видна связь между одной сценой и последующей. Обычно достаточно простых связных слов: «потому что», «до того, как», «в это время», «тем не менее» и так далее. Устанавливая таким образом сцены, мы ощущаем взаимосвязь, формирующую цепь событий в историю.

Выявляя значительные изменения во времени, обстановке и стиле повествования, мы можем разделять историю на ее простейшие части. Затем, внимательно подводя итоги, мы можем лучше видеть связность историй Ветхого Завета.

Пространство и время в сценах

Несколько лет назад я записался на курсы по киномонтажу. На занятиях я получил задание написать рассказ и сделать к нему небольшой фильм. Я и мой друг долгими вечерами резали и склеивали восьмимиллиметровую пленку. До этого я совершенно ничего не знал о производстве фильмов. Мне казалось, что трехминутный ролик не потребует особых усилий, но очень скоро я понял, что ошибался. Среди множества технологических хитростей нам приходилось решать, какие сцены снимать вблизи, а какие издалека. Кроме того, в разных местах нужно было применять медленную, обычную или ускоренную скорости воспроизведения. От наших решений напрямую зависело качество окончательного продукта.

Пространственные изменения

Пространственная ориентация очень влияет на наше восприятие окружающей действительности. Ветхозаветные писатели влияли на мировоззрение читателей истории Израиля, выделяя какие-то события. Их пространственная стратегия решительно влияла на впечатление от историй. Изучая ветхозаветные истории, мы будем стараться оценить пространство каждой сцены.

Как фотографы, ветхозаветные писатели изображали панорамный и приближенный ракурсы событий. Но это только полдела. В отличие от фотографов, они изображали внутренний мир мыслей и чувств своих героев. Качества характера также имеют панорамное и приближенное описание. Мы кратко рассмотрим оба аспекта.

Ветхозаветные истории обычно дают панорамную картину внешних событий. Широкие обзоры освещают события, происходящие в нескольких местах сразу. Всего в одном стихе, например, изображен Аса, который уничтожил высоты и алтари во всех городах Иудеи (2Пар.14:5).

Одновременно ветхозаветные авторы более детально рассматривали некоторые события. Иногда такие подробные картины содержат более тесные взаимодействия между несколькими героями. Моисей сосредоточил взгляд на Аврааме и Исааке на горе Мориа (Быт.22:6–9). Иногда авторы рассматривают только одну личность. Илия убежал, чтобы спасти свою жизнь и сел под можжевелевым кустом (3Цар.19:36–5). В таких подробных сценах ветхозаветные авторы обычно больше внимания уделяют подробностям.

Библейские писатели также по-разному рассматривают внутренний мир героев. Например, Михей, сын Иемвляя, нарисовал панорамную картину своего небесного видения (3Цар.22:19-23). Саул приказал оруженосцу убить его. При этом автор приводит целую цепь его рассуждений, которые приводят к такому приговору (1Цар.31:4). Это пример приближенного взгляда.

Пространственная ориентация сцен, внутренняя или внешняя, необходима для толкования. Иногда переход с одного расстояния сцены к другому свидетельствует о том, что эта сцена является главной в рассказе. Поэтому для понимания мыслей автора мы должны учитывать пространственную ориентацию.

Временные изменения

Создатели фильмов ускоряют и замедляют время, таким образом, драматизируя эффект. Успех старых комедийных фильмов во многом был следствием ускоренного воспроизведения реальности. Сегодня режиссер картины использует замедленное воспроизведение, чтобы продлить романтический момент, усилить ужас от события или дать зрителям возможность внимательно рассмотреть основные моменты действия.

Подобным образом использовали время и ветхозаветные писатели. Они, конечно, не ускоряли и не замедляли изображение на экране, но рассматривали события по-разному: общим или подробным планом. Как меняется пространство внешнего и внутреннего мира, так меняется и время в описании внешних событий и внутренних переживаний.

Во-первых, может изменяться время во внешнем мире. Ветхозаветные истории, в основном, характеризуются быстрой сменой событий. Прямая речь приближает время к реальности, но сцены обычно повествуют о событиях гораздо быстрее, чем они происходили на самом деле.

Посмотрите на временные изменения в истории об убийстве Еглона (Суд.3:14–26). Время здесь движется быстро. Оно немного замедляется во время диалога между Аодом и Еглоном (ст. 19–20). Но в ключевой сцене, когда Аод убивает царя, действия замедляются и видна каждая деталь.

Аод простирает свою левую руку, берет меч со своего правого бедра и вонзает его во чрево царя так, что даже рукоять входит за острием, которое прошло сквозь спину. Аод не вынимает меч, и тук закрывает его (ст. 21–22).

Мы видим каждую долю секунды: рука тянется к мечу, меч вынут и вонзен в царя, за острием уходит рукоять, которую покрывает тук.

Жертвоприношение Исаака имеет схожие временные изменения. До того, как Исаак и Авраам прибывают на гору Мориа, история разворачивается довольно быстро. Но когда Авраам устроил жертвенник, мы читаем: «Разложил дрова, и, связав сына своего, Исаака, положил его на жертвенник, поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Быт.22:9–10). Время почти останавливается, удерживая напряжение события.

Во-вторых, меняется также время во внутреннем мире. Например, когда Саул крикнул своему оруженосцу: «Обнажи меч твой и заколи меня им, чтобы не пришли эти необрезанные и не надругались надо мною» (1Пар.10:4), быстрый ход его мыслей в такой ситуации отражает панику Саула. Внутренние сцены также могут быть медленными. Например, шпионы Иисуса Навина очень подробно инструктируют Раав (Иис.Нав.2:17–20). Автор книги Иисуса Навина подробно изложил этот материал, чтобы привлечь внимание к соглашению между Раав и соглядатаями.

Ветхозаветные истории обычно очень быстро изображают внутренние и внешние события. Однако в некоторых местах время замедляется, что, чаще всего, свидетельствует об особой важности сцены в истории.

Примеры

Одним из удобных способов оценки пространства является оценка сцен по цифровой шкале. Сначала обозначим сцены с наиболее панорамным обзором как «Пространство10». Сцена, равная «П10» в одной истории может не иметь такого же масштаба, как «П10» в другой. Но относительно остальных сцен данного эпизода, «П10» представляет наиболее широкую шкалу. Далее обозначим наиболее подробные сцены как «П1», относительно других сцен этого же рассказа. Установив крайние точки, мы теперь можем размещать другие сцены от «П2» до «П9». Такая техника помогает нам с первого взгляда распознавать объем пространства в сцене.

Таким же образом можно обозначить временное ускорение и замедление. Наиболее быстрые сцены определим как «Время10», а самые медленные как «В1». Другие сцены будут размещаться между ними. Такая процедура дает нам возможность быстро проследить временные изменения в рассказе.

Давайте проиллюстрируем эту технику на отрывках Быт.15:7–21 и 2Пар.12:1–12. Временные изменения в первом отрывке нельзя назвать резкими. Самый быстрый эпизод истории (В10) отражен в сцене 2 (ст. 10), где Аврам рассекает животных, готовясь к церемонии. Третья (ст. 11) и пятая (ст. 17) сцены обозначены как «В8»; они попадают приблизительно в середину диапазона внешних действий. Самые медленные сцены этой истории те, в которых присутствует речь. Сцена 1 (ст. 7–9) является диалогом о достоверности обетования (В1). А в последней сцене Бог клянется дать Авраму землю (ст. 18–21). Четвертая сцена также подходит под «В1» (ст. 12–16).

Пространственные изменения в Быт.15:7–21 совпадают с временными изменениями. Наиболее масштабными являются сцены 2 (рассечение животных), 3 (охрана трупов от хищных птиц) и 5 (дым и пламя). Эти сцены мы обозначили как «П10». Четвертая сцена очень подробно изображает Аврама, засыпающего в ужасе (ст. 12–16).

Временные и пространственные изменения в этой истории помогают нам увидеть, какие сцены Моисей выделил. Ярко выступают первая и шестая сцены. Божье обетование, вопрос Аврама и Божий ответ в начале (ст. 7–9) совпадают с Божьей клятвой завета в конце (ст. 18–21). Пространство сужается и время замедляется в этих сценах, потому что они очень

важны. Четвертая сцена (ст. 12–16) подчеркивает Божье обещание вывести Израиль из Египта и дать ему во владение землю. Эта сцена была очень близка читателям времен Моисея, так как это обетование исполнилось в их дни.

Пространственно-временные изменения отличаются во 2Пар.12:1–12. Сцена 1 (ст. 1) открывается беглым панорамным обзором четвертого года царствования Ровоама (П10, В10). В сцене 2 (ст. 2) пространство сужается до окрестностей Иерусалима в период нападения на город (П6, В6). Третья сцена (ст. 3–4) вновь поднимается по шкале в пространстве и времени, предоставляя беглый обзор военных действий Сусакима в Иудее (П9, В9). С четвертой по шестую сцены (ст. 5–8) автор поместил самую сосредоточенную на подробностях часть всего рассказа (П1, В1). По сравнению с остальной историей, действия пророка и князей описываются очень подробно. Поэтому эти сцены обличения и покаяния также являются центральными в истории. Седьмая сцена (ст. 9) возвращает нас к беглому панорамному обзору (П8, В8), подводя итог нападения. Следующие две сцены (ст. 10–11) смещаются к середине шкалы (П4, В4) и финальная сцена (ст. 12) возобновляет быстрый шаг и подробный обзор, как и первая. (П10, В10).

Такие наблюдения помогают многое понять в истории. Масштаб третьей сцены и подробное описание численности армии Сусакима передают ощущение серьезной угрозы, нависшей над Иерусалимом. Четвертая, пятая и шестая сцены приковывают внимание читателей к встрече Иудейских князей с пророком, который передает им слова Бога.

Наше краткое изучение этих историй показывает, что оценка пространства и времени приносит много пользы. Выявление пространственно-временных различий позволяет нам рассматривать те грани ветхозаветных историй, которые иначе были бы не замечены.

Образность в сценах

Однажды мы с друзьями ехали в машине и увидели знак: «Панорамный вид». Я устал вести машину, поэтому мы остановились, чтобы посмотреть вдаль. Но один из наших пассажиров не был в восторге от этой идеи. «Вы не увидите там ничего, кроме холмов и ферм» — пробормотал он с заднего сиденья.

Он был прав, но он также ошибался. Стоя на склоне горы, мы могли видеть на многие мили в любом направлении. Мы заметили похожие на муравьев машины, мчащиеся по трассе внизу, живописные фермы и склоны холмов вдалеке, и туманную полосу города на горизонте. Наш друг предоставил нам довольно точную информацию о том, что мы можем увидеть, но она совершенно ничего не значила в сравнении с самим видом.

Ветхозаветные авторы предоставляют своим читателям панорамный обзор истории Израиля. Они записывают гораздо больше, чем просто сухие факты и абстрактные принципы. Используя живую образность, они предлагают читателям реально ощутить прошлое благодаря воображению и мыслительным образам.

Препятствия в воображении

Многие евангелисты недооценивают сенсорные качества ветхозаветных историй. По крайней мере, три фактора удерживают нас от исследования этого аспекта библейских текстов. Во-первых, в сравнении с другой литературой, истории Ветхого Завета содержат мало описаний природы. Они вряд ли могут сравниться с красноречивыми описаниями в современных романах, к которым мы так привыкли. Мы редко можем найти в Библии подробное описание утренних звуков и пейзажей; тексты просто говорят нам: «было утро» (Иис.Нав.3:1). Мы не находим подробных описаний запахов, вкусов или прикосновений; рассказы Ветхого Завета просто сообщают, что люди ели (3Цар.19:21). Поскольку большинство ветхозаветных историй очень скудно используют такие описания, мы легко пропускаем их.

Тем не менее, мы должны ценить художественную образность, хотя она и встречается редко. Ветхозаветные авторы не описывали сцены произвольно, поэтому если они упоминали какую-либо сенсорную подробность, мы вправе предположить, что на это была причина. Нам нужно обращать внимание на малейшие детали художественных описаний в историях Ветхого Завета.

Во-вторых, мы часто упускаем художественную образность ветхозаветных историй, потому что не знакомы с историческими событиями, которые она описывает. Мы не знаем, какие образы соответствуют словам. Если в современном рассказе упоминается рев реактивного двигателя или ударник рок-н-ролла, мы тут же ассоциируем слова со знакомыми переживаниями. Но мы пропускаем многие яркие описания ветхозаветных историй, потому что не имеем достаточных знаний, чтобы представить их.

Например, современники автора книг Паралипоменон, читая его повествование, наслаждались бы музыкой: «звучом рога и труб и кимвалов, играя на псалтирях и цитрах» (1Пар.15:28). Но мы не знакомы с древней музыкой и это лишает слова всякой ценности в наших глазах. Следовательно, изучая художественные описания, мы должны ставить себя на место их первых читателей. Как бы они поняли эти слова? Что бы они почувствовали? Нам не должно упускать эту грань ветхозаветных историй из-за незнания древнего мира.

В-третьих, мы пропускаем яркие описания из-за своей герменевтической ориентации. В основном, мы ищем в текстах факты и богословские принципы. Для большинства из нас значение той или иной ветхозаветной истории определяется вкладом, который она вносит в наше историческое, богословское и нравственное понимание. Мы считаем художественную образность простым украшением.

Но Бог дал нам ветхозаветные образы не для того, чтобы мы лишали их художественности. Если бы Он желал дать нам простой список фактов и богословских принципов, Он бы так и сделал. Однако Дух вдохновил писателей включить в истории художественные описания, которые нам необходимо научиться ценить.

Но зачем нам художественные образы? Как они могут улучшить наше понимание ветхозаветных историй? Какая от них польза? Во-первых, поиск художественных описаний заставляет нас мыслить. Когда мы стараемся представить себе ту или иную сцену, мы внимательнее размышляем над ее подробностями. Во-вторых, размышление над художественными образами придает нашему пониманию живость; текст оживает и увлекает нас. Ветхозаветные истории теперь не просто перечисляют события смутного, серого прошлого, а предстают перед нами в ярких красках.

Образность значительно увеличивает силу впечатлений от историй Ветхого Завета. Изучая первичное значение, мы должны учитывать все сенсорные ощущения, которые были описаны для первоначальных читателей.

Виды художественных образов

Ветхозаветные истории затрагивают все наши чувства. Авторы изображали обстоятельства, действия и людей в историях, предоставляя читателям возможность получить зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые ощущения.

Зрительные. Писатели Ветхого Завета полагались на зрительные образы больше, чем на любые другие. Они изображали сцены так, чтобы читатели могли увидеть прошлое их глазами. Зрительная образность видна в трех основных элементах каждой сцены: в обстоятельствах, в действиях и в действующих лицах. Какой была обстановка? Как выглядели персонажи? Каким образом происходят события? По мере того, как сцены наполняются подробностями, мы углубляемся в размышления над ними; но первое, что всегда привлекает наше внимание в любой сцене, это зрительные образы.

Рассмотрим простой пример в книге Иисуса Навина (3:1): «И встал Иисус рано поутру, и двинулись они от Ситтима, и пришли к Иордану, он и все сыны Израилевы, и ночевали

там, еще не переходя его». Этот короткий стих представляет несколько ярких картин. Упоминание о раннем утре открывает нашему взору первые лучи солнца, рассеивающие тьму. Мы видим лагерь возле Ситтима и реки Иордан. Появляются также главные персонажи: воин Иисус Навин, и с ним множество мужчин, женщин и детей. Мы также видим, как люди поднимаются после сна, готовятся в путь, предпринимают поход и потом разбивают лагерь у Иордана. Такие впечатления дают важное понимание первоначального значения истории.

Слуховые. Описывая сцены, авторы ветхозаветных историй предоставляли также слуховые образы. Звуки играют огромную роль в их историях. Какие художественные слуховые образы встречаются в Ветхом Завете? Какие звуки слышались первичным читателям?

И снова мы обращаем внимание на обстоятельства, действия и людей. Обстоятельства в сценах часто сопровождаются звуками, хотя об этом может и не упоминаться конкретно. Многие события производят шум. Люди также издают звуки, когда говорят, плачут или кричат.

Третья книга Царств (22:34) дает хороший пример слуховых образов: «А один человек случайно натянул лук, и ранил царя Израильского сквозь швы лат. И сказал он своему вознице: повернись назад, и выведи меня из войска; ибо я ранен».

Одни звуки этой истории более выразительны, чем другие. Наиболее ярким слуховым образом выступает отчаянный крик Агава. Однако сцена сопровождается множеством других звуков. Агав находится на поле битвы — далеко не тихом месте. Лязг мечей и щитов, крики злости и боли создают непрерывный шумовой фон. В частности, писатель сосредоточился на лучнике, который случайно пустил стрелу. Стрела просвистела в воздухе и вонзилась в тело царя. Даже эти несколько подробностей предоставляют нам множество слуховых ощущений.

Осязательный. В ветхозаветных историях мы также находим осязательные образы, внутренние и внешние. Внешние образы выражены прикосновением к предметам, ощущением ткани, веса или температуры. Внутренние образы подразумевают чувственные переживания: стук сердца, дыхание, напряжение, расслабление, боль и удовольствие. Эти образы также появляются благодаря обстоятельствам, действиям и людям.

Яркая иллюстрация осязательного образа содержится в одной из сцен истории о Самсоне: «Филистимляне взяли его, и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников» (Суд.16:21). Мы упустим важность этого стиха, если умалим его до простого заключения: «Филистимляне захватили Соломона» или «Грех влечет за собой наказание». Осязательные образы страданий Самсона повергали первых читателей в ужас: жгучая боль выколотых глаз, ссадины и ушибы, которые он претерпел, когда Филистимляне тащили его в Газу, тяжесть медных цепей и каменного жернова. Мы должны обращать внимание на боль Самсона, если хотим понять эту историю так, как ее задумал автор книги Судей.

Осязательные образы могут быть яркими в одних сценах, и почти незаметными в других. Однако даже простое упоминание о каких-либо действиях, людях или ситуациях непременно вызывает в умах читателей соответствующие ощущения.

Обонятельные. Ветхозаветные истории содержат также обонятельные образы. Запахи встречаются реже зрительных, слуховых и осязательных ощущений, но они все же встречаются, и также связаны с обстоятельствами, действиями и действующими лицами. Очевидный пример обонятельного образа виден в книге Бытие (27:27–28):

Он подошел и поцеловал его. И ощутил Исаак запах от одежды его, и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь. Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина.

Мы представляем себе, как Иаков подходит к своему отцу, его поцелуй, слышим слова благословения. Попытаемся представить себе запах от одежды Иакова, «как запах от поля», и те чувства, которые он вызывает у любящего отца. В то же время мы понимаем всю глубину коварства Иакова по отношению к брату, когда видим этот обман, связанный с запахом.

Первые читатели ветхозаветных историй прекрасно знали запахи животных, ран, смерти, цветов, духов и масел. Запахи могут быть как резкими, так и незаметными, но они всегда помогают нам глубже проникнуть в истории Ветхого Завета.

Вкусовые. Вкусовая образность, воображаемое ощущение вкуса также встречается в ветхозаветных историях. Когда появляется еда и питье, мы можем быть уверены, что автор желал, чтобы читатели ассоциировали события со вкусом. Иногда этот вид образности первостепенен. Например, в конце праздника, устроенного в честь прибытия ковчега завета в Иерусалим, мы читаем: «И раздал всему народу, всему множеству Израильтян, как мужчинам, так и женщинам, по одному хлебу, и по куску жареного мяса, и по одной лепешке каждому. И пошел весь народ, каждый в дом свой» (2Цар.6:19).

Почему автор книги Царств включил эту сцену в свою книгу? Он просто хотел, чтобы его читатели увидели картины и услышали звуки праздника? Очевидно, не только. Он желал, чтобы читателям передались вкусовые ощущения. Современники особенно переживали радость праздника, когда представляли вкус пряностей и пищи, розданных всему народу. После такого чудесного праздника, повествование об осуждении Мелхолы (2Цар.6:20–23) еще больше впечатляет нас.

Следует признать, что вкусовые образы также могут быть более или менее выразительными. Писатели Ветхого Завета далеко не всегда описывают их так подробно. Однако каждый раз, когда мы сталкиваемся с вкусовыми ощущениями в ветхозаветных историях, мы должны принимать их как составную часть первоначального замысла автора.

Сцены Ветхого Завета затрагивают все наши пять чувств. Зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые образы представляют собой важнейшие дополнения к изображению каждой сцены. Исследуя ветхозаветные истории, мы должны спрашивать себя: «Что я вижу?», «Что я слышу?», «К чему я прикасаюсь, и что ощущаю внутри?», «Какой вкус и запах я чувствую?» Эти вопросы откроют нам множество новых граней ветхозаветных историй (см. рис. 17).

Рис. 17: Образы в сценах

Примеры

Давайте еще раз посмотрим на два отрывка: Быт.15:7–21 и 2Пар.12:1–12. Мы подведем краткие итоги этих историй, которые покажут важность сценичной образности для толкования.

В книге Бытие (15:7–21) содержится множество образов. Сцена 1 (ст. 7–9) имеет несколько описательных пластов, главный из которых — слуховой. Мы подслушиваем диалог между Аврамом и Богом о владении Ханаанской землей. В этом диалоге перед нами предстает несколько сцен. В седьмом стихе мы представляем себе воспоминания об Уре и путешествие с его картинами, звуками и запахами. В стихе 8 мы не только видим Аврама и слышим его просьбу о подтверждении, но также ощущаем его напряженность. И, наконец, в Божьем повелении собрать животных Аврам перечислил каждое в отдельности, чтобы его читатели могли представить их себе зрительно, услышать их и прикоснуться к ним (ст. 9).

Во второй сцене (ст. 10) мы вновь видим Аврама, стоящего вместе с животными перед Богом. В центре этой сцены — рассечение. Аврам достает нож, рассекает животных пополам и раскладывает половины в два ряда. Многие современные читатели легко упускают сенсорные впечатления от этой сцены. Но те, кто видел умерщвление животных, могут представить себе ужасный рев, разрывающуюся плоть, половины туш, лежащие одна против другой и даже ощутить запах теплого мяса.

Третья сцена большей частью содержит зрительные образы (ст. 11). Мы видим Аврама, туши животных и нападающих хищных птиц. Аврам отгоняет их, возможно, бегая, крича и размахивая руками.

Четвертая сцена мгновенно приковывает внимание к горизонту, где солнце медленно исчезает из вида (ст. 11–16). Аврам ложится спать. Заглядывая в его душу, мы видим ужасающий мрак. Мы ощущаем его напряжение, когда его объял ужас. Мы также слышим, как Бог говорит к Авраму во сне. Дым на фоне оранжевых языков пламени и красного жара бросает тень на трупы, когда видение проходит между рядами. Мы даже отчетливо слышим треск огня.

И, наконец, шестая сцена содержит завершающие слова Бога (ст. 18). Мы слышим, как Бог расширяет для Аврама обетование, с которого начался весь рассказ. Мы видим, как Аврам стоит на возвышенности, как бы рассматривая реки и земли, обещанные ему Богом.

Вторая книга Паралипоменон (12:1–12) начинается с краткого обзора четвертого года царствования Ровоама, когда он и его люди отвернулись от закона Божьего. Во второй сцене (ст.2) мы видим Ровоама в Иерусалиме, окруженном Сусакимом. Несомненно, зрительные и слуховые образы военной осады приходили на ум первым читателям.

Третья сцена (ст. 3–4) сосредотачивается, в основном, на картинах и звуках разоренной Иудеи. Весь третий стих посвящен тому, чтобы показать читателям огромное множество колесниц, всадников и пеших солдат. Мы видим гигантскую, неисчислимую армию Сусакима, беспрепятственно продвигающуюся к самим воротам Иерусалима.

В четвертой, пятой и шестой сценах (ст. 5–8) горизонты сужаются. Мы видим Самея пророка, Ровоама и Иудейских князей, собравшихся в Иерусалиме. Мы ощущаем присутствие Господа. Однако основными в этой сцене являются звуки пророческого провозглашения и покаяния князей. Следует заметить особое смирение, ощущаемое князьями и сопереживание читателей. Ужас первых слов осуждения и облегчение при отсрочке исполнения приговора также формируют важные выводы и переживания.

Седьмая сцена (ст. 9) упоминает о расхищении царских сокровищ. Глазами нашего воображения мы видим сверкающие золотые щиты. Нам также слышатся различные звуки, связанные с этими событиями; мы испытываем сожаление, когда царская сокровищница оказывается пустой.

В восьмой сцене (ст. 10) мы видим Ровоама, приказывающего своим людям сделать медные щиты и охранять их. Девятая сцена (ст. 11) показывает, как Ровоам идет в храм, и воины относят щиты в палату телохранителей.

В десятой сцене (ст. 12) Ровоам кается в храме. Множество мыслей приходит на ум, когда мы размышляем, какое благо пришло в Иудею, когда Ровоам смирился.

Представляя себе подобные образы в тексте, наше сердце и разум увлекаются историей, благодаря чему мы полнее понимаем, что именно хотел сообщить автор своим читателям.

Изучение сценических изображений в историях Ветхого Завета требует гораздо большего, чем только правильной оценки фактов и принципов. Мы также должны пользоваться воображением – картинами, передающими звуки, прикосновения, вкусы и запахи, которые содержат значительную долю первоначального смысла.

Заключение

Эту главу мы начали с предположения, что нам следует научиться использовать художественную ценность ветхозаветных историй. Для этого мы рассмотрели три вида сценичного изображения. Мы отметили, как следует разделять тексты на сцены, и изучили важность пространственных и временных изменений. Мы также увидели ценность размышления над сценическими образами. Учитывая все эти аспекты, мы сможем увидеть художественную ценность ветхозаветных историй и глубже понять их первоначальное значение.

Вопросы

1. Что является сценой в ветхозаветных историях? Почему так важно разделять историю на сцены? Какие подсказки помогают нам разделять историю на сцены? Какой вывод мы можем сделать из истории на основании ее сцен?

2. Что мы подразумеваем под пространственными и временными изменениями в сценах? Опишите процесс распределения сцен по пространственно-временной шкале. Как такие различия помогают нам увидеть авторскую точку зрения в тексте?

3. Что такое образность в сценах? Какие виды образов мы можем обнаружить в историях Ветхого Завета? Приведите пример каждого. В чем ценность таких образов в ветхозаветных историях?

Упражнения

1. Посмотрите на Исх.1:22–2:10. Разделите этот эпизод на сцены. Укажите на особенности в тексте, отражающие границы сцен; проведите границу каждой сцены одним предложением.

2. Исследуйте пространственно-временные изменения каждой сцены в Исх.1:22–2:10. Распределите эти сцены по шкале, как указано в этой главе. Какие сцены, согласно вашему анализу, более выделены?

3. Определите явное и скрытое описание образов в отрывке Исх.1:22–2:10. Какие внутренние откровения эти образы приносят вам?

Структура отдельных эпизодов

Несколько лет назад меня пригласили в гости друзья. Я почувствовал себя как дома, когда их дочь, которой не было и шести лет, начала показывать мне свои игрушки. Одна из них действительно привлекла мое внимание — большая картинка-головоломка из пяти частей. Сложите части одним способом, и получится человек; сложите по-другому — появится утка; третьим способом — дерево. Сами части оставались одинаковыми, но они формировали разные картинки, когда маленькая девочка меняла их расположение.

Ветхозаветные писатели расположили части своих историй по-разному, подробно останавливаясь на одних элементах и пропуская другие. Они переключались с одного повествовательного стиля на другой. По своему желанию, они переходили к последовательным, одновременным или предшествующим событиям. Такие перестановки не влияли на историческую достоверность их летописей, но, в огромной степени, определяли литературный портрет их историй.

Аристотель называл «расположение происшествий» замыслом рассказа. Мы последуем этому определению, и будем говорить о замысле или о драматическом ходе, как о приеме, который увеличивает или уменьшает напряжение в последовательности сцен.

К драматическому ходу можно подойти по-разному. В этой главе мы рассмотрим виды драматического хода, симметрию драматического решения и типичные образцы драматического решения. С какими замыслами мы сталкиваемся в Ветхом Завете? Какие основные соответствия просматриваются в этих текстах? Каким образцам следовали ветхозаветные писатели?

Виды драматического хода

Драматический ход в ветхозаветных историях можно анализировать на разных уровнях. Целые книги и большие разделы Ветхого Завета содержат множество смысловых структур. В следующих главах мы разберем эти большие структуры. А сейчас мы просто начнем свое изучение общего драматического хода с отдельных эпизодов.

Под эпизодом мы подразумеваем простейшую составную часть повествовательного материала, в значительной степени зависящую от контекста. Например, «История Авраама» (Быт.11:27–25:11) содержит ряд эпизодов: «Призвание Авраама» (Быт.12:1–9), «Исход Авраама» (Быт.12:10–20), «Разделение Авраама и Лота» (Быт.13:1–18) и так далее. Точно так же «История Иосифа» (Быт.37:2–50:26) состоит из «Снов Иосифа» (Быт.37:1–11), «Продажи Иосифа в рабство» (Быт.37:12–36), «Иуда и Фамарь» (Быт.38:1–30) и других эпизодов. Эти эпизоды отличаются по продолжительности и содержательности, но они образуют части, содержащие в себе определенный замысел.

Полноценный эпизод должен иметь, по крайней мере, одно предложение с двумя действиями или положением дел, связанных по времени. В Ветхом Завете мало эпизодов, которые имеют всего одно предложение, но такое ограничивающее определение позволит нам обратить внимание на виды драматического хода в ветхозаветных историях. Посмотрите на следующие предложения:

«Я увидел книгу; она лежала на столе».

«Мне понадобилась книга; она лежала на самой верхней полке».

«Мне нужна была книга; я купил ее».

Каждый из этих сценариев содержит два связанных временем элемента, которые формируют простую историю, и каждый из них отражает своеобразный драматический ход. О первом эпизоде мы будем говорить как об отчете, о втором — как о нерешенном напряжении, и о третьем — как об эпизоде решения. Эти виды драматического хода различаются не во всем; они вполне могут накладываться один на другой. Однако они представляют нам модели, помогающие увидеть структуру, которую ветхозаветные авторы присваивали отдельным эпизодам.

Отчет

«Я увидел книгу; она лежала на столе». Этот отчет содержит два простых предложения: 1) рассказчик увидел книгу; 2) книга лежала. Вне контекста, однако, этот эпизод не создает особого напряжения. Не происходит никакого конфликта; нет так же никакого решения. Этот эпизод просто сообщает, что произошло.

Такие отчеты просто описывают ситуации. Временное расположение элементов в отчете ставит его лишь немногим выше простого перечня фактов. Иногда отчеты делают вклад в структуру большого контекста, но сами по себе эти эпизоды не содержат драматического напряжения. У нас не возникает вопроса: «Каким же будет решение проблемы?». Никакой проблемы, попросту, нет.

Эпизоды, представляющие собой простой отчет, встречаются часто в Ветхом Завете. По большей части, они очень кратки. Например, отчеты о детях Хеттуры (Быт.25:1–4) и международной торговле Соломона (3Цар.9:26–28) не содержат более пяти стихов. В этих отрывках описывается серия событий, но в них нет никаких проблем или решений. В лучшем случае, напряжение едва заметно.

Иногда отчеты могут быть обширными. Суд.1:27–36 — это серия отчетов, в которых автор рассказывает о том, что колена Израилевы не изгнали Хананеев из своих земель. Родословные и другие списки имен тоже формируют продолжительные отчеты. В большом контексте книги эти эпизоды делают свой вклад в драматическое напряжение, но сами по себе они не содержат значительных проблем или их решений.

Нерешенное напряжение

«Мне понадобилась книга; она лежала на самой верхней полке». В этом эпизоде мы видим не просто отчет. Слова «мне понадобилась» вызывают чувство ожидания. Достанет ли рассказчик книгу? Помешает ли ему что-нибудь? Последняя часть этого предложения не завершает драму; мы не знаем, достал ли рассказчик книгу. Итак, мы имеем не просто отчет, а конфликт, однако не видим его полного решения.

Подобные построения предложений встречаются по всему Ветхому Завету. Возьмем, к примеру, краткое повествование о безнравственности Рувима: «И отправился Израиль, и раскинул шатер свой за башнею Гадер. Во время пребывания Израиля в той стране, Рувим пошел, и переспал с Валлою, наложницею отца своего. И услышал Израиль» (Быт.35:21–22). В этом кратком эпизоде появляется напряжение. Рувим согрешает против своего отца, и отец узнает об этом. Но что произойдет с Рувимом? Что сделает его отец? Эпизод не говорит нам об этом ничего; конфликт остается нерешенным.

Еще один пример нерешенного напряжения виден в истории о всплывшем топоре.

И сказали сыны пророков Елисею: вот, место, где мы живем при тебе, тесно для нас; пойдём к Иордану, и возьмем оттуда каждый по одному бревну, и сделаем себе там место для жительства. Он сказал: пойдите. И сказал один: сделай милость, пойдёшь и ты с рабами твоими. И сказал он: пойду. И пошел с ними, и пришли к Иордану, и стали рубить деревья. И когда один валил бревно, топор его упал в воду. И закричал он, и сказал: ах, господин мой! — а он взят был на подержание. И сказал человек Божий: где

он упал? Он указал ему место. И отрубил он кусок дерева, и бросил туда, и всплыл топор. И сказал он: возьми себе. Он протянул руку свою и взял его (4Цар.6:1–7) (см. рис. 18).

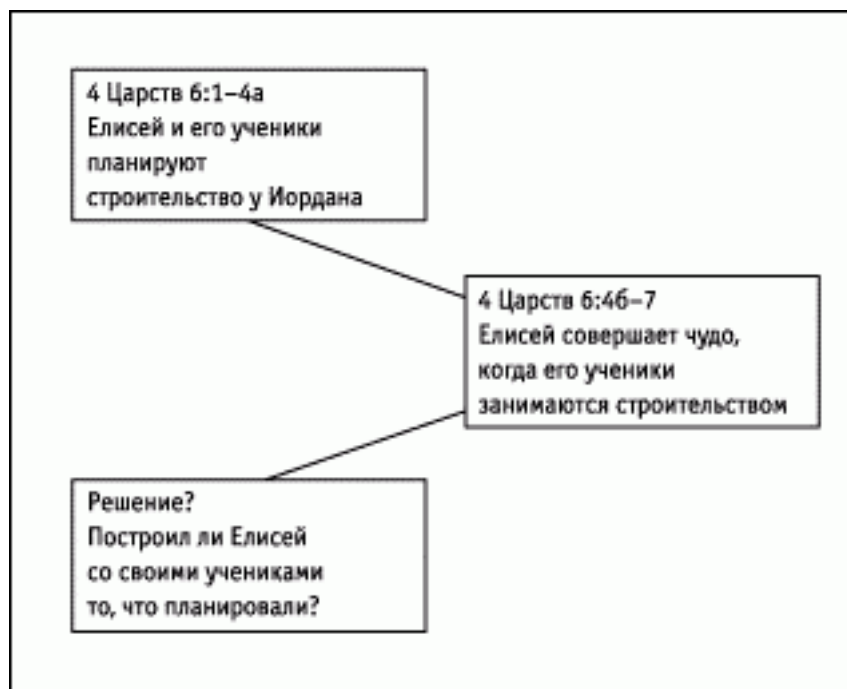

Рис. 18: Нерешенное напряжение в 4 Царств 6:1–7

Эта история начинается с того, что Елисей соглашается пойти со своими учениками к Иордану, чтобы построить жилище (ст. 1–4а). Эти стихи наталкивают на вопрос: «Получится ли у них? Построят ли они новое жилище?» Они пришли к Иордану и начали рубить деревья (ст. 4б). Но появилось препятствие, когда один из учеников уронил одолженный топор в воду (ст. 5а). Он закричал, и Елисей чудесным образом извлек топор из воды (ст. 5–7). Теперь мы можем ожидать дальнейшего описания успешного завершения строительства. Это удалило бы напряжение, возникшее в первых четырех стихах. Но эпизод внезапно заканчивается извлечением топора из воды. Нам остается только догадываться, достроили ученики свое новое жилище или нет. Автор книги Царств не предоставил читателям завершения этого эпизода. Почему? Очевидно, автора мало интересовало само строительство; он просто упомянул о нем, чтобы создать фон для чудесного события. Сообщив о чуде, он закончил эпизод, оставив вопрос строительства нерешенным.

Решение

Драматический ход раскрывается полнее в третьей сцене: «Мне нужна была книга; я купил ее». В отличие от простого отчета или нерешенного напряжения, драма здесь возникает и исчезает. Мы находим и проблему, и ее решение. Рассказчику нужна была книга. Что произойдет? Успех или неудача? Вторая часть показывает, что желание рассказчика исполнилось. В этом кратком повествовании напряжение не поднимается до больших высот, но быстро ставит проблему и решает ее.

Краткий рассказ с решением виден в книге Иисуса Навина (15:16–17). Состоит он из трех коротких сцен:

Сцена 1

И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахсу, дочь мою, в жену (ст. 16).

Сцена 2

И взял его Гофониил, сын Кеназа, брата Халева (ст. 17).

Сцена 3

И отдал он в жену ему Ахсу, дочь свою (см. рис. 19).

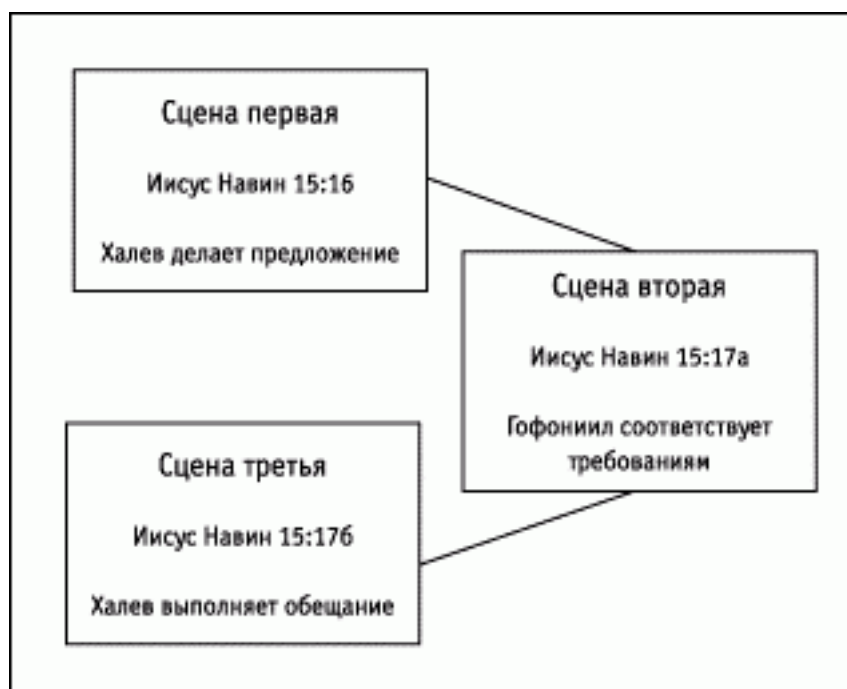

Рис. 19: Драматическое решение в Ис. Навин 15:16–17

Несмотря на свою краткость, этот эпизод содержит определенную проблему и ее решение. Драматическое напряжение появляется, когда Халев предлагает свою дочь в жену победителю (ст. 16). Ответит ли кто-нибудь на его предложение? Отдаст ли он свою дочь кому-нибудь в жену? Следующая сцена (ст. 17а) сообщает нам о решающем событии, которым заканчивается рассказ. Гофониил взял город, выполнив все условия. Затем Халев отдал свою дочь Гофониилу (ст. 17б), тем самым, уладив проблему.

Рассказы, содержащие решение проблемы, имеют определенную избирательность, которой в повествовательных отчетах нет. Их значение мы можем оценивать на основании их собственной внутренней структуры. Описание проблемы и представление ее решения формируют арену действий, требующих сосредоточенного внимания. Таким образом, внутренняя структура эпизода содержит его значение.

Итак, мы рассмотрели три категории драматического хода, с которыми мы сталкиваемся при изучении отдельных эпизодов Ветхого Завета. В этой главе мы сосредоточимся на историях, содержащих решение. Их изучение связано с рядом трудностей, которые необходимо рассмотреть подробно. Разобравшись тщательно в их структуре, мы сможем эффективнее изучать эпизоды, содержащие отчеты и оставшееся напряжение.

Симметрия драматического решения

Приступая к изучению эпизодов с решением, мы обнаружим, что ветхозаветные писатели расположили эти отрывки симметрично. Одни истории более длинные, чем другие, но симметрия является фундаментальной смысловой чертой в эпизодах, представляющих решение.

Чтобы понять смысл этой структуры, мы должны рассмотреть три основных вопроса: начало и окончание, тройственный дизайн и фазы. Когда мы четко увидим эти грани, мы сможем рассматривать более глубокие подробности драматического решения.

Начало и окончание

Как функционирует основная структурная симметрия в эпизодах, содержащих решение? Говоря кратко, симметрия создает смысловой баланс между началом и концом истории. Это не значит, что начало и конец истории должны быть одинаковой длины или важности. Они просто уравнивают друг друга в смысловом отношении. Каждая часть содержит идеи, которые развиваются в другой. В ветхозаветных историях четко видны три вида смыслового баланса. Начало и окончание историй могут строиться по циркулирующему, контрастному или развивающемуся принципу.

Циркулирующий. Истории, содержащие проблему и ее решение, чаще всего имеют циркулирующий принцип; в последний момент мы возвращаемся к ситуации, с которой эпизод начался. Внутренняя часть истории содержит определенные противоречия. Ощущение драматического решения приходит лишь тогда, когда конечная сцена совершает полный круг событий.

Многие рассказы имеют, в основном, круговую симметрию. Например, повествование об испытании Авраама (Быт.22:1–19) начинается с описания его жизни в Вирсавии (Быт.21:33) и заканчивается его возвращением в это же место. Также в Бытие (15:7–21) Бог обещает Авраму землю в начале (ст. 7) и выполняет Свое обещание в конце (ст. 18–21). У нас появляется чувство завершенности этих историй, потому что мы возвращаемся в ситуацию, похожую на ту, которая была в начале.

Контрастный. Вступительные и завершающие сцены также контрастны. Окончание даже является противоположностью началу. Если первая часть положительна, последняя отрицательна. Если в начале положение плохое, оно становится хорошим в конце. Акцент на антитетическом балансе между началом и концом истории.

Такую форму имеют многие ветхозаветные истории. Например, история об исцелении воды Елисеем (4Цар.2:19–22) начинается с того, что люди Иерихона говорят Елисею, что «вода нехороша» (4Цар.2:19). Елисей «исцеляет» воду и эпизод завершается: «И вода стала здоровою до сего дня» (4Цар.2:22). Окончание превращает ситуацию в противоположность. Повествование об убийстве Еглона (Суд.3:12–30) также содержит контраст. Книга Судей (3:12) гласит: «Укрепил Господь Еглона, царя Моавитского, против Израильтян», но история завершается так: «Так смирились в тот день Моавитяне пред Израилем».

Развивающийся. И, наконец, между начальной и конечной частями эпизода может происходить какое-то развитие. В таких случаях история заканчивается описанием другого, хотя и не противоположного, положения дел. Главный герой может столкнуться с проблемой или конфликтом в начале, но затем конфликт решается, в результате чего герой оказывается в новых обстоятельствах. Такое развитие может приобретать оттенки контраста, но драма большей частью развивается в направлении чего-то нового.

Например, Быт.12:1–9 начинается с того, что Бог призывает Аврама идти в обетованную землю. Последняя сцена сообщает об исполнении этого призвания патриархом, когда он продолжает идти к югу. Мы ощущаем легкий контраст между началом и концом, поскольку в начале Аврам был «вне земли», а в конце «пришел в землю», но основным элементом в этом эпизоде является развитие событий от поручения до исполнения. Эпизод разделения Аврама и Лота (Быт.13:1–18) начинается с того, что патриарх «поднялся на юг» и заканчивается его остановкой в Хевроне. Оба эти эпизода завершаются продвижением главного действующего лица к новым обстоятельствам.

Изучая драматический ход, нам полезно замечать смысловой баланс, связывающий начало и конец рассказа. Какова начальная драматическая проблема? Каким образом она решается в конце? Какие циркулирующие, контрастные и развивающиеся образцы четко видны?

Тройственная структура

Структура большинства эпизодов, содержащих проблему и ее решение, имеет три части, хотя некоторые истории состоят только из двух частей. Как отметил Аристотель, большинство драматических повествований состоят из начала, середины и конца.

Обратите внимание на следующий рассказ из трех простых сцен:

[Сцена 1] Фидо очень желал добраться до косточки, лежащей на другой стороне двора, но его цепь была слишком коротка, чтобы достать ее.

[Сцена 2] Поэтому он лаял и лаял, пока не пришел хозяин, не отцепил его.

[Сцена 3] Тут Фидо помчался к косточке и грыз ее с таким удовольствием, словно попал в собачий рай.

Первая и последняя сцены уравниваются. Первая сцена представляет проблему: Фидо хочет кость, но не может достать ее. Третья сцена решает проблему: Фидо добирается до кости и удовлетворяет свое желание. Эти сцены контрастны, поскольку страстное желание удовлетворяется.

В чем же заключается функция средней части? Эта часть служит мостом между началом и концом, сообщая читателю, какие действия сделали соответствие возможным. Фидо добрался до косточки, потому что он лаял, и хозяин отцепил его.

Подобные тройственные структуры встречаются в большинстве эпизодов Ветхого Завета. Они начинаются с проблемы, заканчиваются решением и содержат в середине определенное развитие событий.

Еще раз посмотрим на Божий завет с Аврамом (Быт.15:7–21). Как мы отметили в предыдущей главе, эта история делится на шесть сцен (см. рис. 20).

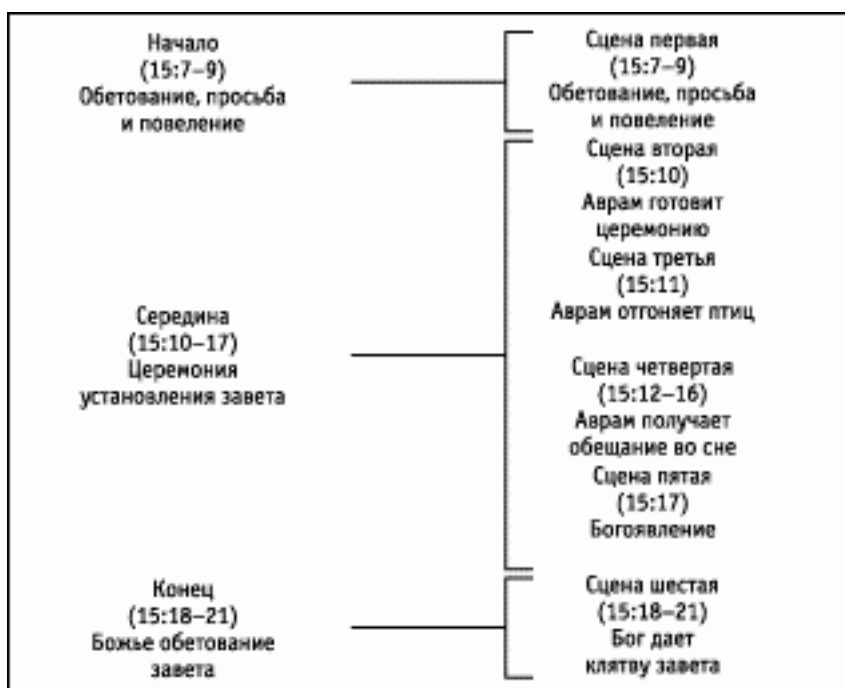

Рис. 20: Тройственный состав Бытия 15:7–21

Первая сцена начинается с Божьего обетования, просьбы Аврама о его подтверждении, и Божьего повеления подготовить церемонию для заключения завета. Эта задача осуществляется в последней сцене, где Бог клянется дать Авраму землю. В средней части объясняется, почему Бог начал говорить опять, как развеялись сомнения Аврама, и как обетование было преобразовано в клятву завета. История пришла к такому концу благодаря церемонии завета, которая описывается со второй по пятую сцены.

Подобная ситуация видна и в повествовании о вторжении Сусакима (2Пар.12:1–12). Как мы увидели в предыдущей главе, этот отрывок имеет десять сцен (см. рис. 21).

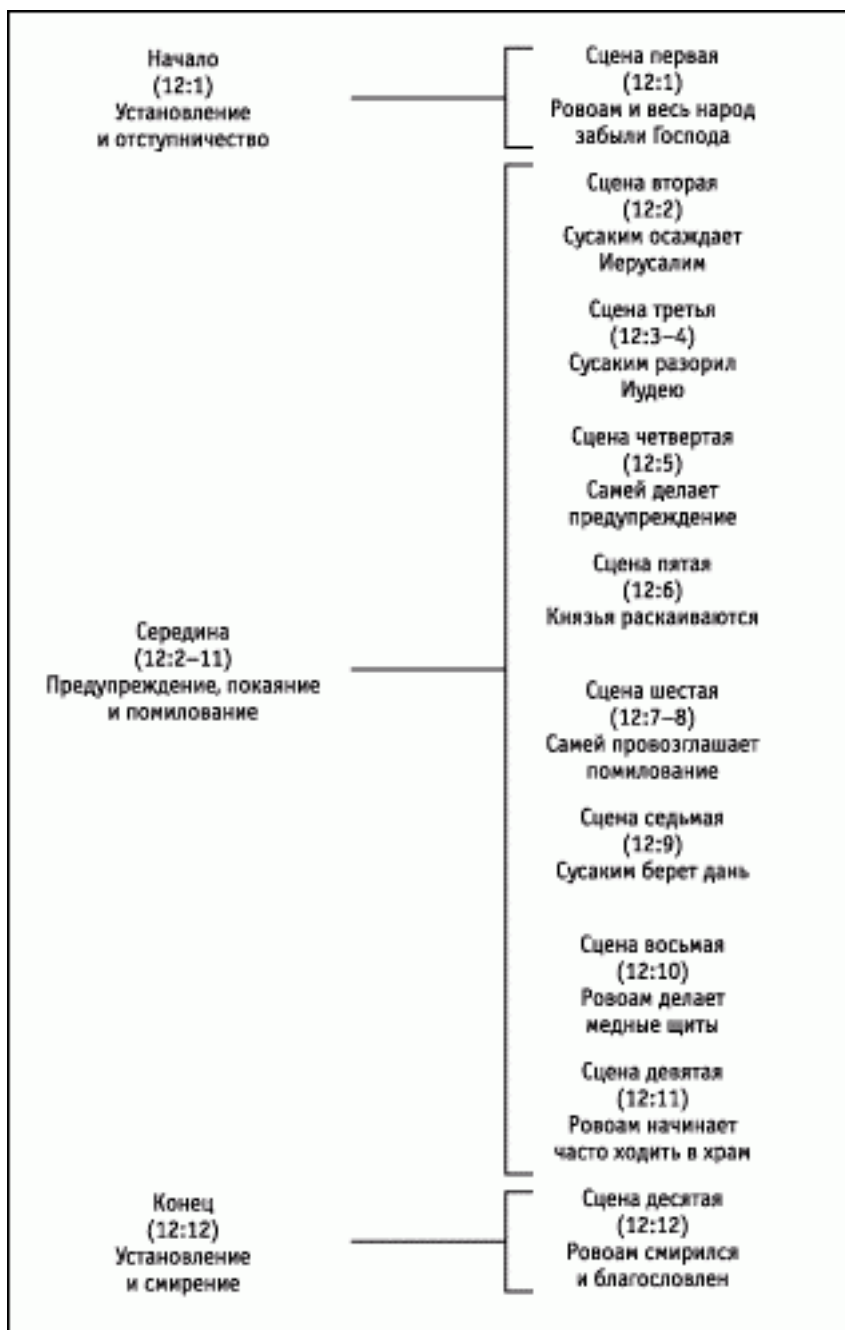

Рис. 21: Тройственный состав 2 Паралипоменон 12:1–12

Первая сцена сообщает об установлении царствования Ровоама и проблеме вероотступничества. Последняя сцена возвращается к царствованию Ровоама и заменяет отступничество покаянием Ровоама. Каким образом это произошло? Сцены 2–9 говорят нам об угрозе вторжения Сусакима, покаянии князей и частичном избавлении царства.

Изучая структуру драматических эпизодов, нам следует принимать во внимание их тройственный состав. После установления смыслового баланса между началом и концом, мы должны внимательно рассмотреть развитие событий, изложенных в средней части.

Фазы

Чтобы увидеть основную симметрию истории четче, иногда полезно разбить текст на части, немного превышающие размеры сцен. Когда мы рассматриваем общую динамику истории, две, три или четыре сцены могут объединяться в фазы. Общей нитью в таких сценах могут быть одни и те же герои, обстоятельства, действия или тема. В любом случае, объединение сцен в фазы помогает нам полнее увидеть структуру эпизода.

История о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) иллюстрирует ценность объединения сцен в фазы.

Сцена 1

На всей земле был один язык и одно наречие (ст. 1).

Сцена 2

Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там (ст. 2).

Сцена 3

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем (ст. 3а).

Сцена 4

И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести (ст. 3б).

Сцена 5

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли (ст. 4).

Сцена 6

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие (ст. 5).

Сцена 7

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого (ст. 6–7).

Сцена 8

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (ст. 8).

Сцена 9

Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (ст. 9).

Хотя эти сцены представляют основные составные части истории, некоторые из них имеют сходство между собой. Если мы объединим такие сцены в фазы, то мы увидим следующую структуру (см. рис. 22).

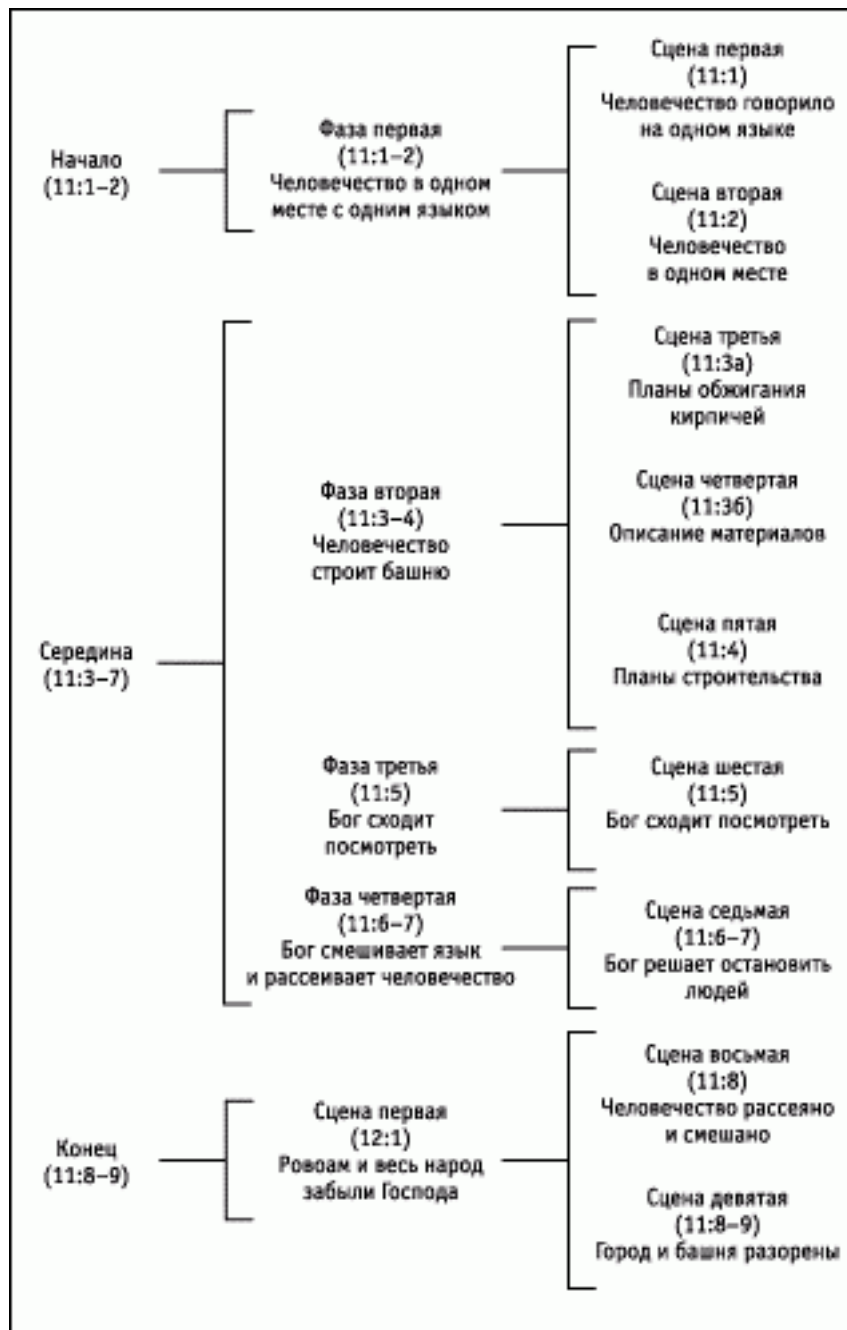

Рис. 22: Фазы в Бытие 11:1-9

Как показывает эта диаграмма, первые две сцены создают условия для строительного проекта. Третья, четвертая и пятая сцены описывают возведение башни. Восьмая и девятая сцены касаются Божьего вмешательства: смешения языков и рассеяния народа. Только шестая и седьмая сцены сами по себе являются фазами. Таким образом, девять сцен этого эпизода объединены в пять фаз.

Итак, мы увидели несколько основных структурных качеств текста. Все эпизоды, содержащие конфликт и его решение, имеют смысловой баланс между началом и окончанием. Большинство из них имеют тройственный состав. Если мы объединим тесно связанные сцены в фазы, с текстом легче работать. Пользуясь этим, давайте более подробно рассмотрим типичные образцы встречающихся эпизодов.

Типичные образцы драматического решения

В ветхозаветных историях встречается так много различных соответствий, что мы не можем их все охватить. Поэтому мы поговорим о четырех наиболее распространенных образцах. Они, несомненно, не исчерпывают всех вариантов, однако отражают типичные структуры, появляющиеся в Ветхом Завете.

Два шага

Самая простая симметрия в разрешении конфликта состоит из двух шагов. Такие истории часто состоят из множества сцен и фаз, но если их объединить, становятся четко видны две части. Первый шаг представляет драматическую проблему; второй шаг предоставляет ее решение. Как мы уже увидели, эти шаги уравнивают друг друга циркулирующей, контрастной и развивающейся симметрией. Один из примеров такого решения содержится в летописи о царствовании Асы (2Пар.16:7–10).

Сцена 1

В то время пришел Ананий прозорливец к Асе, царю Иудейскому, и сказал ему: так как ты понадеялся на царя Сирийского и не уповал на Господа, Бога твоего, потому и спаслось войско царя Сирийского от руки твоей. Не были ли Ефиопляне и Ливияне с силою большею и с колесницами и всадниками весьма многочисленными? Но как ты уповал на Господа, то Он предал их в руку твою. Ибо очи Господа обзревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему. Безрассудно ты поступил теперь. Зато отныне будут у тебя войны (ст. 7–9).

Сцена 2

И разгневался Аса на прозорливца, и заключил его в темницу, так как за это был в раздражении на него (ст. 10а).

Сцена 3

Притеснял Аса и некоторых из народа в то время (ст. 10б).

Этот отрывок делится на три сцены и образует две фазы. Эти фазы являются шагами к драматическому решению (см. рис. 23).

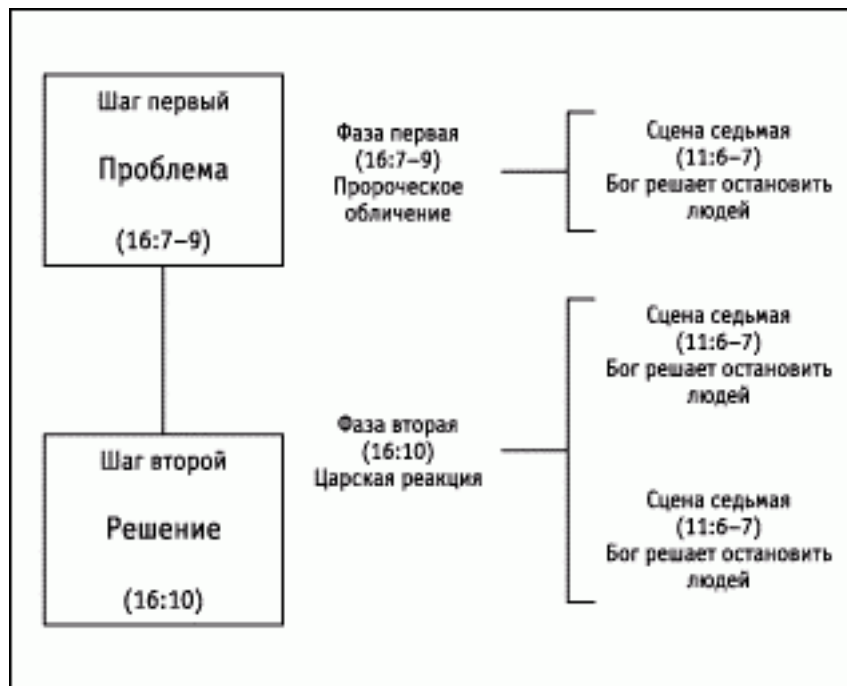

Рис. 23: Драматический ход 2 Паралипоменон 16:7–10

В первой фазе Ананий пророзрливец обличает Асу в его неверии Богу. Вторая фаза, состоящая из второй и третьей сцен, описывает реакцию Асы на обличение Анания. Начальная фаза является первым драматическим шагом — обличение, выявление проблемы. Как отреагирует Аса? К чему это приведет? Завершающая фаза отвечает на эти вопросы, описывая еще большее неповиновение Асы.

Три шага

Еще чаще в эпизодах конфликты разрешаются в три шага. Эти истории могут также состоять из множества сцен и фаз. Но в них видна драма из трех частей: проблема, поворотный момент и решение.

Согласно этому образцу, смысловой баланс принимает две формы. Проблема и решение симметричны, как и во всех эпизодах, содержащих решение конфликта, но вдобавок, поворотный момент отражает определенный аспект проблемы и дает понять, каким будет решение. Второй эпизод из книги пророка Ионы (Ион.1:17–2:10) следует трехшаговому образцу, который можно изобразить следующим образом (см. рис. 24).

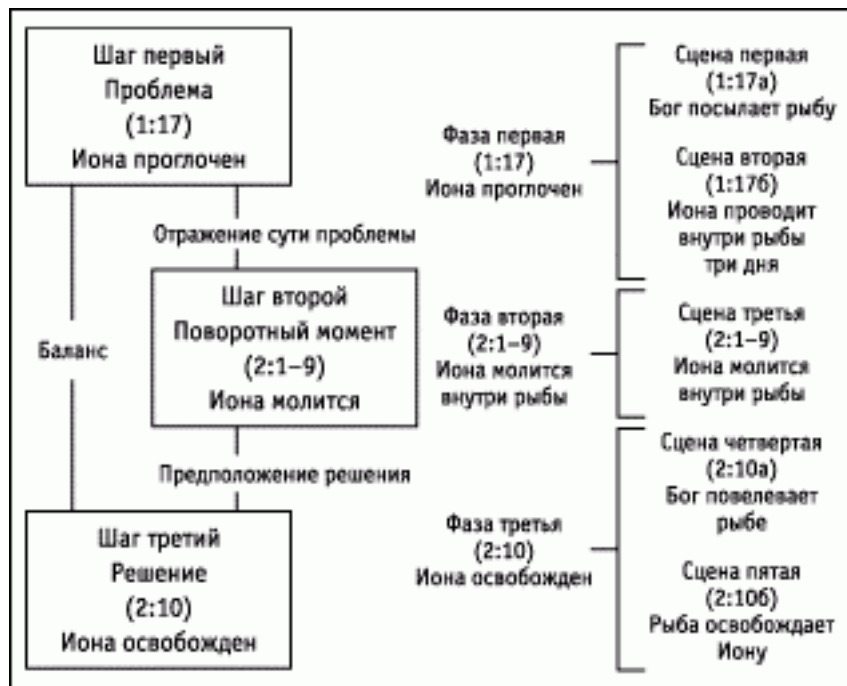

Рис. 24: Драматический ход Иона 1:17–2:10

Баланс между проблемой и решением в этой истории четко выражен. Начальный шаг содержит две сцены прямого повествования: Бог predetermined киту проглотить Иону, Иона провел внутри кита три дня и три ночи. Завершающий шаг также имеет две сцены прямого повествования. Бог повелел киту, и тот освободил Иону, выбросив на берег. Первый и последний шаги выявляют циркулирующий баланс; проблема и решение повествуют о Божьем решении и следующих за ним событиях. Виден также контраст, когда кит сначала поглощает Иону, затем освобождает.

Поворотный момент (2:1 – 9) состоит из псалма и благодарения Ионы внутри кита. Как и свойственно поворотным моментам, здесь нам открывается суть проблемы, и мы понимаем, каким будет решение. Первая часть молитвы касается безнадежного положения Ионы, когда он попал в морскую глубину (2:2 – 6б). Вторая часть молитвы выражает надежду Ионы на будущее (2:6в – 9), и, таким образом, предусматривает его освобождение из чрева кита.

Четыре шага

Драматическое решение также может состоять из четырех шагов. Середина эпизода разбивается, в свою очередь, на две уравновешенные части, благодаря чему мы имеем проблему, нарастание событий, убывание событий и решение. Но и здесь сюжет не обходится без поворотного момента. Начало и конец уравновешивают друг друга, а нарастание и убывание событий отображают суть конфликта и предполагают возможное решение. Кроме того, нарастающие и убывающие действия также зачастую имеют смысловой баланс между собой.

Посмотрим на историю разговора Бога с Адамом и Евой (Быт.3:8–21).

Сцена 1

И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая (ст. 8).

Сцена 2

И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал: кто сказал тебе, что

ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела (ст. 9–13).

Сцена 3

И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятах. Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься (ст. 14–19).

Сцена 4

И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих (ст. 20).

Сцена 5

И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их (ст. 21).

Следующая диаграмма показывает, как пять сцен этого эпизода образуют четыре шага (см. рис. 25).

Рис. 25: Драматический ход Бытие 3:8–21

В этом эпизоде большинство самостоятельных сцен, но краткий авторский комментарий к четвертой сцене объединяется с продолжительным провозглашением суда в третьей. Таким образом, мы видим четыре шага драматического решения.

Эти четыре фазы содержат типичную характеристику четырехшагового повествования. Проблема уравнивается решением. Оба эти элемента отражают относительно быстрое

движение времени; они также сосредотачиваются на одних и тех же действующих лицах. Стыд наготы в начале контрастирует с последним шагом, где Бог одевает Адама и Еву.

Но как мы пришли от сцены стыда к сцене одевания? Этот пробел для нас заполняет нарастание и убывание действия. Каждый из этих шагов сосредотачивается на драматическом повествовании и касается одних и тех же персонажей. Во втором шаге Бог узнал о вине Адама и Евы; в третьем — Он вынес приговоры виновникам.

Хорошо известное жертвоприношение Исаака (Быт.22:1–19) тоже является четырехшаговой драмой в двенадцати сценах.

Сцена 1

И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама, и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдь в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе (ст. 1–2).

Сцена 2

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог (ст. 3).

Сцена 3

На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом; а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам (ст. 4–5).

Сцена 4

И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе (ст. 6).

Сцена 5

И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе (ст. 7–8).

Сцена 6

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова, и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего (ст. 9–10).

Сцена 7

Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня (ст. 11–12).

Сцена 8

И возвел Авраам очи свои, и увидел: и вот позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна, и принес его во всесожжение вместо сына своего (ст. 13).

Сцена 9

И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится (ст. 14).

Сцена 10

И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба, и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего (ст. 15–18).

Сцена 11

И возвратился Авраам к отрокам своим, и встали, и пошли вместе в Вирсавию (ст. 19а).

Сцена 12

И жил Авраам в Вирсавии (ст. 19б).

Сцены этого отрывка объединяются в четыре фазы (см. рис. 26).

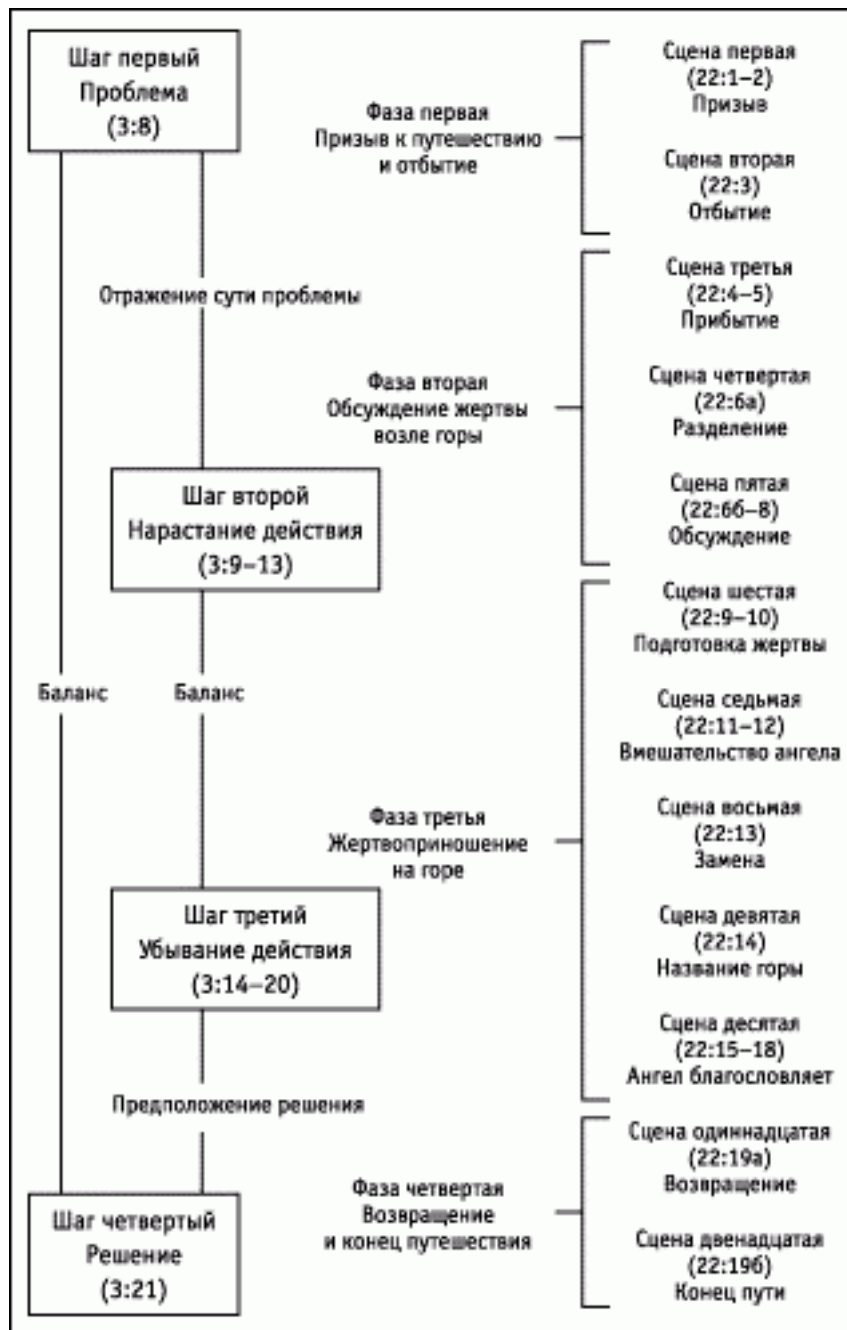

Рис. 26: Драматический ход Бытие 22:1-19

Первые две сцены описывают призыв и начало путешествия. Третья, четвертая и пятая сцены происходят «на третий день» близ горы. Сцены 6–10 охватывают события, произошедшие на горе. Одиннадцатая и двенадцатая сцены повествуют о возвращении и окончании путешествия.

В результате такого деления получился стройный четырехшаговый эпизод. Проблемой сюжета был Божий призыв принести Исаака в жертву, решение Авраама и его путь вместе со слугами к месту жертвенника. Что он сделает? Неужели он принесет в жертву своего сына? Нарастающее напряжение вовлекает нас в драму, когда Авраам с Исааком оставляют слуг, и поднимаются вдвоем на гору. Исаак спросил отца о животном для всежжения, но Авраам заверил его, что «Бог усмотрит Себе агнца». К убывающему действию относится все происходящее на горе. Сцены сменяются до появления Ангела. Авраам приготовил Исаака к всежжению, но его прерывает Ангел. Затем Авраам приносит в жертву овна, а Ангел произносит длинную речь, отмечая важность послушания. Так как Авраам не пожалел своего сына, его потомки (первые читатели) будут многочисленными, побеждающими в боях и

благословенными в мире. Убывающее действие уравнивает нарастающее. Авраам верил, что Бог усмотрит жертву, и Бог усмотрел. Решение уравнивает начальную проблему. Авраам возвратился к своим слугам и остался жить в Вирсавии.

Пять шагов

Эпизоды в пять шагов объединяют в себе все черты, которые мы уже изучили. Как и в двухшаговых драмах, начальная проблема уравнивается здесь окончательным решением. Как и в четырехшаговых эпизодах, второй шаг отражает нарастающее действие и соответствует убывающему действию. И в центре всего этого стоит третий шаг, служащий поворотным моментом эпизода.

В этой структуре драматический ход развивается по принципу пирамиды. Драматическая проблема сдвигает рассказ с мертвой точки; нарастающее действие производит напряжение; поворотный момент разрешает проблему; убывающее действие продолжает ослаблять пружину, пока завершающее решение не улаживает проблему рассказа до конца.

Для иллюстрации пятишагового решения конфликта посмотрим на два уже знакомых отрывка. Первый рассказ о Божьем завете с Аврамом (Быт.15:7–21) (см. рис. 27).

Рис. 27: Драматический ход Бытие 15:7–21

Первый шаг представляет драматическую проблему эпизода. Бог пообещал Авраму землю и Аврам попросил подтверждение. В ответ Бог повелел приготовить церемонию заключения завета. Чем закончится эта ситуация? Обойдется ли Бог с Аврамом милостиво или возложит на него тяжелую ответственность? Напряжение увеличивается в нарастающем действии. Аврам начал церемонию рассечения животных пополам. Это было символом того, что произойдет с каждым, кто не исполнит обязательств завета. Поворотный момент подчеркивает беспокойство первых сцен, когда Аврама охватывает ужасающий мрак. Но после него напряжение идет на убыль, поскольку Бог говорит Авраму, что после периода рабства даст его потомкам землю. Убывающее действие еще больше ослабляет напряжение, когда Бог является в видении. Церемония, начатая во втором эпизоде, теперь достигает завершения. Аврам успокаивается: Бог подтверждает, что выполнение обещанного зависит от Него, а не от Аврама. Вопрос закрыт; Бог подтверждает Свое обетование клятвой завета. Просьба Аврама о подтверждении удовлетворена.

Вторжение Сусакима (2Пар.12:1–12) имеет подобную структуру. Посмотрите на следующую схему (см. рис. 28).

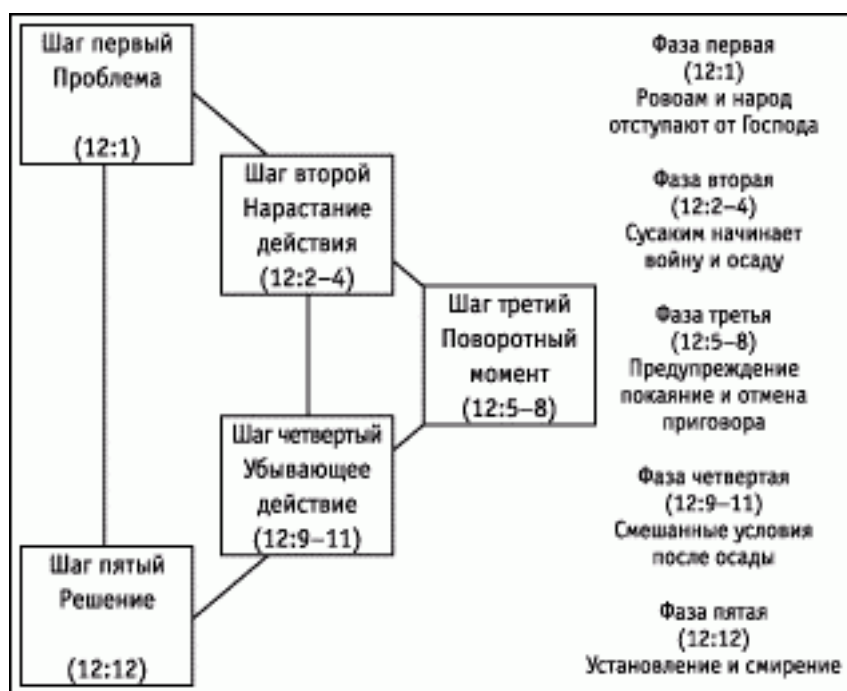

Рис. 28: Драматический ход 2 Паралипоменон 12:1–12

Драматической проблемой в начале истории служит отступничество Иудей. Какой будет судьба царства? Последует ли за бунтом осуждение? В нарастающих событиях усиливается напряжение, когда мы читаем о неисчислимой армии Сусакима. Станет ли святой город такой же жертвой, как и прочие города Иудеи? Поворотный момент фокусирует это напряжение. Пророк произносит слова обличения; Иудея обречена. Однако Иудейские князья каются в своем отступничестве. Давая понять, каким будет окончание войны, пророк также упоминает о частичном избавлении. Убывающее действие подтверждает слово пророка. Условия не были безупречными; нашествие Сусакима дорого стоило Иудее. Но царство не разрушено полностью. Решением истории на этот раз есть возвращение мира в царство Ровоама. Тяжелые обстоятельства устранились, когда царь смирился.

Решающие эпизоды принимают множество форм в Ветхом Завете. Они могут иметь больше, чем пять шагов, но двух-, трех-, четырех-, и пятишаговые образцы, рассмотренные здесь, подходят к большинству мест Писания.

Заключение

Когда мы изучаем структуру отдельных эпизодов, мы сталкиваемся с бесчисленными вариантами. Истории отличаются уровнем драматического напряжения от простых отчетов до нерешенных конфликтов. Эпизоды разрешения проблемы, содержат симметрии различных видов. Большинство из них мы можем ограничить двумя — пятью шагами. Благодаря этому мы можем четче видеть структуру историй и глубже проникать в их первоначальное значение.

Вопросы

1. Назовите три основных разновидности структуры ветхозаветных историй. Что отличает их друг от друга? Приведите пример каждого.
2. Чем отличается фаза от сцены в рассказе? Что дает объединение сцен в фазы?
3. Какие образцы драматического хода событий встречаются в эпизодах, содержащих конфликт и его решение? Назовите и опишите функции фаз в каждом из образцов. Чем отличается простой рассказ с решением конфликта от сложного?

Упражнения

1. Прочтите 1Пар.10:1–6. Разделите этот отрывок на сцены и объедините сцены в фазы. Объясните, благодаря чему эту историю можно охарактеризовать трехшаговым решением? Какие симметрии вы замечаете?
2. Прочтите 1Цар.2:12–17. Разделите этот отрывок на сцены и объедините сцены в фазы. Объясните, благодаря чему эту историю можно охарактеризовать четырехшаговым решением? Какие симметрии вы замечаете?

Структуры больших историй

«Поднимайся сюда, если хочешь посмотреть вокруг», — крикнул мой друг с наблюдательного сооружения. Мы уже несколько часов бродили по лесу и совершенно заблудились. Сквозь деревья в любом направлении просматривались поляны. «Но где же озеро?.. река?.. поселок?» Нам нужно было увидеть обширную картину. Поэтому я поднялся к моему другу на вышку.

Таким же образом дела обстоят с толкованием ветхозаветных историй. До этого мы изучали внутренние структуры отдельных эпизодов. Но для понимания той или иной истории нам необходимо охватить всю картину в целом. Обширный контекст помогает нам понять значение отдельных историй.

В этой главе мы изучим две отличительные черты структуры больших историй: относительную важность хронологии и тематики и типичные построения, встречающиеся в длительных повествованиях. Как ветхозаветные писатели уравнивали временную последовательность с тематическими вопросами? Какие типичные структуры мы видим в больших разделах ветхозаветных историй?

Хронология и тематика

Если бы мы получили задание написать историю Соединенных Штатов, это можно было бы сделать тремя способами. Во-первых, исторические данные можно изложить во временной последовательности. Таким образом, наша работа выглядела бы приблизительно так: глава 1 — «XVII век», глава 2 — «XVIII век» и так далее.

Но строгий хронологический отчет сделать невозможно. Столько событий происходило одновременно, что нам пришлось бы разделять информацию по темам. Глава, касающаяся восемнадцатого века, может охватывать «События на севере», «События на юге», «Жизнь в городе», «Жизнь в провинции». Даже если основной направляющей нашей исторической летописи является хронология, мы все равно должны распределять события по темам.

Во-вторых, вместо разделения прошлого на промежутки времени, мы можем сразу придать исторической записи тематический характер. При такой установке главы могут разделиться так: глава 1 — «Американские войны», глава 2 — «Мирная политика», глава 3 — «Архитектура в Америке» и другие интересующие темы.

Но строгий тематический подход также невозможен. Нам придется разделять временную последовательность на подзаголовки. Глава «Американские войны» может быть разделена на параграфы «Революция», «Франко-индийская война», «Война 1812 года» и «Междоусобная война».

В-третьих, наша запись истории Соединенных Штатов может смешивать хронологические и тематические вопросы. Одни части нашего отчета могут быть выстроены по хронологии, другие по тематикам.

Перед ветхозаветными писателями стоял такой же выбор. Записывая историю Израиля, они излагали свои летописи хронологически, тематически и в смешанных вариантах. Для понимания их текстов, мы должны понять приоритеты построения хронологических или тематических систем. Какие основные интересы стоят за структурой ветхозаветных историй? Какую роль играют хронология и тематика в составлении больших разделов?

Хронологическое влияние

В основном, ветхозаветные истории следуют в хронологическом порядке. Как сцены в отдельных эпизодах сменяют одна другую во времени, так серии историй и целые разделы книг представлены в хронологической последовательности. Иногда одни события описываются одновременно с другими, иногда они даже предшествуют другим, но основное развитие всех историй имеет хронологическую последовательность.

Ветхозаветные авторы часто проявляли интерес к хронологии событий. Например, в истории об Аврааме часто упоминается возраст патриарха (Быт.12:4; 16:16; 17:1). В книге Иисуса Навина также записаны годы этого воина (Иис.Нав.14:10; 24:29). Книги Царств и Паралипоменон сообщают о датах многих событий (3Цар.15:1, 9; 2Пар.15:10; 16:1).

Общая структура многих книг является хронологической. Бытие составлено в исторической последовательности: главы 1–11 охватывает первобытную историю, а главы 12–50 касаются последующего патриархального периода. Исход делится на события до Синая (гл. 1–18) и события у Синая (гл. 19–40). Числа отслеживают походы Израиля: к Синаю (1:1–10:10), от Синая до Кадеша (10:11–12:15), в Кадеше и в пустыне (13:1–20:13), от Кадеша до Моава (20:14–22:1) и, наконец, в Моаве (22:2–36:13).

Тематическая значимость

Если хронология определяет форму ветхозаветных историй, то какое же место отводится в них тематическим вопросам? Многие евангелисты предполагают, что тематические интересы имеют мало отношения к широкомасштабной структуре ветхозаветных историй. В книгах Ветхого Завета мы просто прослеживаем последовательность событий. Почему битва Аи следует за событиями в Иерихоне? Почему Пасха Езекии следует за его реформами? Наш обычный ответ прост: события просто происходили в такой последовательности.

Такой взгляд совершенно безошибочен, но простая хронология не объясняет всей структуры ветхозаветных историй. Ветхозаветные писатели часто отбирали и расставляли свои материалы согласно тематическим интересам. Мы посмотрим на три способа, которыми тематические вопросы влияют на форму больших разделов ветхозаветных историй: отбор, одновременные события и непоследовательные события.

Отбор. Даже когда ветхозаветные писатели соблюдали хронологическую последовательность, им приходилось отбирать материал. Такой отбор часто проводился из тематических соображений. Простой пример виден в Быт.15:1–21. Этот отрывок состоит из двух эпизодов. Первый (ст. 1–6) предоставляет Божье обетование Аврааму о сыне; второй (ст. 7–21) касается обетованной земли.

Почему эти эпизоды стоят рядом? Несомненно, одной из причин является хронологическая приближенность событий. Стих 7 («И сказал ему...») дает понять, что события в Быт.15:7–21 следовали сразу же за событиями Быт.15:1–6. Но нам следует помнить, что Моисею вовсе не обязательно было упоминать оба эпизода. Он мог опустить любой из них. Что объясняет его решение поставить их рядом?

Составить текст таким образом Моисею побудило сходство тематики. Обратите внимание на следующие тематические соответствия между отрывками (см. рис. 29).

Бытие 15:1–6	Бытие 15:7–21
Бог обещает Авраму награду (ст. 1).	Бог обещает Авраму землю (ст. 7).
Аврам просит подтверждения обетования семени (ст. 2–3).	Аврам просит подтверждения об обетования земли (ст. 8).
Бог подтверждает обетование о семени (ст. 4)	Бог подтверждает обетование о земле (ст. 9–16).
Бог показывает надежность обетования, указывая на звезды (ст. 5).	Бог показывает надежность обетования, проходя между рассеченными трупами жертв (ст. 17).
Аврам верит обетованию (ст. 6)	Бог вновь подтверждает обетование; сомнения Аврама исчезают (ст. 18–21).

Рис. 29: Тематические сходства в Бытии 15:1–6 и 7–21

Каждое событие уникально, но нам видны по крайней мере пять тематических связей между ними: 1) оба эпизода касаются Божьих обетований; 2) в каждом эпизоде Аврам просит подтверждения Божьего обетования; 3) в каждом эпизоде Бог отвечает на просьбу Аврама; 4) в каждом отрывке Бог показывает, что исполнит Свое Слово; 5) к концу каждого эпизода Бог удовлетворяет просьбу Аврама о подтверждении обетования.

Эти эпизоды следуют в хронологическом порядке, но основные моменты становятся очевидны, когда мы видим тематическую связь между отрывками. Оба эпизода охватывают два основных момента обетования Аврама: семя и землю. Поместив эпизоды рядом, Моисей тем самым подтвердил, что упования Аврама не напрасны, благодаря надежности Божьих обетований.

Еще более яркий пример тематического отбора виден в записи книги Паралипоменон о царствовании Асы (2Пар.14:1–16:4) (см. рис. 30).

Эпизод 1	
Ранние годы процветания Асы (14:1–7)	
Хронология	Тематика
«десять лет» (ст. 1)	«покоилась» (ст. 1)
	«стали строить и имели успех» (ст. 7)
	«мы взыскали» (ст. 7)
Эпизод 2	
Победа в войне с Ефиоплянами (14:8–15)	
Хронология	Тематика
	«ибо мы... уповаем» (ст. 11)
	«весьма много добычи» (ст. 14)
Эпизод 3	
Пророческое ободрение и царские реформы (15:1–19)	
Хронология	Тематика
«пятнадцатый год» (ст. 10)	«если будете искать» (ст. 2)
«до тридцать пятого года» (ст. 19)	«есть возмездие» (ст. 7)
	«взыскать Господа» (ст. 12)
	«покой со всех сторон» (ст. 15)
	«не было войны» (ст. 19)
Эпизод 4	
Поражение в войне с Израилем (16:1–6)	
Хронология	Тематика
«тридцать шестой год» (ст. 1)	«сокровища дома Господня» (ст. 2)
Эпизод 5	
Пророческое осуждение и царский бунт (16:7–11)	
Хронология	Тематика
	«понадеялся на царя» (ст. 7)
	«не уповал на Господа» (ст. 7)
	«отныне будут у тебя войны» (ст. 9)
Эпизод 6	
Последние годы болезни и смерти Асы (16:12–14)	
Хронология	Тематика
«тридцать девятом году» (ст. 12)	«взыскал не Господа, а врачей» (ст. 12)
«сорок первом году» (ст. 13)	

Рис. 30: Хронология и тематика 2 Паралипоменон 14:1–16:14

Летописец ссылается на даты в четырех из шести эпизодов. Процветание царства длилось «десять лет», реформы произошли в «пятнадцатый год»; процветание продолжалось до «тридцать пятого года». В «тридцать шестой год» Аса поражен в битве. На «тридцать девятом году» царя поражает болезнь, и он умирает на «сорок первом году». Отчет летописца о царствовании Асы составлен преимущественно во временной последовательности.

Но исторический порядок не был определяющим фактором, влияющим на структуру повествования. Из всего, что произошло за время царствования Асы, летописец отобрал именно эти шесть эпизодов. Почему? Сам автор Паралипоменона заметил, что описать можно было и многие другие события (2Пар.16:11). Почему же описаны эти? Он отобрал их на основании тематического интереса: важности поиска Господа и упования на Него.

Каждый эпизод делает свой вклад в развитие этой темы. В первых трех эпизодах условия жизни были хорошими. На земле был мир (14:1, 5, 6); жители Иудеи строили и преуспевали (14:7); иудеи поразили Ефиоплян и вынесли весьма много добычи (14:14);

пророк Азария пообещал, что Иудея будет вознаграждена (15:7); царю был дан мир со всех сторон (15:15) и войн не было многие годы (15:19).

Почему условия были настолько благоприятными для народа? Ответ летописца четко виден в нескольких ключевых словах: «взыскали», «уповали» и «оставили». В первом эпизоде (14:1–7) Аса отметил, что его царство было благословлено, потому что «мы взыскали Господа, Бога нашего: мы взыскали Его,— и Он дал нам покой со всех сторон» (14:7). Эта же тема поднимается во втором эпизоде (14:8–15), когда Аса воззвал в молитве: «Мы на Тебя уповаем» (14:11). В третьем эпизоде (15:1–9) Азария провозгласил, что состояние Иудеи держится на одном основном принципе: «Если будете искать Его, Он будет найден вами; если же оставите Его, Он оставит вас». Далее в этом эпизоде описано, как народ Иудеи «вступил в завет, чтобы взыскать Господа» (15:12). Все Иудеи возрадовались, потому что они «со всем усердием взыскали Его, и Он дал им найти Себя» (15:15). Процветание в первый период царствования Асы было наградой за поиск Бога и упование на Него.

Последние три эпизода сообщают о другой стороне царского правления. В четвертом эпизоде (16:1–6) Аса вступил в союз с Сирийским царем Венададом против Ваасы, царя Израильского. В результате этого он потерпел поражение. В пятом эпизоде (16:7–11) пророчливый Ананий объявил Асе, что отныне в его царстве будут войны (16:9). Шестой эпизод (16:12–14) сообщает о болезни и смерти Асы.

Почему ситуация в царстве Асы резко изменилась? Мы понимаем это, когда видим, как Аса купил поддержку Венадада золотом и серебром, взятым из «сокровищниц дома Господня» (16:2). Ананий осудил такой поворот событий, объясняя, что войско Венадада спаслось, потому что Аса понадеялся не на Бога (16:7), а на другого царя. Пророк также напомнил Асе, что его предыдущая победа над Ефиоплянами стала возможной, потому что он уповал на Господа (16:8). Похожая тема появляется в шестом эпизоде. Аса умер от своей болезни, потому что «взыскал не Господа, а врачей» (16:12). Неблагоприятные условия появились в Иудее, потому что царь не искал Господа и не уповал на Него.

Из такого краткого исследования становится видно, что летописец описывал царствование Асы, преследуя, как исторические, так и тематические интересы. Он соблюдал порядок истории, но отобрал только некоторые события, чтобы подчеркнуть одну единственную тему: благословения приходят к тем, кто ищет Бога и уповает на Него, проклятия же поражают всех оставляющих Его.

Одновременные события. Тематический замысел также управляет последовательностью событий, происходящих в одно время. Другими словами, автор часто руководствуется тематическим замыслом, когда разные эпизоды касаются событий, происходивших в одно и то же время. Повествования об Иуде и Иосифе в Быт.38:1–39:23 являются хорошим примером. Следующая схема указывает на тематические сходства между этими двумя главами (см. рис. 31).

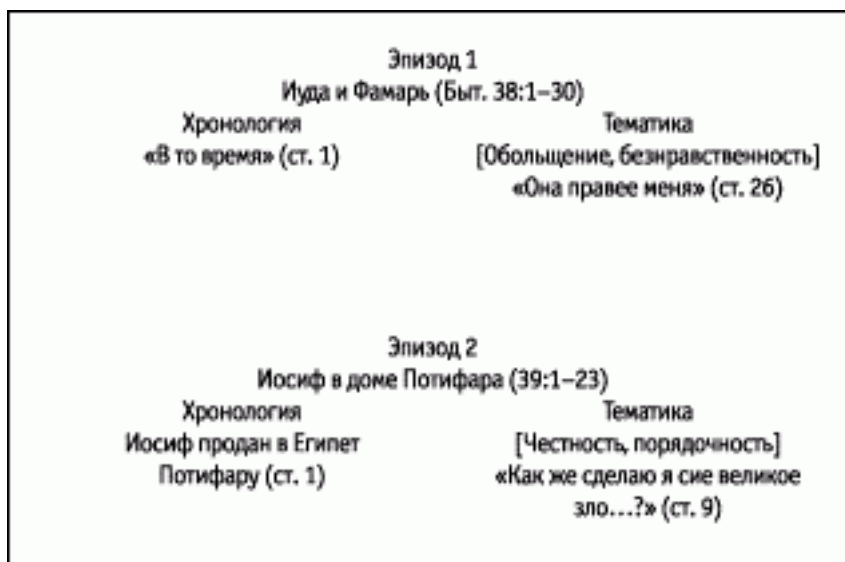

Рис. 31: Хронология и тематика в Бытие 38:1–39:23

В этих эпизодах описаны события, происходящие в одно время. Последняя сцена 37-ой главы обрывает рассказ на том месте, где Иосиф вошел в дом Потифара. К этому моменту мы вновь возвращаемся после повествования об Иуде и Фамари, когда Моисей вспоминает, что Иосиф был продан Потифару в Египте (Быт.39:1). Следовательно, история об Иуде и Фамари (Быт.38:1–30) сообщает о событиях, происходивших в Ханаане в то время, когда Иосиф попал в дом Потифара.

Почему Моисей возвращается к событиям в Ханаане, когда он уже сосредоточил внимание на Египте (Быт.37:36)? Почему он вставляет историю об Иуде и Фамари? Основной причиной является тематическое сходство эпизодов.

В Бытие (38 гл.) Иуда и его сыновья брали в жены хананеянок. Сыновей Иуды осудил Бог, оставив невестку Иуды, Фамарь, без мужа (ст. 6–11). Когда Иуда нечестно обошелся с Фамарью, она переделалась блудницей, и соблазнила его (ст. 12–19). Затем Иуда узнал, что Фамарь беременная и приговорил ее к смерти. После расследования выяснилось, что отцом ребенка был сам Иуда, поэтому он признался: «Она правее меня» (ст. 24–26).

Известная история об Иосифе в доме Потифара (Быт.39:1–23) оставляет впечатление полного контраста. Поведение Иосифа благочестиво. Он хорошо служит Потифару и противится соблазняющей его жене хозяина. О своей невинности он сказал: «Как же я сделаю сие великое зло и согрешу пред Богом?» (ст. 9). Затем Иосиф был ложно обвинен и брошен в темницу; но Бог освободил его и возвысил до очень знатного положения.

Эти истории противопоставлены, чтобы раскрыть тему нравственности патриархов. Иуда впал в грех и тяжело пострадал. Иосиф остался чистым, и Бог вознаградил его праведность. Тематические интересы важны для понимания связи между этими главами.

Непоследовательные события. В некоторых случаях тематика настолько важна, что эпизоды изображаются независимо от временной последовательности. Такие рассказы не перекручивают исторические факты; они просто изложены по темам, а не по ходу событий. Впечатляющий пример такого непоследовательного изложения событий виден в последних четырех главах второй книги Царств.

- Эпизод 1: Давид вмешивается (21:1–14) — царское вмешательство
- Эпизод 2: Достижения в битве (21:15–22) — царская война
- Эпизод 3: Песня хвалы Давида (22:1–51) — царские слова
- Эпизод 4: Слово мудрости Давида (23:1–7) — царские слова
- Эпизод 5: Достижения в битве (23:8–39) — царская война
- Эпизод 6: Давид вмешивается (24:1–25) — царское вмешательство

Эти события не имеют хронологического порядка. Первое вмешательство Давида тесно связано со 2Цар.19; второй эпизод охватывает отношения Давида с Филистимлянами; третий эпизод посвящен избавлению Давида от Саула; четвертый эпизод начинается с «последних слов Давида»; пятый раздел охватывает множество событий; шестой эпизод, скорее всего, произошел после событий 2Цар.15–20.

По какому принципу организовывал автор повествование книг Царств? Он группировал эти материалы тематически. Эта часть книги Царств следует за повествованием о горе в доме Давида. Без заключительной серии событий Давид был бы представлен совершенным неудачником. Непоследовательность этих событий разъясняет читателям ту важную роль, которую сыграл Давид в процветании Израиля и о благословениях его династии.

Типичные построения

В историях Ветхого Завета нет даже двух разделов, которые были бы абсолютно похожи друг на друга; каждый отрывок имеет свои уникальные черты. Но при исследовании ветхозаветных текстов мы часто встречаем похожие структуры, на которые и хотим обратить сейчас внимание. Приведенные здесь построения ориентируют нас на анализ больших частей материала.

Мы рассмотрим три типичные построения: связки, параллели и драматическое повествование. Эти построения иногда накладываются друг на друга и взаимодействуют между собой. Однако для простоты понимания мы рассмотрим их отдельно.

Связки

Существуют связки эпизодов, которые иллюстрируют разные грани одной и той же темы. Они имеют мало структурных параллелей и драматической схожести. Они просто разъясняют разные точки зрения на ту или иную проблему.

Один из примеров таких связей встречается при чтении истории о раннем периоде царствования Соломона (3Цар.3:16–4:34). Этот материал помещен между хорошо известной молитвой Соломона о мудрости (3Цар.3:1–15) и повествованием о строительных проектах Соломона (3Цар.5:1–8:66). Эти четыре эпизода имеют мало структурных сходств и не отражают всеобщего драматического хода истории (см. рис. 32).

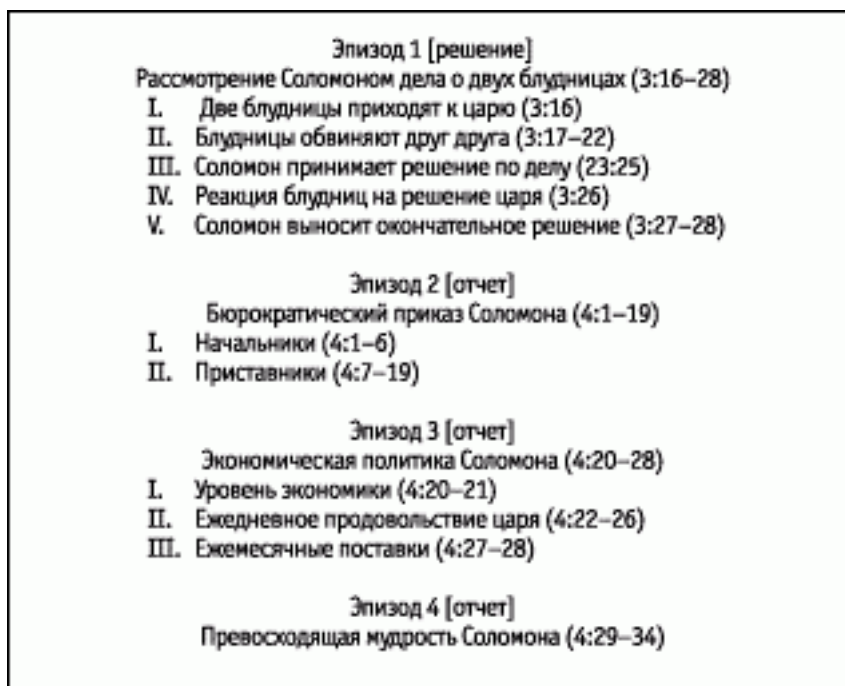

Рис. 32: Связки эпизодов в 3 Царств 3:16–4:34

Каждый из этих эпизодов отличается от других. Хорошо известное судебное дело (3Цар.3:16–28) является пятишаговым рассказом, содержащим проблему и ее решение. Остальные эпизоды представлены повествовательными отчетами, касающимися бюрократии Соломона (4:1–19), экономического успеха (4:20–28), и его превосходящей мудрости (4:29–34).

Что же связывает эти эпизоды? Ответ виден в предыдущем повествовании о молитве Соломона (3:5–15), в котором автор обратил внимание на мудрость Соломона. Решение тяжбы между двумя блудницами доказывает, что «мудрость Божия в нем, чтобы производить суд» (3:28). Эта же тема показана в последнем эпизоде рассказа, где говорится, что «дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум» (4:29).

Итак, эти отрывки связывает тема мудрости Соломона-правителя. Он был мудр в суде (3:16–28), в политической организации (4:1–19), в экономической политике (4:20–28) и в сравнении с другими мудрецами (4:29–34). Чтобы понять этот раздел книги Царств, нам необходимо принимать во внимание такую связь.

Еще одна связка эпизодов видна в последних главах книги Чисел. В Чис.33:1–49 мы видим итог всех походов, описанных в начальных тридцати двух главах. Книга завершается кратким повторением событий, происшедших на равнинах Моавитских (см. рис. 33).

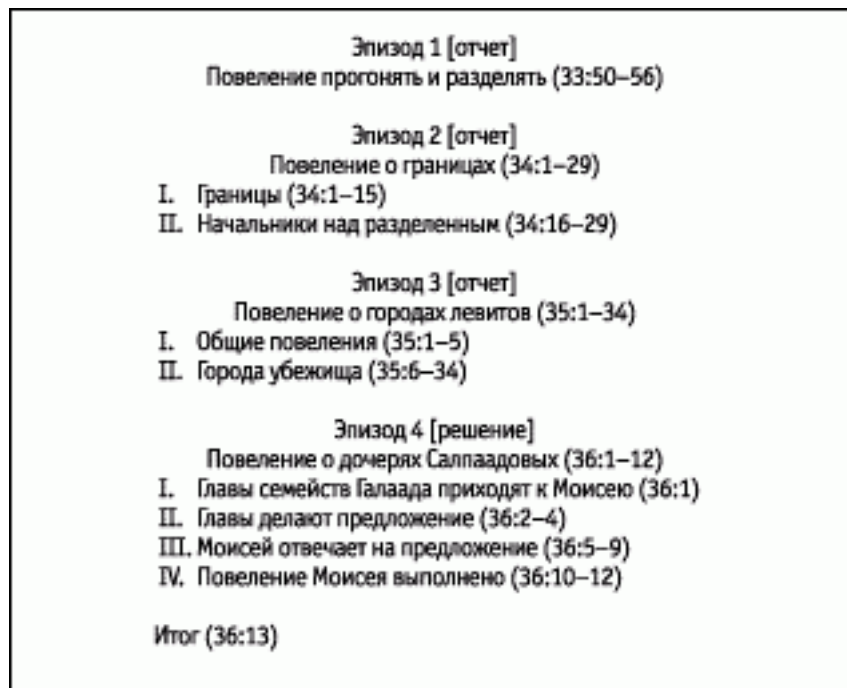

Рис. 33: Связки эпизодов в Числах 33:50–36:13

Эти эпизоды резко отличаются друг от друга. Первые три эпизода — это отчеты; последний эпизод содержит проблему и ее решение. Все эпизоды касаются разных тем: истребление Хананеев, проведение границ между коленами Израиля, установления для городов и постановление о браках между коленами. Почему же они стоят в одном ряду? Потому что их связывают две темы. Во-первых, как показывает итог, каждый эпизод происходил на равнинах Моавитских (36:13). Во-вторых, эти отрывки учат тому, как Израиль должен был поступить с наследием обетованной земли. Первый эпизод (33:50–56) изображает Моисея, получившего повеление от Бога прогнать Хананеев и разделить землю. Второй эпизод (34:1–29) развивает эту тему, отмечая границы земли и принципы распределения каждой семье ее доли. Третий эпизод (35:1–34) сосредотачивает внимание на особенностях удела левитов и городах-убежищах. Четвертый эпизод (36:1–12) касается брака с женщинами, имеющими надел земли.

Несвязанные между собой, на первый взгляд, эти эпизоды формируют принципы распределения и содержания земель, которые Израильтяне должны были помнить, вступая в войну за обетованную землю.

Параллельные отчеты

Ветхозаветные писатели также формировали большие разделы тематически связанного материала в параллельные отчеты — эпизоды, в чем-то очень сходные. Такие истории связаны друг с другом крепче, чем в связках, однако они не имеют единого драматического развития.

Параллельные эпизоды либо подтверждают друг друга, либо контрастны. Если два отрывка подтверждают друг друга, они разъясняют определенную точку зрения. Второй эпизод служит отражением первого. А контрастная параллель помогает яснее проследить мысль автора. В этом случае разница между эпизодами четко видна благодаря авторскому акценту на том или ином отрывке. Параллельные отчеты могут иметь разную структуру. Мы рассмотрим три наиболее часто встречающихся примера: простые параллели, включения и обратные параллели.

Простые параллели. Простые параллели состоят из подтверждающих или контрастных эпизодов, которые прямо соотносятся друг с другом. Мы уже рассмотрели один

пример простой параллели в истории об Иуде и Иосифе (Быт.38:1–39:23). Как мы увидели из наших размышлений, Моисей сосредоточился в этой истории на нравственном облике патриархов. С одной стороны, эти отрывки имеют много общего; каждый из них касается патриарха и его личной жизни. Но характерной основной чертой этих эпизодов является построение на контрасте (см. рис. 34).

Иуда (Быт. 38:1-30)	Иосиф (Быт. 39:1–23)
Соединение с чужеземной женщиной (38:1–3)	Отделение от чужеземной женщины (39:66–12)
Сексуальная безнравственность (38:12–18)	Сексуальная чистота (39:66–12)
Обманщик (38:24)	Обманут (39:13–20а)
Суд Божий (38:6–10)	Благословение Божье (39:20б–23)
Справедливое обвинение женщины (38:25)	Ложное обвинение женщины (39:13–20а)
Исповедание греха (38:26)	Отвержение от греха (39:10)

Рис. 34: Контрастные параллели между Иудой и Иосифом

Явная контрастность этих отрывков четко определяет цель Моисея: противопоставить нравственные качества глав Израильских колен. Глава колена Иуды совратился; но Иосиф, глава Ефремова и Манассина колен, остался чист. Такой контраст сыграл важную роль для читателей в дни Моисея. Он объясняет Божье отношение к коленам Иуды и Иосифа, а также отношения этих колен друг к другу.

Еще один пример простых параллелей виден в истории о суде Соломона (3Цар.2:13–46). Этот период правления Соломона отделен от контекста повторяющимися фразами в 3Цар.2:126 («и царствование его было очень твердо») и 3Цар.2:45 («престол Давида да будет непоколебим»). Между этими двумя стихами автор в четырех эпизодах описал, как Соломон обращался со своими политическими оппонентами (см. рис. 35).

<p>Эпизод 1 [решение] Казнь Адонии (2:13–25) I. Адония пришел к Вирсавии (2:13а) II. Адония и Вирсавия беседуют (2:13б–18) III. Вирсавия входит к Соломону (2:19) IV. Соломон и Вирсавия беседуют (2:20–24) V. Соломон казнит Адонию (2:25)</p>
<p>Эпизод 2 [отчет] Удаление Авиафара (2:26–27) I. Указ Соломона (2:26) II. Авторское объяснение (2:27)</p>
<p>Эпизод 3 [решение] Казнь Иоава (2:28–35) I. Иоав бежит к жертвеннику (2:28) II. Казнь задержана (2:29–30) III. Казнь окончена (2:31–34) IV. Ваня заменяет Иоава (2:35) (Садок заменяет Авиафара)</p>
<p>Эпизод 4 [решение] Казнь Самея (2:36–46) I. Самей под домашним арестом (2:36–38) II. Рабы убегают и Самей следует за ними (2:39–40) III. Соломон извещен о нарушении (2:41) IV. Соломон допрашивает Самея (2:42–45) V. Самей казнен (2:46)</p>

Рис. 35: Подтверждающие параллели в 3 Царств 2:13–46а

Эти четыре эпизода во многом похожи. Они все описывают отношение Соломона к его оппонентам. В трех из них упоминается Ваня, исполняющий приговоры Соломона. Но параллели идут еще дальше. Каждый эпизод, так или иначе, оправдывает действия Соломона. Несомненно, многим Израильтянам Соломон казался безжалостным. Он просто уничтожал каждого, кто противоречил его политике. Но в каждом из этих эпизодов объясняется, почему действия Соломона были оправданы. Адония был казнен, потому что попросил наложницу Давида (3Цар.2:22–25; см. также 3Цар.1:3). Авиафар был отвергнут для исполнения пророчества о доме Илия (3Цар.2:27). Иоав был казнен, чтобы избавить дом Давида от невинной крови (3Цар.31–33). Самей был умерщвлен, потому что пренебрег щедрыми условиями домашнего ареста (3Цар.2:36–46).

Такие параллели не только сосредотачивают внимание на том, что делал Соломон, но и предоставляют объяснение его действий. Слова Соломона выделяют основную мысль этого раздела. Три раза Соломон провозглашает, что Бог избрал и утвердил его дом (3Цар.2:24, 33, 45). Описывая серию похожих событий, автор оправдывает методы, которыми Соломон побеждал соперников.

Включения. Включение формируется параллельными эпизодами, которые устанавливают границы раздела. Между параллелями могут появляться краткие и длинные вставки материалов. Иногда они имеют четкие сходства; иногда связь увидеть нелегко. Но в любом случае параллели, таким образом, преобразуют материал в одно целое.

В книге Царств, два включения помогают описать правление Соломона. После того, как Соломон восстал в силе, мы читаем длинное повествование о его славном царстве (3Цар.3:1–10:29). Включения разделяют этот материал на две основные части (см. рис. 36).

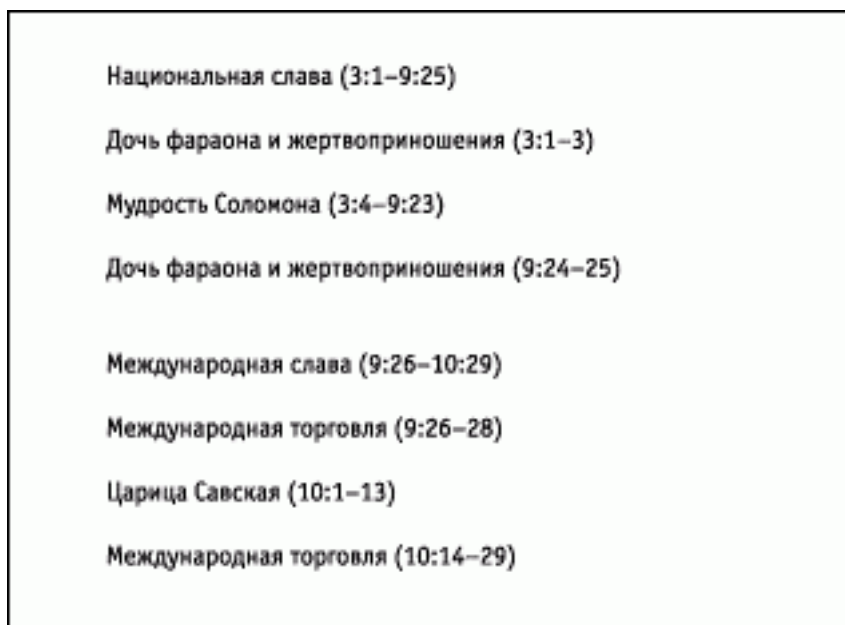

Рис. 36: Включения в славном правлении Соломона

Как показывает рисунок, это повествование о царствовании Соломона делится на два раздела: его национальную и международную политику. Оба эти раздела отличаются включениями.

Сначала краткий повествовательный отчет показывает нам славу, которой Соломон был окружен (3Цар.3:1–3). Соломон женился на дочери фараона и держал ее в городе Давида, пока не закончил строить дворец и храм (ст. 1). Более того, Соломон вместе с народом приносил жертвы на высотах (ст. 2–3). Здесь упоминание о жертвах напоминает нам о жертвоприношениях Соломона в Гаваоне (ст. 4), но оно также имеет гораздо более глубокий смысл.

Через шесть глав появляется похожее упоминание (9:24–25). После продолжительных рассказов об административной мудрости Соломона (3:16–4:28) и его великих строительных проектах (5:11–9:9), автор возвращается к вопросу о дочери фараона и о жертвах (9:24–25). Однако здесь он проводит контрастную параллель, сообщая, что дочь фараона теперь живет во дворце, и что Соломон приносит жертвы три раза в год в храме Иерусалима. Здесь четко видно, что повествование автора о мудрости Соломона в вопросах национальной политики подходит к концу.

Сразу после завершения отчета о славе среди своего народа, автор включает еще три эпизода: повествовательный отчет (9:26–28), решение суда Соломона (10:1–13) и второй отчет (10:14–29). Первый и последний эпизоды формируют еще одно включение. Эти повествовательные отчеты (9:26–28; 10:14–29) очень ярко описывают достижения Соломона в международной торговле. Между этими двумя эпизодами Соломона посещает царица Савская (10:1–13). Включение показывает цель этого раздела: сосредоточиться на результате мудрой политики Соломона на международной арене. С помощью включения автор отмечает границы этого раздела книги.

Включения часто встречаются в ветхозаветных историях, способность к их выявлению очень важна для толкования. Читая длинные повествования, мы можем потеряться в отдельных эпизодах. Включения же помогают нам определить разделы материала и понять основную мысль каждого из них.

Обратные параллели. Параллельные эпизоды в ветхозаветных историях также появляются в обратном порядке (АБВ/В'Б'А'). При таком расположении первый эпизод является параллелью последнего, второй — предпоследнего и так далее. Обратные

параллельные структуры также отмечают границы разделов и помогают нам понять замысел автора.

Мы уже отметили, что последние четыре главы второй книги Царств содержат шесть неупорядоченных по времени эпизодов. Но сейчас мы рассмотрим обратный порядок этих эпизодов (см. рис. 37).

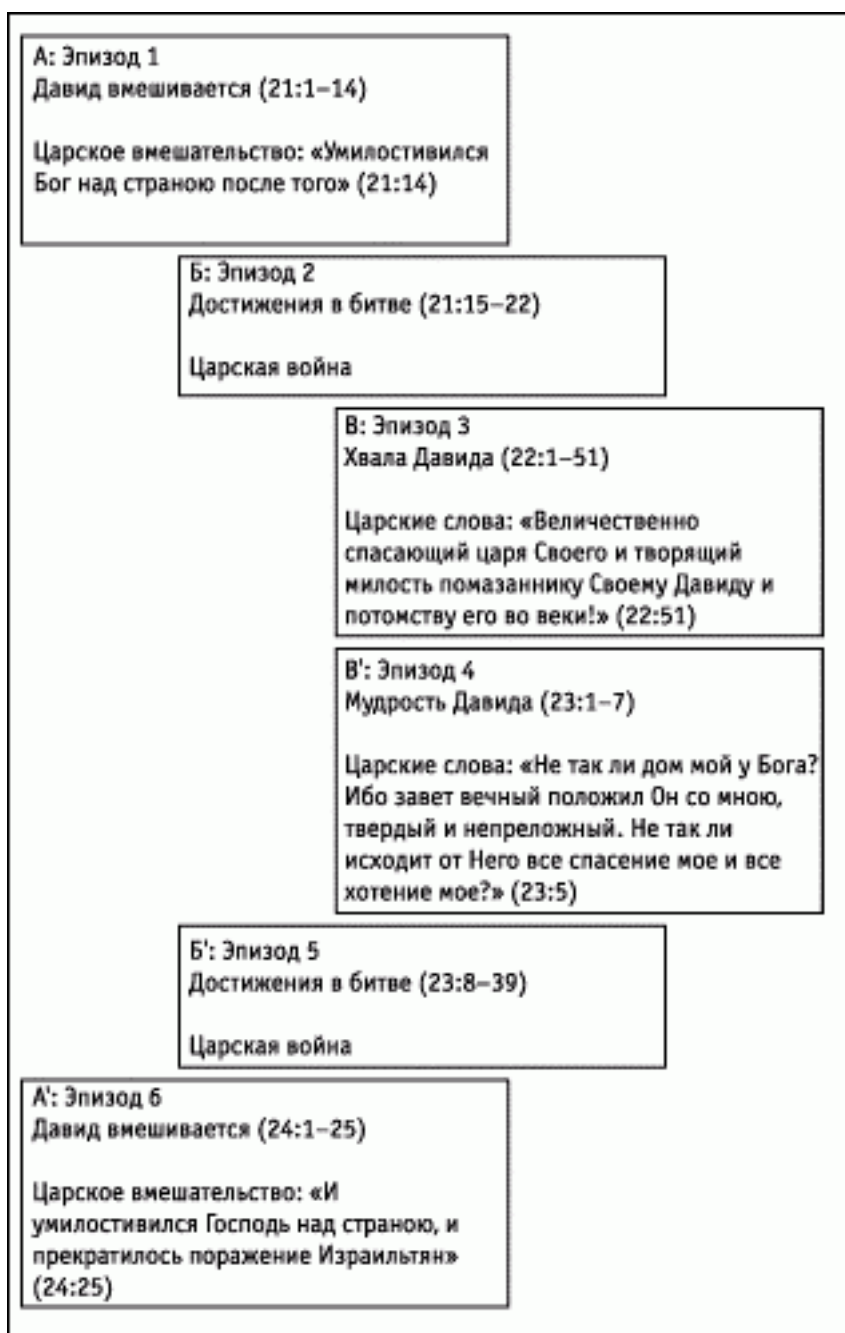

Рис. 37: Обратный порядок (хиазм) в 2 Царств 21:1–24:25

Почему сюжетные линии пересекаются именно так? Как мы уже видели, этот материал демонстрирует ценность политической позиции Давида для Израиля. Однако параллели в этом отрывке открывают более подробные темы. Первый и последний эпизоды во многом сходны. Бог изливает Свой гнев на Израиль за грех (21:1 и 24:1), но последние стихи абсолютно соотносятся: Бог отвечает на молитву и удерживает гнев (21:14 и 24:25). Обе истории иллюстрируют эффективное вмешательство и заступничество Давида за Израиль перед лицом Божьего гнева.

Второй и пятый эпизоды также параллельны в описании военных достижений Давида. Второй повествует об исходах битв, пятый рассказывает о героических подвигах воинов Давида.

Оба внутренних эпизода передают слова Давида. Псалом хвалы заканчивается озарением и уверенностью Давида в том, что его род будет утвержден Богом навсегда (22:51). Давид задает несколько риторических вопросов, провозглашая Божью благодать, проявленную к нему в вечном завете (23:5). В обоих случаях Давид выразил уверенность в Божьем избранничестве и защите.

Упомянув эти темы в каждом параллельном эпизоде, писатель определил свою основную мысль. Несмотря на трудности, надежда не покидает дом Давида по трем причинам: сыновья Давида эффективно поддерживают его (А, А'); они победоносные военачальники (Б, Б'); они защищены и утверждены Божьим заветом (В, В').

Такой обратный порядок имеет определенное преимущество. Параллели устанавливают границы каждого раздела. Почему мы думаем, что последние четыре главы второй книги Царств должны быть отделены от остальной части книги? Во-первых, мы видим, что они служат параллелями друг другу. Во-вторых, обратный порядок сцен помогает нам увидеть основную мысль каждого раздела. Например, история об исчислении народа (24:1–25) на первый взгляд кажется подчеркивающей поражение Давида. Но сравнение этого эпизода с его параллелью во 2Цар.21:1–14 показывает, что основное внимание автор уделял положительной роли Давида как посредника. Также и две поэтические речи Давида (22:1–51; 23:1:7) в этом разделе говорят о многом. Сравнивая, мы видим, что основной мыслью автора было показать Божью поддержку роду Давида.

Драматические повествования

Большие разделы истории также объединяются в драматические повествования, которые во многом напоминают отдельные небольшие рассказы. Во-первых, большие разделы материала могут иметь как полное, так и незаконченное драматическое решение. Во-вторых, они отвечают минимальному требованию для понимания эпизодов, содержащих решение проблемы: они имеют начало и конец. В-третьих, как отдельные эпизоды состоят из различных сцен, так и большие драматические повествования состоят из различных эпизодов. Одни отрывки содержат множество эпизодов с драматическим решением; другие ограничиваются историями с нерешенным напряжением. И, наконец, как фазы в отдельных эпизодах формируют два, три, четыре или пять шагов, так и эпизоды больших драматических повествований соответствуют подобным построениям.

Как иллюстрацию мы рассмотрим драматические повествования, состоящие из двух, трех, четырех или пяти эпизодов.

Два эпизода. Два похожих эпизода часто объединяются в один шаг. В определенной степени отдельные эпизоды не зависят от других, но вместе они формируют объединенный сюжет. В таких случаях, первый эпизод представляет проблему, а следующий ее решение. Например, история о рождении Измаила (Быт.16:1–16) содержит два эпизода (см. рис. 38).

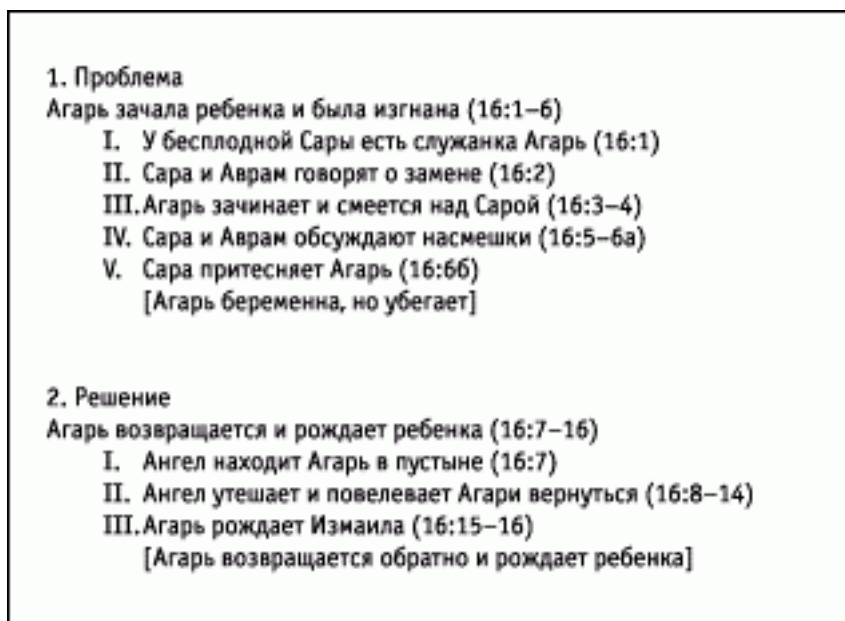

Рис. 38: Двухшаговое повествование в Бытие 16:1–16

Первый эпизод состоит из пяти шагов. Агарь обращает на себя внимание Сары (I). Сара и Аврам решают получить наследника от нее (II). Ситуация обостряется, когда Агарь зачинает ребенка и насмехается над Сарой (III). Сара планирует вытеснить Агарь из семьи (IV). Конфликт Агари и Сары решается, когда Агарь убегает в пустыню (V).

Второй эпизод разделен на три шага. Решение проблемы в предыдущем эпизоде приводит к появлению проблемы в этом отрывке. Ангел находит Агарь в пустыне (I). Он говорит о защите Божьей и повелевает вернуться к Саре (II). Проблема решается, когда Агарь возвращается в стан и рождает Измаила (III).

Не теряя своеобразия, эти эпизоды объединяются в драматическом ходе решения проблемы. Первый сюжет оставляет нас в беспокойстве: Агарь носит ребенка, но Сара выгоняет ее из дома. Во втором эпизоде проблема решается: Агарь возвращается в семью и рождает Авраму сына.

Три эпизода. Драматический отчет иногда состоит из трех эпизодов. Первый эпизод показывает проблему, второй содержит повторение, и третий — решение. В Ветхом Завете есть множество примеров такой структуры.

Бытие (15:1–17:27) содержит трехшаговое повествование и касается трех основных тем: обетование завета Авраму (15:1–21), неприятность Аврама с Агарью (16:1–16) и верность Авраама завету (17:1–27) (см. рис. 39).

<p>1. Проблема Божьи обетования завета (15:1–21)</p> <p>Обетование о семени (15:1–6) I. Бог обещает награду (15:1) II. Аврам просит подтверждение обетования о семени (15:2–3) III. Бог подтверждает обетование о семени (15:4) IV. Бог подтверждает, указывая на звезды (15:5) V. Аврам верит Божьему обетованию (15:6)</p> <p>Обетование о земле (15:7–21) I. Бог обещает землю; Аврам просит подтверждения (15:7–9) II. Приготовлена церемония заключения завета (15:10–11) III. Бог подтверждает обетование о земле (15:12–16) IV. Бог демонстрирует надежность завета через ритуал (15:17) V. Бог клятвенно обещает землю (15:18–21)</p> <p>2. Поворотный момент Неудача Аврама с Агарью (16:1–16)</p> <p>Агарь становится заменой, но притесняется (16:1–6) I. Бесплодная Сара видит свою замену для рождения наследника в служанке Агари (16:1) II. Сара и Аврам говорят о замене (16:2) III. Агарь зачинает ребенка и насмехается над Сарой (16:3–4) IV. Сара и Аврам обсуждают насмешки (16:5–6а) V. Сара вытесняет Агарь (16:6б) Агарь возвращается и рождает ребенка (16:7–16)</p> <p>I. Ангел находит Агарь в пустыне (16:7) II. Ангел повелевает Агари вернуться (16:8–14) III. Агарь рождает Измаила (16:15–16)</p> <p>3. Решение Верность Авраама завету (17:1–27)</p> <p>I. Бог сообщает Аврааму об условиях завета (17:1–21) II. Бог скрывается (17:22) III. Авраам исполняет требования завета (17:23–27)</p>
--

Рис. 39: Трехшаговый отчет в Бытии 15:1–17:27

Темой этого отрывка является получение Авраамом Божьего обетования о семени и земле. Бытие (15:1–21) состоит из двух параллельных историй. Первая сообщает о Божьем обетовании Авраму о семени; вторая описывает церемонию завета, которая свидетельствует Авраму о грядущем обретении земли.

Решение этой драматической проблемы происходит в Быт.17:1–27. В отличие от написанного в книге Бытие (15:1–21), где подчеркивается само обетование завета, эта глава сосредотачивает внимание на обязательствах завета. Бог повторяет обетования о семени и земле, но на передний план выступает Его повеление Аврааму («ходи предо Мною и будь непорочен»). Бог напоминает Аврааму о том, что сделает для него, но затем Бог обращает внимание Авраама на условия, при которых завет будет действителен. В этой главе так же появляется нож, как и в Быт. 15:7–21, но здесь уже Авраам, а не Бог, должен пройти через ритуал рассечения. Как Бог поклялся, так теперь должен сделать и Авраам. Затем следует объяснение, что обетование принадлежит Исааку, не Измаилу (Быт.17:15–21). После того,

как Бог оставляет Авраама, патриарх выполняет Божьи повеления, совершив обряд обрезания себя и всей семьи.

Начало и конец этого отрывка во многом уравновешивают друг друга. В начальных сценах упоминаются обетования и завет (Быт.15:1–21); обетование и завет так же упоминаются в заключении (Быт.17:1–27). Но первый эпизод касается преимущественно Божьих обетований, а последний рассматривает обязательства Авраама. В начале Бог обещает нечто исполнить, и закрепляет Свое обещание ритуалом рассечения животных; в конце Авраам и его дом проходят через ритуал обрезания.

Внимание этого отрывка сосредотачивается не на Божьих обетованиях, а на обязательствах Авраама. Средняя часть (Быт.16:1–16) описывает решение Сары и Авраама самостоятельно исполнить Божьи обетования о семени, и привлечь к этому служанку Агарь. Культура той эпохи допускала такую подмену жены служанкой для рождения наследника. Но, как отметил, Апостол Павел, Сара и Аврам уклонились от обетования и искали ребенка «по плоти» (Гал.4:23), то есть для себя. Патриарх принял Божье обетование как разрешение на грех. Он и Сара потеряли терпение и старались сами обезопасить свое будущее. В этом поворотном моменте отражена суть проблемы, а также предугадывается ее решение. 16 глава описывает сомнения в исполнении обетования. Но 16 глава также предусматривает Божий призыв к послушанию.

Четыре эпизода. Отчеты, состоящие из четырех эпизодов, также по своим функциям напоминают отдельные рассказы. Отрывок, как правило, начинается с проблемы. Вторая часть материала содержит возрастающее действие, которое уравновешивается третьей частью с убыванием действия. Четвертый шаг содержит решение изначальной проблемы.

Мы уже видели пример четырехшагового драматического повествования в рассказе о царствовании Асы. Как показывает следующая схема, правление царя делится на четыре части (см. рис. 40).

Рис. 40: Четырехшаговый отчет в 2 Паралипоменон 14:1–16:14

На этой схеме показана довольно сложная структура текста. Ранее в этой главе мы видели, что летописец разделил царствование Асы на две основные части: ранний период, когда Аса искал Бога, и был благословлен (2Пар.14:1–15:19) и поздний период, когда царь перестал искать Бога, и был проклят (2Пар.16:1–14). Однако теперь мы видим, что этот материал построен гораздо сложнее.

Отрывок делится на четыре основных шага. Проблема представлена двумя эпизодами, содержащими небольшое напряжение: (1) реформы и безопасность Асы и (2) его строительные проекты и процветание. Эта часть рассказа уравнивается последним шагом, охватывающим последние годы Асы. Ранее Аса процветал, поскольку искал Бога; но в конце он уклонился от упования на Него, и это привело его к смерти.

В средней части легко заметны два шага: нарастающее и убывающее действия. Оба шага состоят из повествования о сражениях (2Пар.14:8–15; 16:1–6), за которыми следует пророческое слово и реакция царя на него (2Пар.15:1–19; 16:7–11). В нарастающем действии Аса взывал Божьей помощи в битве, получил пророческое одобрение и повиновался Богу. В

убывающем действии Аса понадеялся на помощь Венадада, получил пророческое осуждение и не послушал Бога. Две половины средней части контрастируют между собой.

Пять эпизодов. Несмотря на то, что драматическое повествование в Ветхом Завете может делиться на шесть и более шагов, для простоты мы ограничимся только пятью эпизодами. Как и отдельные истории, эти отрывки состоят из проблемы, нарастающего действия, поворотного момента, убывающего действия и решения.

Интересный пример такого построения можно увидеть в повествовании о событиях в Едемском саду (Быт.2:4–3:24). В этом отрывке события изображены при помощи пяти шагов (см. рис. 41).

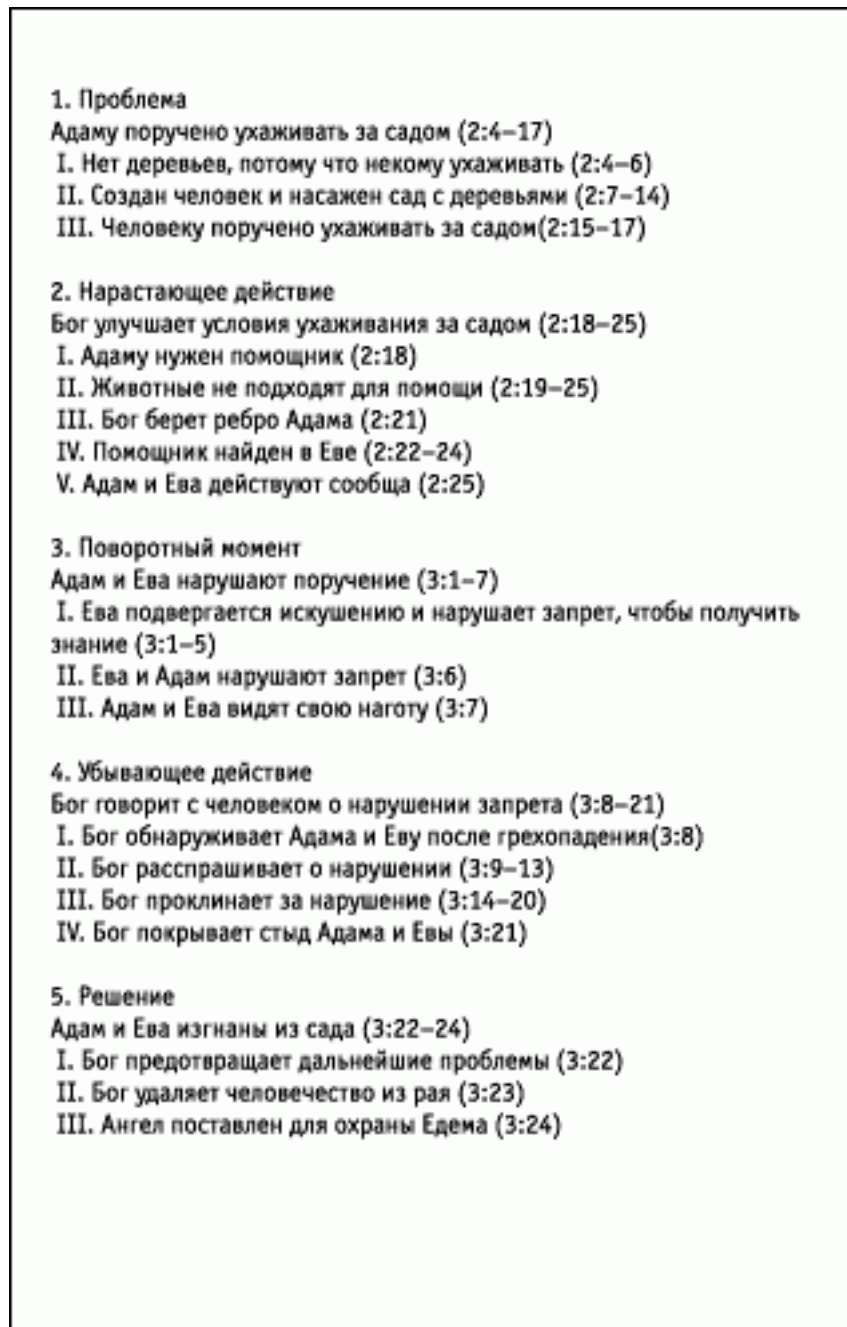

Рис. 41: Пятишаговый отчет в Бытии 2:4–3:24

Как показывает схема, эти две главы состоят из пяти эпизодов. Каждый эпизод, в свою очередь, состоит из трех, четырех или пяти шагов. Первый и последний эпизоды во многом напоминают друг друга. Оба касаются отношения человека к саду. В первом эпизоде Адам

помещен в сад, чтобы ухаживать за ним. В последнем — он и Ева изгнаны обрабатывать землю. Оба эпизода касаются деревьев. Бог поместил в саду деревья для человека; Адам и Ева удалены из сада и от дерева жизни.

Второй и четвертый эпизоды содержат нарастание и убывание событий. Во втором эпизоде задача служения Адама в саду облегчается тем, что Бог дает ему помощника. Адам не мог выполнять свою задачу один, поэтому Бог создал ему женщину. Они живут в гармонии и единстве. Убывающее действие предсказывает конец истории. Адам и Ева прокляты, и мы предчувствуем их изгнание из рая.

Кроме того, нарастающее и убывающее действия соотносятся друг с другом. Во втором эпизоде мужчина и женщина объединены единым поручением, но в четвертом эпизоде Бог проклинает Еву на мучения при родах, а Адама — на тщетность тяжелого труда на земле. Единство мужчины и женщины оборачивается скорбью.

Поворотным моментом сюжета является эпизод нарушения запрета: вкушение от запретного плода. Адам и Ева желали, чтобы их глаза открылись на знание добра и зла, но первое, что они увидели — это их собственная нагота.

Исходя из таких размышлений, мы можем подвести следующие итоги: сад насажен, человеку поручено возделывать его; положение человека усвершенствуется, когда у него появляется помощник; мужчина и женщина нарушают запрет; гармония их партнерства проклята, им придется преодолевать трудности; и, наконец, оба «садовника» изгнаны из Божьего сада обрабатывать землю.

Таким образом, большие разделы ветхозаветных историй формируют драматический ход. Как и отдельные эпизоды, они могут принимать вид различных построений. Но когда мы узнаем их структуру в каждом случае, мы начинаем глубже понимать цели, с которыми они были написаны.

Заключение

В этой главе мы изучили ряд способов, при помощи которых ветхозаветные писатели формировали большие разделы повествовательного материала. Несмотря на то, что хронология является важным элементом повествования, авторы Ветхого Завета также руководствовались задачей раскрытия в текстах определенных тем, и объединяли их по тематическому принципу. Поэтому большие сегменты историй сформированы в связки, параллели и драматические отчеты. Изучение таких структурных форм больших разделов является важнейшим аспектом толкования Ветхого Завета.

Вопросы

1. Как можно увидеть в больших разделах ветхозаветных текстов влияние хронологических и тематических задач?
2. Что такое связка? Приведите пример.
3. Что такое параллельные отчеты? Объясните разницу между простыми параллелями, включением и обратными параллелями? В чем заключается важность изучения параллельных отчетов?
4. Что такое обширные драматические отчеты? В чем они похожи на драматический ход отдельных эпизодов?

Упражнения

1. Еще раз посмотрите на Быт.2:4–3:24. Изучите драматический ход каждого эпизода. Можете ли вы заметить что-нибудь сверх того, что обсуждалось в этой главе?

2. Посмотрите на 1Цар.2:27–3:19. Как бы вы проанализировали структуру этого большого раздела повествовательного материала?

Писатели и читатели

Однажды я подошел к своему кабинету и нашел на полу возле двери записку. Я поднял ее и прочитал: «Спасибо за Вашу усердную работу на наших занятиях». В записке не было ни адреса, ни подписи, поэтому, войдя в кабинет, я положил ее на стол, и совершенно забыл о ней.

Спустя несколько дней после занятий ко мне подошел один студент. В течение всего семестра он многократно спорил со мной во время лекций. Я испугался и ожидал очередного спора, но, к моему изумлению, он спросил: «Вы нашли мою записку с благодарностью?»

«Так это ты ее написал?» — спросил я, не веря своим ушам.

«Я,— улыбнулся он. — Я хочу вам признаться, что мои взгляды изменились. Теперь я полностью согласен с вашим учением».

Можете представить, что я сделал, вернувшись в свой кабинет. Я нашел записку и прочитал ее снова, но на этот раз уже с большим интересом. Когда я узнал, кто написал ее, и что адресована она лично мне, записка стала для меня значительно важнее, чем раньше.

Многие стихи в ветхозаветных историях кажутся нам настолько простыми, что мы понимаем и применяем их в своей жизни, даже мало зная об истории их написания. Однако наше понимание в большой мере обогащается, когда мы узнаем об их авторе, а также о читателях его эпохи.

До этого мы, в основном, сосредотачивались на исследовании внутренней структуры ветхозаветных историй. Ничто не может заменить внимательного изучения построения этих текстов. Однако теперь нам следует перейти к изучению внешних обстоятельств — рассмотрению текста в свете его автора и первых читателей. Нас не только интересуют сами тексты; теперь нас больше привлекают прагматические аспекты первоначального значения. Почему ветхозаветные писатели составляли свои рассказы именно так? Что именно они хотели донести читателям своих дней?

Приступая к этому аспекту изучения, мы сталкиваемся с двумя вопросами: определением авторства, характеристикой читателей и выявлением намерений писателя. Что мы можем узнать об авторе и читателях ветхозаветных историй? Как мы можем раскрыть цели, для которых писались эти тексты?

Определение автора и читателей

Моя знакомая однажды позвонила соседке, чтобы поговорить о личных делах. Она говорила приблизительно минуту, но вдруг поняла, что набрала неправильный номер. Она рассказывала свои секреты совершенно незнакомому человеку! Ей стало стыдно, и она быстро положила трубку. «Теперь я всегда буду спрашивать, с кем говорю!» — поклялась она.

Когда мы толкуем ветхозаветные истории, нам также необходимо выяснить, с кем мы говорим. Нам нужно сделать все возможное, чтобы определить, кто написал эти истории и кому они адресованы. Давайте рассмотрим некоторые проблемы с определением автора и подсказки к определению.

Проблемы с определением автора

Многих студентов шокирует сложность определения писателей и читателей ветхозаветных историй. Большинство из нас подходит к этой теме, представляя себе Ветхий Завет так же, как и Новый. Мы привыкли соотносить Послания Римлянам, Галатам и Ефессянам с личностью Павла. Однако наша относительная уверенность в авторстве новозаветных Посланий только ярче выделяет наше незнание авторов многих ветхозаветных книг.

Евангелисты придерживаются основного руководящего принципа: веры в достоверность Библейского свидетельства. Такое убеждение тесно согласовывается с уверенностью в Библейской непогрешимости. А поскольку Писание не извращает факты, оно точно определяет авторов и первых читателей. Когда в новозаветном Послании говорится, что оно было написано Павлом (например, Рим.1:1; 1Кор.1:1), это действительно так. Когда Иисус, ссылаясь на Псалом 109:1, говорит, что «Давид по вдохновению назвал...» (Мф.22:43–44), Его слова дают достоверное свидетельство об авторстве этого псалма. Одним словом, евангелисты принимают любое свидетельство Писания о литературном авторстве. Как сказано в Чикагском положении о библейской непогрешимости: «Будучи целиком и полностью дано Богом, Писание не содержит ошибок ни в повествовании о Божьих делах творения, ни в записях о событиях всемирной истории, ни в учении, ни в свидетельстве о Божьей благодати, спасающей жизни людей».

Определяя авторов и читателей ветхозаветных историй, мы будем следовать свидетельствам самой Библии.

Однако доверие Библейскому свидетельству не решает всех наших проблем. По крайней мере, три препятствия все еще усложняют нашу задачу: развитие текста, изменения в тексте и недостаток сведений в тексте.

Развитие текста. Одна из трудностей состоит в том, что ветхозаветные книги не были написаны все сразу; некоторые развивались годами и даже веками, прежде чем получили окончательную форму. Критический подход к Ветхому Завету сосредотачивается на истории составления книг и рассматривает их развитие на протяжении временных периодов. Но большая часть такого анализа остается спекулятивной и ненадежной. Многие методы, используемые при таком анализе, несовместимы с евангельским взглядом на авторитет Библии. Мы должны проявлять крайнюю осторожность, когда рассматриваем диахронические изменения текстов, предлагаемые толкователями.

С другой стороны, многие евангелисты умаляют ценность диахронического анализа. «Мы принимаем текст таким, каков он есть сегодня,— часто говорят они. — Нам неинтересно, как развивались ветхозаветные истории». Такое мнение может казаться достаточно обоснованным, но некоторые вопросы заставляют нас обратить внимание на развитие ветхозаветных текстов.

Прежде всего, сами ветхозаветные писатели часто признавали, что пользовались источниками (например, 1Пар.9:1; 3Цар.14:19). Дублированные повествования явно свидетельствуют о том, что многие тексты были подвержены историческому влиянию (сравните 4Цар.18:13–37 с книгой Исаии 36:1–22, а также 2Пар.36:22–23 с книгой Езд.1:1–4). Собираение, копирование и дополнение письменных и устных источников было частью органичного процесса вдохновения. Глядя на то, как автор Паралипоменона пользуется информацией из книг Царств, мы видим, что иногда ветхозаветные авторы близко придерживались источников, а иногда свободно изменяли их. Такие выразительные качества ветхозаветных текстов вынуждают нас признать, что многие ветхозаветные истории получили широкое развитие уже при составлении.

Исследование истории составления также помогает нам понять многие литературные черты ветхозаветных книг. Из-за диахронического развития тексты иногда кажутся несвязными и несогласованными. Например, рассказы об Илии и Елисее (3Цар.17:1 –

4Цар.8:15) резко отличаются своим стилем от остальных разделов книг Царств. Истории об Иосифе (Быт.37:2–50:26) имеют такую литературную слаженность, которой нет в других частях Бытия. Такие литературные качества часто объясняются диахроническим развитием.

История составления ветхозаветных историй также усложняет нашу задачу определения писателя и его читателей-современников. Иногда ветхозаветные авторы ссылаются в своих книгах на источники, материалы которых они не всегда полностью используют. Географические, политические и стилистические черты часто выдают предыдущий источник. Пропуская такие моменты, мы можем легко спутать дату источника с датой составления окончательной формы интересующей нас книги.

Яркий пример тому, виден в 3Цар.8:8. Этот стих утверждает, что шесты, на которых носили ковчег завета, «выдвинулись так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня».

Если не принимать во внимание историю составления этой книги, на основании данного стиха мы можем сделать заключение, что книга Царств была написана до разрушения храма. Текст утверждает, что шесты, используемые при ношении ковчега, «там до сего дня» (3Цар.8:8), однако остальная часть книги свидетельствует, что такая датировка неправильна. Последние главы книги повествуют о событиях, которые произошли спустя длительное время после разрушение храма. Как же, в таком случае, объяснить слова «они там и до сего дня» в 3Цар.8:8? Очевидно, что последний составитель книги Царств следовал более раннему источнику и оставил временную ссылку такой, какой ее получил. Слово «сегодня» относилось ко времени источника, а не к дням писателя. Если мы пропустим эту диахроническую черту текста, мы запутаемся, пытаясь определить автора и первых читателей книг Царств.

Изменения в тексте. Кроме истории составления текста, нам также следует внимательно изучить редакторскую работу уже составленного материала. Многие ветхозаветные истории подверглись небольшому корректорским поправкам, большая часть которых может быть выявлена посредством текстового анализа. Заметки, расширения, опущения и тому подобные поправки появлялись в ветхозаветных историях, ведь они передавались от поколения к поколению. Однако в большинстве случаев прежнее содержание текста можно восстановить, благодаря традиционным методам текстового анализа.

Более того, евангелисты иногда выявляют в историях корректорские правки, которые мало обусловлены текстовой поддержкой или же вовсе ее не имеют. Такие поправки зачастую объясняются простым обновлением языка, изменением географических названий, ошибками в списках и т.д. Определение таких изменений в тексте также важно для определения автора и первых читателей той или иной книги, поскольку более поздние переиздания могут формировать ложное представление об изначальном составе материала.

Например, в Быт.14:14 мы читаем, что Аврам «преследовал своих неприятелей до Дана». Из книги Судей (18:29) мы знаем, что в дни Моисея это место называлось Лаис. Его название было изменено только после того, как колено Даново оставило свою первую территорию и ушло на север (Суд.18:1–31). Откуда же ссылка на «Дан» взялась в Быт.14:14, автором которого был Моисей? Большинство евангелистов считают эту ссылку более поздней редакторской поправкой.

В 1Пар.3:1–24 содержится царская родословная до пятого рода после Зоровавеля. Если первоначальная форма книги содержала этот список, то конечное составление Паралипомена могло произойти не ранее 478 года до Р.Х. Однако стиль последней части родословной ставит под сомнение отсутствие поправок в 1Пар.3:21б–24. Как заметил Кейл: «список, от стиха 21 до конца главы, является фрагментом родословной, который мог попасть в текст гораздо позже дней автора книги». Определив время жизни летописца, мы должны признать, что эта родословная дописывалась еще долго после составления автором первоначальной формы.

Также и Е. Д. Янг отметил, что Иаддуй (351–331гг. до Р.Х.), первосвященник во времена Александра Великого, появляется в Неем.12:1–22. Янг высказал предположение, что «список священников и левитов... мог быть дополнен позже». Такое наблюдение влияет на определение даты написания книги Неемии.

Любые корректорские правки должны настораживать нас, особенно, если в их поддержку нет никаких текстовых свидетельств и доказательств. Бремя ответственности лежит на тех, кто предлагает изменить или расширить какое-либо место Писания. Однако мы не должны исключать возможности таких поправок, когда пытаемся установить автора и его первых читателей.

Недостаток сведений в тексте. Когда мы определили источники и редакторские поправки в ветхозаветных историях, нам остается только установить уровень окончательного состава текста, который и содержит в себе первоначальное значение. Но на этом этапе мы сталкиваемся с недостатком сведений. Ветхозаветные истории четко выделяют только некоторых писателей. Все повествовательные книги Ветхого Завета остаются анонимными, кроме книг Моисея.

Вокруг каждой книги сложились определенные традиционные взгляды по поводу ее авторства. Некоторые из таких предположений возможны, и даже справедливы. Но большей части книг авторство присваивается необоснованно, и даже вопреки свидетельствам самих книг.

Таким образом, мы сталкиваемся с множеством проблем, пытаюсь установить ветхозаветных авторов и читателей. Использование источников, наличие редакторских поправок, а также отсутствие явных сообщений об авторах в самих текстах усложняют нашу задачу. Такие трудности поднимают важный вопрос: на какую информацию о ветхозаветных авторах и их первых читателях мы можем опираться? Что мы можем узнать о них?

Подсказки к определению

Так как мы имеем мало конкретной информации, нам нужно установить возможных писателей на основании различных подсказок. Внимательно рассматривая свидетельства, мы находим ссылки на время и обстоятельства, в которых жили автор и читатели. Что это за подсказки и как они помогают нам установить самые ранние и самые поздние даты?

Предполагаемая первая дата. Три основных черты помогают определить предполагаемую дату первого окончательного составления книги: последние события книги, анахронизмы и авторские комментарии.

Во-первых, окончательная форма любой из ветхозаветных книг не могла быть написана раньше, чем произошли последние события, описанные в ней. В основном, ветхозаветные истории сообщают о событиях, которые уже произошли. Это помогает нам устанавливать возможные первые даты появления многих книг.

Например, последним событием в книге Царств было освобождение Иехонии (4Цар.25:27–30). Написание этой книги могло быть закончено только после этого события. По заключительным стихам Паралипоменона (36:22–23) мы видим, что окончательную форму Паралипоменон получил не раньше выхода указа от царя Кира в 538 г. до Р.Х. В каждой ветхозаветной повествовательной книге последнее историческое событие дает нам начальный ориентир в определении возможной даты составления окончательной формы книги.

Этот фактор заслуживает внимательного изучения, но он не применим к каждой книге. Некоторые ветхозаветные книги были составлены по прошествии долгого времени после описанных в них событий. Мы знаем, например, что Моисей написал Бытие не ранее чем спустя 400 лет после последнего события в этой книге. Мы увидим, что так было и с другими книгами.

До недавнего времени евангельские ученые старались как можно больше сближать автора и читателей с событиями книги. Такое стремление возникло, благодаря убеждению, что от временной приближенности автора к тексту зависела историческая достоверность материала. Но такое предположение не оправдывает себя. Историческая дистанция часто позволяет автору более отчетливо видеть факты истории. Кроме того, временная приближенность не является основой исторической достоверности историй Ветхого Завета; они исторически безошибочны, потому что Святой Дух Истины вдохновил их. Историческая дистанция Ему не мешала. Годы, десятки и сотни лет могли проходить между событиями и рассказами, повествующими о них без искажения исторической достоверности.

Во-вторых, ветхозаветные авторы дают нам подсказки о своем времени в анахронизмах, помещая какое-нибудь понятие или выражение своих дней в более ранний период истории. Анахронизмы в описании действующих лиц, мест или событий сообщают нам о времени автора.

Например, в 1Пар.29:7 сообщается, что главы колен Израиля принесли для строительства храма «десять тысяч драхм золота». Упоминание о «драхмах» является чистым анахронизмом, поскольку драхм в дни Давида не существовало. Этим термином, должно быть, обозначались деньги во времена автора Паралипомена. Таким образом, мы можем смело предположить, что свою книгу летописец писал после введения указанных денежных единиц.

Анахронизмы часто показывают дату появления той или иной ветхозаветной истории. Они, вместе с другими подсказками, помогают точнее определить даты.

В-третьих, возможные даты часто видны в авторских комментариях. Писатели выдают время написания книги своими объяснениями и наблюдениями. Например, перед ритуалом, в котором Вооз получил сапог от родственника Ноеминь (Руфь 4:8), автор приводит объяснение: «Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене, для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, и это было свидетельством у Израиля» (4:7). Очевидно, что ко времени окончательного составления книги этот обычай был забыт. Поэтому автор объяснил, для чего «прежде» люди так поступали. Очень много времени прошло между событиями и их описанием в книге. Это также подтверждает родословная в конце книги, которая простирается далеко после дней Руфи (Руфь 4:18–22).

Возможная последняя дата. Ветхозаветные истории также содержат подсказки, помогающие нам определить возможные даты окончательного составления книг. Последние даты установить труднее, чем первые, но в этом нам помогают внешние сноски, отсутствие важных событий и идеология книги.

Во-первых, в некоторых случаях нам может помочь ссылка на книгу, содержащаяся в другом материале. Очень часто ветхозаветные книги ссылаются одна на другую, позволяя нам точнее определять даты их появления. Мы предполагаем, например, что книги Царств были написаны до Паралипомена, потому что автор Паралипомена широко пользовался информацией из книг Царств. С уверенностью можно сказать, что Второзаконие было написано до дней Неемии, потому что пророк ссылается на эту книгу (Неем.1:8–9). Этот критерий иногда работает, однако не следует забывать, что цитата может просто свидетельствовать об общем источнике книг. Она также может быть ссылкой на книгу, которая еще не получила окончательной формы. Внешние ссылки должны всегда рассматриваться в совокупности с другими подсказками.

Во-вторых, отсутствие важных событий в истории Израиля также помогает установить возможную дату окончательного составления книги. Если событие было значительным для израильского народа, а автор не включил его в свою историческую запись, это вполне могло свидетельствовать о том, что событие произошло после написания книги.

Вероятно, например, что автор книг Царств писал их до указа царя Кира, потому что он не включил это важное событие в свою летопись. Резкое окончание книги наводит на мысль

о том, что в то время Кир еще не издал указ. Мы также видим, что родословная Руфи заканчивается на Давиде (Руфь 4:18–22). Она не продолжается до Соломона, Ровоама и других потомков Давида. Поэтому можно предположить, что книга была составлена при жизни Давида.

Однако этой подсказкой нужно пользоваться осторожно. Ветхозаветные авторы не обязаны записывать подряд все, что случилось. Писатель мог не упоминать о событиях по многим причинам.

В-третьих, зачастую наилучшим способом установить дату окончательного составления книги является изучение идеологии этой книги. В этом нам помогают несколько вопросов. Какова богословская направленность книги? Какой период истории Израиля лучше всего подходит под время, описываемое в книге? Чем лучше мы понимаем основные цели книги, тем точнее мы сможем предположить время ее окончательного составления.

Некоторые толкователи, например, утверждают, что книга Паралипоменон сосредотачивается на различных аспектах царства и храма. В ней предоставлены примеры роли царя Израиля в формировании религиозного обряда. В той степени, в которой такая оценка верна, она свидетельствует о появлении Паралипомена до смерти Зоровавеля, в то время, когда Израиль, возвращенный из плена, нуждался в объединении вокруг царя и храма.

Также и книга Судей поддерживает мысль о необходимости царя, указывая на недостатки судей и левитов. Очевидно, этот аргумент лучше всего воспринимался во времена, когда недостатки монархов не были явны для Израиля. Таким образом, можно предположить, что книга была написана до того, как о неприятностях в доме Давида было возведено народу.

Идеологические направления не всегда однозначны. Тексты могут говорить в пользу нескольких точек зрения. К тому же, наша оценка богословского содержания той или иной книги в огромной мере зависит от автора и читателей, с которыми мы предположительно связываем время написания этой книги. Однако в совокупности с другими подсказками, такие принципы помогают нам установить приблизительное датирование окончательного варианта той или иной книги.

Для некоторых ветхозаветных книг нам приходится довольствоваться лишь малой долей вероятности датировки их окончательного составления. Тем не менее, в большинстве случаев мы можем делать достаточно четкие предположения, основанные на подсказках в самом тексте (см. рис. 42).

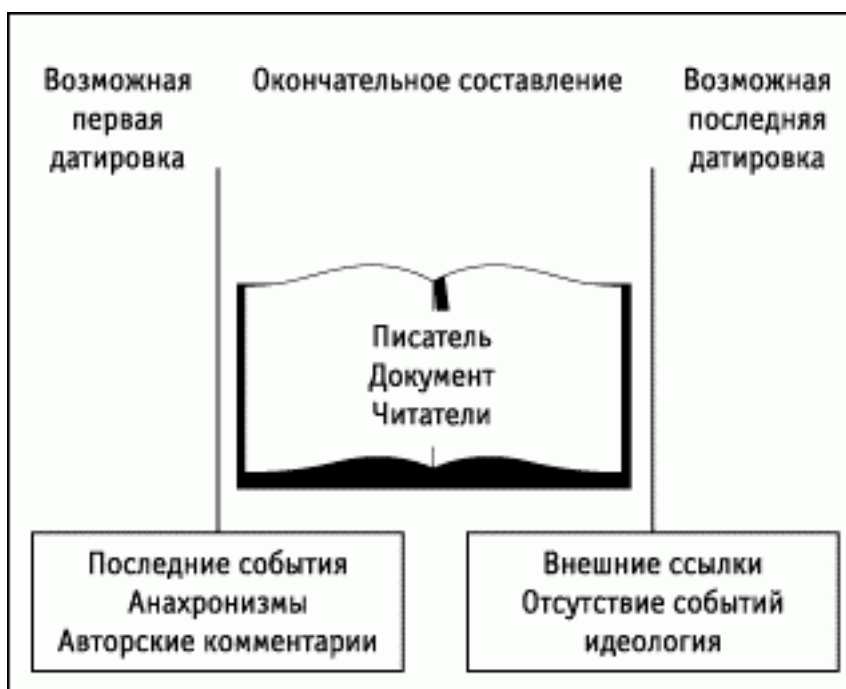

Рис. 42: Установление автора и датировки книги

Определять время написания книги и авторство при помощи таких подсказок полезно. Во-первых, это побуждает нас припомнить то, что мы действительно знаем об авторе книги и читателях, которым она была адресована. Святой Дух скрыл от нас действительных авторов большинства ветхозаветных историй. Мы можем частично ориентироваться на основании подсказок, которые Он дал нам, но во многих случаях Дух явно не желает, чтобы мы узнали о действительном авторе и людях, которым он писал свою книгу. Мы должны покорно принимать то, что Он открывает нам.

Во-вторых, совокупное знание об авторе, датах, целях и читателях книги удерживает нас от ограничения значения текста до узких гипотез. Если мы связываем свое толкование только с чем-нибудь одним, мы рискуем упустить определенные аспекты значения.

Определение писателя и читателей является очень важным аспектом толкования ветхозаветных историй. Мы сталкиваемся с развитием текста, его изменениями и недостатком информации. Однако при изучении различных подсказок, мы можем определить возможные первые и последние даты окончательного составления книг. При этом расширяется наше понимание первоначального значения историй Ветхого Завета.

Выявление намерений писателя

Когда кто-то скрытно дает деньги нищему, мы называем это милосердием. Но если человек старается показаться перед людьми, мы называем его выскочкой. Если дети разбивают окно бейсбольным мячом нарочно, они должны быть наказаны; но если это случайность, они могут отделаться только предупреждением. Наша оценка мотивов оказывает огромное влияние на наше суждение об одних и тех же действиях.

Таким же образом, значение ветхозаветных историй в огромной мере зависит от намерений и побуждений писателей. Понимание цели автора — это одна из самых сложных задач толкователя. Много научных трудов было посвящено этой теме. В этой главе мы ограничимся двумя вопросами: проблемы, связанные с определением авторских намерений, и подсказки к определению авторских намерений. Какие трудности нам нужно преодолеть для понимания авторских целей? В каком направлении нам следовать, чтобы определить его намерения?

Проблемы с определением намерений

Рассматривая цели ветхозаветных писателей, мы сталкиваемся с рядом препятствий, три из которых наиболее значительны: сложность определения их намерений, историческая дистанция между нами и утонченный стиль ветхозаветных писателей.

Сложность. Сложность определения цели автора очевидна, когда мы учитываем сложность его намерений. В отличие от нашего частного представления о них, ветхозаветные авторы думали не просто об одной-двух идеях, когда писали. Они преследовали множество целей на различных уровнях.

На самом простом уровне, писатели Ветхого Завета сосредотачивались на механике составления материала. Они отбирали определенные буквы, слова, фразы и предложения. Они целенаправленно использовали образность, описывали сцены и располагали материал согласно определенным структурам. Эти и другие фундаментальные писательские методы уже составляли часть их намерений.

Однако в нашей работе нас больше интересуют идеологические намерения ветхозаветных писателей — убеждения, которые они желали передать читателям. Но даже при таком узком исследовании у нас возникают сложности.

Во-первых, ветхозаветные писатели придерживались определенной иерархии в системе идеологических убеждений, придавая одним вопросам больше значения, чем другим. Например, в повествовании о путешествии Аврама в землю обетованную (Быт.12:1–9), Моисея больше волновала суть Божьего призыва, чем жизненные обстоятельства. Например, то что «Лот пошел с ним», или что «Аврам был семидесяти пяти лет» не имеет первостепенной важности. Упоминание о Лоте подготавливает нас к эпизодам, которые последуют далее; возраст Аврама помогает нам отчетливее представить картину. При оценке авторских намерений, мы должны определить относительную важность элементов в его повествовании.

Во-вторых, каждый отрывок текста вносит свой уникальный вклад в постижение замысла. Писатели составляли сцены, эпизоды, большие разделы и целые книги так, что каждый из этих элементов имеет свою кульминацию. Поэтому нам необходимо отыскивать цели, которые стоят за каждым большим и маленьким отрывком текста. К сожалению, толкователи часто игнорируют какую-либо из сторон. Иногда мы определяем цель маленького сюжета и игнорируем обширный контекст; а иногда «ухватываем» большую картину и пренебрегаем намерениями автора, скрытыми за более мелкими эпизодами.

Например, толкователи обычно сосредотачиваются исключительно на образцовом поведении Деворы (Суд.4:1–5:31). Но что хотел автор показать в этой истории? Он хотел привлечь внимание читателей на пример поведения или на реакцию судьбы? Он сказал и о том, и о другом. С точки зрения автора, Девора была непорочной. Даже величайшие судьбы не могли непогрешимо управлять Израилем. Оба мотива важны для понимания цели автора.

В-третьих, ветхозаветные авторы предназначали свои книги для самого разнообразного круга читателей. Первыми читателями книг Ветхого Завета были молодежь и старики, бедные и богатые, мужчины и женщины, знаменитости и простаки, верующие и неверующие, израильтяне и чужестранцы. Поэтому намерения писателей были многогранными. Стараясь учитывать преимущества и слабости, интересы и обязанности читателей, они затрагивали в одном тексте множество различных вопросов.

Например, автор книг Царств сообщает, что Соломон «Садока священника поставил царь вместо Авиафара» (3Цар.2:35). Разные интересы его читателей побудили его учитывать три идеологических момента: его слова поддерживали Садокитов, предупреждали другие священнические семьи против отстранения Садокитов и советовали народу принимать Садокитов как единственных законных первосвященников.

Каждому ветхозаветному писателю приходилось в какой-то мере сталкиваться с разнообразием читательских вкусов. К различным категориям читателей были обращены разные разделы книг. В некоторых случаях один и тот же раздел был обращен ко всем сразу.

В-четвертых, в свете всех этих препятствий, мы должны признать, что ветхозаветные писатели имели разный уровень психологического осознания своих целей. Как заметил Поллетта:

Вся художественная письменность отчасти является продуктом того, что Колридж называл «спонтанным импульсом и произвольным намерением», но содержание и отличительные качества произведений у каждого автора свои... За любым произвольным намерением может стоять сила всего менталитета автора, его видения, его методов постижения и устройства реальности вокруг себя; произвольное намерение может быть импульсом, исходящим из тех частей ума, которые находятся вне сознания.

Некоторые ветхозаветные авторы осознано преследовали определенные цели. Но делали это, зачастую, подсознательно. В этом смысле, ветхозаветные писатели часто открывали гораздо больше, чем сами осознавали.

Простая иллюстрация внесет ясность. Поразмышляйте о таком предложении: «Я думаю о вас». Сознаю ли я все возможные мотивы, которые побудили написать это предложение? Конечно, нет. Когда я писал это предложение, я довольно неопределенно думал о вас. И я

совершенно не осознавал движения моих пальцев, не контролировал правильного написания слов и использования правильной синтаксической системы. Все это я сделал, не обдумывая сознательно. И тем более, я не думал о том, какой вы, что я еще вам напишу, и о других бесчисленных аспектах значения моего простого предложения. Все это приходит мне на ум только после того, как я вдумуюсь в предложение. После размышлений я могу увидеть в нем гораздо больше, чем когда писал его.

Так же и ветхозаветные авторы, когда создавали свои истории, не осознавали многого из того, что совершили. Если мы вспомним, что эти писатели были вдохновлены Святым Духом, мы еще явственней увидим, что их понимание было ограничено. Мы всегда должны принимать во внимание, как намерения божественного Автора, так и чисто человеческие. Многие элементы текста выходят за рамки того, о чем думали авторы, когда писали. Полностью ли сознавал Моисей сложность структуры, которую мы рассматривали для книги Бытие (2:4–3:24), когда он создавал эту историю? Мы не можем знать точно, но, вероятней всего, нет. Взаимосвязь элементов в этом тексте настолько тонка, что Моисей, наверное, и сам ее не до конца осознавал. Он не осознавал всего, что содержится в тексте. Моисей сказал гораздо больше, чем мог сам осознать и вместить.

Мы никогда не можем быть совершенно уверены в том, в какой мере ветхозаветные авторы понимали свои тексты, поэтому не следует ограничивать себя анализом тех конкретных намерений, которые, на наш взгляд, преследовали авторы. Мы также должны исследовать вопросы, которых сами авторы вполне могли и не заметить.

Историческая дистанция. Еще одной большой проблемой является историческая дистанция между нами и ветхозаветными авторами. Когда мы стараемся оценить их намерения, мы преткнемся о многочисленные исторические барьеры.

Во-первых, как мы уже сказали, мы не знаем точно, кто написал большинство книг. У таких книг, как книга Иисуса Навина, книги Судей и Царств, возможные датировки колеблются более чем на столетие. Еще труднее понять авторские намерения, когда даты колеблются в пределах нескольких сотен лет.

Во-вторых, между нами лежит пропасть более чем в две тысячи лет, за которые произошло множество изменений в культуре. Мы почти незнакомы со временем и обстоятельствами жизни большинства ветхозаветных писателей. Что мы знаем об образовании Моисея, которое он получил в Египте? Насколько мы знакомы с политической обстановкой в дни автора Паралипоменона, когда народ вернулся из плена? Нам сложно восстановить намерения писателей, потому что мы незнакомы со стилем жизни и стандартами, которые они разделяли со своими читателями. Внимательное изучение культуры эпохи автора может устранить некоторые исторические барьеры. Но за каждой стеной, которую пробивает изучение, крепко стоит тысяча других. Мы оцениваем намерения не наших соседей по лестничной клетке; мы пробиваемся сквозь тысячелетия.

Утонченность стиля. Третьим серьезным препятствием является утонченность и своеобразие стиля ветхозаветных писателей. Зачастую они не высказывают своих идеологических целей прямо. Моисей не объяснил, для чего он написал Исход; автор книги Есфирь не сказал о своей цели. Нам необходимо самостоятельно постигать намерения этих писателей. Мы изучаем тексты и определяем мотивы, которые обуславливают форму и содержание их историй. Утонченный стиль ветхозаветных писателей также усложняет определение основной задачи текста.

Изучая цели ветхозаветного автора, мы должны всегда помнить о множестве проблем, с которыми сталкиваемся. Сложность намерений, историческая дистанция и своеобразие стиля усложняют задачу. Поэтому нам необходимо, набравшись терпения, смиренно приступать к толкованию (см. рис. 43).

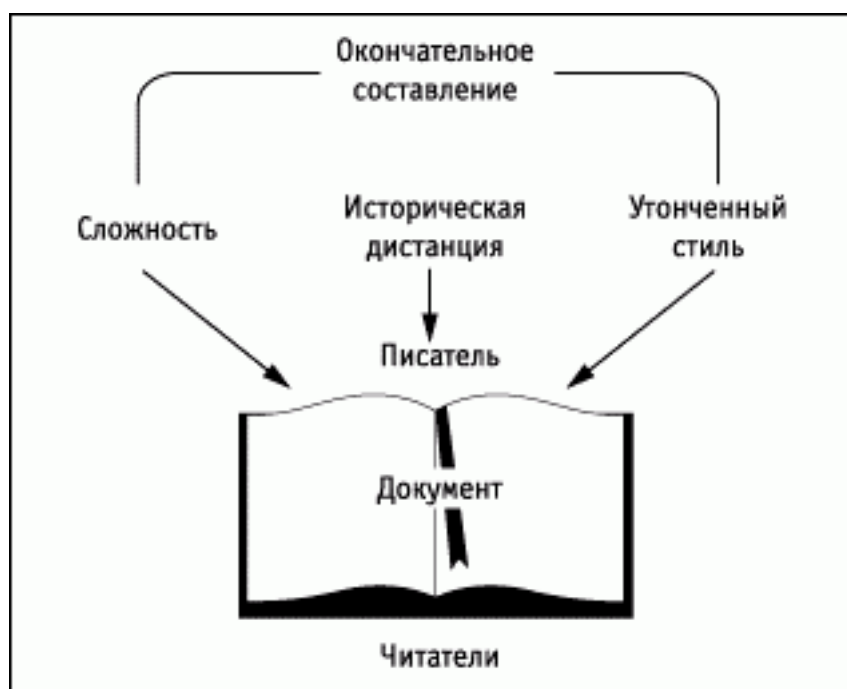

Рис. 43: Проблемы с определением намерений

Подсказки к определению авторских намерений

Детективы получают удовольствие, когда складывают в одно целое частички доказательств, чтобы решить загадку. Если вы любите быть сыщиком, вам понравится исследовать намерения ветхозаветных авторов и собирать воедино разбросанные тут и там подсказки, чтобы установить позицию того или иного писателя. Такие подсказки можно найти в тексте и в обстоятельствах жизни писателя.

В тексте. В предыдущих главах мы рассмотрели ряд подсказок в тексте, которые помогают нам установить цель автора. Давайте снова кратко рассмотрим их, а затем подробнее остановимся на нескольких моментах ветхозаветных историй.

Во-первых, цель автора нам открывается в описании действующих лиц. Ветхозаветные писатели хотели, чтобы их читатели либо одобряли поступки героев, либо осуждали, либо имели другие чувства, но при этом сопереживали персонажам. Рассматривая описание героев в историях, мы можем раскрыть намерения писателя.

Во-вторых, идеологию автора раскрывает также описание сцен. Изменения в стиле повествования выделяют определенные сцены. Комментарии автора также явно отражают его точку зрения. При создании того или иного образа писатели обычно сосредотачиваются на том, что для них важно. Изменения пространства и времени действия обращают наше внимание на те сцены, которые автор выделил, потому что также считал важными.

В-третьих, такие изменения структуры помогают нам обнаружить цели автора. Нарастание и убывание драматического напряжения дает возможность ощутить проблему и ее решение. Подтверждающие и контрастные параллели, включения и структуры обратного порядка соединяют сцены, эпизоды и разделы. Благодаря этим структурам ветхозаветные авторы раскрывают свою позицию.

В-четвертых, ветхозаветные авторы прибегают ко многим индивидуальным способам для выражения своих взглядов. Мы уже упомянули о некоторых из них, но теперь полезно будет рассмотреть их подробнее.

Повторение

Возможно, наиболее распространенным способом, к которому прибегают ветхозаветные авторы для выражения своих идеологических намерений, является повторение. Иногда оно может быть случайным или сосредоточенным на незначительной теме. Но одни и те же мысли, появляющиеся в истории несколько раз, обычно свидетельствуют о том, что, с точки зрения автора, эти вопросы важны.

Например, в 1Пар.10:1–14 есть два эпизода, которые автор разъясняет. Повторения показывают нам ту основную мысль, которую автор Паралипоменона хотел выделить в этом отрывке (см. рис. 44).

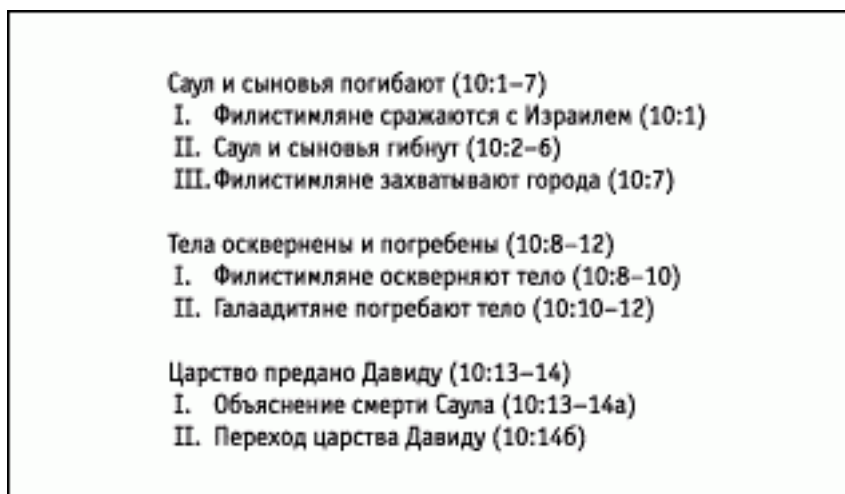

Рис. 44: Схема 1 Паралипоменон 10:1–14

Что является наиболее важным для летописца? В каждом эпизоде он упоминает о смерти. В первом эпизоде (ст. 1–7) писатель возвращается к теме смерти несколько раз: сыновья Саула погибают (ст. 2); Саул просит себе смерти (ст. 4); Саул убивает себя (ст. 4); и оруженосец убивает себя (ст. 5). Затем подводятся итоги: «И умер Саул, и три сына его» (ст. 6). Второй эпизод описывает погребение Саула. Остатки его тела найдены после жестокого издевательства. В третьем эпизоде летописец объясняет причины такой позорной смерти. Саул погиб «за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом» (ст. 13).

Как эти повторения помогают нам понять цель летописца? Они показывают, что основное значение он придает не войне и не бедам, которые Филистимляне принесли Израилю. Это относительно второстепенные аспекты истории. Его основной темой была смерть Саула и его сынов.

Повторяющееся упоминание о смерти наводит на мысль о том, что летописец желал сосредоточить внимание читателей на важности позорной смерти Саула. Соответственно, он сделал заключение: «За то Он [Господь] и умертвил его, и передал царство Давиду, сыну Иессееву» (ст. 14б). Летописец подчеркивает, что причиной бесславной смерти Саула было отвержение Саула Богом и возвышение рода Давида.

Ссылка

Ссылку можно определить как упоминание элементов одной истории в другой. Этот способ похож на повторение, но обычно применяется к разным эпизодам, которые почти не связаны между собой. Замечая ссылки, мы обнаруживаем важные грани авторских намерений.

Например, в рассказе о Левите и его наложнице (Суд.19:1–30) мы находим сцену, которая напоминает нам о другой известной истории:

Тогда как они развеселили сердца свои, вот, жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери, и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его. Хозяин дома вышел к ним и сказал им: нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия. Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия (Суд.19:22–24).

Эта ужасная сцена похожа на эпизод из истории о Содоме и Гоморре:

Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом. И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их. Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь, и сказал: братья мои, не делайте зла. Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего (Быт.19:4–8).

Сходство поразительное: в обеих сценах развратники стоят на улице и требуют мужчину, который пришел в гости, но хозяин предлагает взамен своих дочерей. Кое-где даже язык одинаков: «Нет, братья мои, не делайте зла» (Суд.19:23); «Братья мои, не делайте зла» (Быт.19:7).

Почему автор книги Судей опирается на историю о Содоме и Гоморре? В сущности, он провел такую параллель, чтобы показать, что Израиль стал таким же развращенным, беззаконным и заслуживающим Божьего суда, как города, имевшие в дни Авраама дурную славу (Суд.19:30). При помощи такой ссылки он поддерживает общую идею о том, что Израилю необходим царь. Без царя Божий народ не лучше, чем жители Содома и Гоморры.

Драматическая ирония

Термин «ирония» имеет различное применение. Мы можем говорить об иронии слов, в которой скрытое значение, подразумеваемое автором, отличается от того, которое он официально преподносит. При этом писатель или герой его рассказа говорит нечто противоположное тому, что он имеет в виду на самом деле. Еще одним видом иронии является сдержанное или уничижительное высказывание о чем-то. К этому способу авторы часто прибегают, чтобы у читателей появилось ощущение, что значение того или иного слова больше, чем на самом деле.

В данном случае нас интересует драматическая ирония: читатели и автор разделяют знание, удержанное от действующего персонажа. Ветхозаветные авторы часто раскрывали свои взгляды именно таким эффективным способом. Драматическая ирония может и подразумеваться, и выражаться открыто. Иногда ветхозаветные писатели сообщали читателям дополнительную информацию, которая помогала им понять ситуацию глубже, чем понимали ее действующие лица. Таким образом, автор давал читателям почувствовать напряжение, когда они знали о неосведомленности персонажа.

Четко выраженная ирония составляет суть книги Иова. В первых главах читатели узнают о споре между Богом и сатаной (Иов 1:1–12). Однако Иов и его друзья не знают об этом событии. Рассуждая и вопрошая на протяжении всей книги, Иов пытается понять, за что он страдает, но доступ к небу закрыт. Бог обличает Иова (Иов 38–41), давая ему понять, что он не вправе знать об этом.

Когда первые читатели следили за рассуждениями друзей Иова, они уже знали ответ, удержанный от действующих лиц. Это знание помогало им глубже понять того, кто страдал,

и затруднения тех, кто пытался в неведении помочь. Такая четко выраженная драматическая ирония отражает важную грань понимания идеологических намерений автора.

Подразумеваемая ирония. Ветхозаветные авторы также передавали свою точку зрения при помощи подразумеваемой драматической иронии. Большинство историй Ветхого Завета не были чем-то новым для читателей тех дней. Некоторые читатели сами переживали описываемые события, и имели о них свое представление. Кроме того, у первых читателей была возможность неоднократно слышать об этих историях. Когда они перечитывали текст второй или третий раз, они уже знали об исходе тех или иных событий, чего не знали сами действующие лица. Таким образом, драматическая ирония имела место даже там, где автор не предлагал читателям никакой особенной информации.

Например, при разделении земли между Авраамом и Лотом (Быт.13:1–18), Лот избрал землю, которая была «как сад Господень», поселившись возле Содомы и Гоморры. Однако после упоминания о городах, Моисей добавил: «Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом» (ст. 13). В этом кратком комментарии конкретно ничего не сказано о событиях, которые последуют, но для читателей, которые знали об уничтожении Содомы и Гоморры, он содержит острую драматическую иронию. Лот думал, что ступает на процветающую землю, но читатели знают, что он направлялся к месту суда. Полагаясь на такое знание, Моисей сообщил свою точку зрения. Авраам не только не потерял благословений земли, которую взял себе Лот, он теперь становится заступником Лота перед Богом (Быт.18:22–23).

Прямая речь

Важность прямой речи в ветхозаветных историях отмечали многие толкователи в последнее время. Как мы уже видели, речь играет значительную роль в описании действующих лиц, в изображении сцен и в структуре рассказа. Кроме того, прямая речь является одним из лучших способов, которыми ветхозаветные авторы выражают свою точку зрения.

При изучении прямой речи действующих лиц нам нужно соблюдать осторожность. Как мы уже знаем, ветхозаветные писатели часто представляли недостатки действующих лиц, изображая их ложные взгляды на происходящие события. Например, когда Мелхола упрекнула Давида за его танец перед ковчегом, она сказала: «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» (2Цар.6:20).

Тем не менее, действующие лица часто отражают точку зрения автора. Давид ответил: «Пред Господом, Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Израиля — пред Господом играть и плясать буду» (2Цар.6:21). Несомненно, Давид все сказал за автора. Читатели должны были разделять точку зрения Давида.

Можно назвать множество других способов определения мировоззрения писателей. Но, учитывая только эти аспекты текста, толкователи могут значительно улучшать свое понимание целей, с которыми были написаны истории Ветхого Завета.

Обстоятельства автора. Кроме подсказок в самом тексте, мировоззрение автора проясняется, когда мы обращаем внимание на обстоятельства его жизни – историческую ситуацию того времени, когда была написана та или иная история. Текст сам по себе не дает нам такой возможности, но для того, чтобы точнее определить его значение, нам нужно знать что-нибудь об обстоятельствах жизни автора.

Чтобы не усложнять этот вопрос, мы поговорим о двух основных факторах в жизни писателя: Божье вмешательство и культура, в которой жил писатель.

Во-первых, на жизнь ветхозаветных авторов повлияло Божье вмешательство. Они создавали свои истории, чтобы показать читателям, что Бог делал в их время. Они много писали о древних событиях, но истории также должны были показывать действия Божьи в мире, где жили их первые читатели. Чтобы понять намерения автора, нам нужно учитывать Божье вмешательство в ход истории во времена этого автора.

Например, давайте предположим, что Бытие было написано после исхода из Египта. Что сделал Бог в то время? Он вывел Израильтян из рабства, заставил их блуждать в пустыне и привел второе поколение к Ханаану. В свете этих событий мы понимаем, что означали для читателей тех дней такие места, как избавление Аврама из Египта (Быт.12:10–20). Моисей написал эту историю, чтобы провести параллель с избавлением Израиля из рабства, и чтобы Израиль осознал, что Бог сделал для него. В их дни Бог помогал им так же, как раньше помогал Авраму.

Также и автор книг Царств жил во время, когда Бог изгнал народ из земли. Этот Божий поступок значительно отразился на задаче писателя. Например, к концу царствования Езекии автор сообщает о визите посланников из Вавилона (4Цар.20:12). Езекия по глупости показал свои богатства посланникам, и Исаия укоряет его за это:

Выслушай слово Господне: вот, придут дни, и взято будет все, что в доме твоём, и что собрали отцы твои до сего дня, в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут, и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского (4Цар.20:16–18).

Почему автор сообщил об этом пятне на репутации Езекии? Он сделал это, чтобы объяснить, что царствование Езекии дало Богу основания отправить народ в Вавилон.

Когда мы оцениваем намерения автора, мы должны внимательно относиться к событиям истории. Дела, которые творил Бог в дни жизни писателей, оставляли в них глубокий след.

Во-вторых, на идеологию автора влияла также культура общества, в котором он жил. Ветхозаветные авторы думали не только о Божьих делах, но и о характере окружавших их людей. Эти аспекты жизни были во многом связаны с Божьим вмешательством. Ситуация в культурной жизни народа определялась тем, что делал для народа Бог. При этом повседневные политические, религиозные и экономические условия вносили свой вклад в формирование мировоззрения писателя.

Например, в Быт.48:1–22 мы читаем о том, как Иосиф посетил своего умирающего отца. Иосиф привез своих сынов к Иакову. Иаков получил указание от Бога относиться к сыновьям Иосифа, как собственным. Иаков благословил двух сыновей, но скрестил руки так, что правая была на младшем. Повествование заканчивается словами Иакова Иосифу: «Вот, я умираю. И Бог будет с вами, и возвратит вас в землю отцов ваших. Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аморреев, мечом моим и луком моим» (48:21–22).

Почему Моисей описал это так подробно? Была ли это всего лишь сентиментальная семейная запись? Хотел ли он просто описать прошлое? Нет, Моисей хотел разъяснить современникам их ситуацию. Количество стихов, отведенных отношениям между коленами Израиля в Исходе, Числах, Второзаконии, книгах Иисуса Навина и Судей свидетельствует о многочисленных разногласиях между коленами об их положении в иерархии. Бытие (48:1–22) предугадывает эти конфликты. Почему Ефрем и Манассия считаются равными с другими коленами? Почему колено Иосифа получает богатый двойной удел? Эти вопросы, злободневные для тех дней, находят свой ответ в этом отрывке Писания: место колена Иосифа определено благословением Иакова.

Мы сталкиваемся со многими проблемами, когда восстанавливаем идеологические задачи ветхозаветных авторов, но мы можем находить подсказки в самих текстах и в

обстоятельствах жизни писателей. Собрав эти подсказки вместе, мы сможем определить первоначальные цели ветхозаветных историй (см. рис. 45).

Рис. 45: Подсказки к определению целей автора

Заключение

В этой главе мы кратко рассмотрели два основных вопроса. Для того чтобы понять, с какой целью писал свою книгу тот или иной ветхозаветный автор, нам необходимо установить первые и последние даты составления окончательной формы книги. Затем, установив эти рамки, мы можем начать исследовать намерения писателя, изучая тексты и исторические обстоятельства. По мере того, как мы продвигаемся в изучении эпохи автора ветхозаветных историй и его современников, такие подсказки окажутся незаменимыми.

Вопросы

1. Дайте определение понятию развития текста, составления окончательной формы и корректорских поправок в историях Ветхого Завета? В чем эти свойства ветхозаветных книг препятствуют нашим попыткам установить авторство ветхозаветных историй и их первых читателей?
2. Какими подсказками мы можем пользоваться для восстановления возможных дат составления окончательных форм книг?
3. С какими проблемами мы сталкиваемся, пытаясь понять цели ветхозаветных писателей?
4. Какие подсказки помогают нам установить злободневные проблемы, которые авторы раскрывали перед современниками?

Упражнения

1. Посмотрите на обсуждение авторства книги Бытие в любых двух комментариях к Ветхому Завету. Какими принципами руководствуются авторы данных комментариев, когда определяют, кто написал Бытие?

2. Изучите книгу Руфь. Какие подсказки вы замечаете для установления дат окончательного составления книги? Обратите особое внимание на родословные в последней главе.

3. Прочтите Бытие 1:1–2:3. Составьте список из пяти пунктов, которые разъясняют, что отрывок был написан специально для Израиля в дни Моисея. Какие темы Моисей поднимает в этом отрывке?

Описание авторских намерений

Когда я учился на втором курсе, однажды вечером мы с одноклассниками собрались, чтобы посмотреть фильм «Унесенные ветром». Когда на следующий день мы обсуждали картину, наша учительница спросила: «О чем, по-вашему, был этот фильм?»

На какое-то мгновение я счел этот вопрос странным. «Ясно же — этот фильм о гражданской войне». Некоторые из одноклассников были такого же мнения. «Гражданская война была ужасной!» «Рабство было несправедливым!» «Скарлет получила по заслугам!» — выкрикивали они.

Однако были студенты, которые увидели в фильме гораздо больше, чем мы. «Фильм показывает, что любая война — это зло!» — сказал один парень. Другой добавил: «Эгоистическая любовь — это вообще не любовь!»

По мере того, как мы высказывали свои мнения, учитель кратко вносила их в две колонки на доске: «Тот мир» и «Наш мир».

Когда дискуссия подошла к концу, она спросила: «О каком мире действительно повествует этот фильм? О мире гражданской войны или о нашем, современном мире?» Наступила молчаливая пауза, и тогда она предложила свой ответ: «По-моему, об обоих мирах».

Ветхозаветные авторы так же сосредотачивались на двух мирах: мире прошлого и современном для них мире. Они проводили исторические наблюдения, в поисках подтверждения действительности тех или иных событий. Но они также писали, чтобы научить своих читателей следовать ценностям прошлого в современном для них мире.

Такая двойственная цель подводит нас к третьему виду авторских намерений. Каким образом ветхозаветные авторы связывали свои исторические наблюдения с их современным применением? Как они помогали читателям переместиться из прошлого в настоящее?

Так или иначе, ветхозаветные истории были связаны с обстоятельствами жизни их читателей, потому что показывали, каким образом события прошлого влияют на их дни. Такая связь принимает множество форм, но ветхозаветные авторы всегда ориентировались на настоящее при написании рассказов о прошлом.

Итак, в свете сказанного, мы поговорим о трех формах авторских намерений: наблюдениях, предвидениях и применениях (см. рис. 46).

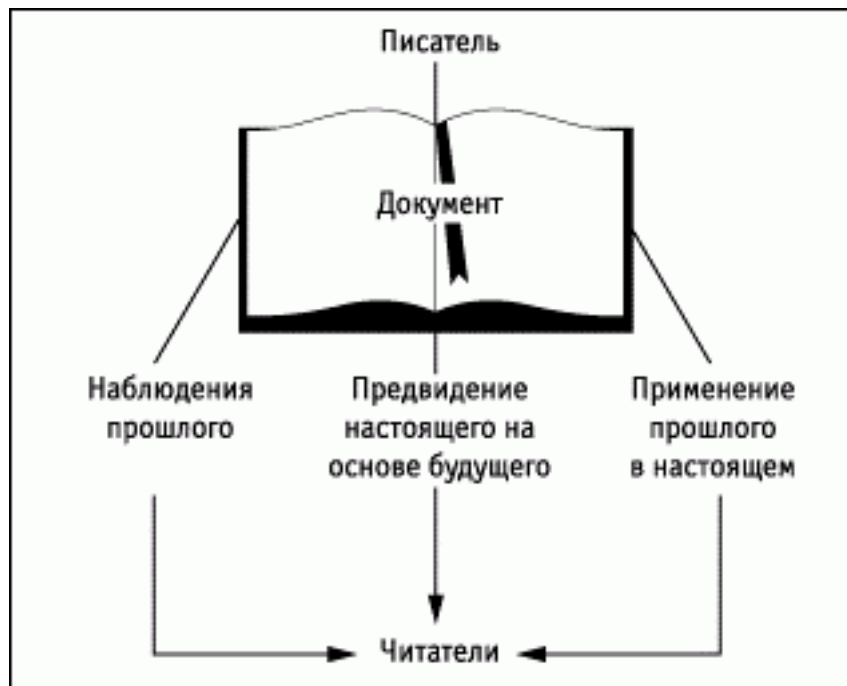

Рис. 46: Три измерения авторских намерений

К каким событиям прошлого ветхозаветные писатели желали привлечь внимание своих читателей? Каким образом они описывали события давно минувших дней так, чтобы видеть их через призму современности? Как влияли их истории на читателей?

Наблюдения

Однажды я слышал об учительнице четвертых классов, которая любила рассказывать истории об Американской революции. Она сидела в большом кресле-качалке перед учениками и рассказывала им о Вашингтоне, Джефферсоне и своем любимом патриоте Патрике Генри. Ее манера рассказа была всегда одинаковой. Каждый раз она отклонялась назад в кресле, смотрела куда-то вдаль и подробно описывала что-нибудь особенное из деятельности этих людей. В конце истории она наклонялась вперед, смотрела на детей и говорила: «Мальчики и девочки, если будете поступать также, вы сможете стать героями!» Эта учительница проявляла заботу о своих учениках; она хотела воспитать из них «героев». Но в своих рассказах она никогда не упоминала о современных событиях. Она ни слова не говорила о проблемах, с которыми ее мальчики и девочки сталкивались непосредственно. Она постоянно говорила только о прошлом. Ее ученикам нужно было внимательно прислушиваться к ее рассказам и делать выводы для своей жизни.

Ветхозаветные писатели также учили своих читателей жизни, предоставляя им события прошлого. Если мы хотим раскрыть первоначальный смысл ветхозаветных историй, нам, прежде всего, необходимо внимательно рассмотреть форму, в которой авторы представили историю. Мы выделим три таких формы исторических наблюдений: фактическую, моральную и эмоциональную. О каких исторических фактах ветхозаветные писатели желали сообщить своим читателям? Какие нравственные проблемы прошлого они раскрывали? Какие аспекты эмоциональных переживаний того мира они желали предоставить вниманию читателей (см. рис. 47)?

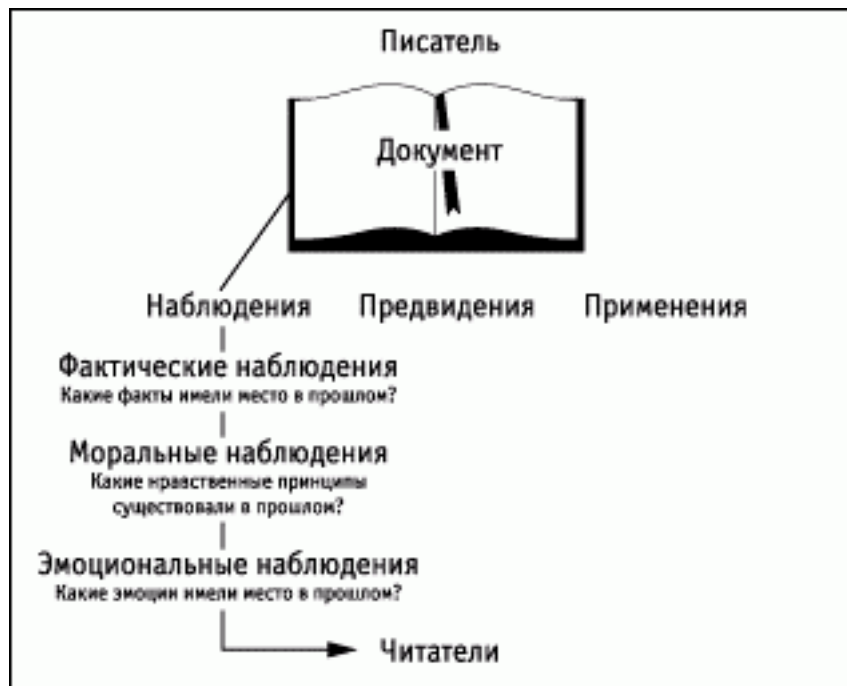

Рис. 47: Три вида наблюдений

Фактические наблюдения

В телевизионных новостях недавно сообщили, что в 1985 году 20% старшеклассников не знали о войне Соединенных Штатов во Вьетнаме. Когда я услышал эти новости, я сказал другу: «Мы никогда не усвоим уроков той войны, если не будем помнить, что она вообще была». Фактическое знание является первым шагом к изучению уроков прошлого для оценки настоящего. Если мы не знаем, что произошло в прошлом, и какими были последствия событий, мы не сможем применять эти знания к нашим сегодняшним заботам.

Ветхозаветные писатели понимали этот принцип. Вот почему они сообщали своим читателям о многих исторических фактах. Эти факты можно разделить на три категории: обстоятельства, люди и Бог.

Обстоятельства. Ветхозаветные писатели сообщали своим читателям об исторических обстоятельствах. Какой была ситуация? Что произошло? Они сообщали о датах (3Цар.15:1), обычаях (Руфь 4:7–8), голоде (Быт.41:53–57), победах (Иис.Нав.6:1–27) и поражениях (Иис.Нав.7:1–5).

Ветхий Завет — это книга об искуплении, но это искупление происходило не просто в сердцах людей, и не формировалось богословскими традициями общества. Оно происходило в контексте реальных исторических событий. Надежда Израиля состояла в том, что Бог действовал в пространстве и времени. Поэтому общие исторические условия формировали общую грань авторских наблюдений.

Описание обстоятельств нередко кардинально изменяло замысел истории. Как мы видели в предыдущей главе, несколько исторических событий стоят в центре рассказа об исходе Авраама из Египта (Быт.12:10–20). Например, в первой сцене упоминается голод на земле. На первый взгляд, эта часть истории предоставляет нам фон, на котором развиваются последующие события, но в действительности она формирует значительную часть замысла Моисея. Голод, который увел Авраама в Египет, был прообразом голода, который увел и всех сынов Иакова в Египет. В рассказе говорится, что Авраам ушел «со всем, что у него было» (Быт.12:20). Этот факт кажется незначительным, пока мы не вспомним, что Израиль вышел из Египта только после того, как «обобрал Египтян» (Исх.12:36).

В одних местах авторы вдавались во многие подробности, в других они просто обобщали факты. Но в любом случае, нам необходимо принимать во внимание авторские

описания исторических обстоятельств. Какую ситуацию включил автор? Какие элементы он опустил? Как он описал условия?

Люди. Ветхозаветные авторы также уделяли внимание фактам, касающимся людей. Люди стоят в центре большинства ветхозаветных историй. Кто эти люди? Какими они были? Эти факты также формировали значительную часть исторических наблюдений.

Иногда простое описание действующего лица указывает на намерения писателя. Посмотрите на эпизод, в котором Мелхола упрекает Давида (2Цар.6:16–23). Нам не говорится, что Давида осудила «одна из его жен». Автор книги Царств написал очень конкретно. Три раза он называет женщину так: «Мелхола, дочь Саула» (ст. 16, 20, 23). Эта простая историческая подробность во многом раскрывает нам точку зрения писателя. Этот эпизод содержит не просто очередную ссору Давида с одной из своих жен; это противостояние между Давидом и дочерью Саула. По мнению автора, этот спор символизировал вражду между домом Давида и домом Саула. Как отметил сам Давид: «Пред Господом, Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Израиля, — пред Господом играть и плясать буду» (2Цар.6:21).

Почему автор так хотел, чтобы читатели не забывали из какой семьи Мелхола? Он коснулся той проблемы, которая была актуальна в его дни. Должна ли царская линия Саула продолжаться? Мог ли его дом соперничать с домом Давида? Последний стих этого эпизода четко выражает мнение автора: «А у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее» (2Цар.6:23). Союз Саула с домом Давида не произвел потомства. Линия Саула была совершенно отвергнута Богом, а семья Давида получила исключительное право на трон.

Книга Царств начитается с интересного описания Елкана, отца Самуила. Автор сообщает, что он был «из Рамафаим-Цофима, с горы Ефремовой» (1Цар.1:1). Этот факт может показаться тривиальным, но при внимательном изучении мы видим, что он во многом объясняет цели писателя. Почему он сообщил читателям, что отец Самуила был с горы Ефремовой? Он сделал это, чтобы подтвердить законность династии Давида, поскольку пророк с севера помазал Давида.

Бог. Ветхозаветные авторы также анализировали действия Бога. Они наблюдали за проявлениями Его характера и за тем, какие цели Он преследовал в прошлом.

Например, в Быт.17:10 Бог установил обряд обрезания. «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужеский пол».

Эти исторические наблюдения непосредственно влияли на читателей тех дней. Бог установил обрезание для Своего народа во дни Авраама. Поэтому обряд соблюдался читателями Моисея, соблюдая завет Бога с Авраамом.

Также и в истории об исходе Аврама (Быт.12:10–20) Моисей говорит: «Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову» (ст. 17). Этот исторический факт позволил читателям понять значительность этого места Писания для их жизни. Бог поразил дом фараона в их дни, как Он сделал это в дни Аврама.

Независимо от того, ставит ли история Бога в центр сцены или оставляет Его скрытым управителем событий, тема характера Бога в ветхозаветных историях является одной из важнейших. Все, что постановил Бог, пребывает. Его реакция на события показывает их подлинную суть. Первоначальное значение текста в огромной мере зависит от фактов, которые писатели сообщают о Боге.

Моральные наблюдения

Факты требуют нравственной оценки. Как мне реагировать на insult моего соседа? Как мне помочь бездомным в моем городе? В жизни мы сталкиваемся с множеством

ситуаций, где приходится решать самые разнообразные этические проблемы. Ветхозаветные писатели сообщали исторические факты, чтобы затронуть вопросы совести. Они излагали свой материал так, чтобы читатели четко увидели нравственный портрет древнего общества. Когда они читали эти истории, у них должен был возникнуть вопрос: «Эта ситуация была хорошей или плохой?» «Каким выглядит в этой ситуации праведный герой в Божьих глазах?»

Изображение сцен, структуры, описание образов и множество других аспектов раскрывают перед нами всевозможные этические проблемы прошлого.

В большинстве случаев эти аспекты понятны для нас. Нам несложно понять, как именно хотел Моисей, чтобы его читатели воспринимали убийство Авеля (Быт.4:26–16) или как автор книг Царств оценивал вероломство Манассии (4Цар.21:1–18; 23:26; 24:3–4).

Но в некоторых местах Писания мы не совсем понимаем, какие выводы нужно сделать. Почему Ахав был не прав, когда предложил Навуфею купить виноградник (3Цар.21:1–3)? Почему Бог поразил Озу, который просто хотел придержать ковчег от падения (2Цар.6:7)? Для понимания этих запутанных вопросов нравственности нам нужно как можно дальше отложить свои стандарты и принять нормы, которые ветхозаветные писатели разделяли со своими читателями. Два важных нравственных стандарта проясняют наше понимание: Закон Моисеев и позднее особое откровение.

Закон Моисеев. За исключением Бытия, каждая история Ветхого Завета была написана после того, как Бог дал Моисею закон на горе Синай. Следовательно, Закон Моисея был критерием, по которому, как ожидали писатели, читатели будут оценивать прошлое. Принципы, изложенные в Десяти Заповедях и прочих постановлениях Моисея, были нормой для всех нравственных оценок.

В то же время, мы должны помнить, что Свою волю Бог являл Израилю постепенно. События, которые произошли до горы Синай, не должны оцениваться исключительно по критериям Моисея. Некоторые поступки, запрещенные после Синая, раньше, возможно, были позволены. Читатели Бытия не осудили бы Авеля за то, что он сам принес жертву, а не позвал для этого Левитских священников (Быт.4:4). В то время не было таких священнических постановлений. Также и Аврам не делал преступления, когда строил множество жертвенников, вместо того, чтобы построить только один (Быт.12:1–9). До установления скинии такая практика была совершенно приемлемой.

И наоборот, когда Ламех гордился, что убил мужа и отрока, ранивших его (Быт.4:23), Моисей дал заповедь, которая вызывала отвращение к убийству. Убийство всегда было грехом; само прославление всегда было бунтом против Бога. Когда Моисей говорит об отношениях Аврама с Агарью (Быт.16:1–16), он ожидает от читателей негативной оценки. Несмотря на обычаи в обществе, где жил Аврам, недоверие к Божьим обетованиям всегда осуждалось. Закон Моисеев просто утвердил эти жизненные принципы.

Очень часто ветхозаветные писатели оправдывали какие-либо события, ссылаясь на постановления Моисея. Повествуя о прогрессе общества, вернувшегося из плена, автор книги Ездры сообщает, что жертвы приносились в соответствии с тем, что «написано в законе Моисея, человека Божия» (Езд.3:2). Писатели также осуждали события, которые нарушали закон Моисея. Например, когда летописец описал болезнь, прервавшую пасху Езекии, он сказал, что многие люди «ели пасху не по уставу» (2Пар.30:18). Такие комментарии давали читателям твердое основание, с позиции которого можно было делать нравственную личную оценку.

Иногда писатели всего лишь намекали, что нарушение имело место. Например, в истории о винограднике Навуфея (3Цар.21:1–29) автор не вставил четкую ссылку на постановления Моисея о наследстве (Лев.25:23–28; Чис.36:7). Однако он дал понять, что Ахав не уважал устав. Навуфей назвал свой виноградник «наследством» (3Цар.21:3) — термин, введенный Моисеем и обозначающий постоянное владение семьи. Но Ахав и Иезавель называли его просто «виноградником» (3Цар.21:2). Полагаясь на осведомленность

своих читателей в законе Моисея, писатель четко определил правильную оценку этого случая.

Позднее особое откровение. Ветхозаветные писатели также основывали свои наблюдения на особых откровениях, которые приходили позже через пророков. Например, автор книги Царств подтвердил правильность исключения Авиафара (3Цар.2:26–27), потому что это было исполнением пророчества, произнесенного против дома Илия (1Цар.2:27–28). Автор Ездры ссылаясь на Аггея и Захарию, чтобы произвести в читателях правильное отношение к программе восстановления (Езд.5:1; 6:14).

Божьи откровения, данные после Моисея, также представляют собой критерии правильного понимания истории. Ветхозаветные авторы ожидали от своих читателей оценки, сделанной в свете таких откровений и пророчеств.

Писатели Ветхого Завета не просто напоминали читателям о фактах прошлого. Их истории также были предназначены для того, чтобы раскрыть читателям определенные нравственные оценки людей и событий, вошедших в историю. Изучая намерения автора, мы должны внимательно рассматривать такие наблюдения.

Эмоциональные наблюдения

Нет ничего скучнее рассказа, в котором нет эмоциональной окраски. Если вы хотите усыпить ваших слушателей, просто перечисляйте факты один за другим. Но те же события оживают, когда мы окрашиваем их чувствами. Когда мы описываем эмоции персонажа, его сомнения, страхи, радости и печали, то это придает рассказу увлекательность.

Ветхозаветные писатели вовлекали своих читателей в мир, исполненный эмоций. Они описывали сцены, изображали персонажи, располагали элементы повествования и использовали все литературные приемы, чтобы читатели могли увидеть историю в действии. Они желали, чтобы читатели смогли представить смех и плач, вкусили радость и горе, прочувствовали восхищение и разочарование героев прошлых эпох.

В ветхозаветных историях изображены, как человеческие, так и божественные эмоции. Как авторы описывали чувства людей? Каким они видели отношение Бога?

Человеческие эмоции. Ветхозаветные писатели часто указывали на эмоции действующих лиц. И, конечно же, от читателей ожидалась оценка этих чувств. Люди часто реагировали неправильно. Однако слова, мысли и поступки людей прошлого давали читателям возможность увидеть эмоциональную сторону событий.

Человеческие эмоции бывают различными. Во-первых, мы видим примеры четких описаний эмоционального состояния героев: ужас Аврама (Быт.15:12), утешение Исаака (Быт.24:67), радостное пение и танцы женщин (1Цар.18:6). Такие портреты встречаются редко, поэтому они обычно отражают эмоционально окрашенные наблюдения автора.

Во-вторых, слова персонажа также содержат эмоциональную окраску. Когда Сара подслушала, как три странника пообещали, что у нее будет ребенок, она засмеялась, сказав себе: «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? И господин мой стар» (Быт.18:12). Моисей описывает иронию в ее словах, чтобы показать, что обетование казалось совершенно невозможным. Этим он подчеркнул Божью благодать в отношении Сары, и чудесное рождение Исаака.

В-третьих, внешние действия иногда отражают эмоциональную сторону события. В Быт.17:1–2 Бог обратился к Авраму, говоря: «Ходи предо Мною и будь непорочен». В ответ «пал Аврам на лице свое». Он не возражал; он просто пал в смирении. Моисей сообщил о такой реакции, чтобы читатели увидели эмоциональную силу пугающего, убеждающего и смиряющего разговора с Богом.

В-четвертых, эмоциональные проявления персонажей часто были настолько естественны и очевидны, что ветхозаветные писатели не видели особой необходимости

отдельно сообщать о них. Эти эмоции должны замечаться читателями, благодаря сопереживающему чтению. Другими словами, у читателей должен появляться вопрос: «Что я чувствовал бы, попав в такую ситуацию?» Во многих случаях читатели без особого труда определяют эмоциональную оценку событий.

Например, когда Бог призвал Авраама принести в жертву Исаака, нам нетрудно понять его разрывающую сердце реакцию, хотя текст о его чувствах ничего конкретного не говорит. Бог повелел Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего...» (Быт.22:2). Это свидетельствует о том, что Исаак был очень дорог Аврааму. Сопереживающее чтение дает нам возможность понять чувства, которые наполняли Авраама.

Когда мы читаем, что сыновья Илия «не знали Господа» (1Цар.2:12), нам не нужно отдельно рассказывать об их взглядах на жизнь, чтобы понять состояние их душ. Незнание Бога всегда подразумевает ожесточение, безразличие, и даже презрение к Богу. На основании других мест Писания и опыта своей собственной жизни мы знаем, что эти чувства были в сыновьях Илия.

Благодаря сопереживающему чтению, первые читатели могли переносить себя в ситуацию той или иной истории и ощущать радость и скорбь, величие и ужас событий прошлого.

Проявления Божьих эмоций. Ветхозаветные писатели также уделяли внимание описанию эмоциональной оценки поступков героев и событий с точки зрения Бога. Божий суд есть критерий истинной оценки в отличие от человеческого суждения.

Во-первых, писатели часто описывают реакцию Бога на определенные события или поступки героев. Например, когда автор книги Царств упоминает о вероломных делах Соломона, он говорит: «И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа» (3Цар.11:9). Такая информация служит читателям критерием для определения их собственной оценки.

Во-вторых, Божьи слова раскрывают Его отношение к событиям или поступкам героев. В дни Ноя Бог сказал: «Я раскаялся, что создал их» (Быт.6:7). Эти слова отражают Божье отношение к человечеству в те дни. Люди стали настолько развращенными, что Бог пожалел о том, что создал их.

В-третьих, часто ветхозаветные писатели подразумевают, что Бог реагирует эмоционально. В таких случаях им не обязательно описывать, что Бог чувствует. Контекст и личный опыт читателей делают Его эмоциональную реакцию очевидной. Когда Бог положил Свой Дух на Давида и удалил Его от Саула (1Цар.16:13–14), в этом было выражено Божье одобрение одного и осуждение другого. Также и автор Царств сообщает, что «грех молодых людей был весьма велик перед Господом» (1Цар.2:17). Он не описал конкретно слова или чувства Бога. Тем не менее, читатели могли легко представить Божью реакцию на грех — грех вызывал Его гнев.

Исследуя авторские наблюдения событий прошлого, мы должны учитывать не только факты или вопросы нравственности. В своих историях ветхозаветные писатели сообщают о чувствах людей и Бога, чтобы оживить перед читателями историю и выразить свое отношение к ней.

Предвидения

У меня было много учителей истории, но один из них мне запомнился своей уникальной способностью связывать события прошлого с современной жизнью. Он не просто преподавал нам даты, имена и события. Он часто рассказывал нам о том, как история предугадывала проблемы, с которыми мы сталкиваемся в наши дни. Благодаря установлению таких связей прошлого с будущим, учитель на всю жизнь привил мне любовь к истории.

Ветхозаветные писатели были прекрасными учителями истории. Они излагали свои наблюдения событий прошлого и в то же время держали в поле зрения проблемы современности. Следовательно, описывая историю, авторы Ветхого Завета предвидели вопросы, которые возникнут у их читателей.

Чтобы избежать путаницы, мы поговорим о трех основных видах предвидения. Ветхозаветные писатели описывали прошлое так, чтобы утвердить исторические корни религиозных убеждений и обычаев. Их истории служили моделями, которым читатели должны были подражать или избегать их. Эти повествования о прошлом формировали многие аспекты жизни их читателей (см. рис. 48).

Рис. 48: Три формы предвидения

Эти формы предвидения не являются взаимоисключающими; большинство ветхозаветных историй содержит смешанные варианты предвидения. Определив параллели между историей и современностью, мы сможем значительно глубже понять значение этих историй для нас.

Утверждение

Мы часто используем исторические факты, чтобы подтвердить или объяснить, почему жизнь стала такой, какой она есть сегодня. Когда кто-то спрашивает, почему мы попали в определенные обстоятельства, мы часто ищем их причины в прошлом.

«Папа,— спрашивает пятилетняя девочка,— почему на американском флаге тринадцать полос? По-моему, он был бы красивее, если бы их было больше».

«Эти полосы на флаге означают события, которые случились давно,— объясняет отец.— Когда наша страна только образовалась, у нас было только тринадцать колоний. Эти колонии назывались Соединенными Штатами. Поэтому на нашем флаге тринадцать полос, которые символизируют тринадцать первых колоний».

Отец показал своей маленькой дочери пример того, как история определила настоящее. То, что происходит сегодня, зависит от того, что случилось много лет назад.

Таким же образом, ветхозаветные авторы часто предугадывают образ жизни их читателей. Они сообщают о прошлом, чтобы указать, как установились те или иные обычаи, с которыми сталкиваются их читатели. У ветхозаветных читателей были такие же вопросы, как и у нас. «Почему мы живем именно так?» «Почему мы должны соблюдать определенные

традиции?» «Почему мы верим в то, во что мы верим?» Ветхозаветные истории часто дают ответы на эти вопросы, указывая на их исторические корни.

Второстепенные аспекты. Часто незначительные аспекты историй разъясняют те или иные обычаи. Например, когда Моисей описывает реакцию Адама на появление Евы, он комментирует: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2:24). Авторский комментарий Моисея указывает на то, что современный обычай брака имеет свое начало в союзе Адама и Евы. Этот стих не отражает центральной мысли истории. Он, скорее, сосредотачивается на том, как чудесно Бог сотворил Адама и поручил ему возделывать сад в Едеме. Но Моисей воспользовался возможностью сделать небольшое отступление, и объяснить, что это событие навечно поставило брак в центр социальной структуры человечества.

В рассказе о борьбе Иакова в Пенуэле (Быт.32:22–32) Моисей, прежде всего, сосредотачивался на перемене, которая произошла в жизни Иакова, когда он готовился к встрече с Исавом. В контексте этой центральной мысли он также упомянул, что бедро Иакова было повреждено. Увидев возможность объяснить современный ему обычай, Моисей затем комментирует: «Посему и доныне сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова» (ст. 32).

Центральные аспекты. Намерение разъяснить исторические корни того или иного обычая может также быть центральным в рассказе. В некоторых историях описание происхождения является не отступлением и не послесловием, а играет первостепенную роль, как, например, обсуждение праздника Пурим в книге Есфирь (9:18–32). Текст описывает, как народ праздновал Божье избавление и открыто призывает праздновать Пурим всегда. Такое событие трудно назвать незначительным отступлением. Одной из целей автора было желание утвердить соблюдение праздника Пурим.

Часто такая утверждающая функция ветхозаветных историй видна нечетко. Автор полагался на то, что читатели сами увидят связь между прошлым и настоящим. Например, во 2Цар.7:1–17 писатель сообщает, как Нафан провозгласил Божье обетование о том, что потомки Давида всегда будут править Израилем. Пророк сказал, что наказание падет на тех сынов, которые будут найдены неверными, но Бог никогда не отнимет Своей любви от Давида, как Он отнял от Саула (2Цар.7:15). Какое отношение имело это событие к первым читателям? Какое влияние оно имело на современников? Это обетование утверждало линию Давида, объясняя историческое происхождение постоянства династии Давида. Какое право сидеть на престоле имели сыны Давида в дни первых читателей? Ответ дан во 2Цар.7:1–17: Бог пообещал, что дом Давида будет править Израилем вовеки. Этот исторический факт утверждал современные обычаи и обязательства.

Так или иначе, каждая ветхозаветная история имела какое-то историческое обоснование устройства того мира, в котором позже жили читатели. Почему народ Израиля должен поклоняться единому Богу как Творцу? Почему он думает, что Ханаанская земля принадлежит ему? Почему он должен стремиться к гармонии? Моисей отвечает на эти вопросы, предоставляя вниманию читателей истоки таких убеждений в книге Бытия. Почему Израильтяне должны следовать за Моисеем? Почему они должны подчиняться социальному порядку, уставленному Моисеем? Зачем поклоняться в скинии Моисея? Книга Исход дает историческую основу этих законов. Таким же образом, каждая книга Ветхого Завета устанавливала определенные исторические корни того, с чем сталкивались впоследствии читатели.

Чтобы увидеть утверждающую роль текста, мы можем задать несколько уточняющих вопросов. Какой цикл определял события той или иной истории? Как этот цикл влиял на читателей? Каким образом исторические пояснения помогали читателям правильно реагировать на ситуацию, сложившуюся в их дни? Задавая подобные вопросы, мы видим,

что ветхозаветные писатели часто указывают на исторические корни, чтобы помочь читателям правильно разобраться с тем, с чем они сталкивались в своей жизни.

Модели

Вторым способом, которым мы можем руководствоваться, чтобы увидеть уместность изучения ветхозаветных историй в наши дни, является исследование моделей — примеров из прошлого, которые определяют нашу позицию.

«Но, мама,— возражает Джонни,— зачем мне учиться? Это неважно».

«Разве ты не помнишь историю об Аврааме Линкольне? — спрашивает его мама. — Он усердно трудился целый день, а когда наступал вечер, он садился перед камином и учился, пока не засыпал. Ты думаешь, он стал бы президентом, если бы не учился?»

Очевидно, мама Джонни ссылается на историю, чтобы разъяснить злободневный вопрос. Каким образом она связала прошлое с настоящим? Стремление Линкольна к учебе не определило никакой закономерности всеобщего погружения в науку. Оно не послужило причиной того, что Джонни был обязан учиться. Тем не менее, мама Джонни ссылается на опыт Линкольна как на модель. Глядя на пример Линкольна, Джонни теперь мог увидеть, насколько важна для него учеба.

Второстепенные аспекты. Очень часто ветхозаветные писатели, учитывая злободневные нужды современников, предоставляли им примеры из прошлого, чтобы найти пути решения многих проблем. Одни из этих примеров служили для подражания; другие — для предостережения. Иногда такая взаимосвязь была незначительной. Несмотря на то, что некоторые эпизоды или разделы книги содержат положительный или отрицательный примеры, автор также предлагает читателям определенные образцы.

Например, история об изгнании Адама и Евы из сада (Быт.2:4–3:24) раскрывает суть проблемы, почему человек, созданный по образу и подобию Божию, страдает и обречен на тщетный труд. Грехопадение наших прародителей ввергло человечество в грех и смерть. Моисей написал эту историю, чтобы объяснить причину страданий и горя на земле.

Пример Адама и Евы служит предостережением читателям. Почему читатели должны близко к сердцу принимать заповеди Божьи? Почему послушание Закону так важно? Ответ виден на примере Адама и Евы. Когда первые люди нарушили запрет Божий, последствия были суровыми. Это имеет отношение и к читателям, нарушающим Божьи требования.

Автор книг Царств также писал о царствовании Манассии с той основной целью, чтобы показать исторические причины переселения (4Цар.21:1–18). Грехи Манассии были последней каплей в решении судьбы Иудеи. Как сказал пророк, Бог собирался навести «такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвенит в обоих ушах у того» (21:12). Но для жизни читателей его рассказ был поучителен не только в этом. Жизнь Манассии служила негативным примером для изгнанников. Только избегая вероломства и бунтарства Манассии, они могли надеяться на возможное возвращение из плена.

Центральные аспекты. Зачастую примеры были основной задачей повествования. Некоторые истории содержат примеры, связывающие прошлое с настоящим. В первых главах книги Даниила мы видим молодых израильтян, имеющих образцовую веру. Они не делают ничего неправильного; они верно служат Вавилонскому царству и крепко держатся своего посвящения Богу Израиля. История о Седрахе, Мисахе и Авденаго (Дан.3:1–30) представляет этих юношей как пример благочестивой жизни в изгнании. Они поступали по вере, несмотря на явную угрозу их жизни, и это стало примером благочестия, которое ожидается от всех, живущих вне страны Вавилонской. Какая награда их преданности? Бог благословляет их, и прославляется Сам. Связь этой истории с читателями очевидна. Что нужно делать, когда приходит искушение поклоняться другим богам? Каким образом они

могли служить чужеземной власти, но при этом сохранять преданность Богу Израиля? Автор книги Даниила отвечает на эти вопросы на примере этих трех человек.

История о золотом тельце (Исх.32:1–36:6) содержит еще один пример. Этот эпизод появляется после того, как Бог дал повеление на горе Синай о поклонении в скинии, но до того, как колена Израилевы начали выполнять это повеление. Моисей вставил эту историю, чтобы описать осуждение Богом нечестивого поклонения Израиля. Какое отношение имел этот рассказ к читателям книг Моисея? В чем он предвидел ситуацию? Моисей привел эту историю с целью показать читателям, что происходит с теми, кто пренебрегает постановлениями закона. Если читатели отвернутся от чистоты установленного Богом поклонения, это возбудит Божий гнев так же, как и у подножия Синая.

Предвидение через предоставление моделей также распространяется на большие разделы и целые книги. Идеалистическое представление летописцем Давида и Соломона было вдохновляющим примером для вернувшегося из плена народа. Поступок Есфирь научил Израильтян служить интересам своего народа, даже находясь за пределами своей земли.

На протяжении всего Ветхого Завета мы находим истории, которые содержали примеры для первых читателей. Несколько наблюдений помогают нам определить эту связь. Во-первых, действия персонажа принесли ему успех или поражение? Во-вторых, похожи ли поступки персонажа на те, с которыми сталкиваются читатели? В-третьих, каких результатов могли ожидать читатели, подражая персонажу или избегая его примера? С помощью этих вопросов мы сможем рассмотреть модели во многих ветхозаветных историях.

Предсказание

«История повторяется» гласит знаменитая фраза историков. Несмотря на то, что некоторые западные ученые считают этот закон буквальным, обычно мы думаем, что история движется в линейном направлении. Однако мы знаем, что события в наши дни могут быть удивительно похожи на события прошлого.

Ветхозаветные писатели знали, что события прошлого Израиля повторяются. События предыдущих периодов истории часто были аналогами ситуаций, с которыми сталкивались их читатели. Поэтому они составляли рассказы так, чтобы показать, как настоящее повторяет прошлое. Читая ветхозаветные истории с такой установкой, читатели видели в ней зеркальное отражение своей эпохи.

Основным отличием разных типов историй является степень сходства между прошлым и настоящим. Истории, разъясняющие исторические корни сегодняшних традиций, основываются на нескольких сходствах и называются историческими. Модели проводят более четкие параллели между прошлым и жизнью читателей, но соответствие не обязательно должно быть во всем. Однако предсказания строятся на твердых аналогиях между историей и жизнью читателей; события излагаются так, что они близко напоминают читателям их ситуацию.

Несмотря на то, что предсказания действуют на основе аналогий между прошлым и настоящим, ветхозаветные писатели не выдумывали и не сочиняли таких параллелей; они правдиво рассказывали о фактах. Следовательно, такие аналогии никогда не бывают совершенно одинаковыми. Истории могут только во многом предусматривать ситуацию читателей, но никогда не являются идентичными ей.

Второстепенные аспекты. Иногда незначительные предсказания видны в историях, которые, по большей части, предоставляют модель или разъясняют какое-то историческое начинание. Например, повествование о Божьем завете с Аврамом (Быт.15:1–21) утверждает основанную на завете надежду Израиля получить обетованную землю — Ханаан. Читатели Моисея могли ожидать наследования земли, потому что Бог подтвердил Свое обетование Авраму клятвой. Но вместе с этим, Моисей предсказал то, с чем столкнутся читатели. В

Быт.15:17 Бог явился Авраму в виде «дыма из печи и пламени огня». Моисей описал этот зрительный образ дыма и огня, чтобы показать, как это событие из жизни Аврама предопределило события, происходящие с израильским народом в дни Моисея. Прочитав эту историю, израильтяне вновь видели, как Бог явился им в столпе облачном и огненном. Моисей показал читателям, что Бог, который пообещал привести потомков Аврама в обетованную землю, теперь является им, чтобы вести их в эту землю.

Центральные аспекты. Предсказания могут быть основными в историях. Например, повествование летописца о царствовании Манассии (2Пар.33:1–20) предсказывало то, с чем столкнутся читатели. Манассия весьма много грешил пред Господом и был изгнан в Вавилон. В Вавилоне он покался и воззвал о помощи. Бог услышал его плач и вернул его в Иерусалим. По возвращении Манассия очистил поклонение Израиля и отстроил Иерусалим.

Сходство между этой последовательностью событий и жизнью общества, вернувшегося из плена, поражают. Израильтяне грешили против Бога, попали в Вавилон, взыскали Божьей благосклонности, вернулись в землю израильскую, восстановили жертвенники и отстроили Иерусалим. Почему автор книги Паралипоменон описал правление Манассии именно так? Чтобы поддержать своих читателей в их деле восстановления. Их изгнание было Божьим наказанием за грех; их избавление было милостью Божьей, вызванной их покаянием. Если нечестивый царь Манассия выразил свое покаяние, отстраивая города, не должны ли и они поступить так же?

В той или иной степени, многие истории Ветхого Завета связывали мир прошлого с миром читателей, предсказывая какие-то моменты их жизни. Определять такие предсказывающие события помогают некоторые наблюдения. Соответствуют ли элементы истории тем, через которые проходили читатели в свои дни? Какие серии аналогий видны? Каким образом события истории проясняют то, через что прошли сами читатели, а также их будущие обязательства?

Определяя способы, которыми ветхозаветные писатели объясняли и утверждали сегодняшние события, предоставляли модели правильного и неправильного поведения, предсказывали жизненные ситуации читателей, мы сможем глубже понимать первоначальное значение ветхозаветных историй.

Применение

Среди моих знакомых есть учителя, преподающие в высших учебных заведениях. Большинство из них согласны с тем, что в наши дни студенты больше не желают учиться просто ради знаний. Профессора должны показывать, в чем заключается практическая польза предметов, которые они преподают. Студенты факультетов точных наук, бизнеса, гуманитарных наук и даже богословия хотят знать, как их предметы применимы в жизни.

Интерес к практической жизни был всегда. Ветхозаветные писатели также сталкивались с этим вопросом. Они писали не просто для того, чтобы ознакомить читателей с прошлым, но чтобы научить их, как следует жить в их время. Ветхозаветные истории избыточествуют тем, что их могут применять читатели в своей жизни.

Ветхозаветные истории имеют для нас множество значений, которые также сложны и взаимосвязаны, но для простоты, мы поговорим об их трех основных видах: информативном, указательном и эмоциональном. Какую информацию о мире предоставляет история читателям? Какие нравственные образцы предлагает история для жизни читателей? Каким образом рассказ затрагивает чувства читателей? (см. рис. 49)

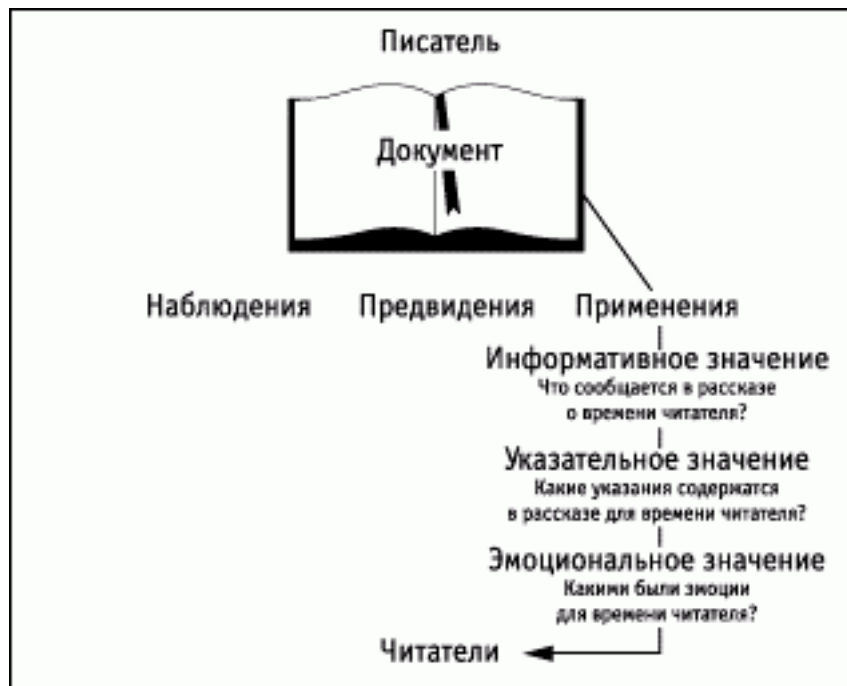

Рис. 49: Три формы применений

Информативное значение

Если мы не имеем правдивой информации о нашем мире, для нас практически невозможно благочестиво жить перед Богом. Без точных данных мы не можем делать правильный нравственный выбор или правильно реагировать на те или иные события. Все, что мы делаем, в большой мере зависит от правильной расстановки фактов.

Это правило относилось также и к первым читателям ветхозаветных историй. Стараясь вести угодную Богу жизнь, они нуждались в достоверных фактах окружающего их мира. Грех и ограниченность туманили их умы так, что они часто неправильно истолковывали реальность. Надеяться на честную, благочестивую жизнь перед Богом они могли только тогда, когда получали подлинное знание о своем времени. Для этого ветхозаветные писатели составляли свои истории так, чтобы они служили очками, через которые читатели могли видеть жизнь такой, какой она была в действительности.

Говоря о таком информативном значении историй для читателей, необходимо обратить внимание на обстоятельства, людей и Бога. Конечно же, каждый эпизод склонен подчеркивать только одну из этих категорий, однако в целых историях ветхозаветные писатели информировали своих читателей обо всех трех аспектах реальности.

Обстоятельства. Ветхозаветные истории сообщали читателям об их обстоятельствах. Мы уже увидели несколько примеров этому. Многие из людей, живших в то время, когда Моисей писал Бытие, думали, что совершили ошибку, отправившись в пустыню. Египет казался им вождеднее, чем жизнь, которую предлагал им Моисей. Однако история о путешествии Аврама (Быт.12:10–20) предоставляла читателям правильную оценку их обстоятельств. Исход из Египта вовсе не был ошибкой; он был благословением от Бога, как и в дни Аврама.

Многие из слышавших истории книги Бытия были убеждены в неприступности городов Ханаана. Они слышали устрашающие доклады шпионов и думали, что никогда не смогут завладеть этой землей (Чис.13:26–33). Для прекращения этой ложной паники у Моисея нашлась история о Вавилонской башне (Быт.11:1–9). В ней он рассказал, как люди Вавилона желали построить башню «высотой до небес» (11:4). Такими же Израильтяне считали Ханаанские города. Во Второзаконии (1:28) Моисей упомянул, что, по словам соглядатаев, у Хананеев города были «с укреплениями до небес». И поэтому он увещевал

Израильтян сохранять уверенность в том, что Бог предназначил им захватить эти укрепленные до небес города (Быт.9:1).

Такое сходство между словами Моисея во Второзаконии и в рассказе о Вавилонской башне трудно признать совпадением. Когда Израильский народ услышал эту историю, их ложные взгляды подверглись переоценке. Знаменитый город Вавилон с достигающей небес башней казался неприступным, но Бог разрушил его и рассеял народ. Тем более Он мог поразить меньшие города Ханаана.

Люди. Ветхозаветные авторы писали также для того, чтобы предоставить читателям достоверную информацию о людях тех дней. В своих историях писатели прослеживали судьбы людей прошлого, но читатели видели в этом аналогию себе и своему окружению.

Мы уже сказали, что эпизод с Давидом и Мелхолой (2Цар.6:20–23) не просто рассказывал читателям о дочери Саула. Дополнительным значением рассказа было уведомление читателей о семье Саула; Мелхола стала бесплодной, и дом Саула никак не мог претендовать на царство.

Истории об Аврааме и Лоте, Исааке и Измаиле, Иакове и Исаве содержат сведения об этих людях. Однако эти летописи также говорят читателям нечто, касающееся их современников. Лот был отцом Моавитян и Аммонитян (Быт.19:36–38); Измаил стал отцом Арабских народов (Быт.25:12–18); Исав был отцом Идумеев (Быт.36:9–43). Слыша эти истории, Израильтяне не только узнавали об исторических отношениях между своими патриархами и главами этих народов; они также понимали, как следует относиться к этим народам сейчас.

Бог. Ветхозаветные авторы писали читателям о Боге, действующем в их дни. О проявлениях Бога было собрано множество наблюдений, и эти факты осведомляли читателей о Божьих путях в современной им ситуации.

Например, мы уже в нескольких случаях отметили, что обетования, данные Богом Аврааму, применимы к первым читателям Бытия. Обетования о семени, о земле, о защите и благословении (Быт.12:1–3) показывали, как Бог обращался с народом Израиля в дни Моисея. Так же и обетование Бога Давиду (2Цар.7:1–17) было применимо к читателям времен Самуила. Богу можно было доверять в том, что Он выполнит свои обетования и заветы.

Реакция Бога на события также отражалась на ситуации читателей. Божьи проявления милости в истории говорили читателям о сострадательности к ним в их дни. Избавление Иерусалима во времена Ровоама (2Пар.12:1–2) сообщало читателям о Божьем желании поддержать и укрепить вернувшийся из плена народ. Благодаря записям о том, как Бог реагирует на грех, читатели лучше понимали, как Бог относится к греху вообще. Божий гнев на Адама и Еву (Быт.3:16–19) был уроком для них и свидетельствовал о неизменных взглядах Бога на грех. Божий суд над Озой (2Цар.6:6–7) уведомлял читателей, что Он не терпит никаких нарушений установленного порядка поклонения. Все эти события раскрывали читателям характер Бога, который действовал в их дни так же, как и в дни их отцов.

Указательное значение

Наряду с информированием читателей о прошлом, ветхозаветные авторы передавали им определенные указания. Писатели помогали читателям увидеть, как следует жить: какие нравственные обязательства они имеют, и как им следует вести себя в жизни.

Мы не должны забывать о стандартах нравственности, во избежание неправильного понимания. По большей части, нравственное значение ветхозаветных историй можно понимать в свете Закона Моисея и дальнейших откровений, данных пророками в период между временем Моисея и окончательным составлением истории.

Указательное значение любой истории весьма обширно и тесно связано с информативным и эмоциональным значениями. Как обычно, для его понимания полезно будет рассмотреть обстоятельства, людей и Бога.

Обстоятельства. Ветхозаветные истории учили читателей вести определенный образ жизни. Как читатели получали информацию об окружающем их мире, точно так же они узнавали об обязательствах, которые им следовало выполнять в определенных ситуациях. Например, повествование летописца о царствовании Асы предоставляет читателям модель правильной реакции на военную угрозу (2Пар.14:2–16:14). Когда Аса доверился Богу в войне, он одержал победу. Но когда он взял из храма сокровища, чтобы приобрести помощь Венадада, он жестоко пострадал (16:1–9). Таким образом, летописец помогает своим собратьям, вернувшимся из плена, правильно реагировать на военные угрозы. Он увещевает их избегать альянсов с чужеземцами и уповать на Бога. Каждая повествовательная книга в Ветхом Завете обращала внимание своих читателей на то, как следует поступать в подобных ситуациях.

Люди. Указательное значение ветхозаветных историй также распространялось на отношения читателей с другими людьми. Например, история о Моисеевых постановлениях по поводу брака с женщинами, имеющими удел земли (Чис.36:1–13) была применима в отношении жителей обетованной земли. Женщины, имеющие землю, были вправе выходить замуж только за мужчин из их колена.

Таким же образом, рассказы об Иосифе и его братьях имеют много указаний, которым читатели Бытия должны были следовать в отношениях между собой. Враждебность и зависть между братьями, должны были искореняться из отношений в коленах Израиля.

Бог. Ветхозаветные писатели также затрагивали в своих повествованиях обязанности, которые читатели имели перед Богом. Примеров этому очень много. Когда Давид сказал Мелхоло: «Пред Господом играть и плясать буду» (2Цар.6:21), читатели явно увидели, что Богу нужно поклоняться в сердце. Когда Авраам верой отозвался на повеление Бога принести в жертву Исаака (Быт.21:1–9), читатели также увидели свою обязанность быть верными Богу во время испытаний.

Эмоциональное значение

Ветхозаветные писатели были заинтересованы не только в том, чтобы информировать и направлять своих читателей. Они также хотели вызвать у них правильные эмоциональные реакции на окружающий их мир. Радость, грусть, страх и уверенность — все человеческие эмоции затрагиваются в их историях. Размышляя над идеологическими намерениями ветхозаветных писателей, мы также должны принимать во внимание эмоциональное значение их историй.

Нужно быть осторожными, чтобы не спутать эмоциональное значение с эмоциональными наблюдениями в рассказе. Ветхозаветные авторы наблюдали за эмоциональными сторонами событий, чтобы получить от читателей соответствующий отклик на событие. Читая о чем-то, происшедшем давным-давно, читатели могли сопереживать своим героям. Затронуть эмоции читателя было важной частью задачи автора. Но в данный момент нас интересует то, как ветхозаветные писатели хотели вызвать у читателей оценку их собственной ситуации. Как они должны оценивать свою собственную жизнь? Восхищаться? Разочаровываться? Опасаться? Для этого мы снова посмотрим на обстоятельства, людей и Бога.

Обстоятельства. Давайте еще раз отметим, что ветхозаветные читатели попадали в самые различные обстоятельства, одни из которых ободряли, другие, наоборот, пугали. Одни ситуации давали чувство уверенности читателям; другие приводили к сомнениям.

Например, мы видим, что автор Царств постоянно учит своих читателей, что изгнание Севера и Юга было справедливым. Неужели он посвятил себя этой теме, чтобы просто информировать читателей? Может, он делал это, чтобы призвать их к послушанию? Помимо этого, мы также видим у писателя заинтересованность в том, чтобы вызвать у читателей соответствующую реакцию на изгнание. Читая об одном за другим исторических событиях, они должны были видеть причину своего изгнания с земли и чувствовать сожаление, скорбь, смирение перед обстоятельствами.

Когда первые читатели книги Чисел услышали о страхе, охватившем шпионов (Чис.13:31–33), какое значение имело для них это событие? Оно призывало всех, кто испытывал страх, ободриться, и укрепляло убеждения тех, кто был твердо намерен захватить Ханаанскую землю.

Люди. Ветхозаветные истории также много говорили читателям о том, какие чувства им следует питать к другим людям. Первые читатели ветхозаветных историй находились в окружении других народов. Многие рассказы учили их тому, какие чувства нужно было проявлять к людям, с которыми они сталкивались.

Один из примеров этому виден в том, как Соломон безжалостно очищает свой двор от всех политических оппонентов (3Цар.2:13–46). Какие чувства должны были испытывать читатели к потомкам Соломона, которые в их дни претендовали на лидерство? Как мы уже увидели, автор книг Царств показал, что действия Соломона были совершенно правомочны. Народ, находившийся в изгнании, должен был почитать потомков Соломона, которые должны были однажды отвести их обратно в их землю.

Явный пример эмоционального значения ветхозаветных историй для читателей также виден в последней главе книги пророка Ионы (Ион.4:1–11). Когда растение, под тенью которого сидел Иона, засохло, Иона сказал Богу, что он «очень огорчился, даже до смерти» (4:9). Бог ответил: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» (4:11). Через Божье обличение читатели учились, что им также необходимо иметь сострадание и любовь к потерянными народам. Жестокое сердце Ионы нужно заменить сердцем, радующимся покаянию и вере других народов.

Бог. Ветхозаветные истории учили читателей, какие чувства нужно испытывать к Богу. В разное время и в разных обстоятельствах читатели должны были относиться к Богу по-разному. Послушание и смирение требуются всегда, однако, ветхозаветные истории время от времени подчеркивают различные чувства к Богу.

Когда Бог поразил Озу за прикосновение к ковчегу и Давид сказал: «Как войти ко мне ковчегу Господню?» (2Цар.6:9), значение этого события было очевидно для читателей. Те, кто несерьезно воспринимают святость Бога в поклонении, имеют все причины, чтобы опасаться Его гнева. Когда рассказ повествует, что ковчег все-таки внесли в город надлежащим образом и с большим ликованием, читатели также видят, что поклоняться нужно с радостью и ликованием, находясь в благодати Божьей.

Читатели Моисея, услышав о катастрофе в дни Ноя, исполнились страха перед Божьей разрушительной силой, действующей против грешников. Однако вместе с этим Бог заверил Ноя, что «впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Быт.8:22). В этом стихе читатели обретают утешение в Боге; постоянство и регулярность времен года были для них чудесными Божьими дарами.

Заключение

В этой главе мы описали идеологические намерения согласно трем основным категориям: наблюдение, предвидение и применение. Эти аспекты первоначального значения тесно взаимосвязаны. Однако, раскрывая такие авторские цели, мы сможем углубляться в подлинное значение историй.

Вопросы

1. Что такое авторские: наблюдение, предсказание и применение по отношению к читателям?
2. Назовите три основных наблюдения, которые проводили ветхозаветные писатели.
3. Назовите три основных предсказания, которые делали авторы для своих читателей.
4. Назовите три ключевых значения историй, которые читатели должны были применять к себе?

Упражнения

1. Изучите Быт.12:1–9 и нарисуйте пятишаговую схему драматического хода этого отрывка.
2. Рассмотрите каждый шаг Быт.12:1–9. Что вы можете сказать о фактических, нравственных и эмоциональных наблюдениях Моисея?
3. Рассмотрите каждый шаг Быт.12:1–9 и найдите места, где для читателей утверждались обычаи, предоставлялись модели или предсказывались определенные события (не забывайте, что Аврам был призван идти в обетованную землю так же, как и Моисей призвал Израиль к исходу).
4. В свете вашего исследования, подведите итоги информативного, указательного и эмоционального значения, которое имели рассказы для читателей Быт.12:1–9 (не забывайте о трудностях, с которыми сталкивались читатели, слыша эту историю).

Обзор ветхозаветных историй

«Чем больше пруд, тем тоньше лед» — это первое важное правило для начинающих любителей фигурного катания. Чем больше площадь, которую покрывает лед, тем он тоньше.

В этой главе мы будем кататься по тонкому льду. Мы проведем краткий обзор всех основных книг Ветхого Завета, состоящих преимущественно из историй. Поскольку эта задача очень обширна, мы только поверхностно коснемся ее аспектов. Нашей целью в этой главе является всего лишь установление основных направлений для дальнейшего исследования. Много информации и альтернативных мнений по этой теме можно найти в стандартных введениях и комментариях.

Несмотря на то, что каждая книга имеет свои неповторимые черты и цели, большинство повествовательных книг Ветхого Завета попадают в следующие четыре группы:

1. История Моисея (Бытие, Исход, Числа и Второзаконие)
2. История Второзакония (Иисус Навин, книги Судей и Царств)
3. История Паралипоменона (Паралипоменон, Ездра и Неемия)
4. Другие книги (Руфь, Есфирь и Иона)

Мы начнем с краткого обзора каждой группы, после чего рассмотрим каждую книгу в отдельности.

История Моисея

Ветхозаветные истории впервые появились в Книгах Моисеевых (Бытие, Исход, Числа и Второзаконие). Иудейские и христианские толкователи издавна признают значительные связи между этими книгами. Книга Бытие начинает историю, книга Исход строится на событиях Бытия, книга Чисел продолжает историю, и затем следуют события Второзакония. Таким образом, Книги Моисеевы охватывают период от сотворения до смерти Моисея.

Тем не менее, Книги Моисеевы являются единым, целостным произведением. Каждая книга имеет свои независимые черты. Бытие заканчивается смертью Иосифа (Быт.50:22–26), а книга Исход кратко повествует о жизни Иосифа (Исх.1:1–7). Книга Исход завершается путешествием дома Израилева (Исх.40:38), а книга Чисел начинает свое повествование с событий у горы Синай (Чис.1:1). В Числах описывается путешествие Израиля к обетованной земле, и анализируются многочисленные события на равнинах Моава (Чис.21:10–36:13); Второзаконие включает речи Моисея, произнесенные в Моаве и некоторые события, сопровождающие эти речи. Хотя мы должны хранить в уме общее единство Книг Моисеевых, нам не следует упускать из вида индивидуальность каждой отдельной книги.

Придерживаясь библейского свидетельства, евангелисты утверждают, что авторство Пятикнижия, в основном, принадлежит Моисею. Критически настроенные толкователи издавна не соглашались с этой традиционной точкой зрения в пользу хорошо известных документальных гипотез. Очевидно, что Моисей черпал информацию из разных источников и нанимал писарей; Второзаконие содержит свидетельства о посмертном издании. Тем не менее, мы не можем отрицать авторской роли Моисея, не подвергая сомнению авторитет Писания и слов Самого Иисуса.

Большинство евангельских ученых соглашаются с тем, что автором Пятикнижия был Моисей, но далеко не всегда применяют этот факт в толковании. По большей части, толкование не связано со служением Моисея. Но в нашем изучении мы рассмотрим, как каждая книга соответствует времени Моисея. Почему он составил эти истории? Что он хотел сообщить своим читателям? Такой подход прольет свет на первоначальное значение Книг Моисеевых.

Бытие

Книга Бытия описывает выборочные события, происшедшие в период от сотворения мира до смерти Иосифа. Все эти события произошли до времен Моисея. Однако влияние матери (Исх.2:8–9), образование в Египте (Исх.2:10) и особое откровение от Бога подготовили его к написанию этой истории для Израиля.

Некоторые отрывки были немного подвержены редакторским правкам. Орфография еврейского текста также свидетельствует об обновлении языка книги. Но нет убедительного свидетельства о том, что свою окончательную форму книга получила после Моисея. Тем не менее, мы не можем точно утверждать, когда Моисей составил Бытие. Он мог написать книгу в Египте, во время путешествий по пустыне или на равнинах Моава. Книга даже могла постепенно составляться во время всех этих событий. Моисей мог составить книгу Бытие в любое время со времени своего призвания (Исх.3:1–4:31) до своей смерти (Втор.34:5) (см. рис. 50).

Рис. 50: История Моисея

Многие толкователи считают, что Бытие построено по «формуле поколений» (Быт.2:4; 5:1; 6:9; 10:1; 11:10; 11:27; 25:12; 25:19; 36:1; 37:2). Но такой подход придает большую важность поколениям Измаила (25:12–18) и Исава (Быт.36:1–43), которые играют относительно второстепенные роли в этой книге. Поэтому Бытие гораздо легче разделить на следующие три основные части:

- I. Первобытные времена (1:1–11:9)
- II. Ранние времена патриархов (11:10–37:1)
- III. Времена Иосифа (37:2–50:26)

Моисей написал книгу Бытия, чтобы показать своим читателям, что уход из Египта и владение Ханааном было Божьим планом для Израиля. Первозданные акты творения от хаоса до субботнего отдыха, омовение падшего мира водами потопа, избрание потомков Сима для завоевания Ханаана и поражение Вавилона — все эти события свидетельствовали о том, для какой цели Бог вывел его из Египта (I). События из жизни Авраама, Исаака и Иакова сообщали Израилю о его численном умножении и владении обетованной землей, а также об отношениях с окружающими народами (II). Отношения между главами колен в истории об Иосифе показали, как должны относиться друг к другу колена Израилевы в дни Моисея и убеждали Израиль в том, что Ханаан принадлежит ему (III). Наблюдения Моисея о прошлых веках побуждали его читателей отвернуться от Египта и уверенно вступить во владение Ханааном. Последние слова Иосифа четко показывают цель Моисея: «Но Бог посетит вас, и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову» (Быт.50:24).

Эта основная тема полностью соответствует возможным датам составления окончательной формы книги. Если Бытие было составлено в Египте, Моисей писал, призывая Израильян покинуть Египет и отправиться в обетованную землю, потому что: 1) Бог будет помогать им, как помогал в первобытные времена (I); 2) Бог обещал патриархам щедро благословить их потомков (II); 3) Бог создаст из колен Израиля один народ и приведет его в Ханаан так, как показал это во дни Иосифа (III).

Если же Бытие было написано в пустыне или на равнинах Моава, Моисей призывал читателей не прекращать борьбу. Израиль мог с уверенностью вести свои сражения, потому что: 1) Божьи действия в первобытные времена показывают Его план дать им во владение Ханаан (I); 2) Бог дал патриархам обетования, вел и защищал их, Он так же будет делать и для всего народа (II); 3) Бог приведет двенадцать колен в землю, как Он сделал это во дни Иосифа (III).

В книге Бытия записана история от начала времен до смерти Иосифа. Но эта история имела огромное значение для читателей Моисея. Слыша эти истории, они понимали важность своих переживаний, обязанностей и надежды на будущее.

Исход

Книга Исход охватывает события от рождения Моисея до прибытия народа в равнины Моава. Она сосредотачивается на избавлении Израиля из Египта под руководством Моисея, и на законе и традициях, которые он получил на горе Синай.

Возможные даты окончательного составления книги Исхода не очень разбросаны. Нам говорится, что народ Израиля ел манну, «доколе не пришел к пределам земли Ханаанской» (Исх.16:35). Также в последнем стихе говорится, что столп огненный и облачный был «пред глазами всего дома Израилева, во все путешествие их» (Исх.40:38). Эти места подсказывают, что Исход мог быть написан после того, как народ пришел к равнинам Моава.

Мы также знаем, что Исход был окончательно составлен до смерти Моисея. В некоторых отрывках могут просматриваться более поздние вставки, но основной вариант Пятикнижия был сделан после смерти Моисея. Поэтому возможной последней датой составления было время перед самой смертью Моисея (см. рис. 50).

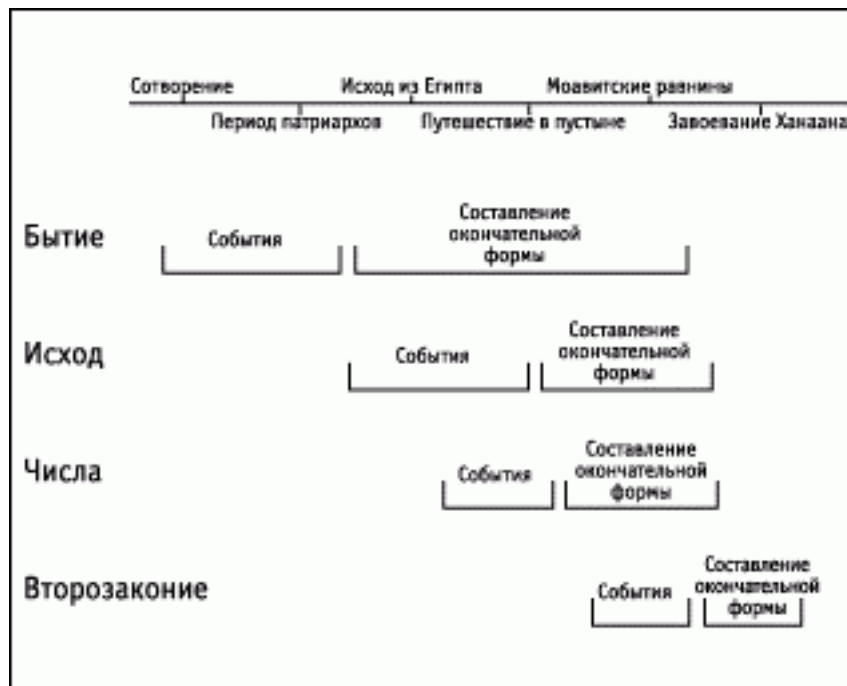

Рис. 50: История Моисея

Исход делится на три основные части:

- I. Избавление при Моисее (1:1–18:27)
- II. Завет при Моисее (19:1–24:18)
- III. Поклонение при Моисее (25:1–40:38)

Исход содержит много важных тем для первых читателей, но основной из них является Божье авторство завета, данного Моисеем народу. Несмотря на то, что книга исполнена повествований о Божьих великих делах для Его народа, мы не должны упускать основной роли Моисея как лидера. Чудесное избавление Моисея в детстве, его забота об Израильских братьях, его призвание Богом, чудеса в Египте и в пустыне, показывают, что Бог поставил Моисея вождем Израиля (I). Это подтверждается также тем, что Моисей получил для народа Закон. Закон был от Бога, и только Моисею было разрешено взойти на Синай в святое присутствие и получить его (II). Также и скиния была нововведением Моисея; на горе он получил от Бога указания для поклонения (III).

В книге Исход неоднократно утверждается законность служения Моисея. При первом же разговоре с израильтянином Моисей услышал вопрос: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» (Исх.2:14). Книга Исход отвечает, что вождем Израиля Моисея поставил Бог.

Вопрос о власти Моисея четко приходится на время окончательного составления книги. Израильтяне часто подвергали сомнению законность лидерства Моисея (Исх.5:19–21; 14:10–12; 16:1–3; 32:1; Чис.12:1–16). Против его руководства роптали и бунтовали, его новый порядок казался сковывающим и суровым, а социальные постановления и обряды нарушались даже в те моменты, когда Сам Бог давал их.

В ответ на ропот против его служения, Моисей написал книгу Исход как защиту своего лидерства. Книга показала, что Моисей вывел Израиль из Египта под руководством Бога (I), что Моисеев Закон был от Самого Бога и обязан был строго соблюдаться (II), что постановления Моисея о поклонении в скинии также были даны Богом (III).

Книга Исход охватывает множество событий: от тяжелого рабства до путешествия Израиля к пределам Ханаана. Власть Моисея была важным вопросом, когда приближалась его смерть и народ готовился войти в обетованную землю. Исход особенно сосредотачивался

на лидерстве Моисея и предоставлял законное основание для всего, что он делал под Божьим руководством.

Числа

Книга Чисел описывает события, которые произошли в то время, когда Израиль шел от Синая к равнинам Моава. Книга описывает это путешествие в нескольких фазах и повествует о временах послушания, ведущих к благословию, а также о бунтарстве, ведущем к осуждению.

Свою окончательную форму книга Чисел получила на равнинах Моава. За исключением нескольких стихов, мы не имеем свидетельства об ее изменениях после смерти Моисея. Последние события, записанные в книге, говорят о размещении Израиля в Моаве «против Иерихона» (Чис.22:1; 26:3; 26:63; 31:12; 33:48, 50; 34:15; 35:1; 36:13). Повторяющиеся ссылки на Иерихон показывают, что книга могла быть написана в самом конце жизни Моисея, когда Израиль готовился к захвату земли (см. рис. 50).

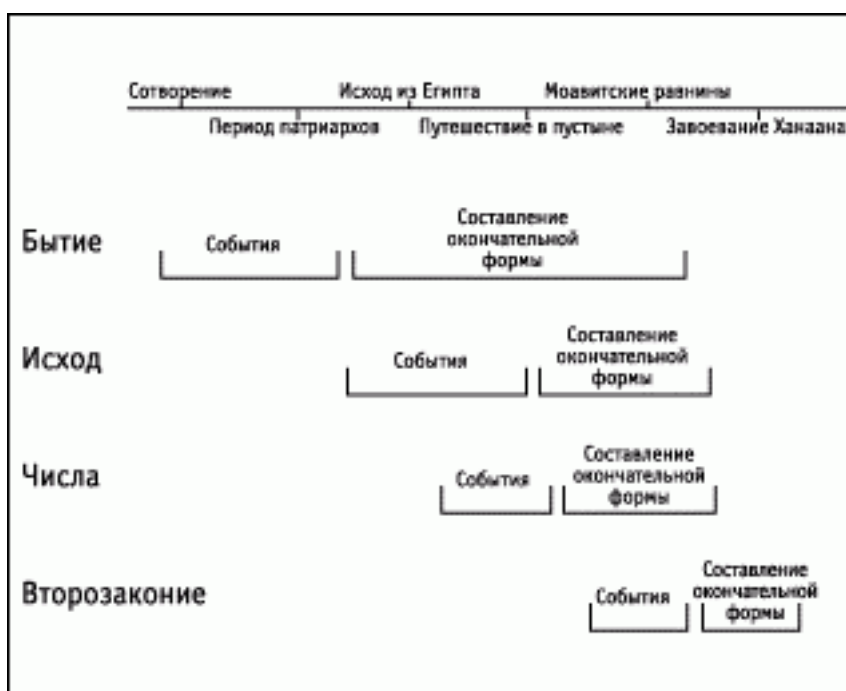

Рис. 50: История Моисея

Книга чисел делится на три основные раздела:

- I. Создание первой армии (1:1–10:10)
- II. Поражения в походе (10:11–25:18)
- III. Создание второй армии (26:1–36:13)

Моисей составил книгу Чисел, чтобы призвать к оружию второе поколение Израиля, как святую Божью армию. Книга начинается с формирования армии первого поколения и святых постановлений, которые она должна соблюдать (I). Затем описывается поход первого ополчения от Синая до равнин Моава. По пути армия бунтует и теряет нравственные ориентиры. Бог защищает свой народ, но отвергает армию первого поколения (II). Последний раздел описывает создание святой армии следующего поколения. Новое поколение организовано, испытано и ему даны особые постановления (III).

Книга Чисел непосредственно говорила к сердцам первых читателей. Эти рассказы призывали Израиль, остановившийся на Моавитских равнинах, посмотреть на себя как на святую Божью армию. Они сосредотачивались на: 1) какую мощную армию Бог создал из

первого поколения (I); 2) Божьих благословениях первой армии, ее поражениях и Божьим наказанием (II); 3) милостивом преобразовании второго поколения в мощную армию, имеющую указания к войне и к жизни на земле после победы (III).

Книга Чисел учила читателей тому, что Бог призвал их быть святой армией. Первое поколение не устояло. Но вскоре люди второго поколения должны были ступить на Ханаанскую землю. Достигнут ли они победы?

Второзаконие

Второзаконие кратко повествует о событиях, которые произошли на равнинах Моава. Книга сосредотачивается на завещании Моисея народу и передаче власти Иисусу Навину. Завершается книга смертью Моисея. В этом узком историческом промежутке речи Моисея повторяют всю историю Исхода и предусматривают события, которые произойдут в обетованной земле.

Время окончательного составления Второзакония установить трудно. Большая часть книги была написана самим Моисеем, и нет никаких оснований сомневаться в авторстве книги. Тем не менее, сама книга подсказывает, что окончательную форму она получила уже после смерти Моисея. Самым выразительным свидетельством этого является запись о смерти Моисея (Втор.34:1–12). Эта запись является не просто незначительной редакторской поправкой, она ставит нас в определенные рамки толкования всей книги. Второзаконие представляет постановления Моисея, данные читателям после его смерти.

Сходство Второзакония с международными договорами второго тысячелетия указывают на то, что эта книга получила свою окончательную форму в дни Иисуса Навина. Второзаконие представляет его верным хранителем Закона Моисеева (Втор.1:38; 31:7–8; 34:9) и указывает на нужду народа знать эту книгу, ступая на Ханаанскую землю (Втор.11:29–32). Целая глава содержит подробные инструкции о том, как завет Моисея должен быть обновлен на горе Гевал (Втор.27:1–26). Как сообщает книга Иисуса Навина, эти постановления соблюдались до мельчайших подробностей (Иис.Нав.8:30–35). Похоже, что книга была окончательно составлена не раньше этого обновления завета при Иисусе Навине (см. рис. 50).

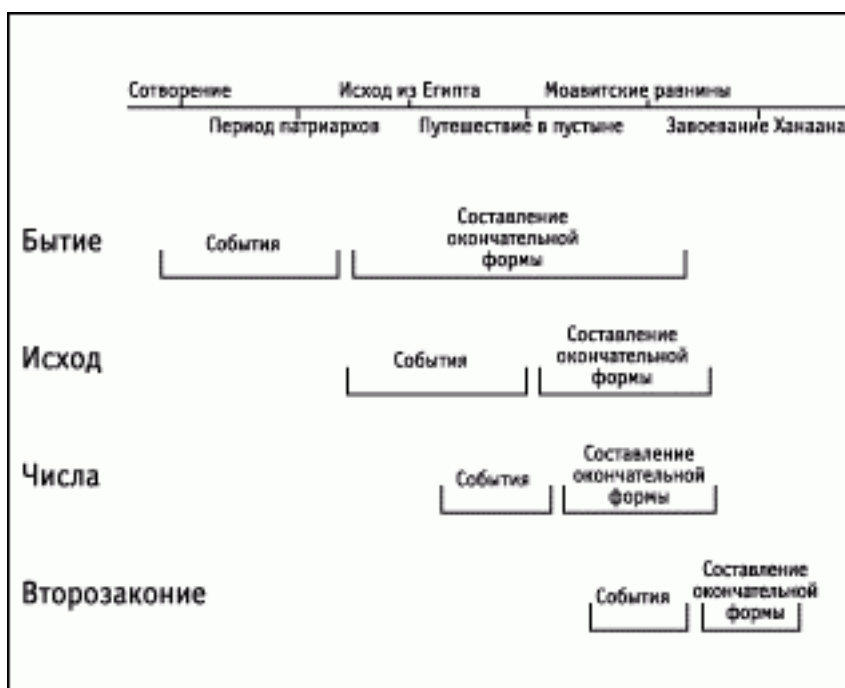

Рис. 50: История Моисея

Второзаконие состоит из нескольких основных обращений Моисея, а также включает повествование о последних событиях его жизни. Тематическая структура, в которой расположены эти материалы, не совпадает с формой древних ближневосточных договоров и соглашений.

I. Введение (1:1–4)

Первое обращение (1:5–4:43)

II. Исторический пролог (1:5–4:43)

Второе обращение (4:44–28:68)

III. Условия (4:44–26:19)

IV. Благословения, проклятия и утверждение (27:1–30:20)

Третье обращение (29:1–30:20)

V. Последовательность (31:1–34:12)

Книга описывает события, происходившие во времена Моисея, когда народ должен был следовать за Иисусом Навином в обновлении завета. Она подтверждает происхождение завета поклонения Богу (I); перечисляет проявления Божьей милости на протяжении истории (II); подчеркивает обязательства жизни в завете (III), раскрывает благословения, проклятия и утверждение завета (IV); описывает продолжение следования завету (V).

Когда народ входил в Ханаанскую землю, он сталкивался со многими трудностями и искушениями. Второзаконие обязывало народ помнить: 1) Бога, который установил с ним завет через Моисея (I); 2) Божьи дела для него на протяжении истории (II); 3) Его требования праведной жизни (III); 4) благословения, проклятия и утверждение отношений, предусмотренных заветом (IV); 5) необходимость следовать за Иисусом Навином как за лидером народа завета (V). Таким образом, Второзаконие прямо указывало на обязанности и потребности его первых читателей.

История Моисея формирует первую часть повествовательных материалов в Писании. Она касается вопросов, связанных с потребностями Израиля в первые десятилетия его существования как народа. Она объясняла и оправдывала исход (Бытие), утверждала авторитет Моисея и законность введения его национальной политики (Исход), направляла к завоеваниям народ как святую армию (Числа) и учила необходимости хранить верность завету (Второзаконие). История Моисея является фундаментальным документом для всех уроков, которые Бог собирался дать Своему народу в будущем.

История Второзакония

Второй основной частью традиционного Еврейского Канона являются книги пророков. Пророческий материал делится на две группы: «ранние пророки» (книги Иисуса Навина, Судей и Царств) и «поздние пророки». Мы рассмотрим ранних пророков, или Историю Второзакония, как ее называют в последние годы. Этот раздел канона дает пророческую оценку истории Израиля от завоевания Ханаана до изгнания в Вавилон.

Существует много мнений об авторстве книг ранних пророков, но два из них наиболее выделяются. С одной стороны, критически настроенные толкователи ищут документальные источники Пятикнижия в некоторых из этих книг. Но, в общем, этот подход был поддержан далеко не всеми.

С другой стороны, немецкий богослов Мартин Нот высказал мнение, получившее широкое распространение. Он утверждал, что окончательную форму всех книг от Второзакония до Царств, исключая Руфь, составил в дни изгнания некий автор, которого он назвал «Второзаконник». Нот признавал, что все книги в этой истории отличаются одна от другой. Такие различия в стиле и содержании он объяснял разницей источников, на которые полагался Второзаконник. Поэтому, с точки зрения Нота, одна главная богословская нить

проходит через все эти книги: Израиль нарушал законы до такой степени, что был справедливо осужден на изгнание.

В своей книге «Богословие Ветхого Завета» Вон Рад, хотя и соглашался с тем, что эти книги имеют определенное единство, несколько изменил такую негативную оценку мотивов написания этих книг. Его основной темой была надежда на Мессию, особенно в книгах Царств. При этом он утверждал, что Второзаконник подчеркивал надежду на продолжение линии Давида. Несмотря на грех и осуждение, обетование, данное Давиду, не было утрачено.

В последние годы обоим мнениям придавали одинаковую важность. Крос утверждает, что суд и надежда отражают два разных редакторских уровня. Положительная надежда на продление линии Давида происходит от автора, который писал во времена реформ Иосии (4Цар.22:1–23:30). А негативная тема осуждения была привнесена автором во время изгнания.

Другой немецкий писатель, Г.В. Вольф, нашел еще более удобный подход к анализу негативных и положительных элементов текста. По его мнению, закономерность того, что израильский народ находится в изгнании, и его надежда на род Давида тесно связана с покаянием. Если изгнанники полностью раскаются в своих грехах, произойдет их возвращение из плена.

Современные евангельские ученые имеют разные мнения о датировках и назначении книг ранних пророков. Два вопроса имеют особую важность: место Второзакония и единство истории.

Место Второзакония

Критически настроенные толкователи обычно смотрят на окончательную форму книги Второзакония как на часть Истории Второзакония. Как мы уже увидели, евангелисты приписывают авторство Второзакония Моисею, исключая любые более поздние датировки появления этой книги.

Поэтому нельзя отрицать, что Второзаконие играло важную роль во всех книгах - от книги Иисуса Навина до книги Царств, хотя авторы опирались на другие книги Пятикнижия. Богословская терминология, структуры заветов и многие другие богословские элементы очень широко представлены во Второзаконии. Поэтому можно сказать, что Второзаконие выполняло двойную функцию: завершало Историю Моисея и предоставляло богословское основание для Истории Второзакония.

Единство истории

Вторым основным вопросом были отличительные черты каждой книги. Мнение Нота о написании истории во время изгнания сглаживает различия книг. Однако, как мы еще увидим, книги Иисуса Навина, Судей и книги Царств значительно отличаются друг от друга. Для правильного понимания этих книг мы должны рассматривать их каждую в отдельности.

С точки зрения такого разнообразия и одновременно единства между этими книгами, будет разумнее всего предположить, что История Второзакония является работой разных писателей, принадлежавших к одной богословской группе. Гармония повествования появляется, в основном, благодаря ее огромной зависимости от Второзакония. Тем не менее, каждая книга имеет свои отличительные черты, поскольку все авторы преследовали различные цели.

Иисус Навин

Книга Иисуса Навина повествует о событиях, связанных с первыми завоеваниями Израиля в Ханаане: разделение земли, первые дни пребывания в Ханаане, смерть Иисуса Навина. Книга содержит много личных свидетельств автора (Иис.Нав.2:21; 5:1, 6; 7:21; 8:26;

14:6–12; 15:16–19; 17:14–18), а это говорит о том, что разделы книги писались приблизительно в одно время с описываемыми событиями. О Раав в книге сказано, что «она живет среди Израиля до сего дня» (Иис.Нав.6:24). Иевусеи все еще находились в Иерусалиме (Иис.Нав.15:8; см. также 2Цар.5:6), а Гаваонитяне все еще были слугами при святилище (Иис.Нав.9:27; см. также 2Цар.21:1–6). Однако, принимая во внимание другие части книги, эти ссылки относятся к источникам, которыми пользовался автор, составляющий окончательный вариант книги.

Ряд стихов показывает, что окончательная форма была составлена гораздо позже того, когда произошло большинство событий в книге. В нескольких случаях автор посчитал нужным предоставить современные эквиваленты старым названиям определенных мест (Иис.Нав.15:9, 49, 54). Некоторые события, отмеченные в книге, произошли после Иисуса Навина. Например, писатель упоминает о завоевании Хеврона Халевом (Иис.Нав.15:13; Суд.1:8–10), Давира — Гофонилом (Иис.Нав.15:15–17; Суд.1:11–13) и о поселении сынов Дановых на севере Израиля (Иис.Нав.19:47; Суд.18:27–29). В последней главе записано о смерти Иисуса Навина (Иис.Нав.24:29–30) и Елезара (Иис.Нав.24:33). Книга даже предоставляет ретроспективную характеристику старейшин, которые пережили Иисуса Навина (Иис.Нав.24:31). В свете этих доказательств, мы можем сделать вывод, что свою окончательную форму книга Иисуса Навина получила не раньше первого или второго поколений после смерти самого Иисуса Навина.

Наилучшая подсказка о самой поздней дате находится в третьей книге Царств (16:34), где упоминается о проклятии Иисуса Навина на каждого, кто отстроит Иерихон (Иис.Нав.6:26). Эта книга Царств была написана приблизительно во времена издания Указа царя Кира (538 до Р. Х.). Следовательно, окончательная форма книги Иисуса Навина была составлена во время изгнания (см. рис. 51).

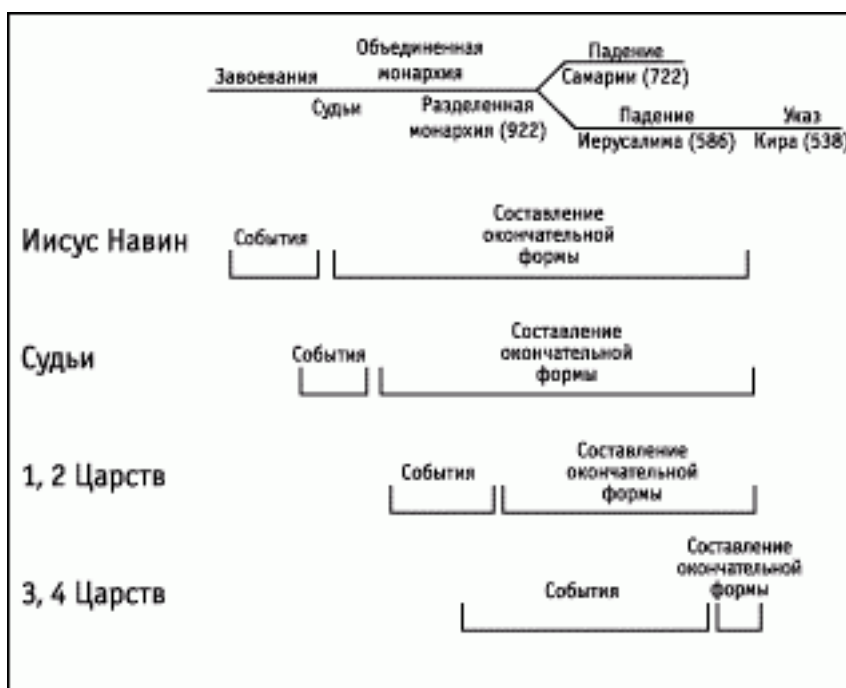

Рис. 51: История Второзакония

Книга Иисуса Навина делится на три основные части.

- I. Завоевание земли (1:1–12:24)
- II. Унаследование земли (13:1–22:34)
- III. Жизнь по завету в земле (23:1–24:33)

Книга Иисуса Навина сосредотачивается на днях завоевания, чтобы научить своих читателей, как следует жить в земле, которую дал им Бог. Победы и поражения Иисуса Навина показывали, что Израиль должен был продолжать сражаться за землю (I). Разделение уделов земли и отношения между коленами учили Израиль тому, как следует обращаться с полученной в наследство землей (II). Церемония обновления завета в конце жизни Иисуса Навина показала необходимость жить в соответствии с заветом, установленным Богом (III).

Эти основные цели соответствуют возможным датам окончательного составления книги. Если книга была написана до монархии, она говорила читателям: 1) продолжать свякую войну, начатую Иисусом Навином (I); 2) уважать земельные наделы колен и сохранять единство (II); 3) сохранять верность обновленному завету (III).

Если же книга была окончательно составлена во время изгнания, она: 1) предоставляла изгнанникам надежду на победу над врагами (I); 2) напоминала им об их национальном наследии в обетованной земле (II); 3) призывала их к обновлению завета и верности ему (III).

Книга Иисуса Навина возвращается к дням, в которые Израиль впервые занял землю, чтобы указать читателям путь к победе, безопасности и верности завету в Ханаанской земле.

Книга Судей

Книга Судей повествует о событиях между временем завоевания земли и временем воздвижения монархии в Израиле. Как и в книге Иисуса Навина, некоторые события были записаны приблизительно в то же время, когда произошли. О Иевусеях сказано, что они «живут в Иерусалиме до сего дня» (Суд.1:21); Сидон считается главным городом Фонеции (Суд.18:28). Эти отрывки свидетельствуют об источниках, которыми пользовался составитель окончательной формы книги.

Несколько стихов указывают на то, что вероятной самой ранней датой окончательного составления книги был период монархии. Четыре раза автор сравнивает свой собственный день с историческими событиями книги, говоря: «В те дни не было царя у Израиля» (Суд.17:6; 18:1; 19:1; 21:25). Суд.18:30 может означать, что изгнание Израиля в это время уже произошло.

Несколько стихов также подсказывают возможную последнюю дату написания книги. В книге Царств повторяется историческая последовательность событий книги Судей. О рождении Самуила повествуется после рождения Соломона. Это может означать, что книга Судей была написана не раньше времени окончательного составления первых книг Царств. Промонархический склад книги может указывать на дату, предшествующую великим поражениям царства в Израиле, однако народ возлагал большие надежды на своих царей даже после того, как Давид и его потомки навели на него беду. Явное наличие царей в дни писателя (Суд.17:6; 18:1; 19:1; 21:25) свидетельствует о том, что книга могла быть окончательно составлена до переселения. Но эти стихи могут также объясняться тем, что сохранилась надежда на царей во время плена. Несмотря на то, что период ранней монархии кажется более подходящим, мы не должны исключать и возможных более поздних дат (см. рис. 51).

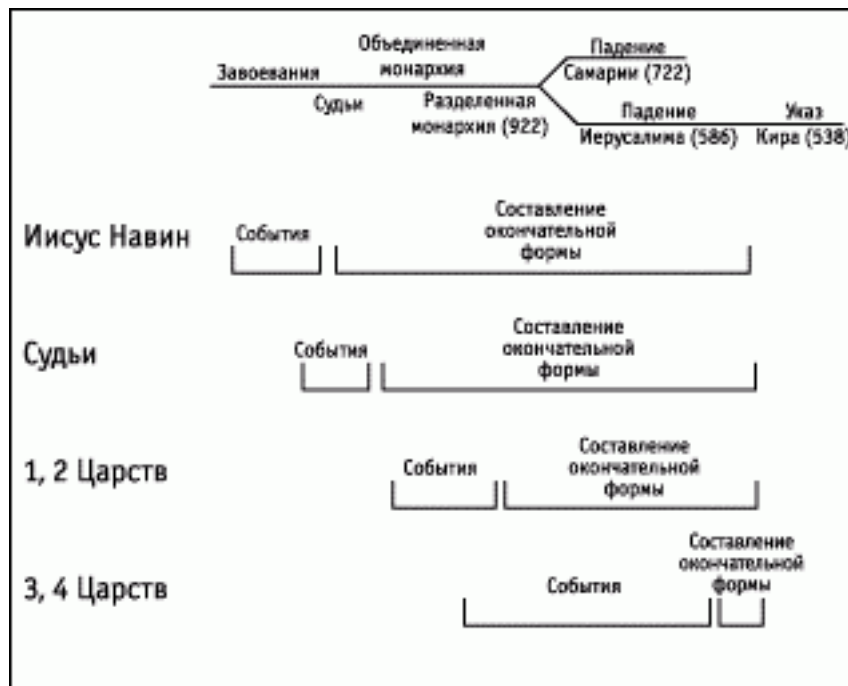

Рис. 51: История Второзакония

Материал книги предоставлен в трех основных разделах.

- I. Нерешительные завоевания (1:1–2:4)
- II. Циклы при судьях (2:5–16:31)
- III. Анархия при левитах (17:1–21:25)

Книга Судей является оправданием Израильской монархии. Почему Израилю нужен благочестивый царь? Книга дает три ответа: без царя колена Израилевы не решались на завоевания (I); судьи могли лишь ненадолго приносить утешение после каждого отступления Израиля от веры (II); без царя левиты не могли обеспечить стабильность религиозной и социальной жизни Израиля (III).

Эти основные темы совпадают с датами составления окончательного варианта книги. Если книга Судей была написана еще при вступлении на престол Давида, она говорила о необходимости в Иудейском царе, который поведет народ в бой (I), который обеспечит мир и безопасность (II), который укрепит религиозные и социальные стандарты Моисеева Закона (III).

Если книга была окончательно составлена во время плена, она сообщала народу о необходимости в царе из рода Давида, который поведет народ (I), о неправильности возвращения к предмонархическому лидерству в коленах (II), о необходимости в новом царе, который сохранит Израиль от религиозной и социальной анархии (III).

Книга Судей описывает мрачный период в истории Израиля. Поражения и беды видны почти на каждой странице. Писатель сообщал об этих трудностях, чтобы показать необходимость в благочестивом царе. От ранних дней Давида до поздних дней переселения это послание прямо затрагивало обстоятельства, в которые попал Божий народ.

1, 2 книги Царств

Первые две книги Царств повествуют о событиях истории Израиля, произошедших между периодом правления судей и последними годами царствования Давида. В них используется ряд источников, которые были составлены в течение короткого времени после описанных в них событий. Радикальные толкователи восстановили многие из предположительных источников. Вероятность определения их подлинности колеблется, но

мы можем быть уверены, что многие пророческие и царские записи были доступны писателям.

Два основных фактора указывают на вероятную самую раннюю дату составления окончательной формы. Книга говорит о бедственных днях в доме Давида (2Цар.11–20). В ней также записаны «последние слова» Давида (2Цар.23:1). Самуил не мог написать первые две книги Царств до этих событий. Первая дата написания еще дальше отодвигается комментарием о том, что «Секелаг остался за царями Иудейскими донине» (1Цар.27:6). Этот стих означает, что окончательно книга могла быть составлена после разделения народа.

Самая поздняя возможная дата написания зависит, в основном, от свидетельств из других книг. Например, летописец (автор Паралипоменона) использовал первые две книги Царств в качестве своих основных источников, что говорит о написании этих книг до или во время переселения. Кроме того, третья и четвертая книги Царств ссылаются на первые две. Например, 3Цар.1:1 продолжает историю Израильской монархии с того места, где закончил свое повествование Самуил (2Цар.23:1–7; 3Цар.1:1). Последние книги царств также ссылаются на пророчества, данные в первых (3Цар.2:27; 1Цар.2:27–36). Поскольку мы знаем, что третья и четвертая книги Царств были написаны в последние годы изгнания, мы можем также ссылаться на этот период в качестве ориентира для определения возможной последней даты составления окончательного варианта первой и второй книг Царств (см. рис. 51).

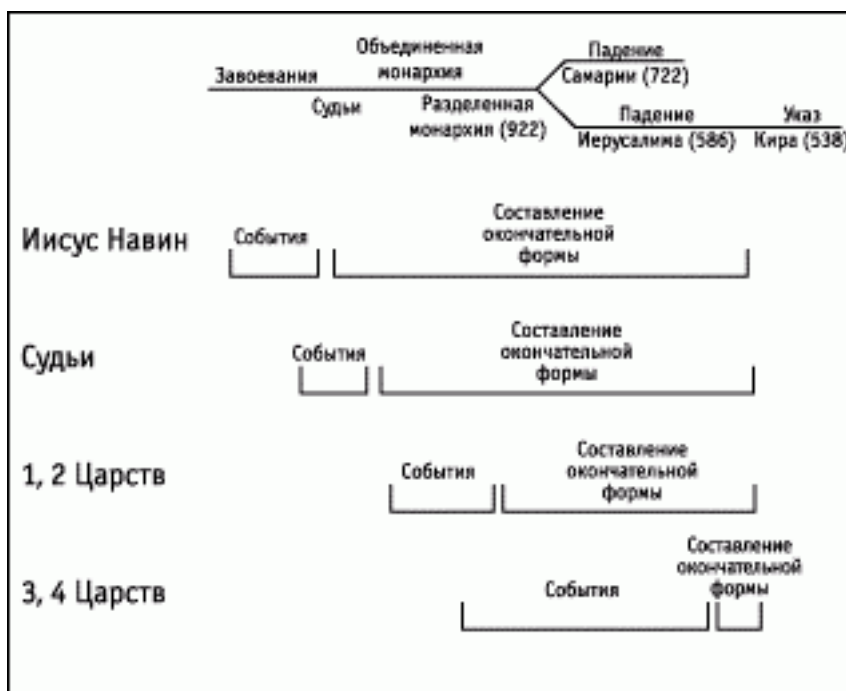

Рис. 51: История Второзакония

1 и 2 Царств можно разделить следующим образом:

- I. Основание царства (1Цар.1:1–7:17)
- II. Царство Саула (1Цар.8:1–15:35)
- III. Царство Давида (1Цар.16:1 – 2Цар.20:26)
- IV. Будущее царства (2Цар.21:1–24:25)

Центральной в этих книгах является тема надежды Израиля на линию Давида, несмотря на беды, причиненные грехами Давида. Божье благословение Самуила установило законность линии Давида, потому что он помазал Давида на царство (I). Саул со своим домом лишился царства, потому что отвернулся от Бога (II). Бог благословил Давида, когда он был верным, но навел на него беду, когда он согрешил (III). Тем не менее, из последних

глав видно, что дом Давида все еще оставался законной династией, на которую Израиль во все роды должен был возлагать свою надежду (IV).

В период разделения монархии эти темы прямо затрагивали нужды народа. Семья Давида была основной причиной разделения Израиля (3Цар.11:9–13) и неоднократно сбивала народ с пути. Однако, несмотря на эти недостатки, линия Давида по-прежнему оставалась законной династией, потому что: 1) ее утвердил Самуил (I), 2) царство Саула было отвергнуто (II), 3) дом Давида был утвержден как вечная династия Израиля (III), 4) Бог избрал дом Давида, чтобы дать народу многие благословения (IV). В тот период, когда против дома Давида могли выдвигаться сильные осуждения, эта книга давала четкую и необходимую весть о надежде.

Во время изгнания, те же темы могли быть оговорены для поддержания надежды на линию Давида. Несмотря на тот факт, что своим пленом народ был во многом обязан дому Давида (4Цар.21:10–15), надежда народа все еще заключалась в потомке Давида, который однажды восстанет и поведет царство к славному восстановлению.

3, 4 книги Царств

Последние книги Царств касаются истории Израиля со времени смерти Давида до освобождения Иехонии из темницы в Вавилоне. Во многих случаях автор ссылается на конкретные источники, пришедшие от дней самих событий. Он упоминает о «книге дел Соломоновых» (3Цар.11:41), о «летописи царей Иудейских» (3Цар.14:29; 15:7, 23) и о «летописи царей Израильских» (3Цар.14:19; 15:31). Время от времени автор использует формулу «до сего дня», ссылаясь на материал источников, но в некоторых местах он говорит о своем собственном дне.

Период возможных дат написания этих книг относительно невелик. Возможная самая ранняя дата приходится на время освобождения Иехонии (4Цар.25:27–30) (561/2 г. до Р.Х.). Выражение «во все дни жизни его [Иехонии]» (4Цар.25:29) звучит двусмысленно. Оно может допускать, что Иехония уже умер ко времени составления книги. Поскольку автор последних книг Царств не упомянул о царе Кире, возможная последняя дата приходится как раз на время перед выходом Указа Кира (538 г. до Р. Х.), когда Израильяне получили разрешение вернуться в свою землю (см. рис. 51).

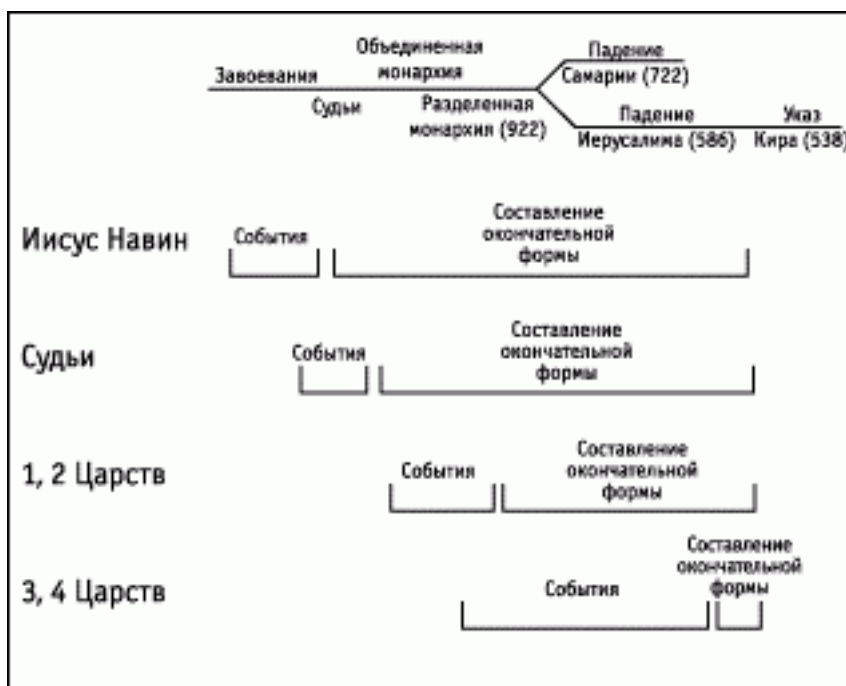

Рис. 51: История Второзакония

В третьей и четвертой книгах Царств четко видны три раздела:

- I. Беда и надежда в годы Соломона (3Цар.1:1–12:24)
- II. Беда и надежда в годы разделения (3Цар.12:25 – 4Цар.17:41)
- III. Беда и надежда в последние годы Иуды (4Цар.18:1–25:27–30)

Последние книги Царств показывали, что народ заслужил переселение, и возвращение возможно только через полное покаяние. Писатель говорил об этом, сосредотачиваясь на славе Соломона, когда он был верным. (I). Затем он привел примеры верности и отступничества в период разделения, особенно выделяя упадок северного Израиля и справедливость его переселения (II). И в конце он обратился к непокорности, из-за которой был переселен Иуда. Завершил автор свою книгу словами надежды, упомянув об освобождении Иехонии (III).

Если третья и четвертая книги Царств были написаны до смерти Иехонии, то они призывали народ посвятить себя полному покаянию, потому что: когда Соломон служил Богу, его царство было славно, но его вероломство навело на народ проклятия (I); в разделенном царстве послушание принесло обильные благословения, но неверие стало причиной проклятий и переселения (II); к остающемуся Иудейскому царству был применен тот же принцип благословений и проклятий (III). Освобождение Иехонии было воспринято как знак возможных грядущих благословений. Возможно теперь, если народ раскается, Бог снимет с него проклятия.

Если же книги были написаны после смерти Иехонии, они были направлены на то, чтобы удалить разочарования, вызванные его кончиной. Они показывали, что Бог справедливо удерживал народ в плену, и что освобождение зависело от полного покаяния и веры.

История Второзакония представляет собой второй основной раздел ветхозаветных историй. Ее книги опираются на Закон Моисея, особенно на Второзаконие, и оценивают различные периоды истории Израиля от завоевания земли до освобождения Иехонии в Вавилоне. Все вместе эти книги формируют единую точку зрения. Тем не менее, нам не следует упускать индивидуальные качества, свойственные каждой книге. Книги преподносили основное руководство к жизни в обетованной земле (Иисус Навин), учили о необходимости в царе (Книга Судей), законности царской линии Давида (1, 2 Царств), а так же указывали причину переселения и условия для возвращения (3, 4 Царств).

История Паралипоменон

История Паралипоменона, третья основная группа ветхозаветных историй, состоит из книг Паралипоменон, Ездры и Неемии. В Септуагинте, английских и русских Библиях эти книги следуют сразу после книг Царств. Однако в Еврейском каноне, они появляются в другом порядке (Ездра, Неемия, Паралипоменон) в конце Писаний.

Еврейские традиции приписывают книжнику Ездру основную роль в авторстве всех трех книг. Но евангельские толкователи во многом не согласны с этим традиционным мнением. Нельзя полностью исключать возможность, что Ездра принимал участие в окончательном составлении этого материала, но найдено очень мало свидетельств этому. Несомненно, мемуары Ездры (Езд.7:1–10:44) являются автобиографичными, но эти разделы могли просто быть одними из многих источников.

Кроме вопроса о причастности Ездры, оправдывается предположение многих толкователей последних веков о том, что за окончательное составление всех трех книг отвечал один человек. Подобно идее Нота о Второзаконнике, считается, что некий «Летописец» составил книги Паралипоменон, Ездры и Неемии.

Не удивительно, что толкователи склонны видеть одну руку за всей этой историей. Книги имеют значительные сходства. Например, Ездра повторяет и ссылается на запись об

Указе царя Кира (2Пар.36:22–23; Езд.1:1–4). Все книги были написаны в Палестине в течение короткого периода времени. Они разделяют глубокую заинтересованность в храме и чистоте народа Божьего. Книги имеют значительную степень единства. Тем не менее, это единство не исключает их различия.

Недавние исследования указывают на первоначальное единство книг Ездры и Неемии. Некоторые толкователи утверждают, что вначале эти книги были разными, но большинство соглашается в том, что есть все причины считать книги Ездры и Неемии двумя частями одной работы.

В то же время, в последних исследованиях ученые склонны проводить разделительную черту между Паралипоменом и Ездрой-Неемией. Ряд идеологических различий указывает на то, что книги были написаны разными авторами. Например, Паралипоменон подчеркивает доктрину о Божьем воздаянии и завет Бога с Давидом; эти темы почти отсутствуют в книгах Ездры-Неемии. Паралипоменон более спокойно отзывается о северных Израильянах, чем Ездра и Неемия. Паралипоменон выражает надежду на объединение Севера и Юга; книги Ездры и Неемии не отводят никакой участи северным жителям. Но наиболее выразительной разницей является отношение к иноземным женам Соломона. Паралипоменон опускает 3Цар.11:9–13, где причиной разделения царства указываются международные браки Соломона. Отсутствие упоминания об этом факте резко выделяется в свете проблем с такими браками, имевшими место во время и после служения Ездры и Неемии (Езд.10:1–44). Более того, Неемия (13:26) прямо осуждает Соломона за его браки с иноземками. Эти идеологические различия предоставляют сильное свидетельство в пользу предположения о разном авторстве Паралипомена и Ездры-Неемии.

Во многом История Паралипомена имеет сходства и различия, подобные сходствам и различиям Истории Второзакония. Сходства позволяют нам говорить о разделе Паралипомена как о серии книг, которые строятся одна на другой и имеют похожие взгляды. Но книги Паралипоменон и Ездры-Неемии были, скорее всего, работами разных людей, писавших с разными целями.

Паралипоменон

Паралипоменон охватывает широкий период истории, начиная с Адама (1Пар.1:1) и заканчивая Указом Кира (2Пар.36:22–23). Летописец кратко рассказал о событиях, предшествовавших Давиду с помощью родословных, списков и небольших рассказов (1Пар.1:1–9:44), но историю от Давида до Указа Кира он рассматривал очень подробно.

Летописец пользовался многими источниками, основными из которых были книги Царств. Он также ссылался на ряд других источников:

- разделы Пятикнижия, книги Судей, Руфь, Исаии, Иеремии, Захарии и Псалмы;
- некоторые неизвестные исторические источники: «летопись царя Давида» (1Пар.27:24), «книга царей» (2Пар.24:27), «книга царей Израильских» (1Пар.9:1; 2Пар.20:34), «книга царей Израильских и Иудейских» (2Пар.27:7; 35:27; 36:8);
- некоторые пророческие источники: записи Самуила (1Пар.29:29), Нафана (1Пар.29:29; 2Пар.9:29); Гада (1Пар.29:29); Ахии (2Пар.9:29), Адды (2Пар.12:15; 13:22), Самея (12:15), Иоила (2Пар.9:29), Исаии (2Пар.26:22), Хозая (2Пар.33:19);
- другие, неуказанные источники.

Возможную самую раннюю дату окончательного составления Паралипомена установить сложно. Последним записанным событием было издание царем Киром указа об освобождении израильтян. Но спустя какое время после указа, писал Летописец? В последние годы все больше толкователей утверждают, что ранняя дата попадает на период попыток восстановления храма Зоровавелем (520–515 до Р.Х.). Но такая датировка также спорна. Например, царская родословная в 1Пар.3:17–24 заканчивается двумя поколениями

после Зоровавеля. Однако, как мы уже сказали, нельзя исключать возможность дополнений книги после ее написания.

Некоторые данные свидетельствуют в пользу завершения датировки периодом Зоровавеля. Во-первых, умолчание о браках Соломона с иностранками (3Цар.11:9–13) наводит на мысль о том, что книга была написана до того, как проблемы вероотступничества обострились в обществе. Во-вторых, в конце книги четко указано, что Бог повелел Киру «построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее» (2Пар.36:23), а эта тема была важной во время первых попыток восстановления храма. В-третьих, летописец объединяет вопросы царства и храма так, как это было свойственно дням Зоровавеля. В своем повествовании он увещал, что благословение Израиля зависело от постановления царя из рода Давида и содержания храма в надлежащем порядке. Эти вопросы свойственны тому периоду, когда Зоровавель еще не сошел с исторической сцены. Поэтому мы относим первую вероятную дату окончательного составления книги к периоду восстановления храма.

Наиболее позднюю дату также сложно установить. Отсутствие эллинистических влияний подсказывает, что книга была составлена до темных лет межзаветного периода. Если полную родословную в 1Пар.3:17–24 принимать за подлинник, она указывает на дату около 400 года до Р.Х. Таким образом, мы ограничиваем сроки вероятных дат четвертым веком (см. рис. 52).

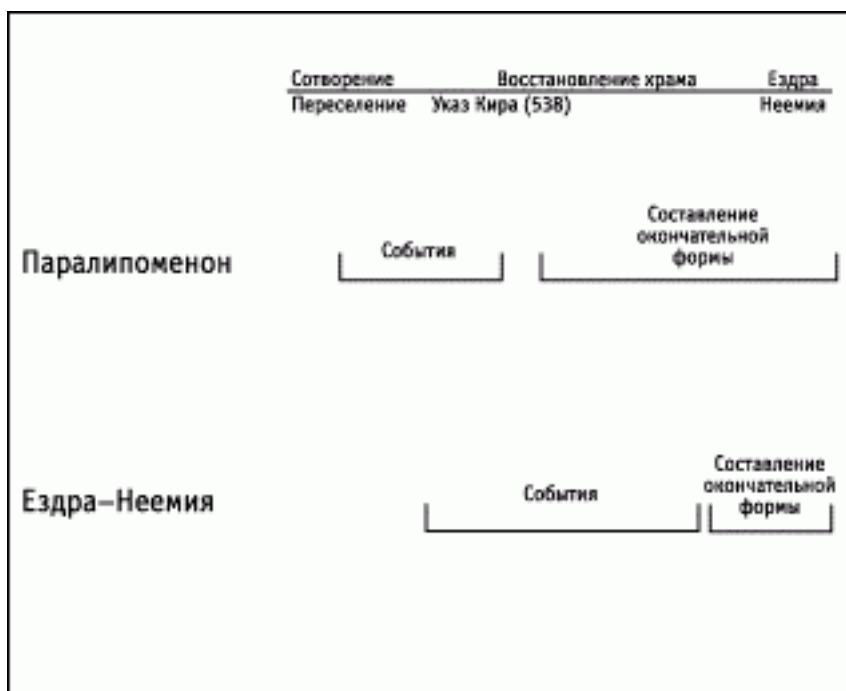

Рис. 52: История Паралипоменон

Летописец написал свою историю, чтобы направить восстановление царства в послепереселенческий период. Его повествования разделяются на четыре основные части:

- I. Родословные Божьего народа (1Пар.1:1–9:44)
- II. Единое царство (1Пар.10:1 – 2Пар.9:31)
- III. Разделенное царство (2Пар.10:1–28:26)
- IV. Воссоединенное царство (2Пар.29:1–36:23)

Свою историю летописец начал с повествования о людях, принадлежащих воссоединенному народу, отслеживая происхождение Израиля и всех колен и семейств, которые были возвращены из плена (I). Затем он предоставил идеализированное повествование о царствованиях Давида и Соломона, которые правили народом и посвятили себя возведению храма (II). Далее летописец показал, каким образом процветание и упадок

Иуды зависел он упования народа на Бога, послушания и преданности храму (III). И, наконец, он рассмотрел переселение и возвращение воссоединенного при Езекии царства в землю Израиля (IV).

Если книги Паралипоменон были написаны в дни Зоровавеля, они предоставляли убедительную основу для программы восстановления: 1) все колена, особенно царь и священники, должны занимать надлежащее место в возвращенном из плена обществе (I); 2) идеал правления Давида и Соломона служил примером для нового царства (II); 3) результаты служения храму и пренебрежения им в царстве Иуды никогда не должны забываться (III); 4) остаток воссоединенного царства (2Пар.36:20) теперь должен преданно выполнять программу нового храма (IV).

Если же книги были написаны во время или после служения Ездры и Неемии, они указывали на необходимость продолжать программу восстановления, начатую Зоровавелем и продолженную Ездрой и Неемией: 1) должно быть соблюдено древнее устройство храма (I); 2) идеальным качествам единой монархии следует подражать (II); 3) народ должен избегать недостатков разделенного царства (III); 4) возвращенные должны выполнять программу восстановления (IV). Только выполняя эти задачи, возвращенное из плена общество могло надеяться на благословения от Бога.

Ездра-Неемия

Книги Ездры-Неемии касаются событий, происходивших со времени выхода Указа царя Кира до служения пророков Ездры и Неемии. В книгах сообщается о ранних днях возвращения и возведении храма при Зоровавеле, а также повествуется о реформах и строительных проектах, имевших место годы спустя, при Ездре и Неемии.

Некоторые источники, из которых был взят материал для книг, появились во время самих событий. В частности, в этот период появились записи Ездры и Неемии. Документы, такие как Указ царя Кира на арамейском языке (Езд.6:3–5), письма Фафная Дарию (Езд.5:6–17), переписка Артаксеркса (Езд.7:12–26) и письма Артаксерксу (Езд.4:8–22), представляют собой ранние источники. Различные списки, содержащиеся в книге, также могли быть взяты из независимых источников.

Сроки вероятных дат окончательного составления достаточно сжаты. Устанавливая первую возможную дату, следует заметить, что родословная в Неем.12:1–26 продолжается до 400 г. до Р. Х. и, возможно, до периода эллинизма. Но при этом, как мы уже сказали, не следует исключать возможность последующих дополнений книги. Кроме этой родословной, вероятная самая ранняя дата относится к последним событиям, записанным в книге в последние годы начальствования Неемии.

Два факта указывают на то, что окончательно книга была составлена уже после смерти Неемии. Во-первых, в двух случаях автор ретроспективно рассматривает события, случившиеся «во дни Неемии» (Неем.12:26, 47). Во-вторых, как мы уже упомянули, родословные записи указывают на дату после его жизни (см. рис. 52).

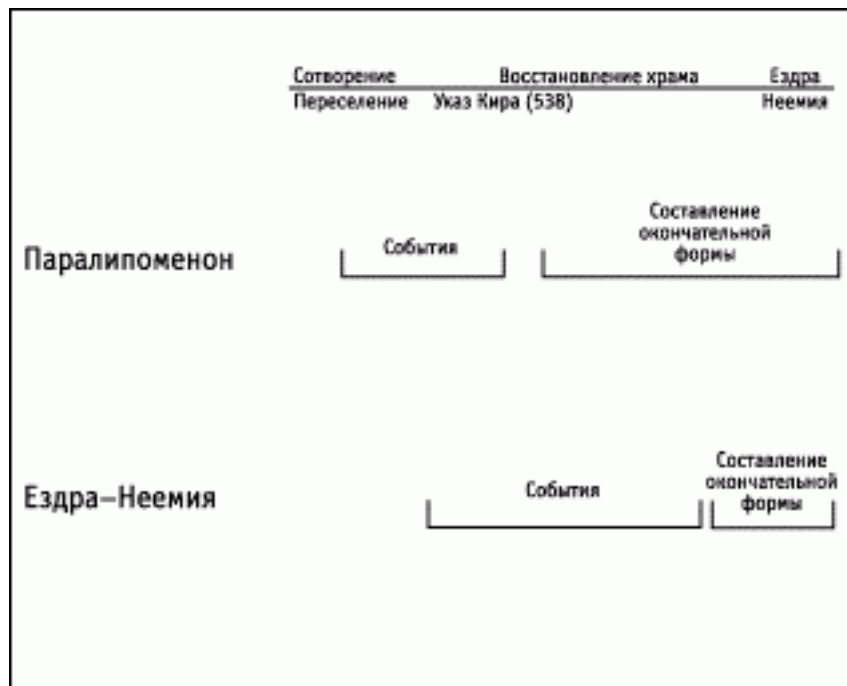

Рис. 52: История Паралипоменон

Книги Ездры-Неемии делятся на пять частей:

- I. Борьба и успех для Зоровавеля (Езд.1:1–6:22)
- II. Борьба и успех для Ездры (Езд.7:1–10:44)
- III. Борьба и успех для Неемии (Неем.1:1–7:7)
- IV. Празднование достижений (Неем.8:1–12:47)
- V. Продолжающаяся борьба за восстановление (Неем.13:1–31)

Книги Ездры-Неемии были предназначены для отстаивания законности программы Ездры и Неемии, а также доказывали необходимость продолжать ее выполнение. Каждый раздел книги содержит оправдание предсказаний пророков. Книга начинается с того, что Бог поручает Зоровавелю восстановление храма. Далее рассматривается появившееся в связи с этим противление, и повествуется о царской и пророческой поддержке, которая привела дело восстановления к успеху и великому ликованию (I). Затем внимание переходит к Божьему одобрению реформ Неемии, оппозиции, с которой он столкнулся, и успеху, достигнутому после осуждения международных браков (II). Миссия Неемии, заключающаяся в отстройке и заселении Иерусалима, также получила одобрение от Бога. Неемия также сталкивался с противлением некоторых людей, но все-таки достиг успеха (III). Итоги этих достижений подводятся во время поклонения и празднования (IV). Однако в конце книга подчеркивает необходимость продолжать программу восстановления, сообщая о дальнейших реформах Неемии (V).

Если мы отнесем книги Ездры-Неемии к последним дням служения Неемии, они отражают необходимость в: 1) поддержке нового храма и его устройства (I); 2) запрете международных браков (II); 3) заселении и укреплении Иерусалима (III); 4) радостном праздновании нового общественного порядка (IV); 5) продолжающихся религиозных и социальных реформах в Иудее (V). Поскольку новый порядок не принес процветания сразу, как многие ожидали, эта книга отстаивала продолжение выполнения программы восстановления.

Если свою окончательную форму книга получила после смерти Неемии, ее сообщение было еще нужнее. Несмотря на годы продолжающихся бед и трудностей, восстановленное общество должно было: 1) сосредоточиться на новом храме (I); 2) утвердить запрет

международных браков (II); 3) поддержать город Иерусалим (III); 4) отмечать праздник восстановления (IV); 5) продолжать начатые реформы, несмотря на трудности (V).

История Паралипоменон представляет собой единую, но разнообразную серию материалов, касающихся событий в Израиле в период восстановления. Книги Паралипоменон, Ездра и Неемия предоставляли существенные указания для восстановления народа, вернувшегося из Вавилонского плена, и проведения реформ.

Другие книги

Некоторые ветхозаветные повествовательные книги не относятся к каким-либо особым богословским группам. В Еврейском каноне они появляются как среди «писаний», так и среди «пророков». Мы не будем комментировать книги Иеремии, Иезекииля и Даниила, хотя они и содержат большие повествовательные разделы; вопросы, связанные с пророческими книгами, находятся вне сферы этой исследовательской работы. Поэтому мы рассмотрим только книги Руфь, Есфирь и Ионы.

Руфь

Книга Руфь описывает исторические события, произошедшие в период судей. Во многом она характеризуется как новелла. Не существует свидетельств о каких-либо дополнительных письменных источниках, на которые опирается эта книга. Возможно, автор более полагается на устные предания, но при этом непохоже, чтобы книга подвергалась значительным изменениям при составлении. За исключением двух родословных (Руфь 4:17б и 4:18–22), повествование книги нигде не прерывается.

Период возможных дат написания не очень обширен. Самая ранняя датировка относится к началу царствования Давида. Несмотря на то, что события произошли гораздо раньше, родословные в конце книги отслеживают линию предков от Руфи до Давида (Руфь 4:17б, 22).

Последняя дата составления менее очевидна. Некоторые радикальные толкователи относят книгу к периоду возвращения из плена на основе языкового и богословского анализов, но такие основания весьма сомнительны. Скорее всего, родословные в книге заканчиваются на царе, правившем во время окончательного составления. Если это так, книга была готова до воцарения Соломона (см. рис. 53).

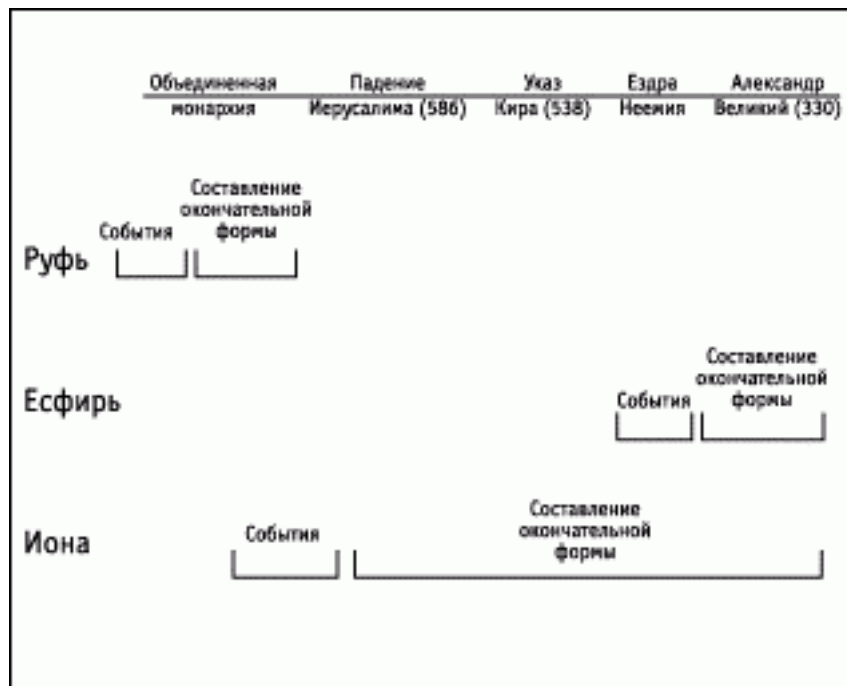

Рис. 53: Другие повествовательные книги

Книга Руфь содержит много важных тем: появление моавитянки в Израиле, провидение Божье, брак по обычаю левирата, бедствие и благословение. Но все эти темы имеют одну общую цель. Как показывает завершающая родословная, книга утверждает законность царствования Давида, несмотря на его моавитскую прародительницу. Закон Моисеев четко указывал, что царем Израиля мог быть только кто-то «из среды братьев твоих» (Втор.17:15). Книга Руфь признает, что в роду Давида была моавитянка. Но она была обращенной (Руфь 1:16). Она попала в Израиль по Божьему провидению (Руфь 1:1–7) и законному обычаю брака по левирату (Руфь 3:1–8). Более того, она получила Божье благословение (Руфь 4:13–17).

Книга имеет простую схему из пяти повествовательных частей и приложения:

- I. Горе Ноемини (1:1–22)
  - II. Руфь находит возможного кровного заступника (2:1–23)
  - III. Вооз соглашается быть кровным заступником (3:1–18)
  - IV. Вооз получает право быть кровным заступником (4:1–12)
  - V. Благословение Ноемини (4:13–17)
- Родословное приложение (4:18–21)

Книга Руфь могла служить утверждению Давида в начале или в конце его царствования. Если она была окончательно составлена, когда Давид только получил власть, она поддерживала его борьбу против тех, кто противился его правлению. Если она была написана после утверждения его на престол, она защищала его право на продолжение царствования вопреки тем, кто искал его падения.

Есфирь

Книга Есфирь пересматривает события, произошедшие в период после возвращения из плена. Но в отличие от книг Ездры-Неемии, история в этой книге разворачивается не в Палестине, а в Персии. Несмотря на то, что некоторые из переселенцев возвратились, многие все еще оставались вне обетованной земли. Есфирь рассказывает, что произошло с некоторыми из этих людей.

В нескольких случаях писатель ссылается на письменные источники, составленные во времена самих событий. Он полагается на царскую книгу дневных записей (Есф.2:23; 8:8; 9:32; 10:2) и письма Мардохея (Есф.9:20). Тем не менее, автор составил из этих источников хорошую новеллу.

Книга имеет пять повествовательных частей:

- I. Есфирь и Мардохей в персидском суде (1:1–2:23)
- II. Беда для евреев (3:1–4:17)
- III. Вмешательство Есфири (5:1–7:10)
- IV. Победа для евреев (8:1–9:17)
- V. Есфирь и Мардохей в персидском суде (9:18–10:3)

Датировку книги Есфирь нельзя определить с уверенностью. Книга была написана не раньше смерти Ксеркса (465 до Р.Х.), поскольку писатель ссылается на царскую историю Ксеркса (Есф. 10:2). Интерес автора к подробностям персидской культуры наводит на мысль, что он жил в этом регионе и писал приблизительно в одно время с событиями. Тем не менее, объяснение праздника Пурим (Есф.9:18–32), обсуждение термина «пур» (Есф.9:24) и подчеркивание необходимости продолжать праздновать его (Есф.9:28) указывает на то, что между событиями и составлением окончательной формы книги могло пройти достаточно много времени. Из-за отсутствия выразительных эллинистических влияний на книгу, наиболее подходящую дату окончательного составления мы относим ко времени перед завоеваниями Александра Великого (330 до Р. Х.).

Толкователи выделяют некоторые основные темы книги. Одни видят книгу как объяснение причин празднования Пурима. Другие делают акцент на провидении Божьем для израильтян, все еще остававшихся в плену. Эти вопросы, несомненно, очень важны для книги, но ее общая тема заключается, похоже, в другом.

Один из наиболее распространенных подходов к анализу книги Есфирь заключается в определении сходства между историями Есфирь, Иосифа в Египте и первыми главами Даниила. Все три отрывка говорят об израильтянах, находящихся в чужих землях, которые преодолевают трудности с Божьей помощью. Так или иначе, они предстают перед чужеземным царским судом и занимают верховные должности, позволяющие им влиять на национальную политику. Таким образом, мы допускаем, что книга Есфирь предоставляла читателям модель верной жизни перед Богом в чужой стране.

Эта тема соответствует возможным датам написания книги, потому что и в дни царя Ксеркса, и во времена Александра Великого народ Божий, живший вне своего теократического государства, нуждался в руководстве для верной, успешной и влиятельной жизни в чужих землях. Книга Есфирь предоставляла им такое руководство.

Иона

События в книге Ионы произошли приблизительно в середине восьмого века до рождения Христа. Иона, сына Амафиина, служил во время царствования Иеровоама II (783–743 до Р.Х.) (4Цар.14:25).

Книга Ионы мало говорит о времени составления. Мало также подсказок к датировке. Возможная самая ранняя дата относится ко времени после событий, описанных в книге. Евангельские ученые часто приписывают авторство самому Ионе. Хотя такой возможности исключать нельзя, книга имеет мало свидетельств в пользу этого мнения.

Разница во времени между писателем и событиями видна в Ион.3:3, где он говорит: «Ниневия же была город великий...». Прошедшее время в слове «была» свидетельствует о том, что во время написания книги Ниневия уже не была великой. Если это так, мы можем отнести дату составления окончательной формы к периоду правления вавилонского императора Навополассара (612 г. до Р.Х.) после падения Ниневии. Неясность внутреннего

свидетельства книги о ее датировке делает определение последней даты практически невозможным. Поэтому нам остается только довольствоваться множеством предположений (см. рис. 53).

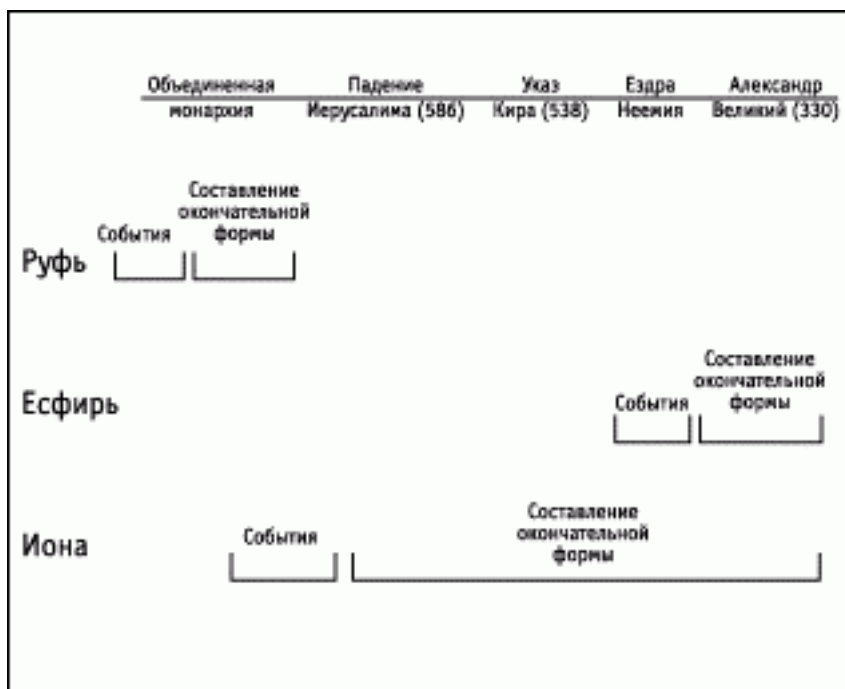

Рис. 53: Другие повествовательные книги

Книга Ионы сосредотачивается на теме пророческой роли Израиля для народов. Книга высмеивает Иону за его самоправедность и лицемерие. Она показывает, что Бог принимает другие народы, даже Ассирийцев, и ожидает, что еврейский народ будет служить им в качестве посредника. Итак, центральными темами книги являются универсальность Божьей милости и посредническая роль Израиля.

Книга Ионы делится на две основные части:

Часть 1

- I. Первое поручение и реакция Ионы (1:1–16)
- II. Божий ответ Ионе (1:17–2:20)

Часть 2

- III. Второе поручение и реакция Ионы (3:1–10)
- IV. Божий ответ Ионе (4:1–11)

Хотя главной темой в книге Ионы является забота обо всех языческих народах, ее также полезно рассматривать, обращая особое внимание на отношения между евреями и ассирийцами. До разрушения Ниневии ассирийцы причиняли много бед Израилю и возбуждали к нему ненависть у окружающих народов. Если книга была написана в этот период, она четко указывала на необходимость израильтян признать: 1) Божий призыв Израиля к служению ассирийцам (I); 2) необходимость покаяться в отвержении этого призыва (II); 3) силу пророческого служения среди ассирийцев (III); 4) необходимость проявлять сострадание, как это делает Сам Бог (IV).

Если же книга была написана после разрушения Ниневии, она указывала на то, как Израиль должен был относиться к периоду, когда народ был истерзан войной: 1) принять призыв к служению ассирийцам (I); 2) покаяться в прошлом отношении к ассирийцам (II); 3) проповедовать покаяние среди ассирийцев (III); 4) радоваться Божьему состраданию к их бывшим врагам (IV).

Заключение

Повествовательные книги Ветхого Завета охватывают многие исторические периоды и несут различные сведения народу Израиля. История Моисея, История Второзакония, История Паралипоменон и другие повествовательные книги были написаны для того, чтобы научить своих читателей служить Богу. Мы только слегка коснулись этих священных текстов, но даже такое изучение их первоначального значения помогает нам применять эти ветхозаветные истории в своей жизни.

Вопросы

1. Какие факторы объединяют Историю Моисея? Сравните и сопоставьте датировки и цели каждой книги.
2. Какие факторы объединяют Историю Второзакония? Сравните и сопоставьте датировки и цели каждой книги.
3. Какие факторы объединяют Историю Паралипоменон? Сравните и сопоставьте датировки и цели каждой книги.
4. Подведите итоги датировок и целей книг Руфь, Есфирь и Неемии.

Упражнения

Выберите один эпизод из каждой книги, рассмотренной в этой главе. Какое место он занимает в общей структуре, описанной здесь? Какой вклад делает этот эпизод в общую цель его книги?

Часть III

Применение ветхозаветных историй

Краткий обзор

В первой части книги мы рассмотрели подготовку, необходимую для толкования ветхозаветных историй. Во второй части мы кратко рассмотрели ряд методов исследования первоначального значения этих текстов. Правильная подготовка и подход к исследованию играют существенную роль в понимании историй Ветхого Завета.

В третьей части мы обратимся к последней из главных тем этой книги — применению изученного материала к современной жизни. Мы выйдем за рамки исследования и посмотрим на работу Духа в первоначальной обстановке ветхозаветных историй, чтобы сосредоточиться на значении, которое они имеют для нас сегодня.

Применение историй к современности сопряжено со многими вопросами. Мы начнем с обсуждения основных целей и методов применения (глава 13), где мы ознакомимся с рядом важных определений и установим параметры работы с последующими главами.

Третья часть ознакомит нас с тремя факторами, которые необходимо всегда учитывать при сопоставлении ветхозаветных историй и современного мира. Глава 14 рассмотрит применение ветхозаветных историй к современности — влияние исторических перемен на методы применения. В главе 15 мы изучим приспособление к культуре — определение различий в нашей и ветхозаветной культурах. И, наконец, в 16-ой главе мы сосредоточимся на приспособлении изученного материала к личности и рассмотрим способы применения ветхозаветных историй к потребностям групп и отдельных христиан сегодня (см. рис. 54).

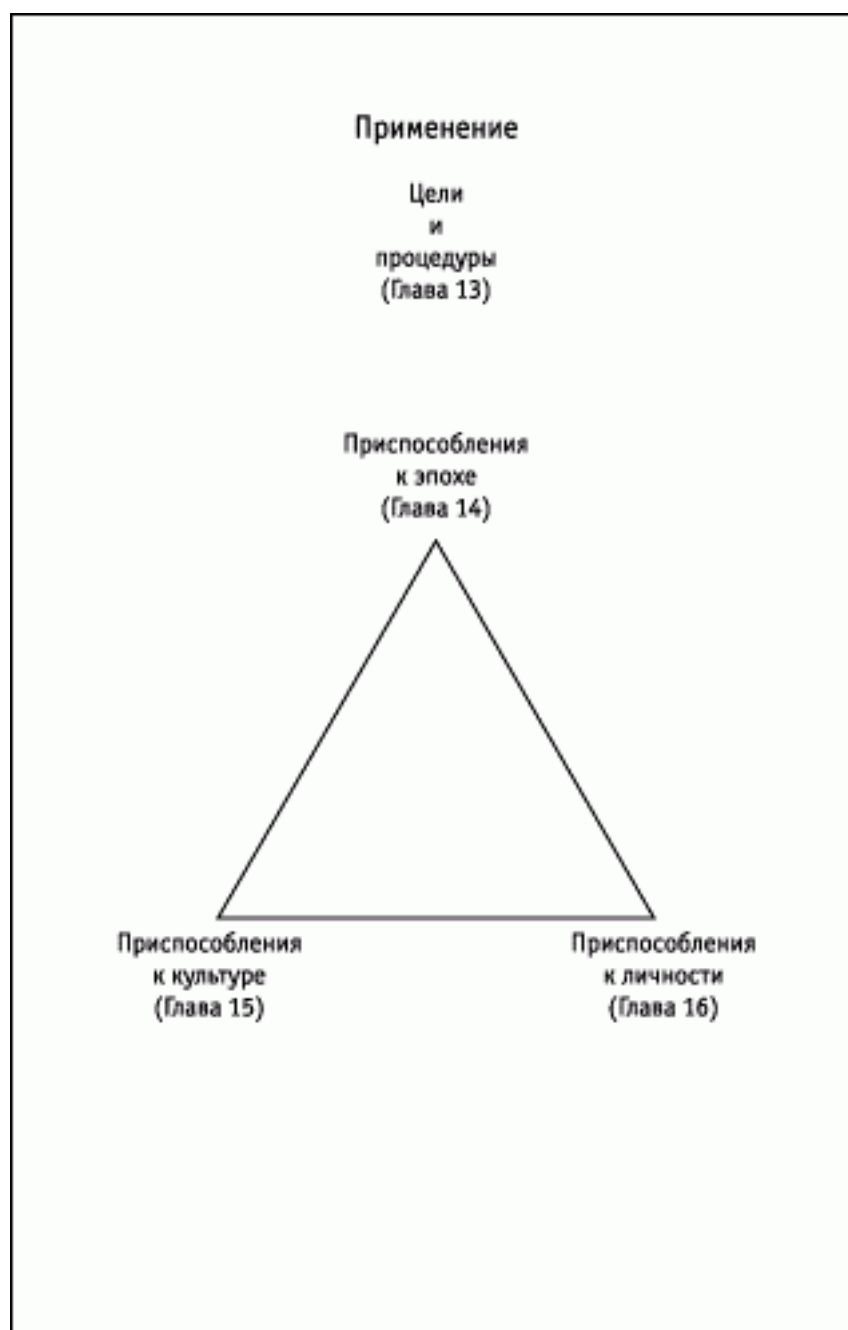

Рис. 54: Схема части III: Применение

Ориентация на применение

Мы с женой жили во многих местах. Каждый раз, когда мы готовимся к очередному переезду, мы проверяем все шкафы и кладовки в доме, чтобы избавиться от всего, чем мы не пользуемся. Я, наверное, в таких случаях похож на Плюшкина, потому что всегда протестую, когда вижу свои изношенные туфли или поломанные инструменты в мусорных кулках. Но жена обычно настаивает: «Зачем нам все это, если мы им не пользуемся?»

Такой же вопрос нам нужно задавать и ветхозаветным историям. Зачем они нам, если мы не пользуемся ими? Бог дал нам истории Ветхого Завета не для того, чтобы мы прятали их в кладовках своей жизни. Он вдохновил эти рассказы, чтобы они указывали нам путь жизни. «Все Писание богодухновенно...» (2Тим.3:16а) Но для чего? Для того чтобы был «...совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2Тим.3:16б–17). Если мы не применяем ветхозаветных историй к современной жизни, нам незачем читать их.

В одной из предыдущих глав мы уже сказали, что без правильного применения ветхозаветных историй нельзя увидеть их полную ценность. Первоначальное значение текста устанавливает параметры для толкования. Библейские уточнения делают наше понимание более ясным. А посредством применения первоначальное значение и библейские уточнения влияют на современную жизнь.

Применение ветхозаветных историй сопряжено со многими сложными вопросами. В этой главе мы поговорим о двух из них, которые являются первостепенными: цель применения и основной процесс применения. В чем заключается наша цель? Какой процесс поможет нам достичь этой цели? Ответы на эти вопросы укажут нам основное направление, в котором мы сможем вести всю работу, связанную с толкованием.

Цель применения

Однажды мне рассказали историю об одной молодой паре, которая собиралась провести выходные на природе. Они сложили вещи в машину и не успели отъехать, как начался спор. Когда муж повернул на север, жена сказала: «По-моему, ты не туда едешь!» «Туда,— ответил он,— я знаю, как лучше проехать». Все было тихо, пока они не доехали до следующего поворота. «Ты едешь не в ту сторону!» — снова возмутилась жена. «Я знаю эту дорогу» — уверенно успокоил ее муж. Так продолжалось час, и в конце жена не выдержала: «По этой дороге мы никогда не доедем до пляжа!» «До пляжа? — воскликнул муж,— я думал, мы едем в горы!» Тогда женщина саркастично пробурчала: «Конечно, как можно знать дорогу, если не знаешь, куда едешь!»

Применяя ветхозаветные истории к современной жизни, нам также нужно знать, куда мы направляемся. Чего мы хотим достичь, применяя истории Ветхого Завета в современной жизни?

К цели применения можно подойти с разных сторон. Один из важных подходов заключается в сравнении наших целей в современном применении с первоначальными целями ветхозаветных писателей. Как мы уже увидели в предыдущих главах, ветхозаветные писатели сталкивались с ситуациями, похожими на наши. Они имели откровение о Божьих делах прошлого и применяли это откровение к читателям их дней. Таким же образом, мы имеем в Писании откровение о Боге и применяем его к нашему миру.

Эту аналогию можно рассмотреть подробнее. При составлении своих книг ветхозаветные авторы преследовали три основные цели. Они предоставляли своим читателям наблюдения, предвидения и применения. Эти категории помогают нам установить цель современного применения. Мы проводим наблюдения для наших дней, находим

предвидения для наших дней и устанавливаем значение ветхозаветных историй для наших дней.

Наблюдения для наших дней

Для применения нам необходимо внимательно изучать первоначальное значение текста, отыскивая в нем все уместные для наших дней элементы. Такие наблюдения должны основываться на том, что автор хотел донести своим читателям, иначе текст может означать все, что нам угодно. Идеологический взгляд писателя устанавливает стандарт для современной уместности того или иного варианта толкования истории. Если мы противоречим или отклоняемся от этого стандарта, тогда наши попытки найти в тексте отражение современной жизни обречены на провал.

Тем не менее, мы всегда проводим отбор элементов первоначального значения, когда применяем ветхозаветные истории. Наше применение, в лучшем случае, бывает частичным. Чтобы понять процесс такого отбора, мы рассмотрим необходимость в отборе и руководство к отбору.

Необходимость в отборе. Каждый раз, когда мы применяем какую-нибудь ветхозаветную историю, мы сталкиваемся с необходимостью отбора. Ветхозаветные авторы вкладывали в свои истории одно связное значение, но это единственное значение всегда состояло из бесчисленных взаимосвязанных тем, которые предоставляли первым читателям четкую картину. Одни идеи были важнее других; писатели также сознавали одни намерения больше, чем другие. Под руководством Духа, их тексты оставляли глубокий след в жизни их читателей.

Несколько лет назад я спросил одного пастора о том, как он применял истории Ветхого Завета в своих проповедях. «Как вы решаете, что именно нужно опустить?» — спросил я. Его ответ шокировал меня: «Я никогда не отбираю и не выбираю, что сказать. Я преподношу собранию полное содержание того или иного отрывка Писания!»

Должен сказать, что я был восхищен такой уверенностью пастора, который старался вынести из текста каждый применимый элемент значения. Слишком многие из нас просто касаются поверхности историй, чтобы найти там одну или две мысли для проповеди. Однако и за отсутствием признания необходимости в выборочном применении скрываются серьезные опасности.

Во-первых, мы упускаем из вида глубокий потенциал этих историй. Толкователи, которые считают, что могут преподать всю суть той или иной ветхозаветной истории всего в нескольких проповедях, просто не знают, как много тем эти истории могут предложить. Первоначальное значение ветхозаветных историй переполнено применимыми элементами. Никакая проповедь или серия проповедей не может преподать всего.

Во-вторых, если мы думаем, что применили всю полноту истории, наш анализ первоначального значения может остаться незрелым. Если мы уверены, что применили все, чему учит история, мы можем не увидеть других ее граней, которые даже могут быть более подходящими для современных читателей.

Во избежание таких опасностей, нам следует признать, что все наше применение является выборочным. Мы ограничили в нем время и суть. В историях всегда есть больше применимых принципов, чем мы обнаружили.

Руководство к отбору. Чем же нам руководствоваться в таком отборе? Как нам решить, что следует выделить в применении? Если говорить кратко, мы должны отбирать те аспекты ветхозаветных историй, которые наиболее близки нашим насущным потребностям.

Здесь нужно быть осторожными. Так или иначе, в ветхозаветных историях к нам применимо все, какими бы ни были наши обстоятельства. Но в то же время, одни аспекты истории указывают яснее других на ситуации, с которыми мы сталкиваемся в данное время.

Приступая к чтению той или иной истории Ветхого Завета, мы должны спросить себя, какой ответ нам нужен на этом жизненном этапе. С какими вопросами мы сталкиваемся в этой истории? Какие задачи она ставит перед нами? Для эффективного применения ветхозаветных историй мы должны научиться согласовывать приоритеты наших сегодняшних потребностей с множеством тем, содержащихся в Писании.

Чтобы наше применение стало возможным, мы должны не только анализировать текст, мы должны также анализировать состояние нашего мира. К сожалению, именно здесь и падают многие церковные лидеры. Пасторы и руководители церквей знают много о Писании, но очень мало о современной жизни. Закнувшись в своем изучении, они живут в относительной изоляции, будучи во многом незнакомы с жизнью людей, которым они служат.

Вследствие этого, пасторы и учителя часто сосредотачиваются в своем применении Писания на второстепенных вопросах. Поскольку они мало знают то, с чем сталкиваются современные верующие, они преподают Ветхий Завет, исходя из своих личных потребностей. Подростки слышат проповеди, которые, по существу, направлены на нужды их сорокалетнего пастора. Зрелые верующие слышат то, что важно для их молодого учителя. Деловые люди учатся сложным теологическим доктринам, но ничего не слышат о том, как жить для Христа в деловом мире. Ничто не может быть более болезненным для применения, чем изоляция от мира тех, кому мы служим.

Студенты часто просят меня порекомендовать практические комментарии к Ветхому Завету. Как ни странно это звучит, но наиболее практичным комментарием к ветхозаветным историям является современная жизнь. Она показывает нам слабости и нужды людей, их убеждения и сомнения, их приоритеты и заботы. Эффективное применение требует нашего знания людей. Журналы, книги, телевидение, популярная музыка, фильмы и тому подобное — все это неизменные поводы для эффективного применения ветхозаветных историй. Если мы желаем пользоваться историями Ветхого Завета в современной жизни, мы должны внимательно присматриваться к миру, в котором живем.

В одной из предыдущих глав мы увидели, что Святой Дух преподал церкви три основных урока подхода к ветхозаветным историям: литературный, буквальный и тематический. Эти виды анализа раскрывают перед нами различные стратегии отбора. Как нам решить, какой формой анализа воспользоваться? В каких случаях один способ анализа подходит больше другого? Несмотря на то, что все три вида анализа во многом зависят друг от друга, мы можем выделить литературный, исторический или тематический виды анализа, согласно конкретным нуждам нашей современной ситуации. Иногда центральная мысль истории явно обращена к нашим обстоятельствам; в такие моменты наиболее подходит литературный анализ. Иногда нашу жизнь затрагивают исторические наблюдения; разобраться в этом нам поможет исторический анализ. Иногда мы также видим особенную связь между какой-нибудь второстепенной темой рассказа и своими обстоятельствами; здесь для нас важен тематический анализ.

Отбирая грани ветхозаветных историй, применимые к нашей ситуации, мы должны спрашивать себя, какой вид анализа при этом требуется. Соответствуют ли наши потребности литературному анализу? Может к нашим обстоятельствам больше подходит исторический анализ? Может нам следует прибегнуть к тематическому взгляду на проблемы, с которыми мы сталкиваемся? Эти вопросы послужат нам руководством в выборочных наблюдениях, уместных для применения в данной ситуации.

Предвидения для наших дней

Чтобы показать, как откровение прошлого влияет на наши дни, ветхозаветные писатели также указывали на то, как эти события предопределяли обстоятельства читателей. Откровение из прошлого устанавливало историческое происхождение современного состояния дел, предлагало модели, которых нужно было придерживаться или остерегаться, и

предсказывало то, что будут переживать читатели. Точно так же и мы, будучи современными толкователями ветхозаветных историй, должны уметь определять, какие параметры устанавливает для нашей жизни прочитанный текст, какие модели он предлагает нам и в чем он предсказывает нашу жизнь в будущем.

Установление. Ветхозаветные истории связаны с современным миром, потому что они устанавливают основы для нашей жизни. Они касаются вопросов и событий, которые формируют исторический и идеологический фон современности. Благодаря каким событиям наша жизнь сложилась именно так? Почему мы имеем определенные обязанности? Мы часто находим ответы на эти вопросы, изучая ветхозаветные истории.

Нам нетрудно применять ветхозаветные истории, которые были предназначены для установления жизненных принципов первых читателей. Например, одним из намерений Моисея в Быт.1:1–2:3 было показать, что Бог установил субботу как часть сотворенного Им порядка. Сосредотачиваясь на субботе, Моисей установил обязанности для его читателей. Субботный отдых должен был соблюдаться как неотъемлемая часть жизни. Как современные читатели, мы видим, что такой порядок творения устанавливает соблюдение субботы также и для нас. Это ветхозаветное событие обусловило структуру человеческой жизни, которая действительно и сегодня.

Иногда функция истории, заключающаяся в установлении основ современной жизни, может быть относительно незначительной. Например, Моисей написал историю о призвании Авраама идти в обетованную землю (Быт.12:1–9), чтобы дать пример Израилю для похода и овладения Ханаанской землей. Но этот отрывок также утвердил Авраама как патриарха Израиля и надежду благословения для всех народов (Быт.12:3). Этот аспект истории имеет отношение и к нашим дням. Почему языческие верующие принимаются сегодня в семью Авраама? Почему мы должны следовать за Спасителем евреев? Этот отрывок дает понятный ответ: Бог решил, что спасение всем народам должно прийти через семя Авраама.

Применяя ветхозаветные истории, мы можем спрашивать себя: «Есть ли в этой истории какие-то исторические объяснения моей сегодняшней жизни?»

Модели. Когда мы применяем ветхозаветные истории к современному миру, мы должны также искать в них модели для нашей жизни. Ветхозаветные авторы часто составляли свои истории для того, чтобы показать какой-нибудь поступок и его последствия, которые помогали бы читателям в принятии их нравственных личных решений. Функция моделирования была основана на тесной аналогии между обстоятельствами персонажей в тексте и ситуацией первых читателей.

Современные толкователи находят важные аналогии в нашей жизни и в ситуациях, к которым обращались ветхозаветные авторы. Мы должны опасаться необоснованных моральных принципов, но если мы основываем современные модели на моделях Писания, то такое применение будет иметь большую ценность.

Когда предоставление модели является основным намерением в ветхозаветной истории, этот отрывок может также предложить пример для современных верующих. Например, летописец написал о царствовании Езекии как о примере для его читателей. Он не упомянул о гордости и поражениях царя (сравните 4Цар.20:1–21 и 2Пар.32:24–33), а выделил только его религиозные реформы. В праздновании Пасхи Езекия успешно объединил остаток Северного Царства с Южным Царством, благодаря ходатайственной молитве (2Пар.30:17–20). Благодаря этому событию, Иуда стал представителем всего народа во время переселения и восстановления, но молитва Езекии от имени ослабевшего Северного Царства также изобразила его в качестве модели для общества, вернувшегося из вавилонского плена. Летописец предложил пример правильной позиции и поступков по отношению к Северному Царству для читателей, которые попали в трудные жизненные условия после возвращения.

Современные верующие должны подражать сегодня реакции Езекии на разделения, происходящие внутри Божьего народа. Что мы можем сделать, чтобы создать единство в Царстве Христа?

Даже когда тот или иной пример не является основной частью первоначального значения той или иной истории, мы все равно можем находить в нем связь со своей жизнью. К примеру, повествование об обличении Давида Нафаном (2Цар.12:1–14) было, прежде всего, предназначено для того, чтобы объяснить, почему дом Давида пострадал от Божьего суда, но не утратил права на правление Израилем. Нафан сказал, что Бог строго накажет Давида, но не отвергнет его совсем. Хотя именно эта тема была главной у автора, покаяние Давида служит нам примером. Давид не противился обличению Нафана; он смирился перед словами суда. Читатели книг Царств очень часто имели возможность слышать пророческие слова осуждения и следовать примеру Давида. Этот рассказ достоин того, чтобы ему подражали и сегодня. Сокрушенный дух Давида и беспрекословное принятие Божьего суда служат примером покаяния и для нашей жизни.

Применяя ветхозаветные истории к современному миру, мы должны не только искать в них причины современных обстоятельств. Мы также должны спрашивать: «Есть ли в этой истории пример, которого следует придерживаться или же избегать?»

Предсказания. Ветхозаветные истории также предсказывают нашу жизнь. Писатели часто проводили параллели между событиями своих рассказов и жизнью их читателей. Таким же образом история может предвидеть современную сегодняшнюю жизнь. Во избежание необоснованных аллегорий, мы должны основывать этот вид применения историй на их первоначальном значении. Однако наряду с практикой самих ветхозаветных писателей, мы часто можем находить в ветхозаветных историях предсказания для своей жизни.

Когда ветхозаветные писатели предвидят обстоятельства своих современников, точно так же мы можем увидеть такую же связь с сегодняшним днем. Например, история о путешествии Аврама в Египет (Быт.12:10–20) отражала переход Израиля в Египет. Аналогия исходов Аврама и Израиля очень близка. На этой основе мы можем также искать сходства с нашей собственной жизнью. Точно так же, как Бог чудесным образом избавил Аврама от египетского рабства, Он избавил нас от рабства греха через смерть и воскресение Христа. Исход Аврама изображает наш исход.

Даже второстепенные аспекты историй могут отражать кое-что из нашей жизни. Мы уже отметили ранее, что Моисей описал «дым как бы из печи и пламя огня» (Быт.15:17) в качестве прообраза будущего огненного и облачного столпа для Израиля. В этом богоявлении виден также и наш день. Христос прежде нас вступил в борьбу, указывая нам путь к наследованию вечной жизни (Евр.5:7–10; 9:11–15).

Многие ветхозаветные истории предсказывают наш день. Сходства видны по всей Библии. Адам — прообраз Христа, второго Адама; Моисей-законодатель отражает Христа как нашего законодателя; царь Давид служит образом нашего Царя Иисуса; обетованная земля предсказывает новое небо и новую землю. Список таких параллелей бесконечен. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с подобными темами, мы видим в них определенные прообразы нашего сегодняшнего времени.

В современном применении историй мы должны подражать ветхозаветным авторам, отыскивая в их историях предсказания для наших дней. Изучая первоначальное значение ветхозаветных историй, мы видим, что они содержат примеры, утверждают и предсказывают различные аспекты нашей современной жизни.

Значение для наших дней

Третьей целью современного применения является определение значения историй для наших дней. Ветхозаветные писатели хотели, чтобы их современники понимали жизнь в свете историй Ветхого Завета. Они вкладывали в свои тексты различный информативный,

указательный и эмоциональный смысл. Таким же образом, мы должны рассматривать наш мир в свете ветхозаветных историй, отыскивая в них современное информативное, указательное и эмоциональное значение.

Информативное. Ветхозаветные истории содержат много информации для нас. Они предоставляют информацию об обстоятельствах, людях и Боге. Например, мы уже увидели, что разрушение Богом Вавилонской башни (Быт.11:1–9) было уроком для читателей Моисея об отношении к врагам, которых они боялись. Как Вавилон не смог устоять против небесного воинства, так и города Ханаана не могли сдерживать нападений Божьего народа. Обстоятельства читателей в дни Моисея не были настолько отчаянными, как они думали; их враги — Хананеи — не были такими сильными, как они думали; их Бог не был бессильным, как они опасались.

Так же и мы сталкиваемся с преградами, мешающими нам полностью овладеть нашим наследием во Христе. Иногда эти барьеры кажутся непреодолимыми, но эта история напоминает нам, что несмотря ни на какие трудности, мы можем быть уверены в победе. Глядя на свои обстоятельства, мы не отчаиваемся; мы можем одолеть наших врагов; Бог имеет власть над Своими врагами сегодня так же, как и в дни Вавилона.

Когда автор первых книг Царств пересматривал достижения Давида в конце своей книги (2Цар.21:1–24:25), он сообщил читателям о многом, с чем они сталкивались в своей жизни. Вмешательство Давида, его военные достижения и убедительные слова показывали преимущества, которых читатели могли ожидать от рода Давида. Несмотря на беды в доме Давида, цари из его рода были избраны Богом. Бог благословлял Свой народ через род Давида.

Это увещание для первых читателей предоставляет информацию также и для наших времен. Сегодня мы видим вокруг себя слабое и разделенное Божье Царство. Нас одолевает искушение задуматься о провале христианства. Но эти истории учат нас, что, несмотря на беды, которые охватывают Царство в наши дни, Сын Давида — наш Царь Иисус — царствует по Божьему установлению. Его Царство уже достигло многого и имеет много благословений на будущее. Сегодня, как и раньше, мы надеемся на Того, Который сидит на престоле. Эти истории сообщают нам истинную природу жизни в Божьем Царстве.

Мы живем в мире, наполненном ложной информацией, которая должна исправляться при помощи ветхозаветных историй. Приступая к чтению этих историй, мы должны спрашивать себя: «Какую информацию о нашей жизни предлагает этот рассказ?»

Указательное. В ветхозаветных историях мы также должны отыскивать для себя указательное значение, то есть поучение на данный момент. Ветхозаветные писатели не просто предоставляли своим читателям информацию; их истории сообщали также о нравственных обязательствах. Какие же обязательства необходимо выполнять, следуя поучениям и урокам, которые мы извлекаем из Писания? Чему эти истории учат нас, как мы должны реагировать на современную обстановку, на поступки окружающих нас людей, и на Бога?

Мы уже сказали, что летописец составил повествование о царствовании Асы (2Пар.14:2–16:14), чтобы показать своим читателям правильную реакцию на любую военную угрозу, которая могла возникнуть в период после возвращения из плена. Когда Аса уповал на Бога, он поражал своих врагов. Читатели Паралипоменона, сталкиваясь с военными угрозами, смотрели на пример жизни Асы, чтобы научиться уповать во всем на Божью защищающую силу.

Применяя такое указательное значение историй к своей жизни, мы видим, что сталкиваемся с подобными обязательствами. Летописец учит нас, что в угрожающих обстоятельствах мы не должны обращаться к человеческой власти или силе. Упование на человеческую изобретательность и силу рано или поздно приводит к поражению. Будучи людьми веры, в бедственные времена мы должны уповать на Бога.

Повествование об изгнании человечества из Едемского сада (Быт.3:1–24) имело большое указательное значение для читателей Моисея. Одна из его основных целей заключалась в том, чтобы показать необходимость в повиновении Божьим заповедям. Когда Адам и Ева ослушались, они были изгнаны из сада от дерева жизни. Указательное значение этой истории было очевидным для древних читателей: они должны были соблюдать Божьи повеления. Неповиновение привело бы их к пустоте и смерти.

В этом повествовании нетрудно увидеть указательное значение для современной жизни. Мы также обязаны соблюдать Божий закон. Он щедро благословил нас и дал нам закон жизни. И если мы отвернемся, мы можем ожидать, что увидим Его наказывающую руку.

Правильное применение ветхозаветных историй к современному миру включает в себя поиск указаний и признание обязательств, которые эти тексты налагают на нас так же, как и на первых читателей. Применяя истории Ветхого Завета, мы должны спрашивать себя: «Какие уроки извлекаем мы из этого рассказа для нашей жизни?»

Эмоциональное. Мы также должны исследовать эмоциональную сторону значения ветхозаветных историй применительно к нашим дням. Писатели Ветхого Завета составляли свои повествования так, чтобы затрагивать эмоции читателей. Их истории навевали грусть, радость, они ободряли, разочаровывали и т.д.

История о завете Бога с Аврамом (Быт.15:1–21) имела огромное эмоциональное значение для читателей времен Моисея. Читая первые разделы этой истории, они испытывали страх и беспокойство. Однако к концу истории они слышали Божьи обетования и обретали радость и уверенность. Бог пообещал вывести потомков Аврама из рабства и дать им Ханаанскую землю. Моисей желал, чтобы энтузиазм и уверенность заменили все сомнения.

Когда мы читаем эту историю, наши сердца также могут ощущать страх. Но к концу рассказа мы по-новому смотрим на свои обстоятельства. Бог не оставил нас искать спасения своими усилиями; Он пообещал нам вечную жизнь в новом творении так же, как Он пообещал наследие Ханаана Израилю. Эта истина должна наполнять наши сердца уверенностью и радостью, как это происходило с первыми читателями.

Первая глава книги Ионы изображает пророка в неповиновении, и даже языческие моряки показывают себя более набожными (Иона 1:14, 16). По Божьему провидению Иона брошен в море за свой отказ идти в Ниневию. Благодаря этой истории автор обличает неповиновение и лицемерие. Когда мы с вами применяем эту историю к своей жизни, мы видим, что похожи на Иону, готовы отвечать только на тот Божий призыв, который удобен для нас, и не желаем нести Евангелие своим врагам. Таким образом, эта история приносит и нашим сердцам волнение, обличение и страх.

Применение ветхозаветных историй состоит из наблюдения, предвидения и значения. Мы наблюдаем за теми аспектами текста, которые наиболее важны для нашей жизни. Мы обнаруживаем в историях истоки сегодняшней ситуации в мире, примеры и предсказания для нашего благочестивого хождения перед Богом. Эти истории также имеют для нас информативное, указательное и эмоциональное значение. Только объединив все это вместе, мы сможем применять ветхозаветные истории к современному миру (см. рис. 55).

Рис. 55: Цели современного применения

Процесс применения

Применение ветхозаветных историй является величайшей задачей толкования. С ним связано больше препятствий, чем с любым другим герменевтическим процессом. Для выполнения этой задачи нам необходимо преодолеть ряд трудностей. Сейчас мы сосредоточимся на двух важнейших аспектах применения: связи между прошлым и настоящим и приспособлением прошлого к настоящему. Как мы можем связать мир Ветхого Завета с современным миром? Что необходимо сделать, чтобы обеспечить такую связь?

Связь

У нас с женой есть несколько очень хороших друзей в Восточной Европе. Каждый праздник мы звоним им, чтобы поздравить, но почти всегда нам приходится очень долго дозваниваться. Обычно мы слышим запись оператора: «Извините, но все линии связи со страной, в которую вы звоните, заняты... Пожалуйста, перезвоните еще раз». Нам ничего не остается, кроме как попробовать позвонить позже. Нам нужно найти свободную линию связи.

Подобным образом, чтобы применять ветхозаветные истории в наши дни, нам нужно найти линию связи между нашим временем и временами Ветхого Завета. Для установления такой связи, нам придется изучить различия и сходства между нашим миром и Ветхим Заветом.

Различия. В XVIII веке Готхолд Лессинг (1729–1781гг.) уделял особое внимание различиям между современным ему миром и Писанием. Несмотря на то, что он, в основном, сосредотачивался на текстах Нового Завета, его заключения служат руководством к оценке также и ветхозаветных историй. Лессинг утверждал, что Писания были очень тесно связаны с древней исторической ситуацией. По его мнению, все утверждения, содержащиеся в Библии, были приукрашены примитивными верованиями людей, написавших их.

Оценка Писания, которую предоставил Лессинг, ставила серьезные проблемы для читателей Библии восемнадцатого века. Благодаря философским и научным открытиям, люди больше не верили в чудеса, бесов, ангелов и т. п. Даже принципы морали,

установленные с древних времен, подвергались сомнениям в этот век возвышения разума. Писание уже не говорило с абсолютной властью. Критика Лессинга оставила гигантскую герменевтическую пропасть между современными толкователями и Библией, которую он в своих теологических трудах называл «противной канавой, которую я не могу перейти».

Века прошли с того времени, как Лессинг выдвинул свое мнение, но эта пропасть так и осталась в мышлении критически настроенных толкователей. В своих трудах они во многом полагаются на основное высказывание Лессинга: «Библия является продуктом ее дней, наполненных всевозможными примитивными верованиями, которые чужды современным людям. Она не может с авторитетом говорить к современному читателю». В своей книге «Библия в современном мире» Д. Барр подвел такой итог:

Любая работа или текст, составленный в древнее время и в древней культуре, имеет значение для того времени и той культуры. В наше время и в нашей культуре он может иметь другое значение или вовсе его не иметь... Такой труд, как Библия, который является продуктом одной особенной культуры (или, точнее, является совокупностью трудов этой культуры за долгий период), не может, следовательно, иметь какого-либо решающего авторитета для других культур; идея этого настолько абсурдна, что ее не стоит даже обсуждать.

Евангелисты не согласны с таким мнением, но мы не должны полностью игнорировать проблему «пропасти Лессинга». Его наблюдения бросили вызов общепринятому процессу применения ветхозаветных историй. С одной стороны, эти истории были тесно связаны с историческими условиями, в которых они писались. Форма и содержание каждого библейского отрывка отражает условности, которые разделяли между собой писатель и его современники.

С другой стороны, наш мир отличается от мира Ветхого Завета. Технологические открытия создают дистанцию. Мы не пользуемся колесницами и мечами; мы пользуемся ядерными ракетами и спутниковыми оборонными системами. Социологически мы не делимся на двенадцать колен, которые живут в Палестине; мы — бесчисленные сообщества по всему миру. Даже сверхъестественный характер многих ветхозаветных историй делает их отдаленными в наших глазах. Евангелисты верят, что чудеса, записанные в Библии, были на самом деле. Топор Елисея буквально всплыл (4Цар.6:1–7); огонь действительно сошел с неба во время жертвоприношения Соломона в храме (2Пар.7:1). Но когда вы последний раз видели плавающий топор или огонь, падающий с неба? Такие события кажутся чуждыми нашей жизни в двадцатом веке.

Как современные читатели, мы должны признать разницу между современностью и ветхозаветным миром. Когда эта дистанция станет четко видна, мы также увидим необходимость в преодолении исторической пропасти для того, чтобы применение историй в наши дни стало возможным.

Сходства. Для преодоления дистанции между нашим миром и Ветхим Заветом нам необходимо найти значительные сходства, связывающие прошлое и настоящее. Что объединяет древний мир и наши дни? Какими путями мы можем следовать в применении?

Критически настроенные толкователи пользуются современными критериями для определения применимости Ветхого Завета. Прежде всего, лакмусовой бумагой в оценке библейского учения является человеческий разум. Аспекты Библии, которые проходят этот тест, принимаются; другие же воспринимаются в штыки или вовсе отбрасываются.

К примеру, Е. Троилч (1865–1923гг.) послужил примером для многих критических толкователей, отыскивая универсальную истину в свете развития религий мира. В нашем веке, Бультман (1884–1974гг.) предложил герменевтический подход демифологизации, то есть лишения Библии ее «примитивной» мифологии, чтобы найти суть ценности существования человека. И совсем недавно многие критически настроенные толкователи

начали углубляться в философию социальной свободы для того, чтобы определить современную ценность Писания.

Это только некоторые из бесчисленных направлений, которыми следуют критически настроенные толкователи в своих попытках определить степень важности и уместности ветхозаветных историй. Их современное мышление настолько опорочило первоначальное значение Писания, что оно становится во многом несовместимым, и даже противоречивым, для современных читателей. В результате этого единственными подходящими линиями связи между Ветхим Заветом и современностью признаются те, которые навязываются Писанию духом секуляризма.

В такой герменевтической практике нет ничего нового. Во все века люди ограничивали применимость Божьего Слова какими-нибудь внешними стандартами, которые они находили более приятными. Еще в Едемском саду, несмотря на запрет, Ева все же заметила, что плод дерева был хорошим для пищи и приятным для глаз (Быт.3:6). Израильтяне отказались повиноваться призыву захватить Ханаан из-за своих личных представлений о том, что им казалось более разумным (Чис.13:1–14:10). Народ Израиля и Иудеи отказывался слушать пророков, потому что судил их пророчества согласно своим стандартам. Сам Иисус по этой же причине был отвергнут (Мф.26:57–68). Писание неоднократно осуждает такой подход к откровению и называет его бунтом против Самого Бога.

Евангельские верующие должны искать пути связи, исходящие из Библии, а не из наших личных стандартов или суждений. Какими герменевтическими связями пользовались ветхозаветные писатели? Как они преодолевали дистанцию между их миром и прошлыми веками?

Прежде всего, мы должны помнить, что ветхозаветные писатели зависели от Святого Духа, наполняющего силой их труды. Их самые искусные и убедительные слова не входили бы в глухие уши, если бы Святой Дух не трудился в сердцах их читателей. Но когда действовал Дух, даже самые последние грешники в самых отдаленных местах могли понимать и применять их истории в своей жизни.

Возможность нашего применения также целиком зависит от Духа. Дух, вдохновивший написание ветхозаветных историй в их первоначальной среде, просвещает также и современных читателей. Он имеет силу преодолеть любые барьеры и пропасти, которые Лессинг установил для современного применения. Без Его благословения все наши попытки тщетны, но при Его благословении мы можем преодолеть все препятствия к применению.

Кроме того, для нас очевидно, что ветхозаветные писатели полагались на несколько особых линий связи между прошлым и настоящим. Они основывали свое применение на том, что прошлое и настоящее связаны с одним Богом, одним миром и одним родом людей.

Один Бог. Ветхозаветные писатели применяли прошлое к современной им ситуации, потому что и прошлое и настоящее находилось под суверенным правлением одного и того же Бога. Они не сосредотачивались на делах других богов; они всегда смотрели на то, что совершал их Бог. Почему? Потому что Его воля в прошлом отражала Его волю для настоящего.

Бог является важнейшей линией связи, потому что Он неизменен. Доктрина о неизменности учит тому, что в характере Бога не происходит никаких перемен; и не только в Его характере, но и в Его совершенстве, в Его целях и обетованиях. Бог принимает активное участие в ходе истории, но Его участие никогда не нарушает Его непреложного, неизменного характера и Слова (Чис.23:19; Ис.14:24; 41:4; 48:12; Рим.1:23; Евр.1:11-12; Иак.1:17). Бог никогда не изменяет Себе, хотя с точки зрения человека, взгляды Его могут изменяться (например, Исх.32:7–14). Бог никогда не нарушает Свою природу, Свои законы и обетования.

С неизменностью Бога тесно связана Его верность заветам. Отношения, которые Бог устанавливает с людьми посредством заветов, остаются в силе во все времена. В своей книге «Христос Заветов» Робертсон комментирует это так:

При сотворении мира Бог связал Себя с человеком отношениями завета. После грехопадения, Бог снова связал себя с человеком, обязавшись искупить его для Себя. От сотворения и до конца времен отношения Бога к своему народу определяются узами завета. Божьи заветы действительны от начала мира до скончания века.

Писания учат, что на протяжении всей истории Бог остается верным Своим заветам (Быт.7:7; Втор.29:13; 2Цар.7:13–16; 3Цар.8:15–16; Евр.6:16–20). Его верность делает возможным применение Его Слова из рода в род.

Несмотря на то, что между прошлым и настоящим существует много различий, Бог остается таким же. Структуры, установленные Им издавна, применимы к нашему времени. Обетования, данные Им в прошлом, остаются до сего дня. Мы можем применять в современном мире то, что было сказано в древних Писаниях, потому что мы служим одному Богу.

Один мир. Ветхозаветные писатели также применяли древние события к жизни читателей, потому что все это происходило в одном и том же мире. Несмотря на различия между внешним миром древности и миром ветхозаветных писателей и их читателей, внешние условия, основные культурные и идеологические принципы существования, оставались неизменными. Благодаря такой связи, ветхозаветные писатели могли применять свои истории к своим читателям двояко.

Во-первых, ветхозаветные авторы указывали на события, которые оставляли неизгладимые отпечатки на жизни их читателей. Иисус Навин возглавил Израиль в борьбе за землю (Иис.Нав.1:1–12:24); читатели книги Иисуса Навина могли применять ее материал, потому что они жили в этой земле. Грехи Манассии отправили народ в плен (4Цар.23:26–27; 24:3–4); читатели книг Царств могли делать соответствующие выводы из прочитанного, потому что они находились в этом плену. Во многих случаях первые читатели могли связывать события прошлого со своей жизнью, потому что они ощущали на себе и своем мире последствия этих событий.

Мы также можем применять ветхозаветные истории к своей жизни. Ветхий Завет оставил неизгладимый след на многих аспектах современного мира. Библейские события не происходили в вакууме; они происходили в реальном мире и формировали ход истории для всех времен. Какие исторические события могут иметь большее значение для сегодняшнего мира, чем сотворение и грехопадение? Какая религия повлияла на мир больше, чем религия древнего Израиля? В современной жизни нет ничего такого, на чем ветхозаветные истории не оставили свой след. Такое влияние открывает наши глаза на сходства между нашей сегодняшней жизнью и историями Ветхого Завета.

Во-вторых, ветхозаветные писатели полагались на аналогии древних времен и их времени. Жизнь их читателей была во многом похожа на библейские события до них, и поэтому первые читатели тесно связывали свою жизнь с ветхозаветными историями. Моисей со всем народом вступил в завет с Богом на Синае (Исх.19:1–24:18), но обязательства этого завета должны были выполняться также и читателями Исхода. Как Давид заботился о храме (1Пар.29:1–9), так и читатели Паралипоменона должны были поддерживать новый храм.

Если мы внимательно посмотрим на ветхозаветные времена, мы увидим в них много параллелей из нашей современной жизни. Мы живем в мире, сотворенном Богом, но впавшем в грех; наша вера постоянно подвергается испытаниям; мы боремся за справедливость и мир в обществе. Такие параллели бесчисленны. «Нет ничего нового под солнцем» (Еккл.1:9). Заглянув чуть глубже поверхностных различий, мы увидим, что обстоятельства, в которых мы живем, очень похожи на обстоятельства, в которых жили ветхозаветные писатели и их первые читатели. Благодаря таким параллелям, мы можем применять древние истории Ветхого Завета к нашей сегодняшней жизни.

Общая природа людей. Ветхозаветные писатели также находили линию связи между прошлым и настоящим в том, что они касались одной и той же природы людей. По библейскому учению, каждый человек является Божьим образом и подобием, впавшим в грех (Быт.1:27; 9:6; Ис.53:6; Рим.3:9–18, 23; 1Кор.11:7; Кол.3:10). Эта всеобщая характеристика человечества помогала писателям Ветхого Завета связывать прошлое с настоящим. Несмотря на то, что люди были разными в различные исторические периоды, ветхозаветные авторы также утверждали, что все человечество объединено грехопадением. Кроме того, мы имеем языковые и умственные способности, а также нравственную природу.

Во-первых, ветхозаветные авторы во многом полагались на языковые способности читателей. Даже сам факт написания Ветхого Завета свидетельствует об убеждении его авторов в том, что язык имеет способность передавать сообщения через пространство и время, и что их читатели смогут понять и применить эти сообщения.

Благодаря своим языковым способностям мы можем применять ветхозаветные истории и сегодня. Конечно же, мы не говорим на древних языках ветхозаветных писателей. Тем не менее, как показывают недавние исследования, за своеобразными особенностями разных языков стоят общие языковые структуры, которые делают возможным общение, объединяющее все времена и культуры. Таким образом, данные нам Богом языковые способности позволяют нам применять ветхозаветные истории в современном мире.

Во-вторых, ветхозаветные писатели полагались на умственные способности читателей. Будучи подобием Божьим, человек способен рассуждать, проявлять волю и ощущать эмоции. Мы задаем вопросы, решаем проблемы, стараемся логически рассуждать, представляем себе возможные ситуации и эмоционально реагируем на жизнь. Все эти способности являются частью нашего общего характера, сотворенного по подобию Божию. Составляя истории, ветхозаветные писатели ожидали от читателей использования этих способностей. Ветхозаветные авторы редко говорили о своих идеологических намерениях открыто, потому что предполагали, что читатели сами должны вникать в смысл их повествований.

Точно так же и наши попытки применять ветхозаветные истории в своей жизни зависят от наших умственных способностей. Нам, Божьим подобиям, дарована была способность понимать и усваивать первоначальное значение этих историй, размышлять над различиями между нашим миром и миром Ветхого Завета и видеть роль, которую играет идеология ветхозаветных текстов в нашей сегодняшней жизни. Наше толкование всегда нуждается в улучшении; и прогрессировать в понимании мы можем благодаря нашим умственным способностям.

В-третьих, ветхозаветные писатели полагались на нравственную природу, общую для всех людей. Они рассматривали человека, как подобие Божье, он должен был властвовать над миром от имени Бога (Быт.1:26–30). Они также признавали, что человечество не выполнило свою задачу (Быт.3:1–13) и отчаянно нуждалось в Божьей искупительной благодати (Быт.3:1–20; 3Цар.8:46–61; Езд.9:5–15). В отличие от остального творения, мы сотворены были со способностью верить в Творца. При этом на нас была возложена ответственность повиноваться Его повелениям. Таким образом, нравственная всеобщая природа человечества позволяла ветхозаветным писателям применять события прошлого к читателям.

То же самое относится к нам. Сегодняшние люди имеют такую же нравственную природу, какую имели люди в дни Ветхого Завета. На нас возложена обязанность служить Богу, потому что мы Его подобие; мы согрешаем так же, как согрешали ветхозаветные верующие; мы нуждаемся в Божьей благодати так же, как и они. Мы можем устранить эту пропасть между Ветхим Заветом и нашими днями, потому что мы также являемся нравственными существами.

Итак, ветхозаветные писатели пользовались такими линиями связи между прошлым и настоящим. Они полагались на одного Бога, один мир и одну природу людей. Мы можем применять ветхозаветные истории в своей жизни по их примеру (см. рис. 56).

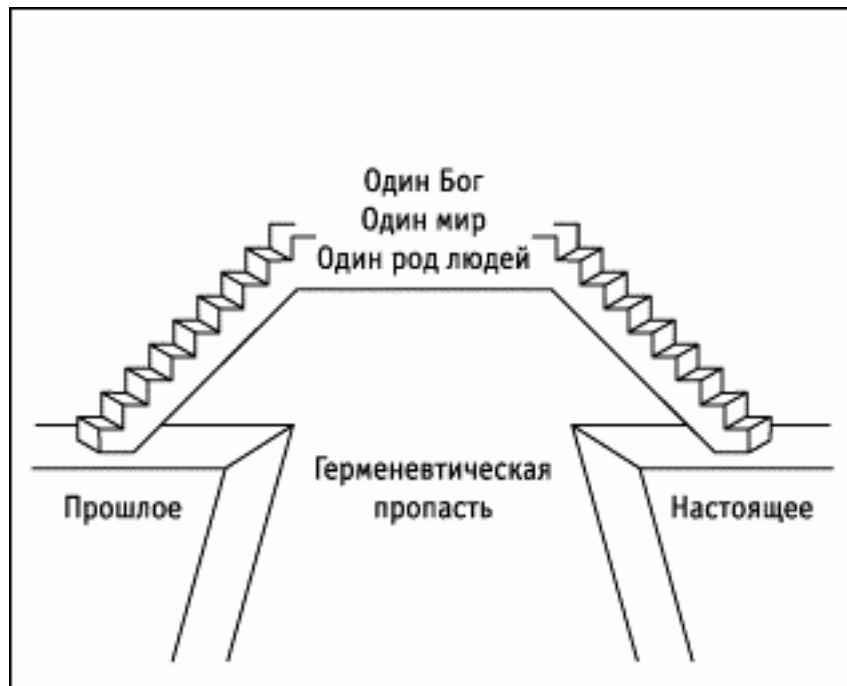

Рис. 56: Линии связи

Приспособления

Применяя ветхозаветные истории к современному миру, мы опираемся на одного Бога, один мир и один род людей. Эти линии связи не всегда прямые. Проходя через века от Ветхого Завета до наших дней, они уклоняются в разных направлениях. Для успешного применения мы должны учитывать эти отклонения. В дальнейших главах мы немного подробнее рассмотрим их. А сейчас мы просто коснемся трех основных вопросов: необходимости в приспособлении, руководства к приспособлению и видах приспособлений, которые нам необходимо сделать.

Необходимость в приспособлении. Почему нам нужно приспособлять ветхозаветные истории к современному применению? Почему бы нам просто не следовать тому значению, которое заложено в них изначально? Если ответить просто, то приспособлять свое применение нам необходимо потому, что мы находимся не в точно такой же ситуации, в которой были читатели ветхозаветных историй; мы имеем другие слабости и преимущества. Мы сталкиваемся с другими задачами и проблемами. Простого подражания первым читателям в нашей ситуации недостаточно. Более того, если мы будем применять ветхозаветные истории точно так же, как их должны были применять первые читатели, мы можем идти против воли Божьей.

Например, история о золотом тельце (Исх.32:1–35) учила первых читателей Моисея тому, что поклоняться Богу необходимо в соответствии с положениями Моисеева Закона. Они должны были избегать идолопоклонства и поклоняться в скинии, построенной для них Моисеем. Каким будет результат, если мы просто начнем подражать тому, что требовалось от первоначальных читателей Моисея? Если мы соорудим скинию Моисея, и будем соблюдать ритуалы, установленные для служения в ней, мы не исполним Божьей воли. Мы, по существу, восстанем против Бога, потому что Христос превзошел Моисееву скинию. Как утверждал автор послания к Евреям, поклоняться Богу в скинии, — значит отвергать труд нашего Спасителя (Евр.9:1–10:18).

Книга Чисел была предназначена для вдохновения Израиля, как святой армии на сражение за Ханаанскую землю. Должны ли мы просто последовать реакции древнего Израиля на эту книгу? Если так, то все мы сегодня же должны отправиться в Ханаан и

вступить в бой с оккупантами этой земли. Конечно же, нам нельзя применять эту книгу к современному миру буквально!

Руководства к приспособлению. Если приспособления к современному миру необходимы для применения, что может послужить нам руководством для выполнения этих приспособлений? Три знака помогают нам увидеть поворотный пункт линии связи.

Во-первых, мы видим направление, в котором необходимо следовать, благодаря своей личной христианской жизни. Наше освящение, дарования и призвание указывают нам на то, что необходимо приспособить в нашем применении ветхозаветных историй к современной жизни. Молитва, поклонение и личное внимание к Святому Духу усиливают наше ощущение Его руководства. Жизненный опыт помогает нам видеть наши провалы и удачи. Кроме того, применение также направляется нашей работой.

Во-вторых, мы учимся благодаря взаимодействию с обществом. Наши братья и сестры во Христе могут многому научить нас в приспособлении к современному миру. На протяжении веков верующие усердно старались применять ветхозаветные истории к нуждам своих дней. Их подход может быть полезным и для нас. Современная церковь также должна подражать ветхозаветным примерам. Сталкиваясь с различной деятельностью и мнениями, мы можем видеть примеры того, как другие применяют ветхозаветные истории в современной жизни.

В-третьих, единственным безошибочным руководством к приспособлению нашего применения является само Писание. Как сказано в Вестминстерской Конфессии Веры: «Непогрешимым правилом толкования Писания является само Писание: и поэтому, когда возникает вопрос об истинном и полном смысле любого места Писания... он должен изучаться в свете других мест, говорящих по данному поводу более разборчиво». Правильное применение должно основываться на первоначальном значении и Библейских уточнениях этого значения. Библия часто комментирует и изъясняет сама себя, что является безошибочным руководством для современных читателей в приспособлении библейских историй к их применению в личной жизни. Мы должны следовать руководству богодухновенных библейских писателей, которые применяли откровения предыдущих веков к своим временам.

Библейские уточнения принимают множество форм. В Ветхом Завете книга Второзакония применяется к различным ситуациям в Истории Второзакония (книги Иисуса Навина, Судей и Царств). Автор Паралипоменона применял книги Царств к ситуации, когда народ возвратился после переселения в Вавилон. Пророки часто ссылались на события, описанные в Пятикнижии и других исторических книгах. Взаимосвязь событий можно проследить по всему Ветхому Завету. Когда мы поймем способы, которыми ветхозаветные авторы приспособляли темы из других разделов Писания к своей ситуации, мы обнаружим руководство к приспособлению этих тем и для себя.

Необходимо также обращать внимание на изменения, сделанные в Новом Завете. Новозаветные писатели не отменяли историй Ветхого Завета. Наоборот, изучая их опыт общения с ветхозаветными историями, мы видим, как они приспособляли эти истории к своим обстоятельствам.

В дальнейших главах мы подробнее рассмотрим такие приспособления в самой Библии. А сейчас давайте просто признаем, что комментарии библейских писателей формируют для нас безошибочное руководство, помогающее нам делать современное применение адекватным. Везде, где только возможно, мы должны подходить к этому так, как делали это сами библейские писатели.

Виды приспособлений. Что же нам следует изменять и приспособлять? Мы уже увидели, что наша жизнь связана с Ветхим Заветом, потому что мы служим тому же Богу, живем в том же мире и среди таких же людей. Но нам также необходимо учитывать различия в эпохах, культурах и личных потребностях.

Во-первых, для того чтобы применять ветхозаветные истории в своей жизни, мы должны приспособить их к своей эпохе. Писание включает различные эпохи, поскольку Бог все больше и больше являл Себя человечеству; доктрина о прогрессивном откровении чрезвычайно важна для правильного применения. На протяжении истории Бог не изменялся, но Он являл каждому поколению Свою природу, требования, и путь спасения все больше раскрывался. При этом никакая часть откровения не противоречила предыдущей, а наоборот, раскрывала еще больше и глубже то, что уже было дано ранее.

Мы должны всегда принимать во внимание такие переходы прогрессивного откровения. Мы с вами живем после смерти и воскресения Христа. Наш период искупления отличается от того, в котором жили Моисей, авторы книг Царств, Ездры и Неемии. Из-за такого различия, нам необходимо многое приспособить к своей жизни. Мы не живем в теократическом государстве. Наша святая война «не против крови и плоти, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф.6:12). Мы не поклоняемся в скинии или храме; мы поклоняемся «в духе и истине» (Ин.4:24). Это важные различия, которые нам необходимо всегда помнить, когда мы применяем ветхозаветные истории.

Во-вторых, мы должны приспособлять истории Ветхого Завета к своей культуре. Мы живем в том же мире, что и ветхозаветные верующие, но наши социальные обычаи, общественные структуры и технологические открытия делают наши обязанности и потребности другими. Хотя на эти изменения повлияло прогрессивное откровение, их основной причиной является различие естественных источников, навыков и стремлений. Даже находясь в одной эпохе, верующие могут жить в разных культурах и говорить на разных языках. Одни народы ведут войны, другие пребывают в мире и покое. Одни — технологически развиты, другие в этом отношении отстают. Эти различия в культурах также должны быть учтены при применении ветхозаветных историй.

В-третьих, нам необходимо приспособлять древние истории к нашим личным потребностям. Люди отличаются друг от друга. Каждый человек имеет такие черты и качества, которые делают его уникальной личностью.

Применение часто бывает нацелено на конкретные нужды человека. В общем, текст может быть применим к различным людям, но каждый отыскивает в нем элементы, соответствующие его личным потребностям. Один и тот же ветхозаветный рассказ по-разному применяется к взрослым и к детям. Он имеет разное значение для жизни смиренного верующего и непокорного еретика. Он по-разному применим к бизнесмену и к домохозяйке. Потребности и обязанности этих людей требуют определенных приспособлений в применении.

Итак, при изучении уместности ветхозаветных историй для нашей жизни, нам необходимо учитывать различия в эпохах, культурах и личных потребностях (см. рис. 57).

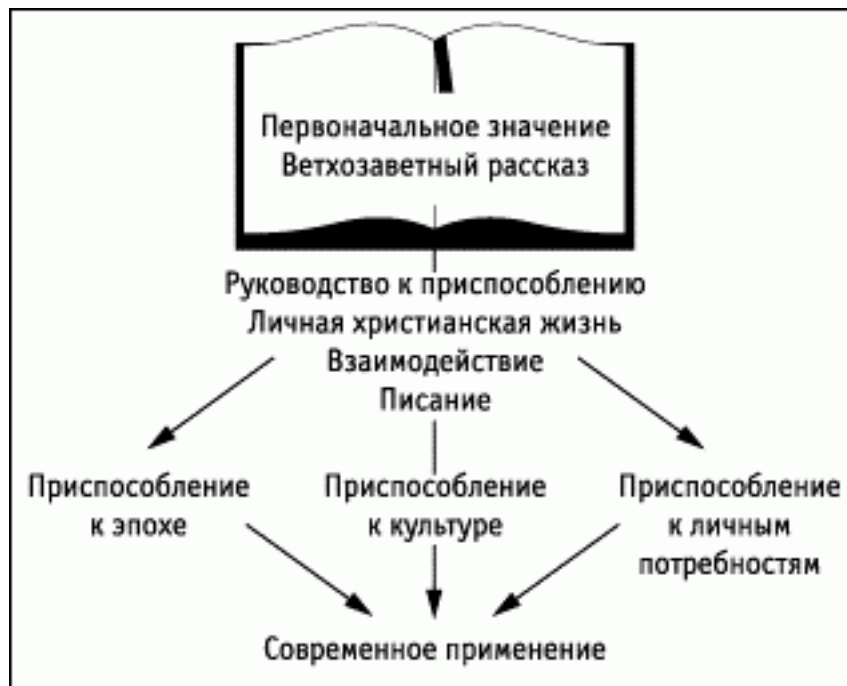

Рис. 57: Виды приспособлений в применении

Заключение

В этой главе мы заложили фундамент применения. Нам необходимо выделять уместные для нас темы ветхозаветных историй, определять, в чем они предсказывают нашу жизнь, и понимать их значение для наших дней. Для этого мы должны приспособить наше применение согласно различиям и сходствам между древними историями Ветхого Завета и сегодняшним днем. Усвоив эти основные требования, мы сможем применять эти истории к современному миру.

Вопросы

1. Какую роль в применении играет наблюдение, предвидение и значение ветхозаветных историй? Приведите пример каждой из этих функций.
2. Назовите три вида предсказаний и значений, которые мы находим в ветхозаветных историях?
3. Назовите линии связи между ветхозаветным миром и нашими днями? Покажите на примере, чем они полезны для применения.
4. Почему мы должны изменить первоначальное значение текста, чтобы приспособить его к современной жизни? Назовите три основных вида приспособлений, которые мы должны учитывать.

Упражнения

1. Изучите историю о Вавилонской башне (Быт.11:1–9). Выберите в этом отрывке одну любую тему. В чем эта тема предвидит наш день? Кратко проанализируйте информативное, указательное и эмоциональное значение этой темы для современных читателей.
2. Рассмотрите элементы современного применения, которые вы выделили в Быт.11:1–9. Как вы приспособили первоначальное значение к современной жизни? Какие изменения в эпохах, культурах и личных потребностях обусловили ваше приспособление этого отрывка к современному миру?

От века до века

Когда я готовлюсь к дальней поездке, я всегда проверяю маршрут по карте. Но первым делом, я достаю не те карты, где показаны все второстепенные и дополнительные дороги. Слишком много подробностей сразу могут запутать. Сначала я смотрю на основной маршрут, чтобы получить общую картину поездки, а затем уже достаю карты с более подробной информацией о местности.

В предыдущей главе мы увидели, что для применения ветхозаветных историй их нужно приспособить к нашей эпохе, культуре и личным потребностям. Эти элементы похожи на карты разных масштабов, которые направляют наши действия. Приспособления к эпохе дают общий обзор, изменения в культуре имеют больше подробностей, и самым подробным является приспособление к нашим индивидуальным, конкретным потребностям. В этой главе мы рассмотрим широкомасштабные приспособления, которые необходимо выполнить для применения ветхозаветных историй в периоды великих эпох истории искупления человечества. И затем, используя эти широкие рамки, в следующих двух главах мы обратим внимание на приспособление к культуре и личным потребностям.

Применение в разных веках связано с рядом важных вопросов. Мы коснемся трех из них: эпохальная структура искупительной истории, ветхозаветные истории и Христос, и христианская теократия. Как Писание описывает века искупительной истории? Какое место занимает Христос в современном применении? Как мы должны применять ветхозаветные истории к нашему веку?

Эпохи искупительной истории

Трудно представить себе жизнь без исторических времен. Мы почти всегда мыслим в рамках прошлого, настоящего или будущего. Библия также отражает четкое понимание истории; библейские писатели уделяли много внимания происхождению, развитию и судьбе мира. Каждый автор смотрел на мир со своей точки зрения, но их взгляды развивали единое общее мнение. Мы кратко рассмотрим две точки зрения: различия между эпохами и единство эпох.

Различия между эпохами

Педиатры и родители скажут вам, что созревание и взросление детей не проходит равномерно. У них случаются «приливы» роста и в одни периоды жизни они развиваются гораздо быстрее, чем в другие. Подобным образом развивается и библейская история. Бог являл Себя Своему народу на протяжении веков, но движение развития истории искупления человечества не всегда было одинаковым. Иногда Бог решительно вмешивался в ход истории, чтобы привести Свой народ к новым периодам благословений.

Когда же история делала эти большие шаги в развитии? Писание разделяет искупительную историю на разделенные в ветхозаветной истории и решительное разделение во Христе.

Разделения в ветхозаветной истории. Новозаветные писатели по-разному смотрели на разделение истории Ветхого Завета. Изучая их взгляды, мы видим, что они делили Ветхий Завет на разные периоды. Однако их разные взгляды формируют один общий план. При помощи иллюстрации, мы в контрасте сравним эпохальные структуры Ветхого Завета, выделенные Павлом, Петром и Лукой.

В Рим.5:12–21 Павел разделил Ветхий Завет на два периода. Сначала он говорил о «преступлении одного (Адама)» (ст. 17), а затем перешел ко времени, когда пришел закон (Моисеев) «и таким образом умножилось преступление» (ст. 20). Такое двоичное разделение соответствовало «послушанию одного (Христа)» (ст. 19) и «преизобилию благодати» (ст. 20). В этом отрывке Павел сосредоточился на периодах до и после Синая.

Во 2Пет.3:5–7 мы видим другой принцип деления. Петр не говорил о Синае как о поворотном событии ветхозаветной истории. Свое разделение он основал на истории о Ное и потопе. После того, как Бог сотворил землю, «тогдашний мир» (ст. 6) существовал до потопа. После потопа история вошла в период «нынешних небес и земли» (ст. 7). Этот мир будет существовать до сотворения «нового неба и новой земли» (ст. 13) во время второго пришествия Христа (ст. 13). Петр не акцентировал свое внимание, как Павел, на грехопадении Адама и на событиях, происходивших на Синае. Он иначе разделял историю искупления человечества — на эры до потопа, после потопа и будущего нового мира.

Речь Стефана, записанная Лукой в Деян.7:2–53 предлагает третий принцип подхода к ветхозаветной истории. Отвечая на обвинение в том, что он говорил «хульные слова на святое место сие и на закон» (Деян.6:13), Стефан выделил несколько основных моментов Ветхого Завета. Он упомянул о времени патриархов (Деян.7:2–16), исходе и завоеваниях (Деян.7:17–45а), а также о царствованиях Давида и Соломона (Деян.7:45б–47). Стефан разделил Ветхий Завет на три периода: патриархальный, Моисеев и монархический.

По крайней мере, три фактора объясняют, почему Павел, Петр и Лука имели такие разные, но дополняющие друг друга взгляды на структуру Ветхого Завета. С одной стороны, Ветхий Завет очень обширен и сложен, и содержит много разных образцов деления. Представьте себе, на сколько периодов можно разделить взросление ребенка. Всех возможностей нельзя и перечислить. Точно так же, никакая схема не может адекватно объяснить все периоды развития истории Ветхого Завета.

С другой стороны, разница во взглядах новозаветных писателей объясняется различием в их намерениях. В Рим.5:12–21 Павел контрастно сравнил Адама и Христа, выделив параллели между непослушанием Адама и послушанием Христа, а также между умножением греха после Синая и умножением благодати и праведности после Христа. Петр же обращался к тем, кто насмеялся над обещанием Христа вернуться (2Пет.3:3–13), указывая на связь между сотворением, потопом и последним судом. Лука, в свою очередь, передал речь Стефана, в которой он отвечал на вопросы о храме, сосредоточившись на Аврааме, Моисее и монархах (Деян.7:2–50). Разные намерения каждого писателя отражали их своеобразные взгляды на периоды истории искупления.

Один из наиболее удобных способов определения эпохальных изменений Ветхого Завета включает в себя периоды, на которые Павел, Петр и Лука ссылались в отрывках, которые мы только что упомянули. Эта схема охватывает основные события дней Адама, Ноя, Авраама, Моисея и Давида. Эти периоды времени рассматриваются в свете заветов, которые устанавливались в те времена. Период Адама включает изгнание человечества из совершенного рая; период Ноя связан с Божьим судом зла и новым обетованием стабильного мира; Аврам открыл патриархальный период обетованием семени, земли и благословений; завет Моисея выделял Закон и утверждение Израиля как народа; а период Давида был связан с установлением его династии над Израилем. Многие толкователи придерживаются именно такой фундаментальной схемы.

Но какой бы схеме мы ни следовали, эпохальные развития Ветхого Завета, так или иначе, отражаются на нашем применении. Прежде всего, мы должны оценить период искупительной истории, в который произошло то или иное событие. Какими были отличительные черты этого периода? Как эти черты отражены в тексте? Во-вторых, нам нужно помнить особенности эпохи писателя и его читателей. Какими были отличительные черты эпохи, в которую жил автор? Как эта эпоха повлияла на текст? В-третьих, нам необходимо рассматривать подобные темы в тех разделах Ветхого Завета, которые связаны с другими эпохами. Как повлиял на интересующую нас ветхозаветную тему переход от одной

исторической эпохи к другой? Такие вопросы помогают нам глубже видеть ценность ветхозаветных историй для наших дней.

Например, в Едемском саду Бог сказал Адаму: «От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт.2:16–17). Не учитывая эпоху Адама и Евы, мы не сможем правильно понять это повеление. Поэтому нам необходимо помнить, что в то время люди были безгрешными слугами в Божьем святом саду. Бог дал им повеление, чтобы проверить их верность. Исполнят они свое поручение или восстанут против своего Творца? Заповедь, данная Адаму и Еве, была тесно связана с этим периодом истории.

Сейчас мы живем в падшем, развращенном мире. Чему нас может научить это событие? Эпоха писателя предоставляет нам подсказки для современного применения. Моисей писал эту историю для людей, которые жили много веков спустя после грехопадения. Израильский народ в эпоху Моисея не сталкивался с таким же выбором, какой был у Адама и Евы. Но Моисей все же писал им об этом, чтобы предупредить о суровых последствиях непослушания Божьему Слову даже в их дни. Нарушение Божьего повеления привело к изгнанию человечества из рая. Таким же образом, несоблюдение Божьих заповедей в дни Израиля могло увести народ еще дальше от наследия обетованной земли.

Эта же тема встречается в другие эпохи Ветхого Завета. В дни Авраама повиновение Божьему призыву приносило патриархам благословения; непослушание же приводило к бедам и горю. В период Давида пророки призывали Израиль к покаянию и соблюдению Божьих постановлений для получения благословений и процветания. Во все века Божий народ либо повиновался Его Слову, либо сурово страдал за неповиновение.

Отслеживание темы непослушания в Едеме по всему Ветхому Завету указывает нам, как этот эпизод применим к нашим дням. Мы не сталкиваемся с испытанием деревом познания добра и зла, но мы имеем другие Божьи повеления. У нас есть Слово Божье, которое мы либо соблюдаем, либо несем наказание за Его нарушение. Единственный путь в рай, в новое небо и новую землю — это путь послушания нашему Творцу.

Мы всегда должны определять разделения периодов искупительной истории в Ветхом Завете. Мы рассматриваем ту или иную тему такой, какой она была в дни самих событий; мы исследуем, как автор применял эту тему к своему времени и прослеживаем все проявления аналогии в остальные ветхозаветные периоды. Это служит нам незаменимым руководством для применения ветхозаветных историй (см. рис. 58).

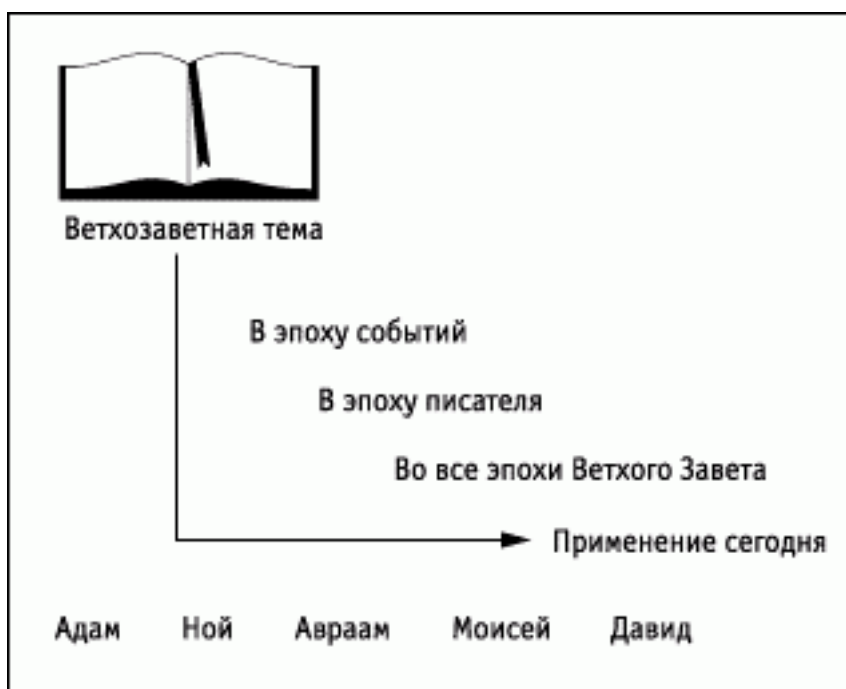

Рис. 58: Разделение эпох ветхозаветной истории

Решительное разделение во Христе. Библия также свидетельствует о решительном разделении эпох с рождением Христа. Несмотря на то, что новозаветные писатели признавали, что Бог являл Себя с различных сторон на протяжении Ветхого Завета, они считали жизнь, смерть, воскресение и вознесение Христа центральным поворотным моментом всей истории. Это фундаментальное разделение эпох кратко описано в Еф.1:18–21, где Павел назвал силу, действующую в верующих, той же, что воскресила и Христа из мертвых и посадила Его на небесный престол. Подробней описывая эту чудесную силу, Павел объяснил, что Бог возвысил Христа над всеми начальствами и властями не только «в сем веке, но и в будущем» (ст. 21).

Этими словами Павел разделил всю историю на два периода: «сей век» и «будущий». При этом он имел в виду не то, что обычно подразумеваем мы. Павел не говорил здесь о сегодняшнем времени и времени после возвращения Христа. Этими словами он придал распространенное в те дни у раввинов значение, обозначив «сим веком» время до пришествия Мессии, и «будущим веком» — время после пришествия Мессии. Под словами «сей век» Павел подразумевал все, что произошло в истории до Христа, а «будущий век» означал историю после Его первого пришествия.

Такое деление истории на две части поддерживали и другие новозаветные писатели. Евангелие говорит о времени до и после пришествия Царствия Божия. Иоанн описывал это в виде земного мира и небесного мира. Об обоих периодах говорил также автор послания к Евреям. Петр сказал, что с пришествием Христа в истории наступили «последние времена» (1Пет.1:20). Этими и другими подобными выражениями новозаветные писатели утверждали, что с первым пришествием Христа история была решительно разделена на две части.

Структура самого канона отражает центральную личность Христа. Ветхозаветные откровения указывали на Его пришествие. Сам Иисус сказал: «Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин.5:46) и «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался» (Ин.8:56). Откровение Нового Завета основывалось на важности пришествия Христа. Подводя итог своего апостольского служения, Павел сказал: «Мы проповедуем Христа распятого» (1Кор.1:23). Таким образом, Христос стоит в центре всей Библии.

Это мнение также поддерживается традиционными взглядами протестантизма на историю искупления человечества. Основные деноминации и катехизисы считают первое пришествие Христа пиком библейской истории. Обычно, история до Христа описывается как «век закона», а история после Христа известна как «век Евангелия». Основная роль Христа в спасении человечества всегда была главным критерием ортодоксальной христианской теологии.

Разделение эпох, которое привнес Христос, является неизменным фактором, влияющим на применение ветхозаветных историй. Христос принес изменения, которые побуждают современных толкователей рассматривать истории Ветхого Завета в новом свете.

Посмотрите на трагическую смерть Озы во 2Цар.6:6–7. Автор написал об этом событии для Божьего народа, который жил в период разделения царства. Поэтому, в свете их обстоятельств, Божий суд над Озой показал им святость ковчега и необходимость внимательного следования всем постановлениям, которые были связаны с поклонением в храме.

Без учета эпохальных перемен, которые произошли с Христом, мы никогда не узнаем, как нужно правильно применять этот эпизод в современной жизни. Смерть Озы предостерегала ветхозаветных верующих против осквернения священного ковчега, но у нас нет никакого физического ковчега, который можно было бы осквернить. Христианское поклонение происходит перед небесным престолом благодати, который мы не можем даже увидеть, не то, что потрогать.

Тем не менее, этот отрывок очень хорошо применим к новозаветному поклонению. Божий гнев на Озу предостерегает нас против непочтительности и неуважения, когда мы

приступаем к Божьему небесному престолу. Если Его гнев разгорелся на Озу за то, что тот неправильно обошелся с ветхозаветным ковчегом, насколько же больше Его гневят те, кто оскверняет небесный престол милости неискренностью в поклонении?

Говоря проще, Христос всегда стоит между ветхозаветными историями и церковью. Всякий раз, когда мы стараемся применять те или иные темы Ветхого Завета к современной жизни, мы должны прежде изучить, что изменилось в этих темах с пришествием Христа. Содержание Его учения, последствия Его жизни, смерти, воскресения и вознесения, а также наставления Его Апостолам помогают нам приспособить первоначальный смысл ветхозаветных историй к сегодняшнему дню.

Единство эпох

Оценка эпохальной структуры истории искупления человечества — это сложная задача, в которой нужно многое уравнивать. Хотя в библейской религии происходило много значительных перемен, эти перемены не уничтожают единства всех эпох истории. Переходы одних эпох в другие можно, скорее, описать как органичное развитие. Библейская вера похожа на дерево, пробившееся из семени и растущее до полной зрелости. Как желудь постепенно вырастает в дуб, так и библейская истина прошла путь от зачаточной формы ранних ветхозаветных периодов до полного совершенства во Христе.

Такой подход признает как сходства, так и различия разных эпох. С одной стороны, мы видим явную разницу между эрами искупительной истории. Невооруженным глазом видно, что дуб не очень похож на желудь. Без внимательного рассмотрения нам трудно увидеть какие-либо сходства между ранними стадиями библейской веры и ее формами в последующие века.

Но, с другой стороны, наше внимание привлекает единство и органичность библейской истории. Внимательное изучение дуба в процессе его роста показывает, что желудь и дерево едины. Семя содержало внутри себя потенциал целого растения; зрелое дерево является высвобождением этого потенциала. Таким же образом, ранние эпохи истории содержали незрелые структуры и образцы, которые получали большее высвобождение и развитие по мере того, как Бог открывал Себя Своему народу. Принципы веры, которые дороги нам как христианам, были заложены в предшествующих эрах библейского откровения.

К сожалению, евангельские ученые часто предаются крайностям в своих подходах к оценке взаимосвязей между эпохами. Одни группы слишком сосредотачиваются на различиях исторических периодов, другие чрезмерно выделяют их единство. Органичный взгляд противоположен обеим этим крайностям, для избежания которых будет полезно сравнить подходы к библейской истории, подчеркивающие ее различия, сходства и органичное развитие.

Различия. Многие евангелисты подчеркивают различия между веками. Эпохи искупления человечества они считают совершенно разными, как будто Бог посадил дерево, дал ему немного вырасти, а затем искоренил его и насадил другое. Широко известный комментарий Скоуфилда, к примеру, разделяет библейскую историю на совершенно отдельные сегменты. Период от сотворения до грехопадения был временем невинности; Адам и Ева были обязаны сохранять эту невинность, удерживаясь от плода. От грехопадения до потопа установлен был период совести; в эту эпоху Адам и Ева приобрели и передали своим потомкам знание о добре и зле, или природную совесть. От потопа до разрушения Вавилона была эра человеческого правления; в этот период Бог установил правителей и три расовые линии через сынов Ноя. От призвания Авраама до получения Закона у нас был период обетований, которые давались Аврааму. Далее, Бог дал Свой Закон, но еврейский народ не соблюдал его. Поэтому после этого периода наступила эра благодати, продолжающаяся от креста до возвращения Христа. И последним периодом будет эсхатологический век Царства.

При таком делении, между периодами почти не видно никакой связи; толкователи должны правильно разделять и преподавать слово истины (2Тим.2:15), не смешивая принципы отдельных эпох.

Более того, приверженцы такого подхода к разделению истории отвергают авторитет Моисеевых законов для христиан. Как сказал в своей книге «Благодать» Л. С. Шафер:

Поскольку закон и благодать не имеют между собой ничего общего, они не могут сосуществовать ни в качестве основания для сближения с Богом, ни в качестве жизненного правила. Новозаветные Писания прямо учат, что время закона прошло. Следовательно, в настоящем веке он не имеет никакой силы. Такая отмена закона касается не только юридического кодекса Моисея и законов царства, но также и самого принципа закона.

Такой взгляд наносит удар в сердце ветхозаветных историй. Как мы уже увидели, все ветхозаветные писатели утверждали надежность Моисеева закона. Если стандарты Моисея не имеют значения для новозаветных верующих, трудно представить, как истории Ветхого Завета могут применяться к нашей жизни.

Однако в последние десятилетия эти барьеры между эпохами были сглажены; многие из приверженцев этой идеи начинают видеть между периодами ветхозаветной истории все больше сходств. Но все же они утверждают, что каждая эпоха имела свои принципы веры.

Трудно не высмеять это движение, глядя на все его внутренние расхождения. Однако, по большей части, можно смело сказать, что сторонники такого разделения периодов истории отрицают сходства между эпохами, если только откровение, данное в более поздний период, не утверждает принципы раннего периода. Другими словами, некоторые ветви ранней эпохи могут быть привиты к дереву поздней эпохи, но они должны четко соответствовать этому новому дереву. Прежде чем какой-либо принцип ранней эры может быть применен в поздней эре, он должен найти поддержку в тех местах Писания, на которых строится новый период. В противном случае, учение более раннего периода считается устаревшим и непригодным к применению.

Сходства. Другие евангельские ученые впадают в противоположную крайность, делая чрезмерное ударение на сходствах между эпохами. Эти группы склонны пренебрегать важностью разделения эпохальных преобразований, через которые прошли ветхозаветные темы. Они утверждают, что история искупления человечества как одно дерево, которое возросло на протяжении эпох. Однако, по их мнению, некоторые ветви этого дерева остались незрелыми и переплелись с другими, развившимися посредством Христа, ветвями.

Вокруг этого мнения недавно сформировалось движение Феонии или Христианской Перестройки. Трудно обобщить все убеждения последователей этого движения, но можно сказать, что Феонисты ограничивают зрелость дерева истории в определенные периоды. Они признают значительное развитие между Ветхим и Новым Заветами в некоторых, но не во всех аспектах веры.

Например, Феонисты признают, что церемонии скинии и храма совершенно изменились для новозаветных верующих, но наказания, установленные Моисеевым Законом за те или иные преступления, остаются неизменными для современного мира. Неисправимые дети и богохульники все еще должны подвергаться казни (Исх.21:15, 17; Лев.24:16); нарушители субботы все еще должны побиваться камнями (Исх.31:15). Феонисты утверждают, что если ветхозаветные стандарты не были конкретно оговорены в новозаветных постановлениях, они остаются без каких-либо изменений.

Органичное развитие. Обе эти крайности контрастны модели органичного развития. Вестминстерское Исповедание Веры содержит одно из лучших высказываний в пользу

органичного взгляда на откровение: «Нам дано не два завета, отличающиеся своей сутью, а один, имеющий разные периоды».

В отличие от приверженцев строгого разделения, этот подход подчеркивает, что один завет благодати распространяется на все века, объединяя Ветхий и Новый Заветы. Ветхий Завет не был периодом дел, а Новый — периодом благодати; Завет, заключенный между Отцом и Сыном распространяется на всю историю спасения человечества. Бог оставался верным этому завету на протяжении всех эпох.

Однако не возникает сомнений, что между эпохами существуют различия. Отдельные аспекты религии в дни Авраама отличаются от религии во времена Давида. Учение Моисея кажется совершенно другим, по сравнению с учением автора послания Евреям. Иногда различия между эпохами поразительны. Поэтому нужно быть осторожными, чтобы эти различия не слишком увлекли нас. Мы должны оценивать все различия в свете заветного единства Писаний.

Возведение непреодолимых барьеров между эпохами истории прямо противоречит намерениям ветхозаветных писателей. Свои истории они писали, исходя из того, что эпохи во многом связаны между собой, и что читатели будущих поколений смогут понять откровения, данные в древние времена. В книге Бытия, например, Моисей охватывает события, происшедшие в период невинности и падения Адама, а также в эпохи Ноя и патриархов. Как мы уже увидели, он писал об этом не только для того, чтобы рассказать читателям о жизни давно минувших веков; он учил читателей правильно жить в их собственное время. Моисей писал Бытие, опираясь на основные сходства между его временем и предыдущими периодами.

Неразрывность исторических эпох, на которую так полагались ветхозаветные писатели, имеет для нас важное герменевтическое значение. Ветхозаветные темы не должны повторяться каждый раз в новую эпоху для того, чтобы Божий народ, живущий в этой эпохе, считал их важными. Наоборот, мы видим множество доказательств неизменного первоначального значения ветхозаветных историй. Мы не ищем обломанные ветви ветхозаветной веры, которые можно привить к новому христианскому дереву. Мы находим тень под тем же деревом, что и ветхозаветные верующие; просто это дерево стало более зрелым.

Однако в отличие о Феомистов, мы понимаем, что никакая ветхозаветная тема не могла остаться незатронутой развитием более поздних эпох. Как говорит Вестминстерское Исповедание Веры, один и тот же завет благодати имеет «разные периоды». Хотя ветхозаветные откровения остаются в силе для всех поколений, мы должны помнить, что они давались специально для того или иного периода истории искупления. Кальвин сказал по этому поводу так:

Если отец семейства наставляет, руководит и учит детей одними методами в младенчестве, другими — в детстве и третьими — в их молодые годы, мы не говорим, что он изменяет своим принципам и нарушает свою роль. Почему же тогда мы клеймим Бога непостоянством, если Он установил правильные и соответствующие границы между различными временами? Это сравнение должно полностью удовлетворять нас. Павел уподобляет евреев детям, а христиан — юношам. Что необычного в том, что Бог заключил их под начальной формой учения, соответствующей их веку, а нас подвергает более строгой и, так сказать, более взрослой дисциплине?

Поэтому все ранние откровения должны быть истолкованы вновь в свете принципов, открытых в более поздние периоды.

Но разве прелюбодеяние не всегда остается прелюбодеянием? Разве богохульство не всегда богохульство? Разве эти ветхозаветные принципы не остаются такими же на все века? В одном смысле — да, но в другом — нет. Когда мы подводим общий, относительно отделенный от ветхозаветного контекста итог первоначального значения этих тем, со сменой

веков в них не происходит никаких изменений. Но когда мы рассматриваем такие темы в контексте ветхозаветной эры, мы видим, что применение этих нравственных принципов изменяется для каждой эпохи.

Прелюбодеяние всегда было и есть грехом, но для ветхозаветных писателей этот грех был неразрывно связан с наказанием, предписанным в Моисеевом Законе (Лев.20:10). В свете новозаветного учения, прелюбодеяние в церкви больше не должно связываться со смертной казнью, а только с отлучением такого человека от церкви и прекращением общения с ним (1Кор.5:1–13). Богохульство в Ветхом Завете включало в себя осквернение ритуалов скинии Моисея (Лев.19:5–8), но в наш век это не так. Предостережение против воровства в Ветхом Завете включало в себя уважение к постоянному земельному уделу собрата-израильянина (3Цар.21:1–19), но в наше время этого нет. Если мы распределили ветхозаветные принципы по несоответствующим истории категориям, мы уже невольно начали приспособлять эти принципы к эпохам. Но если мы рассматриваем их в соответствии с их первоначальным контекстом, необходимость в эпохальных изменениях этих принципов становится вовсе очевидной.

Чтобы применять ветхозаветные истории к нашему дню, мы всегда должны рассматривать их первоначальное значение в свете органичного развития искупительной истории. Все темы ветхозаветных историй сохраняют для нас свой авторитет, потому что наш век строится на откровении предыдущих веков. Мы не вправе отрицать или умалять какое-либо учение Ветхого Завета. Но дерево Божьего откровения достигло зрелости. Эпохальные различия между незрелыми и зрелыми стадиями влияют на современное применение каждого принципа этих историй.

Ветхозаветные истории и Христос

Один мой друг недавно перенес серьезную болезнь; несколько раз он даже был близок к смерти. Бог ответил на молитвы и восстановил его здоровье. Но переживание болезни в корне изменило его. «Теперь я по-новому смотрю на жизнь,— как-то сказал он. — Я на все смотрю иначе из-за того, что я перенес в больнице». Каждый из нас иногда переживает что-то меняющее его взгляды: болезнь, рождение ребенка, брак, потеря любимого человека. Эти моменты становятся очками, через которые мы смотрим на свою жизнь.

Таким же образом, господство Христа «разукрашивает» для нас все, что мы читаем в Ветхом Завете. Основное христианское исповедание «Иисус есть Господь» (Рим.10:9; 1Кор.12:3) устанавливает центральное направление, по которому мы проводим эти тексты в свою жизнь. Христос привел мир в бытие (Кол.1:16); Он поддерживает его изо дня в день (Кол.1:17); Он является концом всего (Рим.11:36). Как последователи Христа мы должны стремиться увидеть то, что раскрывает каждая ветхозаветная история о Его господстве над нами. Применение каждого принципа — это наша личная реакция на Самого Христа.

Как же нам поставить Христа в центр нашего применения? Взаимосвязь между первоначальным значением ветхозаветных историй и Христом весьма обширна. Нет такого подхода, который охватывал бы все относящиеся к применению вопросы. Однако одна из полезных стратегий заключается в изучении того, что говорят ветхозаветные истории о трояком предназначении Христа как Пророке, Священнике и Царе.

Эти три предназначения Христа происходят из ветхозаветной теократической структуры. Пророки говорили Божье Слово, наставляя народ в праведности. Священники были посредниками между народом и Богом, обеспечивая способ общения с Ним. Цари стояли на страже справедливости и вели Израиль в сражения, обеспечивая новые победы и сохранение наследия. Эти должности были настолько важными для жизни Израиля, что для них требовалось особое помазание от Бога. Будучи Христом («помазанником») Иисус взял на Себя и исполнил все эти три обязанности.

Пророк

Являясь нашим Пророком, Иисус явил Бога Своему народу. Он учил закону Своими словами и делами (Мф.5:17–20; 22:34–40; Мр.1:44; 7:9–13). Он провозглашал суд над грехом и призывал к покаянию и вере (Мф.5:21–22; 12:36–37; 4:17; Лук.13:3, 5; Ин.3:16, 18, 36; 9:39). Он даже пошел дальше Моисея и дал новое откровение. В своем учении Иисус раскрыл о Боге больше, чем было известно когда-либо раньше (Лук.10:22; Ин.1:17–18).

Пророческая грань господства Христа проливает свет на ветхозаветные истории с двух сторон. Во-первых, если та или иная история касается пророка, он направляет нас к пророческому служению Христа. Например, в книге Исход Моисей действовал как пророк, наставляя Израильтян. Благодаря такому акценту на пророческом служении Моисея, мы можем применять эту книгу к пророческому служению Иисуса. Он также предостерегал против лицемерия и настаивал на том, чтобы Его народ жил праведно перед Богом. Мы, христиане, видим Моисея и как историческую личность в книге Исход, и как прообраз Христа, великого Пророка.

В повествовании о винограднике Навуфея (3Цар.21:1–29) Бог сказал пророку Илии произнести суд на царя Ахава и его жену Иезавель (3Цар.21:17–29) за их неправильный поступок с Навуфеем. Христиане признают власть Илии как Божьего пророка, но его служение также обращает наш взор на труд Христа. Евангелие Матфея изображает Христа на горе Преображения, стоящего рядом с Илией и это показывает связующую нить между двумя заветами (Мф.17:1–3). Когда мы применяем историю о винограднике Навуфея к нашему времени, мы должны обращать внимание на пророческое служение Христа.

Во-вторых, даже когда в истории говорится о Божьем откровении без упоминания о каком-либо пророке, мы можем связать это повествование с пророческим призванием Христа. Многие ветхозаветные истории касаются провозглашения Божьего Слова. Каждый раз мы должны обращать наше внимание на Христа как на Пророка. Например, в Быт.12:1–3 Бог призывает Аврама идти в обетованную землю. При этом не упоминается о каком-либо человеке-посреднике; однако, это событие служит прообразом призыва Христа к Его последователям оставить этот мир и следовать за Ним.

Ветхозаветные истории раскрывают господство Христа на основании Божьего откровения. Иногда роль пророков четко видна в тексте. Иногда Бог сообщал Свое Слово другими средствами. Но в любом случае, при толковании ветхозаветных историй христиане должны связывать любое проявление власти Божьего Слова со служением Христа.

Священник

Являясь нашим Священником, Иисус приводит нас в общение с Богом. Он предложил себя в совершенную жертву за наши грехи (Ин.1:29; Рим.8:1–4; 2Кор.5:21; Евр.9:28). Наши грехи прощены (Рим.6:28); мы оправданы (Рим.3:28; 5:1; 8:30) и освящены (1Ин.1:7; 3:6–10) для служения Богу посредством священнической работы Христа.

Священство Христа раскрыто также во многих ветхозаветных историях. Во-первых, во многих повествованиях упоминаются священники. Например, в 1Цар.2:12–17 сыновья Илиа осквернили обряды поклонения. Бог осудил этот бунт и произвел замену ради Израиля (1Цар.2:34–36). Первым читателям эта история говорила о священниках и жертвоприношениях. Но когда мы применяем эту историю к нашим дням, она говорит нам о Христе, нашем Священнике. Во дни Иисуса Бог отверг оскверненное поклонение Израиля, но Иисус открыл дверь для Божьих благословений посредством Своей священнической жертвы и ходатайства.

Так же и в книге Паралипоменон, Авий осудил северное царство за отвержение священнического порядка в Иерусалиме: «Не вы ли изгнали священников Господних, сынов Аарона, и левитов, и поставили у себя священников, какие у народов других земель?»

(2Пар.13:9). Этот рассказ учил общество, вернувшееся из плена, о необходимости установить у себя ветхозаветное священство в правильном порядке. Но христиане, при толковании этого отрывка, должны идти дальше и применять его к Священнику Христу. Он — установленный Богом Первосвященник в наш век. Чтобы правильно относиться к этой истории сегодня, мы должны обращаться к Нему как к своему Посреднику.

Во-вторых, многие ветхозаветные истории касаются обязанностей священников без конкретного упоминания о самих священниках. В таких историях на первом плане стоят прощение грехов, жертвоприношения, поклонение, молитва и общение с Богом. Отыскивая эти темы, мы должны связывать их со священническим служением Христа.

Например, история об Иакове в Вефиле (Быт.28:10–22) описывает особое присутствие Бога в жизни Иакова. Увидев в видении лестницу на небо, Иаков говорит: «Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные» (ст. 17). Он также поклоняется и клянется дать десятину. Первые читатели Моисея ассоциировали эту историю с их поклонением в скинии, но мы, христиане, также видим в этом месте Христа. Он является нашим Посредником, нашей лестницей на небо. Как сказал Сам Иисус: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин.1:51).

Ветхозаветные истории являют нам господство Христа, когда повествуют о темах, предшествующих Его священническому служению. Читая о священниках, а также об общих упоминаниях, о поклонении, прощении и других священнических функциях, мы видим, насколько важным должен быть Христос в нашем применении ветхозаветных историй.

Царь

Являясь нашим царем, Иисус правит всем и призывает Свой народ преклониться перед Его правлением (Пс.2:10–12). Он защищает нас и идет впереди нас в сражение (Пс.71:4; Ин.10:28–29; Отк.19:11–14), побеждая зло и сохраняя вечное наследие для Своего народа (Ин.14:2–3; Еф.1:13–14, 18–19; Евр.2:14; 12:28; 1Ин.3:8).

Царствование Христа отражается также и на ветхозаветных историях. Во-первых, Христос является осуществлением божественного царствования. По всему Ветхому Завету Бог выступает, как единый абсолютный Монарх в Израиле (1Цар.12:12; Пс.23:7–8; 28:10; 43:4; 46:2–8; 47:1–2; 88:18; Дан.4:34; 6:26). Люди-цари правили в качестве Его заместителей, но ни в коем случае не заменяли Его. Будучи третьей Личностью Троицы, Христос является верховным выражением божественного правления над Божьим народом.

В 1Цар.8:5 говорится, что Израиль попросил «царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». Их стремление к безопасности благодаря человеку-царю с абсолютной властью было отвержением Бога как Царя. Господь сказал Самуилу: «Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1Цар.8:7). Этот отрывок напоминал первым читателям о царствовании Бога над Израилем. Христианам же он указывает на Христа Царя. Отвержение Израилем Божьего царствования является аналогией нашего недоверия Христу. Когда мы обращаемся к другим источникам безопасности и силы, мы повторяем их грех.

Во-вторых, Христос является совершенным Царем для людей. Иисус был рожден сыном Давида и исполнил надежду на вечную династию Давида (Мф.1:1; Мрк.11:10; Лук.1:32–33). Следовательно, ветхозаветные повествования об израильских царях также указывают на царственность Христа.

Например, в повествовании о царствовании Асы (2Пар.14:1–16:14) летописец сосредотачивается на послушании и отступничестве царя. До тех пор, пока Аса оставался верным Богу, он имел много великих побед; но когда он совратился на свой собственный путь, он бесславно погиб. Такие истории привлекали внимание первых читателей к их царям, происходящим из рода Давида, но христиане видят в них также связь с Христом. Христос был во всем верен Своему царскому призванию и одержал вечную победу для Своего народа. Он преуспел в том, что не удалось всем остальным царям.

Кроме того, царственность Христа видна в каждой ветхозаветной истории, которая касается войны и мира, победы и поражения, наказания и награды. Эти темы всегда были тесно связаны с царствованием и обращают наше внимание на труд Христа как Царя. Например, когда Аврам победил своих врагов и спас Лота (Быт.14:1–16), Бог показал, что победа была одержана благодаря Его царской силе. Эта история придавала читателям Моисея уверенности в их сражении за Ханаанскую землю. А нам, христианам, она напоминает об огромной победе над грехом и смертью, которую одержал наш Царь Иисус Христос.

Мы должны всегда рассматривать ветхозаветные истории в свете господства Христа. В этом нам поможет простой вопрос. Что раскрывает нам данный отрывок о пророческой, священнической и царской сфере ветхозаветной жизни? Касаясь этих тем, истории вызывают у нас размышления о трех гранях служения Христа (см. рис. 59).

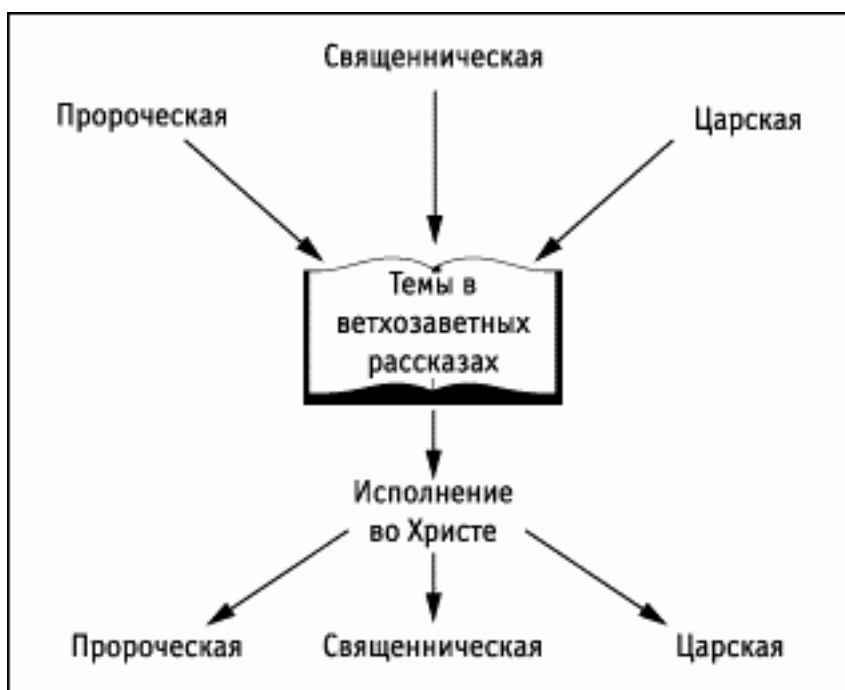

Рис. 59: Три грани господства Христа

Христианская теократия

Как мы уже несколько раз отметили в этой главе, из-за перемен эпох истории искупления требования к праведной жизни перед Богом сегодня отличаются от требований к праведной жизни во времена Ветхого Завета. Эта разница объясняется структурой нашей христианской теократии, в которой основными вопросами выступают теократический идеал и Христос, фазы христианской теократии и приспособления к христианской теократии.

Теократический идеал и Христос

Все ветхозаветные истории объединены одной темой: идеалом израильской национальной теократии. История Моисея описывала ее установление; История Второзакония рассматривала ее укрепление и упадок; История Паралипоменон сосредотачивалась на восстановлении Израиля как теократического государства. Несмотря на явные различия, все эти традиции касались правления Бога народом Израиля.

Основной темой ветхозаветных писателей было установление Божьего Царства в Израильском народе. Их понятия о теократии были тесно связаны с географическими и политическими факторами. Ханаанская земля была местом наследия; Иерусалим был домом

поставленного Богом царя; храм был местом поклонения. Так или иначе, ветхозаветные писатели всегда составляли свои книги для того, чтобы показать Израилю этот национальный теократический идеал.

Тем не менее, ветхозаветное видение теократии не было ограничено националистическими вопросами. В дни Авраама Израиль получил всемирное призвание: «Благословятся в тебе все племена земные» (Быт.12:36). Чем дальше мы углубляемся в Ветхий Завет, тем больше мы видим надежду распространения теократии на все народы земли. Время от времени язычники становились частью народа (Иис.Нав.6:25; Руфь 4:13–22). Давид и Соломон присоединяли к Израилю языческие народы (2Цар.22:48; 3Цар.4:21; 2Пар.8:1–8). Соломон молился о благословении для язычников, приходящих в храм (3Цар.8:41–43). Надежда установления теократии в других народах неудержимо росла в пророческих видениях (Ис.2:2; 11:10; 51:4–5; 65:1). С увеличением откровения в ветхозаветный период становилось очевидным, что такое расширение Царства на весь мир, в конце концов, будет завершено славным пришествием Мессии.

Новый Завет утверждает, что эти ожидания Мессии совершились во Христе. Теократический идеал не исчез с Его приходом; он расширился и поднялся на более высокий уровень. Ханаанская земля, Иерусалимский престол и храм были всего лишь прообразами нового мира и нового теократического государства, утвержденного Христом. Новый Завет учит, что спасение пришло через окропление Кровью Христа (Евр.9:11–14; 10:19; 1Пет.1:1–2), а не через жертвоприношения животных. Вместо обычного сына Давида, вечный Сын Давида сел на его престоле на небесах (Деян.2:22–36). Новый Завет говорит уже не об одном народе, а о небесном граде (Отк.21:1–4) и вечном царствовании Христа над новым небом и новой землей (Ис.9:6–7).

Теократический идеал Ветхого Завета во всей полноте раскрывается во Христе. Все прообразы и тени исчезают, их заменяет небесная реальность. Шаткая крошечная национальная теократия преобразовывается в универсальную, победоносную теократию посредством Христа.

Фазы христианской теократии

Когда человек делает один шаг вперед, мы обычно думаем, что это простое движение. Но, присмотревшись, мы можем увидеть, что простой шаг состоит из множества движений. Мы поднимаем ногу от земли, проносим ее в воздухе и опять ставим на землю.

Таким же образом, расширение теократии во Христе является одним из шагов в истории искупления человечества. Однако нашу эпоху нельзя назвать простым, одиночным движением. Как и человеческий шаг, она состоит из нескольких фаз: начала, продолжительности и завершения.

Начало. Ознаменованнием начала эсхатологического века послужило первое пришествие Христа. Когда Иисус пришел, Он начал Свое служение Пророка, Священника и Царя. Как Пророк Иисус провозглашал «лето Господне благоприятное» (Лук.4:19). Его учение и чудеса несли утешение бедным, исцеление слепым и освобождение пленным (Лук.4:18). Как Священник Он пришел и «обитал с нами» (Ин.1:14). Своими страданиями и смертью Он заплатил за грехи Своего народа, даровав прощение всем верующим в Него. Как Царь Иисус родился сыном Давида; воскресение и вознесение были Его коронацией, — Он воссел на престоле Давида со всей властью.

Начало нашего века также включает в себя работу Святого Духа среди Апостолов. Когда Христос вознесся на небо, Он дал Своей Церкви дары Святого Духа (Еф.4:7–13). Апостолы ждали в Иерусалиме укрепления силой Святого Духа (Лук.24:49; Деян.2:1–4), чтобы свидетельствовать о Христе всем народам. Дух сошел в день Пятидесятницы (Деян.2:1–11) и Апостолы начали возвещать Царство по всей Иудее, Самарии и «даже до края земли» (Деян.1:8).

Все эти события ознаменовали начало новой теократической эры, частью которой мы являемся. Как свидетельствует одна из метафор Павла, мы теперь «свои Богу, бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф.2:19б–20). Как любое здание стоит на фундаменте, так и нашим основанием является труд Христа и Его Апостолов.

В начале Своего служения Иисус провел разделительную черту между Царством Божьим и всеми политическими структурами этого мира, включая народ Израиля. Иисус учил Своих учеников: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:33). Материальные ценности этого мира должны были стать на второе место, уступив дорогу Царству Христа. Когда Пилат спросил Иисуса, Он прямо ответил: «Царство Мое не от мира сего» (Ин.18:36). Как и ожидалось в ветхозаветные времена, Иисус начал коренное преобразование национальной теократии. Он обрубил геополитический ветхозаветный якорь Царства и отпустил теократию в свободное плавание ко всем народам.

Продолжительность. Новый Завет также учит, что установление Божьего Царства это довольно продолжительная фаза. Иудеи, жившие во дни Иисуса, ожидали, что Мессия создаст славное всемирное Царство сразу после Своего пришествия. Даже Иоанн Креститель думал, что Мессия принесет спасение и окончательный суд одновременно (Мф.3:10–12; 11:3). Но Иисус показал, что у Бога был другой план. Евангелие от Матфея содержит притчи Иисуса о Царстве, которые подчеркивают длительный, прогрессивный характер нашей эры. Мы живем во время прорастания пшеницы и плевел (Мф.13:24–30, 36–43); горчичное зерно все еще растет (Мф.13:31–32).

Иисус продолжает быть нашим Пророком, Священником и Царем. Как Пророк Он учит нас через проповедь Слова (2Пет.3:2). Как Священник Он ходатайствует за нас перед престолом благодати. Как Царь Он ведет нас в сражение, защищая нас и восполняя наши нужды.

Тем не менее, Царство можно описать как уже пришедшее, но еще не наступившее. Уже сейчас мы предвкушаем многие благословения грядущего века. Мы имеем залог Святого Духа (2Кор.1:21–22), внутреннее обновление (2Кор.4:16; Кол.3:10) и возрастающую церковь (Кол.1:6). Но Царство еще не пришло во всей полноте. Корабль христианской теократии покинул ветхую гавань Иудейского национализма, но еще не пришел в новый порт, где Христос будет править всем миром. Поэтому последователи Христа не являются гражданами геополитической теократии. Они — небесные жители (Фил.3:20). Божий народ живет сейчас как теократический остаток, разбросанный по всем народам земли. Мы проходим этот мир, ведя духовную борьбу (Еф.6:12) и ждем наступления нового мира (1Пет.1:7; 2:11). На сегодняшний день мы благословлены больше, чем какое-либо из прошлых поколений; ветхие теократические прообразы прошли. Но мы все еще ожидаем завершения и установления полной теократии со вторым пришествием Христа.

Завершение. Возвращение Христа во славе принесет конец христианской теократии. Иисус пообещал вернуться в этот мир (Ин.14:1–4; Деян.1:11) и Апостолы утверждали эту надежду (1Кор.4:5; 1Фес.1:10; 3:13; Отк.22:12). При возвращении Христа вся вселенная будет преобразована в Царство Божие (2Пет.3:10–12). Эта последняя фаза нашей эры играет сегодня важную роль в жизни верующих, скрашивая многие аспекты нашего нынешнего существования. Возвращение Христа желанно и утешительно для Божьего Народа (1Кор.1:7; 1Фес.4:15–18; 2Тим.4:8; Фил.3:20–21).

Когда Христос вернется, мы увидим завершающую фазу христианской теократии. Земля будет принадлежать Божьему народу, поскольку над ней царствует Христос. Будучи нашим Пророком, Он явит нам Бога. Будучи нашим Священником, Он введет нас в славное присутствие Бога. Будучи Царем, Он поразит наших врагов и дарует нам «новое небо и новую землю» (2Пет.3:13).

Разделения между началом, продолжительностью и завершением христианской теократии ставят перед нами три выбора, когда мы применяем ветхозаветные истории к современному миру. Мы можем смотреть на прошлый, настоящий и будущий труд Христа для нас. Мы можем спросить: 1) Как эта история раскрывает нашего Пророка, Священника и Царя в Его первом пришествии? 2) Что применимо в этой истории к сегодняшнему пророческому, священническому и царскому служению Христа? 3) Что говорит эта история о завершении пророческого, священнического и царского служения Христа после Его второго пришествия?

Например, мы упомянули, что христиане должны связывать пророческое служение Моисея с Христом. Имея три указанных выше направления, мы можем обращать внимание на учение Христа в дни Его пребывания на земле; мы можем также сосредотачиваться на Его служении через проповедь и учение Слова сегодня; и, наконец, мы можем указывать на откровение Бога, которое откроется при втором пришествии. Применение каждой истории современными читателями включает в себя все фазы пророческой работы Христа.

Мы также сказали, что отстранение сынов Илия от священнического служения в 1Цар.2:12–36 служило прообразом совершенной жертвы и поклонения во Христе. Эта история напоминает нам о чудесной и совершенной жертве Христа на кресте, обращает наше внимание на Его продолжающееся ходатайство за нас перед престолом благодати и сохраняет в нас надежду на прощение и вечное общение с Богом, которое Христос даст нам, когда придет второй раз.

Таким же образом мы можем рассматривать истории, касающиеся царствования. Мы упомянули, что повествование летописца о царствовании Асы (2Пар.14:1–16:14) относится к победе и безопасности, которую дает нам Христос Царь. Чтобы применить этот текст к христианской теократии, мы должны помнить о пришествии Царства с рождением Христа на земле. Мы день за днем обращаемся к силе Христа, чтобы утверждать это Царство. При этом мы всегда смотрим на великую славу Царства, которую оно получит после возвращения и окончательной победы Христа. Истории, касающиеся царства, могут быть применимы ко всем периодам нашей эры.

Оценивая потребности современных верующих, мы можем выделять тот или иной аспект современного применения. Однако каждая ветхозаветная история наталкивает нас на размышления о пророческом, священническом и царском служении Христа в начале, в середине и в конце периода христианской теократии (см. рис. 60).

Рис. 60: Применение ветхозаветных рассказов к христианской теократии

Приспособление к христианской теологии

Идеология ветхозаветных писателей должна быть соответствующе освещена и приспособлена к понятию о христианской теократии. Эта задача может быть сложной. Поэтому полезно будет кратко просмотреть виды изменений, которые необходимо провести для того, чтобы применение тех или иных ветхозаветных историй стало возможным.

История Моисея. Основной темой книг, составляющих Историю Моисея, было создание в Израиле национальной теократии. Моисей написал Бытие, чтобы проследить связь между выходом Израиля из Египта и завоеванием Ханаана; Исход узаконил социальный и религиозный порядок израильского народа; книга Чисел учила Израильян морально быть готовыми к тому, чтобы изгнать Хананеев из обетованной земли; Второзаконие призывало народ к утверждению и соблюдению Моисеева завета после получения обетованной земли. Эти книги вели народ к учреждению в Израиле теократического государства.

Чем эти книги полезны людям, живущим в период христианской теократии? Когда мы приспособляем принципы Пятикнижия к становлению Божьего Царства в нашу эпоху, мы видим их огромное значение для благочестивой жизни во Христе. Мы не следуем за Моисеем через пустыню в Ханаан, но Бытие учит нас тому, как Христос вывел нас из рабства греха и смерти. Оно объясняет необходимость следовать за Ним в нашей повседневной жизни, удаляясь от греха и стремясь к исполнению целей Божьего Царства. Бытие также придает нам бодрости и уверенности в том, что однажды Христос даст нам обетованное наследие нового неба и новой земли.

Исход увещевал народ покориться установленному Моисеем социальному и религиозному порядку. Мы не привязаны к прообразам эпохи Моисея, но мы признаем власть Христа и Его применение Моисеева Закона к Своему Царству.

Книга Чисел призывала второе поколение Израиля к образованию Божьей святой армии и завоеванию Ханаана. Она учит нас «не быть похотливыми на злое, как они были похотливы» (1Кор.10:6). Мы должны хранить себя в святости, потому что наша брань «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего» (Еф.6:12). Наша единственная надежда на победу в грядущих духовных битвах заключается в посвящении себя Христу.

Второзаконие призывало народ к обновлению завета в Ханаанской земле. Будучи верующими двадцатого века, мы не следуем прообразам Моисеева Закона. Но Второзаконие напоминает нам, что Христос исполнил требования завета и призывает Божий народ к постоянной верности Ему. И, наконец, мы надеемся на исполнение обетований завета о мире и процветании, которые наполнят землю после возвращения Христа.

История Второзакония. Книги Истории Второзакония сообщают об утверждении и упадке Израиля. Книга Иисуса Навина учила народ добиваться успеха в святой войне, разумно разделять землю и пребывать в послушании завету. Книга Судей указывала на необходимость в поставлении царя над народом, поскольку Израиль начинал терпеть поражения в войне, и проходил, как через периоды процветания, так и периоды упадка при судьях. Книги Царств провозглашали надежду народа на линию Давида, а также справедливость изгнания и надежду на возвращение в землю после покаяния.

Как Израиль узнавал из этих книг о национальной ветхозаветной теократии, так и мы можем найти в них много применимого к нашей жизни при христианской теократии. Иисус Навин указывает нам на ответственность, которую мы имеем теперь, когда получили наследие, благодаря смерти и воскресению Христа. Мы должны продолжать вести духовную войну плечом к плечу с другими верующими, которые разделяют наше наследие. Мы ожидаем дня, когда Христос вернется, и наше сражение будет завершено.

Книга Судей учит нас тому, что нам необходим Царь — Христос; без Него наше сражение будет проиграно. Другие лидеры могут, в лучшем случае, только предоставить временную победу. Но, имея Христа в качестве нашего Царя, мы уверены в вечной победе и благословении.

Первые книги Царств учат нас быть верными нашему Царю Иисусу, Сыну Давидову, несмотря на трудности, которые переживает Его Царство. Христос был безгрешен, но Его Царство сталкивается с трудностями. Однако мы знаем, что все обетования Божьи покоятся в Нем.

Последние книги Царств предостерегают нас, чтобы мы не считали победу Христа позволением грешить; Бог наказывает Своих детей, когда они уклоняются от верного пути. И как автор книг Царств возносил надежду на восстановление народа, так и мы можем быть восстановлены через покаяние и веру.

История Паралипоменон. Основной темой книг Истории Второзакония было восстановление национальной теократии после возвращения из плена. Паралипоменон подчеркивал необходимость надлежащего порядка в Божьем народе, в храме и в царской семье для получения благословений от Бога. Книги Ездры–Неемии сосредотачивались на Божьих требованиях святой жизни и посвящения восстановлению Царства.

Когда мы, христиане, смотрим на эти книги, мы видим свои задачи, которые необходимо выполнять, находясь под христианской теократией. Мы являемся остатком Божьего народа. Летописец призывал народ вернуться к идеалам национальной теократии, но мы видим в этом призыв к посвящению себя идеалам Божьего Царства. Единство в Божьем народе, царствование Христа и искреннее поклонение являются главными условиями для получения Божьих благословений в наши дни. Книги Ездры и Неемии подчеркивали важность святости и приложения практических усилий для восстановления царства. Но мы видим в них также свою необходимость отделяться от зла и посвящать себя созиданию Царства Христа.

Другие книги. Остальные повествовательные книги также содержат много важного о наших теократических обязанностях. Книга Руфь утверждала законность линии Давида, несмотря на присутствие в ней моавитянки; христиане также следуют за Христом, Которого многие не признают Царем. Книга Есфирь учила Израильский народ праведной жизни в чужих землях; мы должны научиться служить Богу в этом грешном мире. Книга Ионы убеждала своих первых читателей в важности проповедования Божьего Слова другим народам. Сегодняшним христианам Христос также повелевает нести Его Слово по всему миру.

Сказанное только слегка приоткрывает важность этих книг Писания для нашей эпохи. Однако мы указываем направление, в котором можем продвигаться, приспособив и применяя эти книги к нашему веку. Ветхозаветные истории не теряют своего авторитета для наших дней, однако, к нам они применимы не так, как к первым читателям, потому что мы живем между первым и вторым пришествием Христа. Оставляя позади националистические идеалы Израиля, мы путешествуем по этому падшему миру, ожидая возвращения Христа и полного установления Его всемирной теократии.

Заключение

В этой главе мы выделили несколько основных аспектов применения ветхозаветных историй к нашему веку. История искупления человечества состоит из многих периодов, но пришествие Христа внесло наиболее значительное изменение в библейскую религию. Поэтому Христос является герменевтической основой, на которой мы можем строить все свои попытки применения ветхозаветных историй к нашим дням. Мы должны рассматривать эти истории в свете Его пророческого, священнического и царского призвания. Божий народ,

живущий между первым и вторым пришествием Христа, должен также принимать во внимание различия между ветхозаветной теократией и нынешним состоянием христианского мира. Храня в уме такую широкомасштабную структуру, мы сможем продвигаться к более эффективному применению историй Ветхого Завета к нашим дням.

Вопросы

1. Объясните, в чем состоят различия и единство периодов истории искупления (как обсуждалось в этой главе)? Каким крайностям в трактовке этой темы подвержены евангельские ученые? В чем заключается суть органичного взгляда на историю искупления человечества?

2. Назовите три предназначения Христа. Каким образом мы можем поставить их в центр нашего современного применения ветхозаветных историй?

3. Как теократический идеал Ветхого Завета раскрылся во Христе? Назовите фазы христианской теократии.

Упражнения

1. Составьте список десяти основных тем, встречающихся в ветхозаветных историях. Подумайте над тем, что изменялось в каждой теме по мере того, как история прогрессировала в Ветхом Завете и во Христе.

2. Изучите 2Пар.12:1–12. Назовите три основных темы этого отрывка. Проследите связь между каждой темой и предназначением Христа в трех фазах христианской теократии.

3. Изучите Быт.11:1–9. Повторите задания из упражнения 2.

Из культуры в культуру

Я вырос в маленьком городе и мало общался с людьми из других частей мира. В школе меня учили, что другие культуры отличаются от моей, но все, кого я знал, были такими же, как я. Мы придерживались одних и тех же традиций, и у нас были одинаковые мечты. Однако когда я переехал в большой город, я очень скоро понял, что люди из других культур могут быть очень разными. Различные культурные традиции формируют в людях разные направления и взгляды на жизнь.

Культуру можно определить как «интегрированную систему усвоенных образцов поведения и мышления, характерных для того или иного общества». Как подсказывает это определение, культура оказывает влияние на каждую сферу существования человека. Наши идеи, обычаи и стремления формируются в социальном контексте. Никто не может избежать влияния культуры.

Даже ветхозаветные писатели отражали социальную обстановку их дней. Вдохновение Святого Духа удерживало писателей от ошибок, но их взгляды на жизнь формировались окружающим их миром. Они мыслили не так, как мы сейчас; они смотрели на жизнь через очки древневосточной культуры.

По этой причине в ветхозаветных историях отражены традиции и особенности культуры, которая во многом отличается от нашей. Каждый толкователь сталкивается с этими различиями. Как же нам преодолеть пропасть, образованную различием в культурах? Как мы можем применять эти древние истории к современной жизни?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо рассмотреть множество тем. Мы коснемся трех наиболее важных: оценка различий в культурах, культура в Ветхом и Новом Заветах и применение к современной культуре. Как мы должны оценивать различие двух культур? Какое воздействие оказывает пришествие Христа на наше понимание особенностей той или иной культуры? Какие изменения мы должны сделать в сфере культуры, чтобы применять ветхозаветные истории к современному миру?

Оценка различий в культурах

Однажды у меня был знакомый, который никогда не уделял внимание своей семье. Его отношения с женой и детьми всегда были отдаленными и холодными. «Все дело в его происхождении,— объяснил мне наш общий друг,— именно так мужчины ведут себя в его стране». Но я все равно оставался в недоумении. «Может быть, это его обычай,— ответил я,— но разве это правильно?»

Этот разговор отражает давление, которое время от времени испытывают многие из нас. Мы хотим уважать людей из других частей мира. Мы стараемся не навязывать им обычаи своей культуры. Но все же, некоторые поступки и мнения мы считаем правильными или неправильными, независимо от того, где человек живет.

Применяя ветхозаветные истории к современной жизни, мы сталкиваемся с рядом культурных различий, которые видны, как в Библии, так и в современной жизни. Но можно ли как-то рассудить, какие нормы правильны, а какие нет? Как нам оценивать обычаи ветхозаветных дней? Как нам отличать хорошее от плохого в современных культурах?

Отвечая на эти вопросы с библейской точки зрения, мы должны признать, что все культуры имеют два основных источника: религию и природу. Когда мы поймем влияние, оказываемое каждым из этих факторов на формирование культур, мы сможем правильно оценивать различия между ними.

Религия и культура

Религия оказывает основное влияние на формирование культуры любого общества. Религия и культура неразрывны во многих отношениях. В своей книге «Религия и культура — историческое введение» С. К. Нейл пишет так:

На протяжении всей истории человечества религия и культура были неразрывно связаны. Не существовало еще великой религии, которая не выражалась бы в великой культуре. Не было также ни одной великой культуры, корни которой не уходили бы глубоко в религию.

Взаимоотношения в обществе высвечивают наши основные ценности и убеждения. Наша вера в Бога и отношения с Ним устанавливают ценности, которые формируют наше общество. Фундаментальные структуры всех культур основываются на религиозных убеждениях.

Мощное влияние религии отчетливо прослеживалось во все исторические периоды. Народы прошлых веков полагались исключительно на религиозные идеалы. Вавилоняне и египтяне сознательно придавали своему обществу такую структуру и порядок, который, по их мнению, был установлен их богами. Феодализм в средневековой Европе был очень подвержен смешанному влиянию христианских и языческих верований, широко принимаемых в те времена. В современной западной цивилизации мы погребаем наше христианское наследие под религиозным нейтралитетом. Однако многие из наших основных социальных ценностей — справедливость, честность, равноправие и т. п. — находят свои истоки в ценностях этой религии.

В той или иной степени, религиозные убеждения определили формы и особенности всех существующих культур. Однако культуры вырастают не просто из системы убеждений, которые люди сознательно одобряют. Корни нашего образа жизни тянутся глубже организованной религии. Они ведут к неизбежной ответственности всех народов перед единым и истинным Богом неба и земли.

Павел говорит об этом в Рим.1:18–32. Он утверждает, что на протяжении всей истории люди знали вечную силу Бога и Его Божество (ст. 20). Это общее для всех откровение становится видным через «рассматривание творений». Однако по мере того, как народы развивались, они бунтовали против Бога. Народы «не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили». Поэтому Бог предал такие народы «в похотях сердец их нечистоте».

Но в речи Павла есть и слова ободрения. Хотя наше существование исполнено греха, люди не способны полностью искоренить свое стремление к Богу. Наряду с бунтом против Него человечество стремится к соблюдению стандартов, установленных общим откровением: «Язычники, не имеющие закона, по природе законное делают... Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:14–15).

Никто не может избежать влияния общего откровения, поэтому многие из принятых в нашем обществе правил хотя бы внешне совпадают с Божьей волей. Народы восстают против Бога, но при этом они подчиняются Его порядку.

Павел опровергает популярный сегодня взгляд на культуру. Мы живем в дни, когда культурные ценности относительны, когда не существует стандарта, универсального для всех людей. Мы рассматриваем все социальные нормы как равно законные.

Павел в этом отношении был абсолютистом. Апостол утверждал, что все народы обязаны чтить Бога, и что дела любого общества в любом веке должны оцениваться по стандарту Божьего откровения. Мнение Павла служит нам основным руководством для исследования различий между народами. Итак, мы должны оценивать любые культурные ценности в свете Божьих требований ко всему человечеству. Божья святая воля

распространяется, как на культуру в ветхозаветных историях, так и на современные культуры.

Культура в ветхозаветных историях. Культура Ветхого Завета подчинена Божьему откровению. Ветхозаветные истории описывают многие общепринятые обычаи древнего Ближнего Востока. Эти обычаи либо совпадают с Божьей волей, либо нарушают ее. Поэтому мы никогда не должны принимать ветхозаветные обычаи за проявления Божьей воли; мы должны всегда выяснять, были ли они одобрены Богом.

Ветхозаветные писатели поддерживали многие культурные обычаи. Например, в 1Пар.18:15–17 летописец сообщает, что Давид установил политическую бюрократию, очень похожую на ту, которая была в других народах в те дни: «Иоав... был начальником войска; Иосафат... — деесписателем; Садок... и Авимелех... — священниками; Суса — писцом; Ванея... [был] над Хелефеями и Фелефеями; а сыновья Давидовы — первыми при царе». Насколько мы знаем, Бог не повелевал Давиду устанавливать такую правительственную иерархию; Давид принял самостоятельное решение и поставил людей на должности в Израильском царстве. Как мы должны оценивать такую политику царя? Была ли она правильной? В этом отрывке летописец поддержал действия Давида, отметив, что они приносили пользу Израилю (1Пар.18:14). Давид верно выполнял свои царские обязанности, поэтому его постановления показали себя с положительной стороны.

В то же время, многие из обычаев, встречающихся в Ветхом Завете, не были согласованы с Божьей волей. Например, когда Аврам решил родить ребенка от Агари, своей служанки, он следовал общепринятому обычаю. Но, как говорит Павел: «Который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию». Последовав этой древней практике, Аврам повернулся от Божьего обетования к своим плотским представлениям, и нарушил Божье откровение. Аврам поступил неправильно, несмотря на тот факт, что его действия были совершенно приемлемы в его культуре.

Ветхозаветные истории повествуют о многих особенностях культуры древнего Израиля, одни из которых соответствовали Божьей воле, другие нарушали ее. В некоторых вопросах сложнее разобраться, чем в других, но мы всегда должны судить о каждом обычае, записанном в ветхозаветных историях, в свете Божьего откровения.

Современная культура. Применяя ветхозаветные истории к нашим дням, мы должны также оценивать современную культуру, потому что откровение Божьей воли распространяется на обычаи современного мира так же, как это было в ветхозаветные времена.

Оценка современного общества имеет две стороны. С одной стороны, обычаи, которые противоречат Божьей воле, должны всегда рассматриваться отрицательно как бунт против Бога. Жестокие политические правления, сексуальная развращенность, воровство — все это неправильно, какими бы ни были стандарты того или иного общества. Для применения ветхозаветных историй к современной жизни мы должны смотреть на эти грехи так же, как на них смотрит Бог.

С другой стороны, когда современные порядки соответствуют откровению Божьей воли, мы должны оценивать их положительно. Евангельским верующим зачастую гораздо легче осуждать, нежели одобрять что-то в современной культуре. Мы повсюду видим бунт против Бога и поэтому склонны не замечать положительные культурные ценности, такие как законы, сдерживающие зло, и общественные нормы, поддерживающие справедливость и спокойствие. Мы должны одобрять любые обычаи и действия, которые воздают честь Богу. Поэтому при оценке современной культуры мы должны искать в ней не только плохое, но и хорошее.

Изучение культуры должно начинаться с признания религиозного характера человеческого существования. Общее откровение обязывает всех людей повиноваться Богу. Обычаи людей древнего и нынешнего времени содержат и положительную, и отрицательную реакции на откровение Божьей воли. Поэтому, применяя ветхозаветные истории к

современной жизни, мы должны оценивать особенности той или иной культуры согласно Божьему Слову.

Природа и культура

Оценка культуры требует уравновешенного подхода. Хотя религия играет важную роль в формировании национальных особенностей того или иного народа, это не единственный фактор, который необходимо учитывать. Разнообразие природы также обуславливает человеческую жизнь. Таким образом, каждая культура является продуктом взаимодействия религиозных ценностей и природных особенностей.

Однажды нам с женой посчастливилось жить по соседству с художницей. Ее работы были превосходными, но больше всего меня впечатляла ее любовь к разнообразию. Она была одарена сразу в нескольких видах искусства: в вышивке, вязании, живописи и керамике. Я даже помню, как однажды сказал жене: «По-моему, она может превратить в искусство что угодно!»

Рассматривая мир, который сотворил Бог, мы замечаем, что Он также любит разнообразие. Он не сотворил никакого единого социального порядка. Наоборот, Он установил бесчисленные природные различия, которые делают нас разными. Как сказал Павел: «От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Деян.17:26).

Антропологи указывают на многие природные причины разнообразия культур, три из которых кажутся особенно выразительными. Физическая среда играет важную роль в культуре. Климат, география и природные источники оказывают огромное влияние на человеческую жизнь. У группы людей, которые селятся возле моря, жизненная деятельность развивается не так, как у людей, которые живут в пустыне. Средства передвижения горных жителей отличаются от тех, которыми пользуются жители равнин. Многие из особенностей культуры обуславливаются физическими условиями, в которых живут люди.

К тому же, Бог одарил людей разнообразными природными талантами и способностями. Даже при обычном наблюдении видно, что отдельные личности и группы людей имеют разные способности. Одни имеют утонченную художественную одаренность; другие проявляют прекрасные технические навыки. Одни очень прагматичны, другие же более склонны к размышлению и философии. Когда эти разные люди становятся выдающимися в том или ином обществе, они задают направление развития его культуры.

И, наконец, разнообразие культур увеличивается с течением времени. Исторические перемены производят между народами множество различий. По мере того, как поколения вырастают на достижениях прошлого времени и сталкиваются с задачами их изменчивого мира, культура их народа принимает все новые и новые формы. Временные перемены также служат причиной разнообразия.

Влияние природы служит нам вторым руководством для оценки особенностей той или иной культуры. Поскольку Бог не хотел, чтобы все народы были совершенно одинаковыми, мы должны признать, что некоторые различия в культурах совершенно обоснованы и правильны. Природные, естественные различия среди людей говорят о том, что о многих культурных особенностях нельзя судить как о правильных или неправильных. Многие общественные правила просто не имеют сами по себе никакой нравственной ценности. Например, ездить на лошадях не лучше, чем на верблюдах, или носить сандалии не лучше, чем туфли, или кушать вилкой не лучше, чем пальцами. Эти жизненные особенности объясняются природным разнообразием, которое установил Бог среди народов.

Однако эти природные отличия не выходят полностью за рамки нашего суждения. Мы всегда вправе оценивать их относительно общих принципов Писания. Нарушает ли данный обычай всеобщие нравственные ограничения, изложенные в Библии? Проходит ли этот обычай тест Божьих заповедей? Мотивы и цели всех культурных особенностей либо устоят, либо упадут в свете Божьих нравственных стандартов.

Влияние природы на культуру проясняет нам задачу применения ветхозаветных историй. Разнообразие природы указывает нам на необходимость уважать различные особенности ветхозаветной и современных культур.

Ветхозаветная культура. Многие черты ветхозаветной культуры появились благодаря разнообразию природы. Ветхозаветные верующие часто имели такую форму отношений с Богом, которая была обычна для их времен. Следовательно, их особенности и обычаи никогда не были нормативными для всех верующих.

Например, Авраам путешествовал к горе Мориа на осле (Быт.22:3); Давид пас овец (1Цар.17:15). Нет сомнений в том, что эти поступки были тесно связаны с нравственным выбором этих людей. Авраам ответил на Божий призыв принести Исаака в жертву; Давид служил отцу как покорный сын. В их действиях отражались особенности культуры, соответствующие выполнению обязанностей, данных им Богом. Все верующие должны подчиняться библейским принципам верности и служения, как делали эти люди. Но нам совершенно не обязательно становиться для этого пастухами или ездить на ослах. Эти ветхозаветные формы послушания объясняются их соответствием религиозным убеждениям и природным особенностям культуры.

Современные культуры. Таким же образом, совершенно справедливые отличия существуют и в современных культурах. Все верующие должны быть послушными Писанию, но форма этого послушания бывает разной в зависимости от времени и места. Иногда нам очень трудно примириться с различиями и особенностями современных культур. Наше предвзятое мнение о правильном поведении часто мешает нам видеть необходимость в соответствующем применении того или иного отрывка Писания к разным культурам. Мы думаем, что этот отрывок должен применяться в каждой культуре так же, как и в нашей. Наши западные ценности заставляют нас ожидать единственно правильного ответа на каждый вопрос. К тому же, при этом мы считаем все ответы, данные западными академиком, более важными и весомыми, чем ответы ученых любой другой культуры.

Например, летописец настаивал на том, что поклонение Богу в возвращенном из плена Израиле должна была сопровождаться правильной музыкой (см. 1Пар.6:31–47; 15:19–22, 28; 16:4–36; 2Пар.7:6). Большинство из нас понимает, что для применения историй Паралипомена нам вовсе не обязательно играть на древних восточных музыкальных инструментах и напевать их мелодии. Мы сосредотачиваемся на принципе, а не на конкретных действиях. Однако некоторые церковные лидеры убеждены, что только традиционные стили музыки угодны Богу. Мы играем на органе и пианино; мы поем традиционные гимны. Но из-за предубеждений нашей культуры мы исключаем другие музыкальные формы — фольклор, джаз, рок. Мы считаем, что они не угодны Богу, потому что они не угодны нам. Предрассудки такого рода видны во всем.

Одни и те же нравственные требования могут выполняться в разных обстоятельствах при помощи разных, но равно законных средств. Язык — это дар, который должен использоваться в соответствии с Божьей волей, но это не значит, что все народы земли должны говорить на одном языке. Правительства должны использовать власть меча против зла, но средства достижения этой цели весьма разнообразны в каждой стране. Стандарты Божьей воли, открываясь в разные времена и в разных местах, требуют разных форм проявления послушания.

Итак, культура развивается на основе религии и природы. Религиозная сторона жизни побуждает нас оценивать нравственные качества всех культурных особенностей и обрядов Ветхого Завета и наших дней в соответствии со Словом Божьим. Однако природное разнообразие культур заставляет нас признать равноправность особенностей, как ветхозаветного, так и современного мира. Придерживаясь этих принципов, мы сможем лучше и качественнее оценивать особенности каждой культуры (см. рис. 61).

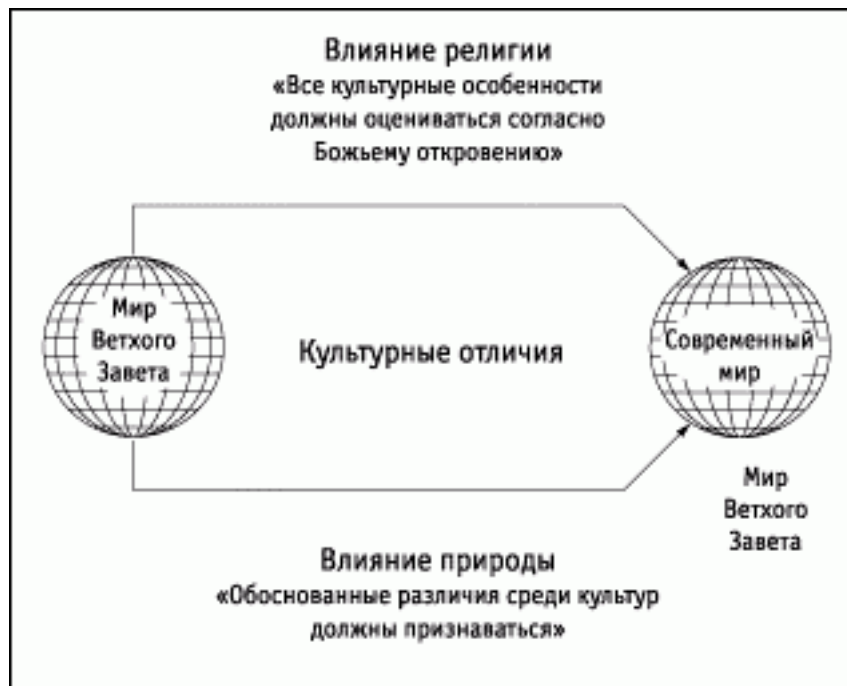

Рис. 61: Оценка культурных особенностей

Культура в Ветхом и Новом Заветах

Сравнивая ветхозаветные истории с современной культурой, мы осознаем, что имеем дело не просто с обычным историческим развитием. Перемена в истории искупления человечества, пришедшая с рождением Христа, утвердила огромную разницу между нами и Ветхим Заветом. Чтобы изучить эту разницу, мы рассмотрим культуру в Ветхом и Новом Заветах.

Культура в Ветхом Завете

Я помню, как однажды после лекции ко мне подошла одна из студенток и сказала: «Я бы не хотела жить в ветхозаветные времена. У людей тогда было столько правил и запретов, что они едва могли дышать!» Именно таким воспринимают евангельские верующие Ветхий Завет — периодом законничества и ограничений. Правильно ли такое впечатление? Какой на самом деле была ветхозаветная культура?

Даже при беглом чтении ветхозаветных историй мы видим, что Моисеев Закон управлял всем израильским обществом. Наши разделения между мирской и религиозной сферами жизни были немыслимы для ветхозаветных писателей. Закон Моисея распространялся на каждый аспект национальной теократии: поклонение, политические и юридические структуры, а также отношения между людьми. Не было таких жизненных сфер, которые не затрагивались постановлениями Моисея, полученными от Бога через откровение.

Тем не менее, ветхозаветный Закон не оговаривал каждую сферу жизни до мелочей. Об одних вопросах израильской культуры Бог говорил много, о других — мало. С одной стороны, Он позволял Израилю соблюдать те древние обряды, которые не нарушали Его принципы, но с другой стороны, Он устанавливал четкие ограничения в некоторых аспектах культурной жизни Израиля. Так или иначе, Бог не оставлял без внимания ни одного вопроса национальной теократии. Чтобы лучше понять влияние Закона на культуру, мы рассмотрим гибкость культуры и ее рамки.

Гибкость культуры. Культура древних израильтян предоставляла им свободу во многих отношениях. Они могли исполнять свои обязанности перед Богом с помощью различных средств. Нравственные принципы библейских заповедей устанавливали четкие границы, но в пределах этих границ Божий народ имел большую свободу.

В результате этого, многие аспекты ветхозаветной теократии очень напоминали другие древневосточные культуры. Технологические навыки Израиля, формы его искусства и быта развивались в контексте исторических условий его жизни. Ветхозаветные писатели считали особенности своей культуры естественными, обоснованными и законными. Они не предписывали каких-либо указаний по таким вопросам, как столовый этикет, цвет одежды, формы развлечения или средства передвижения.

На культурную свободу Израиля оказывали влияние несколько факторов. Во-первых, многие Божьи заповеди были запрещающими. Заповеди «Не убивай», «Не прелюбодействуй», «Не кради» (Исх.20:13–15) говорили людям о том, чего они не должны были делать. При этом не указывалось, что именно должны были делать израильтяне в каждой отдельной ситуации, и это предоставляло им достаточную свободу действий.

Во-вторых, многие из утвердительных указаний Ветхого Завета были даны в виде общих принципов. Например, заповедь «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исх.20:8) утверждала необходимость верного соблюдения субботы. Некоторые подробности этого постановления были оговорены в законах и преданиях. Однако сама заповедь не уточняла многочисленные особенности соблюдения субботы, оставляя их на усмотрение совести каждого человека.

В-третьих, в Ветхом Завете было дано очень мало конкретных законов. Хотя списки постановлений могут показаться чрезвычайно длинными современному читателю, они затрагивали только некоторые аспекты повседневной жизни, поэтому ветхозаветная культура была в огромной степени свободна от этих постановлений.

Итак, мы можем сделать вывод, что во многих сферах жизни и культуры Бог предоставлял израильскому народу свободу. Божьи заповеди устанавливали границы его жизнедеятельности, но она была во многом свободна от каких-либо постановлений.

Рамки культуры. Хотя Бог не обложил законами все в ветхозаветной теократии, Он дал Израилю довольно обширное законодательство, охватывающее также и его культуру. Бог не позволил народу вести любой образ жизни. Он предоставил множество указаний относительно повседневных дел. Например, ветхозаветным верующим было строго запрещено разрешать их животным или слугам работать в субботу (Исх.23:12). Закон также говорил о разводе (Втор.24:1–4), военной службе (Втор.20:1–9), определенных видах пищи (Втор.14:1–21), а также предписывал наказания за особенные преступления (Лев.20:1–27).

Почему Бог так тщательно руководил израильским обществом? Неужели Он желал сковать культуру Своего народа? Ответ на эти вопросы виден в Божьем обращении к Моисею: «Вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе. Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: ибо Моя вся земля» (Исх.19:4–5).

Итак, ветхозаветный теократический Закон должен был приносить славу Богу и пользу Израилю. Он отделял теократическое государство от других народов и делал Израиль Божьим «уделом», драгоценным владением. Закон Моисея учил Израиль чтить Бога и угождать Ему. Более того, он ограждал Израиль от разрушительной силы греха и указывал путь верной жизни (Иис.Нав.1:7–8). С течением времени, грех превратил закон в тяжкое бремя (Рим.7:7–11), но цель, с которой Бог давал Свой Закон, заключалась в благословении для Его народа. Как предсказал Моисей:

Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой...
Храните и исполняйте их; ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов,

которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный (Втор.4:5, 6).

Израильский закон не слишком отличался от законов и обычаев других народов. Археологические исследования выявляют множество сходств между Израилем и другими народами. Однако Бог придавал особое значение только обычаям Своего народа. Например, многие древние племена практиковали обрезание, соблюдали обряды заветов, похожие на те, которые были даны в ветхозаветном законе, и строили храмы, похожие на Соломонов. Однако в Ветхом Завете эти поступки рассматривались в свете откровения, которое дал Ягве. Учение, связанное с обрезанием, храмом, обрядами завета и т.п. ярко выделяет Израиль на фоне всех остальных народов.

Кроме того, Бог устанавливал культурные нормы, которых не было в других народах. Культурная проституция была запрещена (Втор.23:17); израильтянам нельзя было есть то, что употреблялось другими народами (Лев.11:1–47); Закон Моисея запрещал формы экономического давления, которые были широко распространены среди соседей Израиля. Бог дал Своему народу много постановлений, выделявших Израиль как святой народ, отделенный от всеобщих обычаев древнего востока.

Итак, во многих вопросах культуры Бог предоставлял Израилю свободу, но при этом также многие сферы жизни были строго ограничены Божьим Законом. Высокая степень культуры Израиля выделяла его из всех остальных народов в качестве геополитического примера правления Бога в эпоху Ветхого Завета.

Культура в Новом Завете

Пришествие Христа произвело драматические изменения в отношениях между верой и культурой. Как мы уже сказали, окончательная цель Христа заключалась в расширении национальной теократии Израиля до масштабов вселенского царства. Теократия должна стать всемирной культурой, но произойдет это только при втором пришествии Христа. Между воскресением и возвращением Христа церковь была освобождена от своих националистических якорей и вышла в плавание к берегам славного вселенского царства. Сейчас христианский корабль находится между двумя портами. Христианская культура охватывает все народы мира.

Эта эпохальная перемена вызывает множество вопросов. Какие культурные нормы свойственны христианской теократии? Как должны проявлять свою веру христиане в различных народах? Христос установил в церкви определенную свободу и определенные рамки, как это было и в ветхозаветном Израиле. Давайте рассмотрим рамки и гибкость христианской теократии.

Рамки культуры. Бог установил рамки для христианского общества, в каком бы народе оно ни находилось. Бог дал указания к жизни, которым христиане должны следовать в любом народе и веке. Павел увещевал римских верующих: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим.12:2). Последователи Христа должны придерживаться другой культуры и жить так, как повелевает Бог. Следовательно, христианское общество должно выделяться среди всех царств мира.

Евангельские ученые часто не замечают разнообразия жизни в рамках христианской теократии. В прошлых веках Царство Христа настолько отождествлялось с западной культурой, что уникальность христианского общества была во многом омрачена. Христианские идеалы переплетались с европейскими и американскими идеалами на протяжении веков.

В последние десятилетия многие исследователи миссионерской деятельности подчеркивали необходимость рассматривания Евангелия в контексте различных культур мира, отделяя, таким образом, христианство от его западного прототипа. Контекстное

изучение Божьего Слова может пролить свет на многие заблуждения. На протяжении истории многие миссионеры были виновны в том, что, обращая в христианство людей из других культур, они навязывали им такие жизненные нормы и правила, которые не связаны с учением Писаний. Тем не менее, сегодняшний призыв к контекстному изучению Писаний содержит в себе риск простой замены западных идеалов идеалами других культур. Вместо того чтобы подчеркивать разнообразие жизненных особенностей среди народов, образующих Церковь Христа, христианское учение часто бывает погребено под слоем культурных норм тех народов, чья культура отличается от европейской и североамериканской.

Одна из величайших трудностей, с которой сталкиваются приверженцы контекстного изучения Нового Завета, заключается в разнице, которую они видят между «формой» культуры и нормативным «значением» новозаветного учения. На их взгляд, только принципы Нового Завета не изменяются с поколениями; культура же принимает такие формы, которые больше всего подходят тому или иному обществу. Крафт, к примеру, утверждает:

Антропологически обоснованный подход принимает за константы христианства не какой-либо набор доктринальных форм или форм поведения, а функции и значения, стоящие за этими формами. Таким образом, различные формы культур остаются в огромной мере гибкими для тех, в ком Бог трудится в данный момент... Потому что для Бога основное значение имеет не форма, но суть, которую несет в себе та или иная доктрина (например, употребление спиртных напитков, крещение и т.п.).

Это мнение, несомненно, содержит элемент истины. Современным христианам не нужно носить мечи (Лук.22:36) или надевать сандалии (Мр.6:9), чтобы следовать учению Христа. Приветствовать друг друга мы можем объятием или сердечным рукопожатием, а не обязательно поцелуем (1Пет.5:14). Однако во многих случаях резкое отличие между формой и значением не может быть оправдано. Новый Завет не просто настаивает на том, чтобы верующие утверждали абстрактные теологические принципы; он также требует, чтобы мы придерживались определенных форм и структур поведения в церкви. Во многих случаях эти формы и принципы неразрывны. Нам не нужно рассматривать библейское учение в контексте культуры; мы должны учить и объяснять требования Писаний.

Отличительные нормы христианского общества затрагивают многие сферы жизни. Прежде всего, церковь строится на Христе, придерживаясь структуры, указанной в Ветхом Завете. Мы следуем за Сыном Давида, Который воссел на Своем вечном небесном престоле; мы верим, что Его жертва покрывает наши грехи; мы поклоняемся Богу через нашего посредника и священника — Христа. Эти убеждения имеют отчетливые израильские контуры, но остаются нормативными для иудейских и языческих верующих. Язычники должны принять эти иудейские верования, несмотря на то, что они чужды их собственной культуре. Эти верования и убеждения играют существенную роль в спасении; христианская теократия не принимает никаких других определений греха и спасения.

На жизнь теократической культуры также возложено много других требований. Например, Бог однозначно установил порядок правильного соблюдения крещения и святого общения. Они не могут быть заменены другими обрядами. Власть, структура и дисциплина церкви была установлена для верующих всех веков. Снисхождение, милость, гармония, прощение и взаимное подчинение — это правила, установленные в христианском обществе Богом. Они были присущи ветхозаветной иудейской культуре, и они не менее важны для церкви. Несомненно, эти правила должны с мудростью применяться в разных обстоятельствах, но исполнять их должен каждый христианин, в какой бы культуре он ни жил.

Благодаря библейским нормам, определяющим христианскую культуру, мы являемся святым народом. Хотя мы разбросаны по всей земле, Бог предоставляет нам особое

руководство и называет нас Своим уделом. Мы — Его народ, если следуем этим новозаветным теократическим указаниям, распространяющимся на весь мир.

Гибкость культуры. Но в то же время, Новый Завет значительно увеличивает культурную свободу для христиан. Христос послал Своих учеников за пределы Израиля ко всем народам земли (Мф.28:18–19). В первые десятилетия после Христа Царство распространилось дальше Иудеев и пришло к язычникам (Деян.13:46; 18:6). Такое международное благовествование проходило не легко; оно вызывало большие затруднения среди Апостолов. Как языческим верующим относиться к постановлениям ветхозаветного Израиля? Должны ли они соблюдать обряды, предписанные для национальной теократии? Новозаветные писатели в один голос отвечали: международное расширение Царства призывает христиан к гибкости в культурных особенностях.

Христос разрушил стену, которая разделяла Иудеев и язычников, «упразднив... закон заповедей учением» (Еф.2:14–15). Теперь «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского» (Гал.3:28). Следовательно, многие из постановлений, которые отделяли Израиль от других народов, больше не разделяют Божий народ от неверующих. Многие из этих норм были умалены до состояния естественных культурных особенностей, которые теперь управляются общими принципами Писания, а не подробным законом заповедей.

Например, в Быт.17:1–27 Моисей говорит своим читателям, что обрезание должно соблюдаться в качестве знамения народа, вступившего в завет. Однако Новый Завет учит, что «во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание» (Гал.5:6). В обрезании нет ничего плохого; Павел в некоторых случаях совершал обрезание (Деян.16:3), а в некоторых отвергал (Гал.2:3–5). С пришествием Христа относительная отделенность Израиля как теократического народа прекратилась. Поэтому обряд обрезания стал всего лишь вопросом культурной особенности.

Ветхозаветные верующие должны были соблюдать ежегодный цикл святых дней. Нарушение этого порядка в ветхозаветные времена означало нарушение Божьей воли. Однако Павел пишет Колоссянам так: «Никто да не осуждает вас... за какой-нибудь праздник» (Кол.2:17). Также и Римлянам он говорит: «Всякий поступай по удостоверению своего ума» (Рим.14:5). Соблюдение святых дней стало вопросом культурной свободы для христиан.

Коринфян Павел наставляет удерживаться от пищи, принесенной идолам. Но советует он это только для того, чтобы не огорчать немощных в совести братьев и сестер (1Кор.8:7–13). Этот принцип виден также в повелении Иерусалимской церкви (Деян.15:1–35). Апостолы решили, что обращенные язычники свободны от обычаев, отделявших теократический Израиль от языческих племен до пришествия Христа. Поэтому они только потребовали, чтобы язычники удерживались от идоложертвенного из уважения к их иудейским собратьям (Деян.15:24–29).

Широкая культурная свобода обязательна для христиан, ее требует Писание. Новый Завет обязывает нас подняться выше любой культуры мира. Эта обязанность видна в том, как Павел описывает свой жизненный стиль: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:22).

Христиане были посланы в мир, чтобы свидетельствовать о Христе. Для этого нам необходимо как можно лучше приспособить себя к природным особенностям культур. До тех пор, пока мы не нарушаем принципов Писания, мы свободны следовать любой культуре, чтобы привести других людей к Христу.

Итак, переход от Ветхого Завета к Новому в огромной мере повлиял на то, как Божий народ должен применять Его Слово к своей культуре. Во времена Ветхого Завета Бог позволял Израилю определенную свободу в культурных вопросах, но при этом строго регулировал многие жизненные сферы, чтобы сделать Израиль теократическим народом. Сейчас Бог призывает церковь хранить некоторые нормы теократической культуры, но Он

также требует полной свободы от культурных предрассудков, которые препятствуют распространению Царства на весь мир (см. рис. 62).

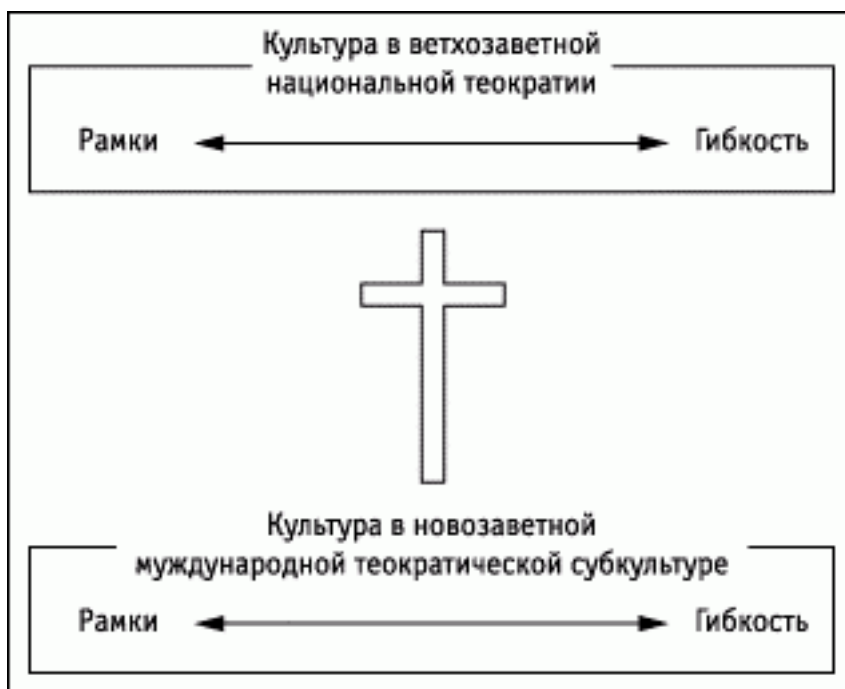

Рис. 62: Культура в Ветхом и Новом Заветах

Применение к современной культуре

Родители устанавливают множество правил для маленьких детей. «Не прикасайся к плите!» «Не выбегай на дорогу!» По мере того как дети растут, рамки приемлемого поведения изменяются, но уроки, усвоенные в раннем детстве, остаются навсегда. Восемнадцатилетнему юноше не запрещается прикасаться к плите, но он хорошо знает, что горячая плита опасна. Пятнадцатилетней девочке не запрещается выходить на дорогу, но она все равно должна опасаться машин.

Подобно этому, Бог руководил Израилем как отец, воспитывающий маленьких детей. Мы живем в то время, когда Христос вывел Божий народ за пределы незрелой ветхозаветной теократии. Однако это не значит, что ветхозаветные принципы должны быть забыты. Как правила, усвоенные в детстве, остаются важными жизненными принципами для взрослых, так и культурные нормы ветхозаветной теократии могут многому научить нас.

Для применения ветхозаветных историй в современной культуре необходимо учитывать все основные правила, о которых мы говорили в этой главе. Для удобства, мы можем разделить их на три шага: изучение ветхозаветной культуры, новозаветного учения и нашей культуры.

Ветхозаветная культура

Началом правильного применения той или иной истории в современной культуре является рассматривание текста с обращением основного внимания на культуру Ветхого Завета. Проще говоря, мы должны оценить основную мысль истории в контексте ветхозаветной теократии. Как, по мнению автора, должны были воспринимать его рассказ первые читатели? Тема, которую он оговаривает, является вопросом гибкой культурной особенности или строгой теократической нормы?

Например, история о Давиде и Голиафе (1Цар.17:1–58) характеризует Давида как человека, исполненного веры в Господа. Эту уверенность автор подчеркивает, когда говорит

об отказе Давида от оружия и доспехов Саула. Но какую реакцию он хотел вызвать у своих читателей таким поступком Давида? Хотел ли он, чтобы все его читатели выбросили свои щиты и мечи, или же он указывал на какой-то обобщающий принцип?

Ответ на этот вопрос виден в других разделах Ветхого Завета. Сравнивая некоторые истории, мы видим, что использование оружия в бою считалось естественным. Во-первых, нигде в Моисеевом Законе не было сказано, что ношение боевых доспехов было запрещено. Наоборот, израильтяне должны были носить оружие, потому что вели войну за землю. Другие цари использовали щиты и мечи. Автор книг Царств даже упомянул, что Давид пользовался мечом, а не только пращей (1Цар.25:13).

Эти наблюдения достаточно четко указывают на то, что автор не говорил о поступке Давида как о теократической норме. Выбор пращи вместо настоящего оружия отразил принцип упования на Бога в бою. Давид подал пример того, как следует полагаться на Бога, а не на человеческую силу. Принцип, который он указал, был нормативным для всего Израиля, но его конкретное действие вовсе не было общим требованием для всех времен.

Таким же образом, Бог повелел Иисусу Навину маршировать вокруг Иерихона семь дней (Иис.Нав.6:2–5). Действия Иисуса Навина возле Иерихона были указаны Самим Богом, но было ли это всеобщим теократическим постановлением? Разве писатель хотел, чтобы израильтяне всегда ходили кругами вокруг вражеских городов? Или он указывал на более обширный принцип?

Из повествований о других сражениях видно, что боевые действия такого рода больше никогда не повторялись. Поэтому мы делаем вывод, что книга Иисуса Навина просто указывает на принцип божественного руководства в бою. Этот принцип виден по всему Ветхому Завету и Израиль должен был следовать ему. Когда Бог открывал план сражения, верные израильтяне должны были следовать ему. Только принцип, а не конкретные действия, был нормативным для ветхозаветной теократии.

Сравнение различных мест Писания указывает нам на то, что многие события, описываемые в ветхозаветных историях, не являлись для Израиля руководством к действию. В таких случаях мы должны смотреть на принципы и идеи, которые авторы скрывали за описанием тех или иных действий. Конкретные события ветхозаветной истории для церкви являются иллюстрациями общих принципов истины.

Но иногда мы сравниваем какой-нибудь рассказ с остальными ветхозаветными отрывками и видим, что конкретное действие, описанное в нем, отражало четкое требование для всех ветхозаветных верующих. Например, повествуя о вторжении Сусакима (2Пар.12:1–12), летописец говорит, что «смирились князья Израилевы и царь, и сказали: праведен Господь!» В этом стихе говорится о поступке, который должен был совершать каждый ветхозаветный израильтянин, слышавший слова суда. Смирение в молитве к Богу было конкретным повелением для всех. В этом рассказе нам не нужно искать никаких обширных теократических принципов. Мы должны заострять свое внимание на действиях Ровоама и князей.

Еще один пример виден в Исходе (32:1–35), где Моисей описывает излияние Божьего гнева на Израиль за поклонение золотому тельцу у Синая. Когда мы сравниваем эту историю с Законом Моисея (Исх.20:4–6; Втор.4:15–31), мы видим, что об этом событии Моисей писал для того, чтобы осудить поклонение идолам в Израиле. Израиль нарушил законы, определяющие правильное поклонение. Эта история сосредотачивается на идолопоклонстве, которого израильтяне всегда должны были избегать.

Возводя мост между нашей культурой и культурой Ветхого Завета, мы должны, прежде всего, оценивать текст в свете ветхозаветных теократических норм. Если история касается каких-либо особенностей культуры, мы должны смотреть глубже и отыскивать общие принципы. Но когда в тексте встречаются события, отражающие основы ветхозаветной теократии, наше внимание должно быть направлено на конкретные действия.

Новозаветное учение

Как только мы определили конкретные или общие нормы ветхозаветной культуры, на которые указывает история, мы можем перейти к применению этих норм в нашей культуре, рассматривая их в свете новозаветного учения. Новый Завет во многом дополняет и уточняет ветхозаветные темы, иногда прямо, иногда косвенно. Но в любом случае, новозаветное учение является для нас незаменимым руководством в установлении связи между ветхозаветной и современной культурой.

Многие общие принципы ветхозаветных историй утверждаются и применяются в Новом Завете. К примеру, уже рассмотренный нами принцип отказа Давида от оружия Саула (1Цар.17:38–39) совпадает с наставлением Павла о нашей духовной войне. Павел подчеркивает необходимость облечься «во всеоружие Божье» (Еф.6:11), а не человеческое. Согласно христианской теократии, мы облакаем себя в «истину... праведность... благовествование мира... веру... спасение... и меч духовный» (Еф.6:14–17). Если вместо этих видов оружия церковь начнет полагаться на человеческую мудрость, политическую власть или физическую силу, она нарушит и наставление Павла, и принцип сражения Давида с Голиафом.

Новозаветные послания также помогают нам приспособить некоторые стороны теократического законодательства к современной культуре. Например, новозаветные писатели строго запрещали идолопоклонство (2Кор.6:16; 1Ин.5:21; Отк.2:20; 9:20), как и Моисей запрещал его в истории о золотом тельце (Исх.32:1–35). Наше поклонение Богу определяется святостью небесного храма, в котором мы теперь поклоняемся (Евр.9:11–27). Наше поклонение не допускает никакого синкретизма. Новозаветные писатели четко подтверждают учение Моисея.

Послания Нового Завета служат посредником между ветхозаветной культурой и нашим миром, указывая нам на то, что следует изменить, а что нет. Толкования ветхозаветных историй новозаветными авторами помогают нам увидеть многое из того, что нам необходимо применять в своей жизни.

Наша культура

Правильное применение также требует внимания к нашей культуре. Изначально Бог вдохновил написание ветхозаветных историй для управления жизнью в древнем Израиле. Он не предназначил эти истории для Египтян, Хиттеев или Вавилонян. Несомненно, в Писании есть много мест, применимых к этим народам, но основное внимание уделялось культуре Израиля. Таким же образом, ветхозаветные истории указывают на вечную теократию во Христе. Истории Ветхого Завета применимы ко всему миру; они призывают мир к покаянию и вере, они раскрывают стандарты справедливости, которые должны существовать во всех народах. Но прямыми наследниками ветхозаветных историй являются христиане. Мы были приняты в семью Авраама и наследуем обетования, данные его потомкам (Рим.4:1–25). Поэтому истории Ветхого Завета принадлежат нам и приносят нам пользу, которой мир не ощутит никогда.

Поэтому для применения историй в современной жизни нам необходимо внимательно рассматривать христианскую культуру. Мы должны изучать задачи, которые эти истории ставят перед церковью. Мы призваны к отделенной святой жизни. Но при этом мы свободны от каких-либо культурных особенностей и предрассудков. Если мы не умеем различать границ этой свободы и нарушаем стандарты святости, то это приведет нас к серьезным ошибкам.

Как Исход (32:1–35) требует, чтобы израильтяне отбросили от себя любые формы идолов, так и христианская культура не должна иметь ничего общего с идолопоклонством. Мы должны смиряться перед Богом в покаянии так же, как в свое время смирились Ровоам и князя (2Пар.12:1–12). Покаяние и идолопоклонство не являются вопросами культурной

свободы. Тем не менее, в своем применении ветхозаветных событий к христианскому обществу мы должны видеть существенную разницу между Божиим народом ветхозаветных времен и современных дней. Хотя некоторые аспекты христианской культуры являются фундаментальными и неизменными, многие грани все же можно рассматривать под разными углами. Например, мы отметили, что отказ Давида от оружия Саула (1Цар.17:38–40) учит нас также взять Божье оружие и вступить в духовную войну. Это приказ для всех христиан. Но различная культурная атмосфера требует от церкви различных подходов к ведению этой войны. Во времена Советского Союза верующие распространяли веру не так, как американские христиане, никогда не знавшие гонений. Городские верующие реагируют на Божий призыв не так, как верующие из сельской местности. Но какими бы ни были обстоятельства, мы всегда должны учитывать гибкость культурных особенностей, когда применяем ветхозаветные истории к христианскому обществу (см. рис. 63).

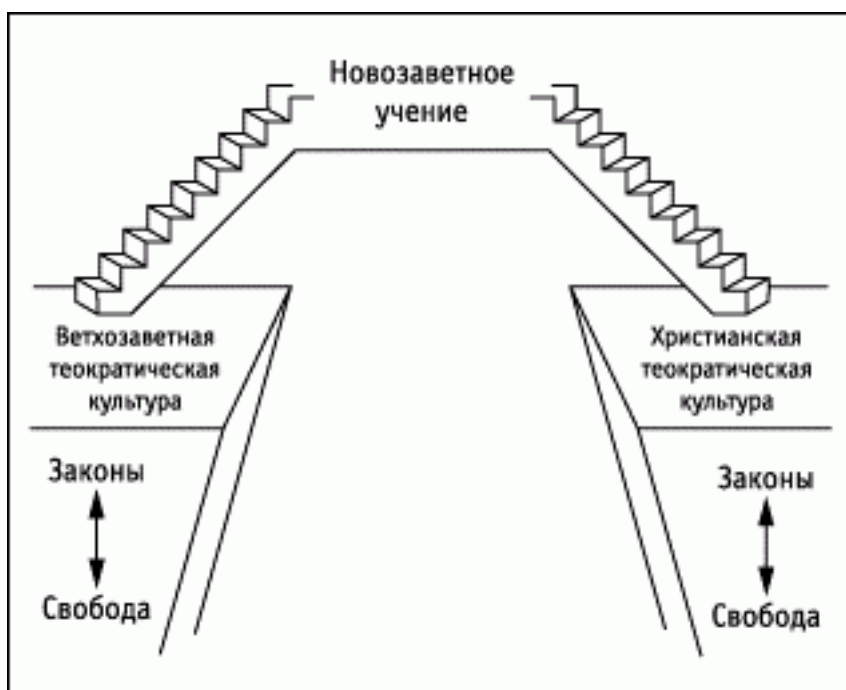

Рис. 63: Основные шаги культурного приспособления

Заключение

В этой главе мы рассмотрели несколько факторов, влияющих на применение ветхозаветных историй к современной культуре. Эти факторы мы должны хранить в уме, когда возводим мост над пропастью, разделяющей нашу культуру и культуру Ветхого Завета. Многие различия в культурах объясняются разнообразием природы, которое сотворил Бог. Тем не менее, Божье откровение является стандартом, по которому можно оценить образ жизни любого народа. Значительная перемена в отношениях веры и культуры произошла с пришествием Христа. Христианская культура имеет свои нормы, однако, нам также дарована свобода от каких-либо культурных обязательств, в какой бы части мира мы ни жили. Чтобы мост между нами и Ветхим Заветом был прочным, нам необходимо оценивать каждую историю в свете особенностей ветхозаветной культуры, новозаветного учения и структуры современного христианства. Эти принципы помогут нам правильно переносить ветхозаветные истории из древней культуры в современную.

Вопросы

1. Какое влияние оказывают на культуру религия и природа? Почему мы должны помнить об этом влиянии, когда оцениваем культуру Ветхого Завета и современную культуру?

2. Сравните и сопоставьте теократические культуры Ветхого и Нового Заветов. Назовите сферы этих культур, которые были подвержены изменениям или остались неизменными с приходом Христа.

3. Назовите три основных шага в строительстве моста над пропастью между ветхозаветной и современной культурой?

Упражнения

1. Перечислите любые десять Божьих указаний, которые были направлены на конкретные действия ветхозаветных верующих. Может ли каждое из этих указаний быть применено к христианской культуре?

2. Перечислите любые десять сфер христианской теократии, в которых нам предоставляется свобода от культурных обязательств благодаря международному характеру Божьего Царства. Какие основные принципы применимы к этим сферам?

3. Изучите историю о призыве Аврама (Быт.12:1–9). Назовите два принципа, которые были видны израильтянам в этой истории. Какие стихи Нового Завета помогают нам применять эти принципы? Как должны реагировать на них христиане, являясь частью теократической культуры?

От людей к людям

«Надеюсь, я увижу Чака и его семью»,— сказал я жене, отправляясь в аэропорт. Вот уже пять лет, как я не виделся с моими друзьями, но мне предстояло провести недельную конференцию в их городе. «Я позвоню им, когда прилечу туда». Я звонил каждый день, но так и не дозвонился. В конце недели я прилетел обратно, так и не встретившись с друзьями. Я был очень близок к поставленной цели, но все же не достиг ее.

В двух предыдущих главах мы рассмотрели способы преодоления эпохальной и культурной дистанции, отделяющей нас от ветхозаветных историй. Но одного широкомасштабного приспособления этих историй к нашему веку и культуре недостаточно для того, чтобы верующие могли правильно толковать их. Мы должны теперь научиться приспособлять их к потребностям различных групп людей и отдельных личностей.

Личное применение связано с рядом важных вопросов. Мы рассмотрим три из них: препятствия в личном применении, процесс личного применения и уровни личного применения. Что затрудняет наши попытки применять ветхозаветные истории в жизни людей? Какие стратегии помогут нам достичь этой цели? Какие перемены мы хотим произвести в жизни современных верующих?

Препятствия в личном применении

Посещая разные церкви, я часто слышу подобные жалобы: «Наш пастор говорит слишком абстрактно». «Он не знает, что происходит в настоящей жизни». «Он говорит теориями, никогда не касаясь практического применения». «Он не думает о людях; он думает о каких-то идеях».

Я никогда не знаю, как мне воспринимать такую критику, особенно если она направлена против моих учеников или друзей. Иногда люди высказывают эти обвинения просто потому, что не хотят прислушиваться и учиться. Но я должен признать, что зачастую такая оценка верна; многие церковные лидеры смотрят больше на абстрактные идеи, чем на практическую жизнь их прихожан.

Почему же нам так сложно сопоставлять идеи ветхозаветных историй с практическими потребностями? Нам мешают три основных фактора: наша неполноценность, злоупотребление других людей и природа ветхозаветных историй.

Наша неполноценность

Во многих случаях наша неполноценность ставит огромное препятствие личному применению. Церковные лидеры должны многое побеждать и преодолевать в себе, чтобы быть способными различать практические стороны ветхозаветных историй.

С одной стороны, мы пренебрегаем личным применением ветхозаветных историй из-за своего духовного состояния. Все мы периодически проходим через эту трудность. Когда наши сердца холодны к Писанию, нам практически невозможно увидеть в ветхозаветных историях какую-либо ценность для личной жизни. Если мы в бунте против Бога, мы избегаем личного применения, потому что боимся, что нам придется что-то менять в себе. Учители Слова должны особенно стремиться сообразовать свою жизнь с Писанием. Иначе им будет трудно пытаться служить другим.

Несколько лет назад я спросил одного опытного пастора о том, что, по его мнению, является самым трудным в подготовке к проповеди. Я ожидал, что он скажет: «Понимание древнееврейского языка» или «Подведение простого итога в конце проповеди». Но вместо этого он признался: «Труднее всего применять то, о чем проповедуешь, в своей собственной жизни... Я часами размышляю над тем, что во мне должно измениться. И только тогда я начинаю осознавать то, о чем нужно говорить церкви». Этот пастор осознал одну из величайших трудностей, препятствующих эффективному применению, — личное духовное состояние.

Этот урок должен быть усвоен каждым толкователем. Чтобы служить нуждам других, мы должны начать с себя. Каждый раз, когда мы читаем какую-нибудь ветхозаветную историю, мы должны спрашивать себя: «На какие недостатки во мне указывает эта история?» «Как я должен применять ее в своей жизни?» Когда мы найдем ответы на эти вопросы, мы сможем служить другим.

С другой стороны, учителя могут иметь желание практического применения, но не знать, как это сделать. За редким исключением, преподаватели теологии не уделяют этому никакого внимания. Студенты узнают только основные экзегетические стратегии и усваивают различные доктрины. Эти темы необходимы для правильного толкования, но на лекциях почти ничего не говорится о ветхозаветных ответах на актуальные для сегодняшних людей вопросы.

Пренебрежение личным применением заставляет многих церковных лидеров рассматривать ветхозаветные истории так, что это совершенно не соответствует потребностям обычных верующих. Мы озабочены текстовыми вариантами и увлекаемся литературными структурами этих историй; изучаем их историческое происхождение; прослеживаем их отпечатки на истории церкви. Все это важные вопросы, но они часто отвлекают нас от служения тем, кто пришел на нашу проповедь.

Итак, что же нужно современным христианам? Хотя у каждого человека могут быть разные потребности, большинство верующих желает одного и того же. Им нужно, чтобы их исправляли, когда они ошибаются, и уверяли их в прощении. Они ищут руководства, когда стоят перед трудным выбором. Они нуждаются в утешении, когда проходят испытания. Они желают укрепления своих отношений. Они ищут исцеления от ошибок прошлого и мужества для задач будущего.

Если мы хотим, чтобы наши проповеди, основанные на ветхозаветных историях, соответствовали потребностям современных людей, мы должны думать, прежде всего, именно о таких вопросах. Вместо того чтобы уделять такое огромное внимание теологическим темам, которые нам преподают в институтах, мы должны больше думать о восполнении нужд людей, которым мы проповедуем. Мы должны спрашивать себя: «Не слишком ли я стараюсь выполнить свой личный план?» «Служит ли моя проповедь, основанная на этой ветхозаветной истории, практическим нуждам слушающих меня людей?»

Злоупотребление других людей

Иногда пасторы и учителя пренебрегают проповедью, основанной на той или иной ветхозаветной истории, потому что видят, как другие злоупотребляют этой историей. Многие христиане настолько близко отождествляют себя с тем, о чем читают в Ветхом Завете, что забывают о первоначальном значении этих историй. Из-за этого многие лидеры полностью избегают любого личного применения.

Все мы встречали доброжелательных верующих, которые обращаются с ветхозаветными историями как с откровениями, посланными с неба лично для них. Они находят какую-нибудь историю и интуитивно чувствуют, что через нее Бог говорит к ним. Но, к сожалению, такие «небесные сообщения» часто противоречат основному смыслу, вложенному в историю.

Однажды мне рассказали об одном студенте, который подошел к профессору с выражением огромного восхищения на лице. В течение нескольких месяцев у этого студента были трудности с посещением семинарии. «Вчера Бог сказал мне, что мне делать! — радостно воскликнул он. — Я прочитал 1Царств 14:12: «Взойдите к нам, и мы вам скажем нечто...». Через этот стих Бог сказал мне, чтобы я ходил в семинарию и слушал то, что вы говорите на ваших лекциях».

Учитель был рад, что этот молодой человек все-таки решил посещать занятия, но стих, который он процитировал, не имел никакого отношения к слушанию лекций в семинарии. В этом месте Писания рассказывается о том, как Филистимляне насмеялись над Ионафаном и хотели убить его, когда он приблизился к ним в сражении (1Цар.13:23–14:14).

«Я не знал, что ему ответить,— сказал мне профессор, улыбнувшись. — Я даже на какое-то мгновение почувствовал себя Филистимлянином и убийцей!»

Чтобы предотвратить такие злоупотребления, мы еще раз подчеркиваем основные правила толкования, которые обсуждались в этой книге. Первоначальное значение текста является ключом к правильному применению. Поскольку многие верующие могут неправильно воспринимать Писание, наше применение той или иной истории должно всегда основываться на его основном смысле, и тогда другие увидят важность осторожного толкования.

Но слишком тщательное изучение первоначального значения может легко привести к пренебрежению личным применением. Это случается тогда, когда мы недостаточно обдумываем обе стороны. У нас есть так много минут в дне и так много часов в неделе, чтобы учиться. Если мы только и делаем, что ныряем в глубины основного смысла Писаний, у нас может не быть времени поразмыслить над его применением в своей собственной жизни. Но в то же время, мы не должны сосредотачиваться на одном только применении. Ни одна из этих крайностей не допустима. Мы всегда должны спрашивать себя: «Уравновешено ли мое понимание первоначального значения с современным применением?» «Не уделяю ли я одной стороне больше внимания за счет другой?»

Природа ветхозаветных историй

Нашему личному применению препятствует еще кое-что: природа самих ветхозаветных историй. Насколько мы видим, большинство ветхозаветных книг было написано не для одного человека, а для всего Израильского народа в общем. В них рассматриваются такие общие вопросы, как великие Божьи дела, политика, поклонение и война.

Например, повествования о патриархах в книге Бытия призывают народ Израиля оставить Египет и идти к завоеванию Ханаана. На взгляд Моисея, патриархи были не просто отдельными личностями; каждый из них представлял собой целый народ. Благословения, данные Богом Аврааму, Исааку и Иакову относились ко всем Израильтянам. Жизнь каждого из сынов Иакова представляла собой жизнь всех потомков из их колен.

Также и книги Паралипоменон направляют весь народ, вернувшийся после переселения, к программе восстановления царства. Продолжительные родословные (1Пар.1:1–9:44) охватывают прошлые поколения всех Израильских колен. Летописец постоянно говорит обо «всем Израиле» и обращается ко «всему Божьему народу», а не просто к какой-нибудь отдельной группе.

Ветхозаветные истории касаются многих общих тем, поэтому наше применение часто остается на уровне общих понятий. Пасторы учат свои собрания любить Бога, слушать Господа, хранить веру и быть добрыми к ближним. Это важные вопросы, но слушающие нас прихожане часто не знают, что конкретно нужно делать, чтобы исполнять Божье Слово.

Тем не менее, мы также должны помнить, что некоторые истории Ветхого Завета были обращены к группам людей и даже отдельным личностям в Израиле. Священники, левиты и пророки учили людей исполнять Закон, указывая им на значение тех или иных историй (Лев.10:11; 4Цар.22:11–20; 2Пар.15:3; 17:7–9; Езд.7:27; Неем.8:7–8, 11; Мал.2:7–9). Главы

семейств должны были «внушать их детям своим и говорить о них, сидя в доме своем и идя дорогою, и ложась и вставая» (Втор.6:7). Цари должны были иметь у себя копию Закона (Втор.17:18–20). Иосия услышал Закон из книги Второзакония и увидел свою личную ответственность перед ним (4Цар.22:1–23:25). Неемия вспомнил слова из Писания и осознал их значение для своей жизни (Неем.1:5–11). Таким же образом и сегодняшние учителя Слова обязаны применять ветхозаветные истории к конкретным нуждам людей. Мы должны усердно стараться показать значение этих книг для жизни каждого отдельного человека. Время от времени мы должны смотреть на себя со стороны и спрашивать: «Не слишком ли я все обобщаю?» «Обращено ли то, о чем я говорю, на конкретные нужды слушающих?»

Толкователи, которые желают быть полезными в своем служении, сталкиваются с множеством трудностей. Наши собственные недостатки, неправильное понимание Писания другими людьми и обширная природа самих ветхозаветных историй — все это ставит на нашем пути высокие барьеры. И если мы желаем достичь цели личного применения, мы должны осознать эти трудности и настроиться на их преодоление (см. рис. 64).

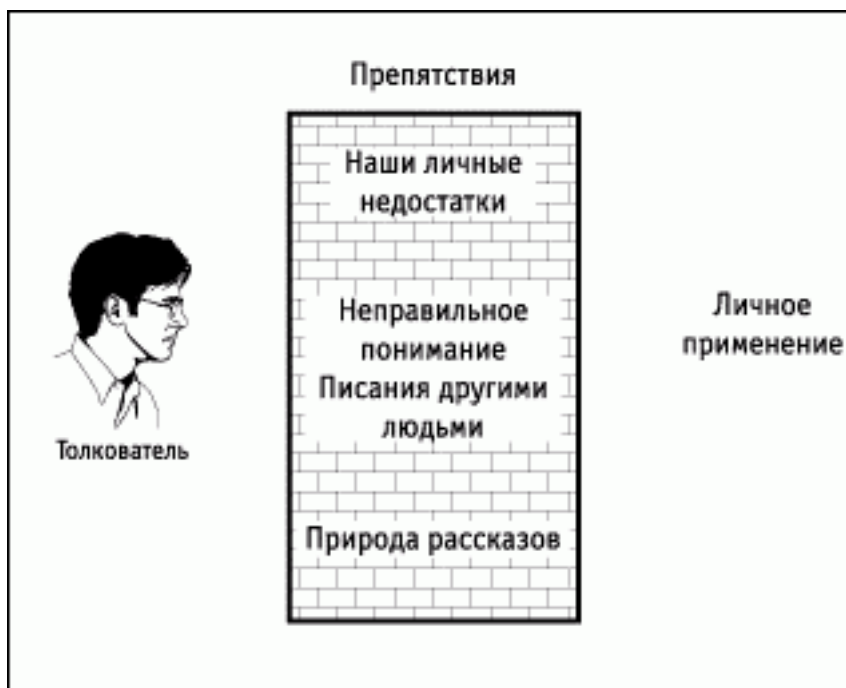

Рис. 64: Препятствия в личном применении

Процесс личного применения

Какие практические шаги мы можем предпринять, чтобы преодолеть трудности в личном применении? Процесс личного применения может следовать во многих направлениях, но так или иначе, нам придется столкнуться со следующими вопросами: первоначальные читатели, извлечение ветхозаветных принципов и современные читатели.

Первоначальные читатели

Чтобы сделать первый шаг к личному применению ветхозаветных историй, нам необходимо осознать разнообразие читателей, для которых эти истории писались в первую очередь. Мы почему-то привыкли думать, что ветхозаветные авторы писали принципы вечной истины для безликой аудитории. В этой книге мы попытались устранить это заблуждение. Писатели Ветхого Завета составляли свои повествования с пасторскими

намерениями, предназначая свои послания для самых разных людей. В числе их читателей были мужчины и женщины, старые и молодые, богатые и бедные, праведники и нечестивцы. Ветхозаветные истории были обращены к этим и многим другим классам Израильского общества.

Приступая к чтению Библии, мы скоро замечаем, что одни ветхозаветные истории больше сосредотачиваются на общих идеях, а другие касаются конкретных аспектов Израильского общества. Давайте рассмотрим три уровня внимания, которые присущи ветхозаветным историям: общее, групповое и специфическое.

Общее внимание. Многие истории уделяют общее внимание всему Израилю. При этом не выделяется никакая группа людей, а просто рассматривается весь народ. Посмотрите на историю об испытании Авраама (Быт.22:1–9), когда Бог повелел ему принести в жертву своего сына. Первые читатели могли многое брать для себя из этой истории, но основная тема видна в словах Божьего Ангела. Благодаря послушанию Авраама победа Израиля в Ханаане стала возможной.

Эта тема уверенности в победе относилась ко всему Израильскому обществу. В тексте не выделяются лидеры, священники, пророки или другие особые группы людей. Моисей хотел, чтобы весь народ ощутил уверенность в будущем на основании Божьего обетования Аврааму.

Несмотря на общее внимание, первоначальный смысл этой истории достаточно разнообразен. Каждое из колен должно было занять свое место в расположении святой армии (Чис.2:1–34; 10:11–36): священники должны были показывать уверенность в победе, неся ковчег перед коленами (Чис.10:33–36); начальники должны были выполнять свои обязанности, организовывая и обучая армию; солдаты должны были подготавливать себя к разным ситуациям в сражениях; женщины и дети должны были молиться и поддерживать солдат. Хотя сама история касается общих идей, ее значение для различных групп первых читателей было разнообразным.

Групповое внимание. Некоторые ветхозаветные истории обращены к определенным частям Израильского общества. Например, в 1Пар.29:1–9 повествуется о пожертвованиях на храм, которые собирали в последние годы жизни Давида. Для народа, возвращенного из плена, эта история служила примером посвящения и служения храму. Летописец уже не говорит в общих чертах; его слова обращены не ко всему народу, а к определенным группам людей.

Рассказ начинается со слов Давида о его собственных дарах (1Пар.29:1–5): «Всеми силами я заготовил для дома Бога моего... По любви моей к дому Бога моего, есть у меня сокровище собственное... и его я отдаю для дома Бога моего» (1Пар.29:2–3). Затем Давид обращается к собранию с такими словами: «Не поусердствует ли еще кто жертвовать сегодня для Господа?». И тогда «стали жертвовать начальники семейств и начальники колен Израилевых, и начальники тысяч и сотен, и начальники над именениями царя». В завершении этого повествования летописец добавил: «И радовался народ усердию их, потому что они от всего сердца жертвовали Господу».

Каждая часть этой истории обращена к разным группам людей из аудитории летописца. Принимая во внимание возможные самые ранние даты написания этой книги, личный пример Давида показывал необходимость Зоровавеля и других членов линии Давида поддерживать восстановление храма. Действия Израильских начальников указывали на роль лидеров в возвращенном из плена обществе. Упомянув в своем повествовании разные группы людей, летописец указывал на обязанности и потребности различных слоев Израильского общества.

Специфическое внимание. Но некоторые ветхозаветные истории уделяли особое внимание какой-нибудь одной группе или классу людей. Например, смерть Надава и Авиуда

(Лев.10:1–20) упоминается сразу после раздела Левита, в котором подробно рассматриваются обязанности священников при совершении обрядов скинии (Лев.6:8–9:24). Когда Надав и Авиуд принесли «огонь чуждый» пред Господа, Он истребил их. Далее Моисей предостерегает Аарона и его сынов, чтобы они были отделены от народа. Господь также говорит Аарону и его сыновьям о необходимости удерживаться от вина и крепких напитков, так как они должны «отличать священное от несвященного и нечистое от чистого, и научать сынов Израилевых всем уставам, которые изрек им Господь чрез Моисея» (Лев.10:9–11). Итак, мы видим, что в этой истории основное внимание Моисей обращает на священников Израиля.

Однако и другие люди, которые не были священниками, могли найти для себя в этой истории много полезного. В книге Левит рассматриваются многие вопросы, интересовавшие обычных людей (1:1–6:7; 18:1–20:27; 26:1–27:34). Следовательно, мы можем предположить, что историю о Надаве и Авиуде Моисей написал не только в качестве наставления для священников. Мужчины, женщины и дети Израиля также должны были ощутить святость служения в скинии. Эта история формировала их взгляд на поклонение, их действия в служении Богу, а также их отношение ко всему, что считалось святыней.

Современные читатели могут начать применять к себе ветхозаветные истории не раньше, чем осознают разнообразие аудитории, к которой эти истории были обращены в первую очередь. Понять многогранное первоначальное значение этих историй нам помогут такие вопросы: «Какое значение имела эта история для всего Израильского народа?» «Как должны были реагировать на эту историю различные группы народа, а также отдельные личности?» Ответив на эти вопросы, мы сможем открыть для себя некоторые способы личного применения ветхозаветных историй.

Извлечение принципов

Вторым основным шагом к достижению целей нашего личного применения является извлечение из первоначального смысла историй тех принципов, которые явно применимы в современной жизни. Если мы внимательно подвели итоги первоначального значения, наша оценка будет тесно связана с эпохальными и культурными обстоятельствами времен писателя. Теперь мы достаточно четко видим, как текст должен был применяться в то время. Но чем теснее мы привязываем историю к его первоначальной среде, тем сложнее нам становится применять его в современной жизни. Наше толкование в таком случае ограничено обстановкой, в которой была написана эта история.

Поэтому нам необходимо переформулировать первоначальное значение так, чтобы оно соответствовало нашему веку и культуре. Другими словами, авторские предложения, утверждения и принципы должны рассматриваться с особым вниманием на применении этих принципов к сегодняшним потребностям церкви.

Для достижения этой цели, мы должны изучать первоначальное значение в свете эпохальных и культурных перемен, происшедших между временем написания историй и нашим днем. В этом нам помогут такие вопросы: «Как рассматриваемый нами ветхозаветный принцип преобразился с пришествием Христа?» «Какие перемены в культуре помогают нам приспособить значение этой истории к нашему дню?»

Для примера, давайте снова обратимся к трем историям, которые мы уже упомянули в этой главе. Мы уже увидели, что повествование об испытании Авраама (Быт.22:1–19) было обращено на конкретные нужды Израильского общества во время исхода. Благодаря реакции Бога на послушание Авраама, Моисей ободрял народ и призывал к уверенности в победе, когда они приступали к завоеванию Ханаана.

Чтобы применить этот аспект первоначального значения к нашему времени, нам необходимо переформулировать намерения Моисея. Мы не призваны к захвату Ханаанских городов. Мы не должны вести никакой физической войны. В свете Нового Завета, мы должны сказать, что Церковь должна быть уверена в победе в ее духовной войне, потому что

Христос исполнил Божье обетование Аврааму. Христос одержал начальную победу своей смертью и воскресением (Кол.2:13–15); Он ведет победоносное наступление на врага сегодня через Свою Церковь (Еф.6:10–18); и Он закончит войну, когда вернется (Отк.19:11–21). Принимая во внимание такие эпохальные различия, мы можем переместить первоначальное значение в наши дни.

Кроме того, мы также должны оценивать преобразования в культуре. Духовная война церкви различна в зависимости от культуры. В некоторых культурах церковь социально и физически угнетается. На христианские церкви также оказывают давление другие религии. Да и в самой церкви мы вынуждены бороться с тонкими и вкрадчивыми формами ересей. Наша духовная брань принимает много разных форм. Поэтому мы должны переформулировать призыв Моисея в Быт.22:1-19 так, чтобы он придавал нам уверенность в любом духовном сражении.

Второе повествование о Давиде в 1Пар.29:1–9 призывает различные группы народа, вернувшегося из плена, поддерживать храм. Летописец учил своих читателей давать от своего имущества на служение храма, чтобы Божьи благословения пришли на восстановленный народ. Однако такой вывод, сделанный из этой истории, не легко применить к современным читателям. Летописец обращал внимание на конкретные нужды, с которыми сталкивалось Израильское общество. Но мы не живем в Иерусалиме; мы не строим храм.

Чтобы перейти к современному применению, христианские толкователи должны преобразить цель летописца, заменив ветхозаветные принципы принципами нашей эпохи. В этом случае мы можем просто сказать, что данная история учит Божий народ быть посвященным поклонению во Христе, чтобы получать Божьи благословения. Мы отдаем самих себя Ему, потому что Он «обитал с нами» (Ин.1:14) стал жертвоприношением за нас (Рим.3:25–26; Евр.9:14). Он ходатайствует за нас в небесном храме (Евр.9:11–15) и введет нас в присутствие Бога после Своего второго пришествия (Отк.21:3–4). Такая формулировка оживляет идею этой истории для современных людей.

Мы также прокладываем путь к личному применению, когда изучаем особенности современных культур. Как должны христиане из различных культур проявлять свою преданность поклонению? Какие аспекты поклонения являются вопросами культурной свободы, а какие отражают теократические требования? Паралипоменон учит нас поклоняться Христу так, как требуют обстоятельства нашей культуры. Одни обстоятельства требуют денежных пожертвований; другие могут требовать от нас жертвования работой, имуществом и даже жизнью. Если в нашей культуре мы видим всеобщее вероотступничество, то посвящение себя истинному поклонению означает отделение себя от таких церквей. В других случаях мы должны проявлять послушание и поддерживать существующие церковные структуры. Мы должны сами определить, как ситуация в нашей культуре влияет на применение этой истории из книги Паралипоменон.

То же самое касается и истории о Надаве и Авиуде (Лев.10:1–20). Основная цель, с которой была написана эта история, заключается в предостережении священников и народа против нарушения порядка священного служения в скинии. Но чтобы применить это к нашим дням, мы должны вспомнить об исполнении прообразов скинии во Христе. Его смерть и воскресение, Его постоянное ходатайство на небесах и будущие благословения Божьего присутствия в корне изменяют значение этой истории для нас. В этой истории мы видим предостережение от нарушения святости нашего Спасителя. Мы всегда должны хранить преданность заповедям Отца, когда приходим к Нему.

Какими бы разными ни были наши культуры в нынешний век, мы всегда должны смотреть на святость Христа. Мы обязаны противиться всем попыткам этого мира отвлечь нас от чистого посвящения, почтения и поклонения Ему.

Современные читатели

Если мы останемся на уровне широкомасштабных эпохальных и культурных изменений, наше применение все еще будет неконкретным и неясным. Мы сможем только частично затрагивать нужды отдельных групп и личностей. Поэтому третьим основным шагом к личному применению является подробное изучение различий среди современных читателей. Современное общество очень разнообразно. И как ветхозаветные писатели учитывали разнообразие потребностей, так и современные толкователи должны учитывать различия среди сегодняшних верующих.

Чтобы охватить разнообразные нужды современных читателей, мы должны следить за тем, чтобы не останавливаться только на какой-нибудь одной группе верующих. Я, например, не знаю, сколько раз я уже слышал проповеди, направленные исключительно на нужды одних только взрослых мужчин. Иногда в кадр попадают женщины, но в основном пасторы очень редко говорят о том, как ветхозаветные истории могут применяться подростками, детьми, больными, физически или умственно отсталыми людьми. Чтобы истории Ветхого Завета были живы для всех прихожан нашей церкви, мы должны учитывать не только какую-нибудь одну категорию верующих. Время от времени, мы должны обращать свои проповеди к разным группам людей.

Какие же группы людей присутствуют в церкви? В большинстве собраний встречаются люди с различным духовным, эмоциональным и физическим состоянием, различного возраста, пола, рода занятий и экономического положения. Это только некоторые отличительные черты верующих, но и они уже свидетельствуют о необходимости разнообразного применения ветхозаветных историй к этим группам людей.

Что говорит повествование об испытании Авраама этим различным группам современных христиан? В общем, оно дает всем верующим уверенность в победе во Христе. Но как эта тема применима к тем, кто не верит во Христа? Она предупреждает их о Божьем суде и побуждает обратиться к Христу за победой над злом и смертью. А что эта история говорит тем из верующих, которые находятся в отчаянии, переносят беды? Он предлагает им надежду, несмотря на их нынешние обстоятельства. Что он говорит богатым? Не надеяться на то, что богатство может обезопасить их будущее. Что он говорит бедным? Наши сегодняшние страдания ничего не значат в сравнении с вечными богатствами во Христе. Что говорится в этой истории верующим, у которых хорошее, крепкое здоровье? Использовать всю свою энергию в грядущих духовных сражениях. А что говорится тем, кто болен и находится при смерти? Труд Христа и Божье обетование Аврааму дают нам уверенность в победе над смертью.

Повествование летописца о преданности храму (1Пар.29:1–9) также обращено к различным нуждам. Эта история обличает тех, кто пренебрегает жертвованием на дело Божье, и побуждает церковных лидеров самим подавать пример, как это делал Давид. Простых прихожан эта история учит следовать примеру их руководителей. Она призывает богатых щедро давать на труд царства и даже требует внимательного поклонения со стороны детей.

История Моисея о Надаве и Авиуде (Лев.10:1–20) предостерегает тех, кто не воспринимает Божью святость всерьез. Она приносит радость тем верующим, которые чувствуют себя принятыми Богом. И в первую очередь, она обращена к церковным руководителям, повелевая им исследовать свои сердца, когда они ведут Божий народ в поклонении. Стариков предостерегают от следования традициям и обычаям, которые неуютны Богу. Молодежь находит призыв к осторожности, когда вводит что-то новое в поклонение. Когда эта история проливает свет для различных людей, нам становится виден обширный потенциал ее практического применения.

Чтобы понять, как ветхозаветные истории могут применяться современными верующими, мы должны сначала изучить различные особенности первоначальных читателей. Затем, принимая во внимание эпохальные и культурные перемены, мы извлекаем

уместные для нас принципы. И, наконец, мы приспособливаем применение этих историй к разнообразным нуждам современных читателей (см. рис. 65).

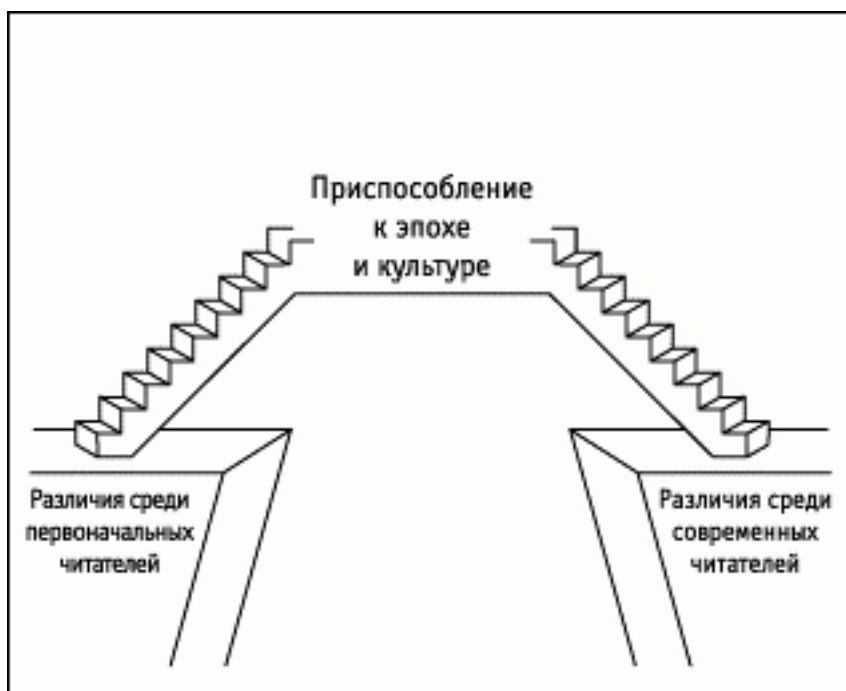

Рис. 65: Основные шаги приспособления рассказов к личным нуждам

Уровни личного применения

В одной из предыдущих глав мы увидели, что освящение и толкование взаимосвязаны. С одной стороны, наша борьба с грехом и плотью оказывает значительное влияние на понимание историй Ветхого Завета. Личное возрастание в вере является основанием, на котором строится успешное толкование. С другой стороны, освящение является целью чтения этих историй. Если мы не применяем Писание к своей жизни, наше духовное состояние мгновенно ухудшается.

Я часто спрашиваю людей: «В чем вы видите основную пользу от Писания?» Конечно же, я получаю много разных ответов, но на протяжении ряда лет я заметил, что все они попадают в три основные категории. Одни люди говорят: «Я вижу, как нужно мыслить». Другие отвечают: «Слово Божье изменяет мои поступки». И третьи говорят: «Писание помогает мне чувствовать Бога в моей жизни». Эти ответы отражают разную глубину, которой должно достигать личное применение. Ветхозаветные истории освящают наше мышление, поступки и эмоции.

Христос учил, что наибольшая заповедь — это «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» (Мф.22:37; см. Втор.6:5). Одним словом, Он призывает нас отдать всю свою сущность служению Богу. Следовательно, наивысшей целью толкования является применение Писания ко всему, что существует в нас и вокруг нас. Теолог Ван Тил в своей книге «Введение в систематическую теологию» сказал по этому поводу так: «Сама сущность верующего соответствует сущности Бога, потому что он желает мыслить так, как мыслит Бог, поступать так, как поступил бы Бог, и иметь те же чувства, которые имеет Бог».

Мы рассмотрим три уровня личного применения: мышление, поведение и эмоции. Как должны ветхозаветные истории преобразовать наше мышление? Как мы должны изменять свое поведение? Какое влияние должны оказывать эти истории на наши эмоции? Эти

аспекты применения полностью взаимозависимы. Освящение нашего мышления, поведения и эмоций происходит одновременно и во многом связано между собой. Но ради простоты обсуждения, мы рассмотрим каждую из этих сфер нашей жизни отдельно.

Применение к мышлению

Применение ветхозаветных историй к мышлению — это процесс сообразования наших взглядов на жизнь с Писанием. Мы отвергаем то, что Библия называет ложью и принимаем то, что она называет истиной. Чтобы глубже изучить этот аспект применения, мы рассмотрим его важность и главные сферы.

Важность. Поскольку интеллект играет существенную роль в жизни христиан, очень важно применять ветхозаветные истории к нашему мышлению. В Своей бесконечной мудрости Бог установил человеческий разум в качестве инструмента, которым мы постигаем Его откровение. Через откровение истина открывается нашему разуму. Глупцы не могут получить такого откровения истины. Бог открылся нам в Своем Слове. Чтобы применять это Слово, мы сначала должны сообразовать свое мышление с Его волей.

К сожалению, многие евангельские верующие сегодня смотрят на человеческий разум как на нечто такое, чего следует опасаться. Мы боимся, что наши мысли уведут нас от благочестивой жизни. Но мы никогда не сможем полностью отказаться от использования умственных способностей. Даже простое чтение Писания требует участия нашего разума. Однако многие верующие отворачиваются от «интеллектуального христианства» к антиинтеллектуализму.

Результаты такого пренебрежения умственными способностями очевидны. Неустойчивость и ошибки в нашей жизни прямо осуждаются учением Писания. Но я встречал верующих, которые оправдывают явные грехи, говоря, что они «не чувствовали обличения Святого Духа». Чувства являются важным фактором, но мы, прежде всего, должны формировать свои взгляды на жизнь через применение Писания к своему мышлению.

При этом мы можем легко спутать понимание Писания с настоящим применением этого Писания к нашему пониманию. Мы часто думаем, что, как только мы поняли, чему учит Писание, наш разум уже выполнил всю требуемую работу. Но это не так. Мы не можем сказать, что применили ту или иную ветхозаветную историю в своей жизни, пока не изменим свои взгляды на реальность согласно ее учению. Мы знаем, что ветхозаветные истории учат нас посвящать Богу один день в неделю, но многие верующие считают это тяжелым бременем. Мы понимаем ветхозаветное мнение о Божьей справедливости, но сомневаемся, что Бог действительно справедлив во всех Своих путях сегодня. Итак, одного понимания текста недостаточно; наш разум становится освященным только тогда, когда наше мышление сообразовывается с учением Писания.

Сферы. Применение Писания к мышлению имеет три основные сферы. Как мы уже увидели, ветхозаветные истории предлагают информативное, указательное и эмоциональное значение для современной жизни.

Во-первых, мы должны принимать информацию, которую эти истории предоставляют о современной жизни. У всех верующих есть какие-то заблуждения в понимании Бога, мира и человечества. Мы думаем, что Бог поступит так, но Он поступает совсем иначе. Мы считаем, что изучили самих себя, но на самом деле в человеке есть много тайн. К примеру, у многих христиан не укладывается в голове, как Бог мог повелеть кому-то принести своего ребенка в жертву. Но мы должны отложить свои собственные представления и принять эту информацию о Боге, какой бы странной она ни казалась. Ветхозаветные истории предоставляют правильные взгляды на все, что нас окружает. Мы обязаны принимать эту информацию и соответственно изменять свое мышление.

Во-вторых, преображение нашего мышления включает в себя принятие всех указаний, которые нам даются в тексте. Ветхозаветные истории многое говорят о наших нравственных обязанностях. Мы можем считать некоторые поступки правильными, но затем обнаружить, что Писание учит другому. Но иногда мы также находим в Писании подтверждение своим убеждениям. Отношение Иосифа к своим братьям в последней главе Бытия учит нас смиряться и прощать других. Мы часто попадаем в такие обстоятельства, которые заставляют нас игнорировать эту обязанность. И именно в таких ситуациях у нас есть возможность доказать, что мы следуем правильному учению.

В-третьих, мы должны принимать эмоциональное значение ветхозаветных историй. Иногда мы думаем, что правильно относимся к некоторым вещам, но затем обнаруживаем, что Писание учит нас изменить это отношение. Например, мало кто из нас считает жертвование собственных денег радостным событием, но повествование летописца о пожертвованиях народа на храм (1Пар.29:1–9) учит нас давать от себя с радостью. Мы должны не просто понимать то, что говорит текст о человеческих чувствах, мы должны соглашаться и сообразовываться с его учением.

Применение ветхозаветных историй к мышлению заключается в нашем умственном соглашении с тем, что эти истории нам говорят. При внимательном изучении мы обнаруживаем в них информативное, указательное и эмоциональное значение для нашей современной жизни. И в ответ мы утверждаем, что эти истории правдивы. В процессе сообразования нашего мышления с Писанием нас сопровождают некоторые вопросы. Что должно измениться в нашем мышлении, чтобы оно соответствовало информативному значению текста? Что мы должны изменить в своих взгляды, чтобы соответствовать нравственным указаниям этих историй? Как мы можем согласовать свои чувства с их эмоциональным значением?

Применение к поведению

Применение ветхозаветных историй в современной жизни требует не только нашего умственного согласия; это только начало. Бог также требует, чтобы с Его откровением были сообразованы наши действия. Давайте рассмотрим важность и сферы применения ветхозаветных принципов в поведении.

Важность применения историй Ветхого Завета в нашем поведении становится очевидной, когда мы осознаем, что далеко не всегда живем в соответствии с тем, во что верим. Все верующие знают гораздо больше, чем применяют на самом деле. В некоторой степени это неизбежно; в нашем поведении всегда будут недостатки. Тем не менее, мы не должны довольствоваться простым соглашением со своей стороны с истиной ветхозаветных историй. Это соглашение должно отражаться в действиях. Как сказал Иаков: «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя» (Иак.1:22).

Многие евангельские верующие не осознают важности святой жизни из-за своих фундаментальных теологических заблуждений. Будучи полностью убеждены, что спасение дается «по благодати... через веру» (Еф.2:8), они принимают Божью милость за позволение грешить. Писание четко учит, что мы не можем заработать спасение; надеяться на вечную жизнь мы можем только благодаря работе Христа. Тем не менее, в Писании также четко сказано, что искупленные Христом люди приносят плоды праведной жизни: «Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф.2:10). Упование на спасение во Христе обязывает нас к совершению добрых дел. Спасительная вера не делает нас совершенными в поступках, но она направляет наше поведение в праведное русло.

Сферы. Применение Писания к поведению также имеет три основные сферы. Мы соотносим наше поведение с информативным, указательным и эмоциональным значением ветхозаветных историй.

Во-первых, информация ветхозаветных текстов учит нас правильному поведению. Обратите внимание на Быт.1:1–2:3. В этом отрывке говорится, что Бог является Творцом всего. Когда наша жизнь затемняет или перечеркивает эту истину, мы не можем сказать, что на самом деле применяем эту информацию в своем поведении. Кроме того, нам говорится, что Бог назвал сотворенный Им порядок хорошим. Наше поведение никогда не должно нарушать этого естественного порядка. Мы также читаем, что люди сотворены по образу Божьему. Мы должны всегда помнить об этом в обращении с другими людьми и даже с собой. Наше поведение должно соотноситься с информацией, которую мы черпаем из историй Ветхого Завета.

Во-вторых, указательное значение ветхозаветных историй должно также отражаться в наших действиях. История о вторжении Сусакима (2Пар.12:1–12) учит, что грешники должны смириться и искать Божьей милости. Применять эту историю в поведении означает молиться и просить прощения. Повествование о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) учит нас не превозносить собственное имя в неповиновении Богу. Современные христиане должны вести себя так, чтобы вся слава была только имени Бога.

В-третьих, эмоциональное значение ветхозаветных историй часто требует от нас особого поведения. Смерть Надава и Авиуда (Лев.10:1–20) учит нас страху и высокому уважению к святости Бога в поклонении. Применение этого отрывка в поведении означает поклонение Богу в совершенном благоговении и трепете перед Ним. Внедряя ветхозаветные истории в современную жизнь, мы должны сосредотачиваться на переменах в поведении, которых требует их информативное, указательное и эмоциональное значение. В достижении этой цели нам помогут некоторые соответствующие вопросы. Каких действий требует от нас информация той или иной истории? Как должен измениться стиль нашей жизни в свете указаний этой истории? И как должно проявляться в нашем поведении ее эмоциональное значение?

Эмоциональное применение

Ветхозаветные истории были также предназначены для применения на эмоциональном уровне. Они должны были влиять на наши взгляды, побуждения и отношения.

Важность. Эмоциональное применение необходимо для нас, потому что мы нуждаемся в руководстве на уровне чувств. Бог создал нас эмоциональными существами, и Он желает обновить эту сферу нашей жизни во Христе. Иногда наши собственные чувства начинают причинять нам ущерб, и тогда ветхозаветные истории могут предложить незаменимую поддержку.

К сожалению, многие христиане считают, что эмоции неприкосновенны. Мы позволяем своим чувствам блуждать в любом направлении. Однако во Христе мы не просто призваны к принятию евангельской истины и поведению согласно ей; мы также призваны любить Бога и Его пути, и ненавидеть грех. Будучи христианами, мы должны подчинить свои эмоции Святому Духу так же, как подчиняем наше мышление и поведение.

Пренебрежение эмоциональным применением создает верующим серьезные проблемы. Мы не можем обойтись без ободряющих слов и строгих предупреждений, которые видны в Писании. Мы живем в мире, исполненном трудностей и разочарования. Каждый верующий иногда ощущает внутри пустоту: нет больше ревности, нет любви, нет силы. В такие моменты эмоциональные стороны ветхозаветных историй способны согреть наши сердца и подтолкнуть нас к обновленной ревности за Христа. Иногда наши сердца ожесточаются по отношению к Богу. Когда мы увлекаемся грехом, нам безразличны вопросы веры. Наша

любовь к Богу меняется на привязанность к миру. Когда это случается, применение ветхозаветных историй на эмоциональном уровне может вернуть нас на правильный путь.

Сферы. Эмоциональное применение охватывает те же сферы, что и применение ветхозаветных историй к поведению и мышлению. Когда мы внимательно читаем Писание, наши чувства затрагиваются его информативным, указательным и эмоциональным значением.

Во-первых, информация, которую мы извлекаем из ветхозаветных текстов, способна влиять на наши эмоции. К примеру, читая книгу Судей, мы видим, что нам нужен был благочестивый царь, который бы управлял нами, и таким царем стал Христос. Это не просто сухой факт; он напоминает нам о том, что Христос — это наша единственная надежда. Что может вызвать у нас больше радости и уверенности, чем осознание того, что Он обеспечил наше избавление и безопасность? Бытие (2:4–3:24) учит нас, что трудности в жизни возникли из-за нашего бунта против Бога. Мы не можем думать об этом без ощущения стыда и благодарности Богу за Его искупительную благодать. Все эти факты, несомненно, затрагивают наши эмоции.

Во-вторых, указательное значение этих историй также вызывает наши эмоции. Из повествования о царствовании Асы (2Пар.14:2–16:14) мы видим, что Божий народ должен прислушиваться к словам Его пророков. Какие чувства у нас это вызывает? Возможно, это ободряет нас, потому что Бог не оставил нас без руководства. Мы также можем испытывать осуждение за свой отказ от повиновения Его Слову. В истории об Иуде и Фамари (Быт.38:1–30) мы видим требование сексуальной нравственности. Какая эмоциональная реакция у нас возникает при этом? Те, кто целомудрен, радуются; а безнравственные и развращенные должны трепетать от страха.

В-третьих, нам необходимо применять эмоциональное значение ветхозаветных историй. Применение эмоциональных граней выходит за пределы понимания и касается наших чувств. Повествование об испытании Авраама дает нам уверенность в будущем. Но мы можем сказать, что применили эту историю, только когда действительно ощущаем такую уверенность. История о том, как Давид радовался во время внесения ковчега в Иерусалим (2Цар.6:12–19) показывает нам, как должен радоваться Божий народ, когда входит в Его присутствие. Мы должны не только знать, что нужно радоваться, мы должны ощущать эту радость.

Толкователи должны уделять огромное внимание применению ветхозаветных историй на уровне мышления, поведения и эмоций. При этом мы должны научиться делать ударение на том или ином аспекте применения в зависимости от потребностей тех людей, которых мы учим. Верующие имеют разные сильные и слабые стороны на разных жизненных стадиях. И мы, как толкователи и учителя Слова, должны чувствовать эти тонкости. Когда кому-то необходимо интеллектуальное исправление, мы должны обратить его внимание на применение историй к мышлению. Если люди слабы в поведении, мы должны говорить больше об этом аспекте. А верующим, у которых есть эмоциональные нужды, необходимо служить на этом уровне.

Если мы не замечаем насущных нужд верующих, это может причинить серьезные трудности в жизнедеятельности церкви. Слишком большое внимание применению ветхозаветных историй к мышлению может привести к интеллектуализму; наша вера будет умалена до простых идей и умозаключений. Чрезмерное ударение на аспекте поведения может привести к законничеству; сутью религиозной жизни будет только соблюдение того, что правильно. Возвышение эмоционального значения над остальными видами применения приводит к эмоциональности; верующие становятся сосредоточенными исключительно на своих чувствах.

Каждый уровень применения играет существенную роль в освящении и сообразовании со Христом. Мы должны следить за тем, чтобы и не преувеличивать, и не пренебрегать каким-либо из аспектов применения. Мы должны сосредотачиваться на мыслях, поступках

или чувствах по мере того, как возникают соответствующие нужды. Готовясь к проповеди, основанной на ветхозаветной истории, мы можем избежать крайностей, если зададим себе три простых вопроса. Каких аспектов современного мышления касается эта история? Что в ней говорится о современном поведении? Каким эмоциональным нуждам моих слушателей служит этот текст (см. рис. 66)?

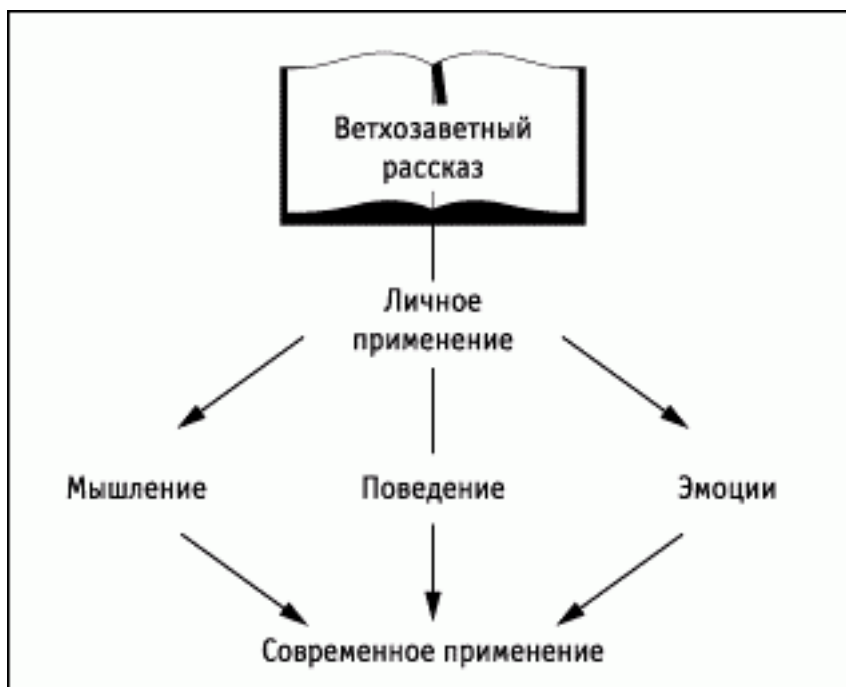

Рис. 66: Уровни личного применения

Заключение

В этой главе мы рассмотрели личное применение ветхозаветных историй. Мы увидели, что на пути этого аспекта толкования стоит множество преград. Но мы можем преодолевать эти препятствия, учитывая разнообразие среди первоначальной аудитории, приспосабливая эти истории к нашей эпохе и культуре, а также обращая внимание на различные нужды современных читателей. В завершение, мы должны предоставлять проливать свет на наше мышление, поведение и эмоции ветхозаветным историям. Постоянно учитывая эти основные факторы, мы сможем применять истории Ветхого Завета и, таким образом, служить еще большему освящению Божьего народа и приносить славу Богу.

Вопросы

1. Назовите три препятствия, которые часто мешают современным верующим практически применять ветхозаветные истории. В чем эти барьеры препятствуют вашей личной работе с Ветхим Заветом?
2. Назовите три основных шага, ведущих к эффективному личному применению ветхозаветных историй? Проиллюстрируйте каждый из этих шагов любой историей, приведенной в этой главе.
3. Назовите три уровня личного применения. В чем заключается важность каждого из них? На основании чего мы должны выделять тот или иной уровень среди всех остальных?

Упражнения

1. Подведите итог первоначального значения Быт.2:4–3:24, следуя структурному анализу, предложенному в главе 10.
2. Назовите некоторые из различных групп людей, для которых Моисей непосредственно написал Быт.2:4–3:24. Что мог говорить этот отрывок каждой из названных вами групп во времена Моисея?
3. Какие изменения в эпохе и культуре необходимо учитывать при применении Быт.2:4–3:24 к современным читателям?
4. Какие различия среди современной аудитории требуют разного рода применения Быт.2:4–3:24? Какие аспекты применения ветхозаветных историй к мышлению, поведению и эмоциям могут быть выделены согласно потребностям современных читателей?

Об авторе

Ричард Пратт занимает должность помощника профессора на кафедре Ветхого Завета при Реформированной Теологической Семинарии в Орландо, штат Флорида. Он получил докторскую степень в изучении Ветхого Завета в Гарвардском Университете, он также является магистром богословия в Объединенной Богословской семинарии и имеет степень бакалавра по философии и религии в Колледже Роаноки.

Доктор Пратт опубликовал свои статьи в нескольких теологических журналах и написал две другие книги «Плением каждое помышление» и «Молитесь, не закрывая глаз». В своих работах он освещает не только простоту и ценность теологических дисциплин, но также свой богатый опыт пастора и руководителя христианского обучения.

Ричард, его жена Джина и их дочь Бекки живут в Лонгвуде, штат Флорида, и являются членами пресвитерианской церкви Оранжвуд.